

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2013
№16

2013 № 4 (16)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Технический директор
Сергей Каунов

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
Е.С. Галкина, О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЛОБА ДНЯ

Сергей Сергеев

Бирюлёво как интеллектуальный выбор3

Владимир Кузнецhevский

Миграционная проблема: ретроспектива и перспектива6

Павел Святенков

Европа осознала пагубность мультикультурализма16

Тема номера. **НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Константин Крылов

Кто такие русские?19

Олег Неменский

Русская идентичность40

Мария Лескинен

«Волга — русская река»50

Максим Жих

«Бегство из русских» как социокультурный феномен77

Семён Резниченко

Русский менталитет как он есть89

ПЕРЕВОДЫ

Кевин Макдональд

Что делает Западную цивилизацию уникальной?98

НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ

Владимир Близнеков

Швейцарская народная партия: опыт политического успеха118

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Александр Севастьянов

Конституция русского национального государства. Статья вторая131

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Настасья Иванова

Между Кондопогой и Манежкой: Когда мигрантов слишком много151

СССР ЖИВ?

Станислав Смагин

Виновные нации156

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Сергей Петров

«Ненужные люди»175

РУСОФОБИЯ

Светлана Волошина

Был ли Владимир Печерин русофобом?186

ЮБИЛЕИ

Андрей Тесля

Иван Аксаков и его роль в истории русского национализма196

ПОЛЕМИКА

Иван Русаков

Столыпин: незаконченная модернизация205

ОТКЛИКИ

Сергей Сергеев

Ещё раз об интеллектуальном коллаборационизме222

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов

Не те русы227

Авторы номера238

Summary240

Сергей Сергеев

Бирюлёво как интеллектуальный выбор

То, что народное восстание в Бирюлёве обозначает начало какого-то нового этапа в истории сопротивления русского народа государственной политике азиатизации России, что это событие, находясь в одном ряду с Кондопогой и Манежкой, превосходит последние по значимости, — очевидно всем внимательным наблюдателям. Но, кроме всего прочего, это и начало нового этапа в истории российской интеллигенции. В данном случае воля народа обнаружилась со «стеклянной ясностью», социальная и моральная правота бирюлёвцев понятна, как дважды два — четыре. Поэтому те представители интеллигентского сообщества, которые зашлись в истерически-толерантном лае по адресу «погромщиков», «нацистов», «быдла», автоматически лишаются права считаться «демократами», «либералами», «патриотами», «левыми» и просто порядочными людьми.

Это совершенно не значит, что все прежние идейно-политические различия стираются и остаётся единственный водораздел — «за» и «против» бирюлёвцев. Это значит только то, что теперь на любые идеологические градации всерьёз могут претендовать лишь те, кто выбрал первую позицию, мнения же адептов второй не должны рассматриваться в качестве хоть сколько-нибудь авторитетных и значимых.

В самом деле, если видеть функцию интеллектуалов в том, чтобы быть голосом национального большинства, то можно ли признать за таковых ярых

руссофобов? А если предназначением интеллектуалов считать отстаивание прав большинства социального, то как в их рядах могут состоять оголтелые социальные расисты? Наконец, если миссия интеллектуалов в том, чтобы блюсти права человека, проповедовать истины права и морали, то как к ним могут быть причислены циничные отрицатели главного права человека — права на жизнь — защитники убийц и насильников?

Чьи же тогда интересы выражают наши борцы за толерантность? Интересы этнических криминальных группировок и коррумпированного чиновничества? Нет, мы не можем поверить в подобную неблагородную ангажированность! Но тогда *кого* или *что* они представляют? Выходит, что только самих себя, свою собственную извращённую оригинальность. Что ж, в «цветущей сложности» русской общественной мысли это тоже не лишнее, но всё же маргиналы должны знать своё место, и не надо забывать вежливо, но твёрдо им на него указывать.

Я понимаю, что сейчас ещё выдаю желаемое за действительное, что псевдолибералы, псевдолевые и псевдоконсерваторы покамест остаются хозяевами дискурса. Но что-то непоправимое уже случилось, великий перелом свершился — уж слишком они оголились, а главное, уж слишком изменился воздух времени — то, что раньше казалось возможным говорить только «отмороженным наикам», говорят повсеместно «граждане вне всяких поздравлений». И не только уже давно за-

меченные в неполицорректности Навальный и Латынина.

Вот либерал Эдуард Надточий практически неотличимо от Павла Святенкова констатирует: «Кавказские мигранты — колониальная сила режима, превратившегося в простую оккупационную власть, не имеющую и не желающую иметь с туземцами ничего общего» (<http://www.apn.ru/publications/article30319.htm>).

Ему вторит некогда любимый философ Суркова Андрей Ашкеров: «...речь идёт не просто о символах, но о колониальных институтах, в которых роль колонизатора играет не только администрация (тождественная “бизнесу”), но и мигранты, играющие роль приглашённого администрацией населения и уже тем самым бросающие вызов коренному жителю» (<http://www.apn.ru/publications/article30307.htm>).

Марксистка Елена Галкина считает вполне законным и справедливым «раздражение жителей рабочих окраин наглым беззаконием непрошенных гостей с юга, покрываемым коррумпированной номенклатурой» (<http://www.apn.ru/publications/article30301.htm>).

Неожиданно здраво и трезво рассуждает левый Кирилл Мартынов: «Те, кто утверждает, что в Бирюлёво действуют исключительно провокаторы, совершают, на самом деле, страшную вещь. Они отказывают жителям Бирюлёво в субъектности... Фашизм, дорогие друзья, состоит именно в таком отношении к соотечественникам, которых, вероятно, действительно припекло» (<http://svpressa.ru/blogs/article/75858/>).

Ну а более всех, конечно же, впечатлил своей декларацией Олег Кашин:

«...осенью 2013-го я не готов ассоциировать себя ни с государством, ни с бывшей средой “Жан-Жака”, ни с кем-то ещё — не с кем. Единственная человеческая общность, говоря о которой, я готов сегодня сказать “мы”, — это русский народ. Есть гипотеза, что люди из Бирюлёва Западного и есть

русский народ. Несимпатичные, с неправильной речью, с неясными требованиями и странно себя ведущие. Но кроме этих людей у меня никого нет...

Измеряя свой народ мерой всех вещей, я нахожу его вполне симпатичным, а в сравнении с властью, оппозицией или либеральной интеллигенцией — так вообще идеальным.

Да здравствует русский народ» (<http://svpressa.ru/society/article/75852/>).

Понятно, что мотивы, заставившие тех или иных интеллектуалов осознать своё родство с повстанцами-бирюлёвцами, разные: кто-то действительно искренне «вдруг» почувствовал себя русским; кто-то принципиально борется за справедливость «вообще»; кто-то видит в этом восстании искру, из которой можно раздуть пламя антипутинской революции; кто-то просто держит нос по ветру и желает быть в мейнстриме... Но это уже не важно, важно, что подобный дискурс перестаёт быть достоянием националистов, он становится легитимным интеллектуальным трендом.

И я, как националист, этому только радуюсь. Хотя я-то исхожу из совершенно иных предпосылок — из пристрастной и эксклюзивной верности *своим* и *своему*, что бы ни случилось. Но в трудную минуту любая дельная помощь полезна. Меня не волнует возникающая здоровая конкуренция на моём идеологическом поле. Я не хочу задавать укоряющих вопросов: а где вы раньше, ребята, были, а чем Бирюлёво так уж принципиально отличается от Кондопоги и Манежки, когда вы в лучшем случае молчали?.. Лучше поздно, чем никогда...

Сколько бы интеллектуалы ни воображали себя «свободно парящими», они перманентно — тайно или явно — тоскуют по почве. Но Кашин абсолютно прав, сегодня почвой не может быть государство, которое собственно и занимается вполне успешным изведением интеллигенции как класса, и уж тем более полубогемные завсегда

«Жан Жака»... Реальная почва — это этническое и социальное большинство России — русский народ, который наконец-то просыпается от путинского наркоза, протирает глаза и с ужасом видит, что его не только обворовали, но уже приговорили к закланию и даже занесли над ним совсем не фигуральный нож.

Вы готовы стать честным, ответственным голосом и поводырём этого великого, но пока немного, могучего,

но пока по-детски беспомощного народа? Его советником, экспертом, адвокатом? Вы готовы стать *русской национальной интеллигенцией*? Только на этом пути вы сможете превратиться из кучки никому, кроме себя, неинтересных болтунов — в действительно-го агента политического действия и оставить после себя след в истории, а не груды окурков, недопитые бокалы, а также профили, статусы, лайки, каменты...

**Сайт журнала
«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»:
<http://vnatio.org/>**

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

Владимир Кузнецовский

МИГРАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

Многочисленные в последние пять лет замеры общественного мнения, проводимые в крупных российских мегаполисах, показывают, что граждан нашей страны во всё большей степени заботит неумение (или нежелание) местных властей приступить к разрешению по меньшей мере трёх проблем:

— коррупция во всех её проявлениях;

— рост цен на услуги ЖКХ;

— засилье выходцев из бывших союзных республик Средней Азии и российских республик Северного Кавказа в местах компактного проживания русского населения¹.

Причем последняя проблема с пугающей быстротой распространяет свою географию в пространстве и во времени. Об этом говорят учащающиеся столкновения русского населения с инонациональными элементами как в мегаполисах Российской Федерации, так и в средних и малых городах, сёлах и деревнях. В последние

годы конфликты на межнациональной почве, получившие широкую прессу и вызвавшие острую реакцию российской общественности, прошли в десятках городов и сёл — в Кондопоге (Карелия), Торжке (Тверская область), Сагре (Свердловская область), Сальске (Ростовская область), селе Яндыки (Астраханская область), Пугачёве (Саратовская область), Ставропольском крае, наконец, в Москве (наиболее яркий эпизод — недавние события в Бирюлёве)...

Причём если в первые два десятилетия существования Новой России такие конфликты государствообразующего народа с инонациональными элементами возникали только в традиционно русских населенных пунктах, то с лета 2013 г. они стали происходить и в национальных республиках РФ. Так, в мае 2013 г. жители населённого пункта Курманаево Нурлатского района Татарстана (в 180 км от Казани) выгнали из села мигрантов-таджиков, обвинив их в том, что с их появлением в селе стало небезопасно жить. А в августе подряд три межнациональных конфликта вспыхнули уже в районном центре всё того же Нурлатского района (33 тысячи жителей) между местным населением и мигрантами с Кавказа.

С течением времени ситуация в этом плане не только не рассасывается, а продолжает обостряться.

Согласно опросу российских граждан, который Фонд «Общественное мнение» провел 17–18 августа 2013 г., почти две трети граждан (65%) относятся с настороженностью к мигран-

¹ Ситуация объяснимая. 11 сентября 2013 г. Отдел народонаселения департамента ООН по экономическим и социальным вопросам (ЭКОСОС) опубликовал доклад, где сообщил, что Россия занимает второе место в мире по числу проживающих на её территории мигрантов — 11 млн. человек. Первое место занимают США — 45,8 млн. мигрантов, третье — ФРГ (9,8 млн.), затем — Великобритания (7,8 млн.), Франция (7,4 млн.). Всего в мире в 2013 г. насчитывается 232 млн. мигрантов, или 3,2% от всего населения планеты (URL <http://news.mail.ru/society/14728129/?frommail=1>).

там, больше половины россиян (51%) против того, чтобы в их регионах открывались лагеря для нелегальных мигрантов².

В этой связи нельзя не задаться вопросом: откуда, образно говоря, растут у этой проблемы ноги. И действительно, а откуда взялся такой поток мигрантов из бывших союзных республик Средней Азии и Кавказа и российских республик Северного Кавказа во внутренние регионы РФ, и в Москву в частности? Почему его в таких масштабах не было в советскую эпоху, а после 1991 г. в него включились миллионы людей с национальных окраин бывшего советского государства? И почему этот миграционный поток вызывает такое сильное раздражение у русского населения?

Причин, конечно, много. В том числе психологического характера.

Дело в том, что на заработки к нам приезжают мигранты из тех ныне независимых стран, где в начале 1990-х годов в отношении русских людей совершались акты геноцида в чистом виде. Российская пресса только сейчас стала наконец писать о том, что в 1990-х гг. русские в бывших республиках СССР пережили настоящий геноцид. В Таджикистане в 1989 г. проживало около 400 тыс. русских, к 2000 г. осталось 68 тыс. Средства массовой информации отмечают: «...полно свидетельств, что русских вырезали целыми семьями только лишь за национальность. В Узбекистане головы “колонизаторов” выставляли на рынках напоказ. “Не покупай квартиру у Маши, всё равно будет наша” — было написано на заборах по всему бывшему Союзу. Азербайджан, Киргизия, Молдова — до сих пор российские власти не оглашают даже оценочных данных, сколько соотечественников погибло в результате этнических чисток»; «По оценкам правозащитников, только в Чечне в 1991–1994 гг. погибли 20 тысяч

славян и 250 тысяч покинули республику... Факт геноцида официально не признан до сих пор. Хотя в 2005 г. группа бывших жителей Грозного обратилась к президенту РФ именно с такой просьбой»³.

Но основные причины конфликтов русского этноса с иноязычными мигрантами носят, как мне представляется, не психологический, а фундаментальный характер и кроются в *ленинско-сталинской национальной политике*, навязанной большевиками после Гражданской войны государствообразующему русскому этносу. Именно для материализации этой политики руководство большевистской партии и создало по окончании Гражданской войны Союз Советских Социалистических Республик. Именно последствия этой политики мы и расхлёбываем вот уже третий десяток лет (после 1991 года).

«Большевики создавали национальные элиты там, где их никогда не было»⁴

Выведенные в подзаголовок слова принадлежат современному американскому исследователю профессору Гарвардского университета (США) Терри Мартину. Его переведённая недавно на русский язык монография представляет собой практически единственное в западной исторической литературе исследование, автор которого обратил внимание на то, что в отличие от всех классических империй (Римской, Британской, Германской), которые постоянно выкачивали из своих колоний прибавочный продукт в пользу метрополии, Советский Союз представлял собой абсолютно новый вид империи — «империи позитивного воздействия», когда метрополия на дарственной основе в течение почти семидеся-

³ Аргументы недели. 22.08.2013.

⁴ *Терри Мартин*. «Империя положительной деятельности». Нации и национализм в СССР 1923 — 1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 38.

² Коммерсантъ. 27.08.2013. С. 5.

ти лет отдавала большую часть своего прибавочного продукта народам национальных окраин, истощая жизненные силы метрополии.

С самого начала образования Советского Союза все окраинные (да и внутренние административные) национально-территориальные образования, откуда сегодня хлынул в Москву и в другие российские города и веси мощный поток иноязычных мигрантов, всегда представляли собой отсталые в экономическом и социальном отношении территории с необразованным, а чаще всего и просто неграмотным населением. Но пришедшие после Гражданской войны в Советской России к власти большевики во главе с Лениным и Троцким отдавали себе отчет в том, что объединённые в одном государстве столь разнокачественные по уровню развития территории только с помощью военной силы удержать в одном властном кулаке не удастся, и постановили решить эту политическую задачу за счёт основного народа бывшей Российской империи — русских.

Пришедший на смену Ленину и Троцкому Сталин поначалу сопротивлялся созданию СССР в ленинском организационном ключе, но потом сообразил, что как-либо по-иному ему и самому не удержаться на вершине политической власти, и встал на ту же точку зрения. В 1923 г., сразу после образования СССР, был сформирован общесоюзный бюджет, а через полгода в его рамках постановлением ВЦИК от 21 августа 1923 г. создан Союзно-республиканский дотационный фонд СССР⁵, средства из которого были предназначены для экономического и социального развития кавказских, среднеазиатских и других союзных республик, включая Украину. Весь этот Фонд формировался за счет РСФСР (из союзных республик про-

сто нечего было брать). В отличие от РСФСР, в бюджеты союзных республик полностью зачислялись сборы налога с оборота (один из основных источников бюджетных поступлений), также полностью оставался в национальных республиках подоходный налог. И хотя российская экономика играла решающую роль в формировании упомянутого Фонда, дотациями из него РСФСР никогда не пользовалась. Как откровенно признавал в 1930-е гг. Г.К. Орджоникидзе, «Советская Россия, пополняя наш (Грузинской ССР) бюджет, дает нам в год 24 млн рублей золотом, и мы, конечно, не платим ей за это никаких процентов... Армения, например, возрождается не за счет труда собственных крестьян, а на средства Советской России»⁶.

Доктор экономических наук профессор В.Г. Чеботарева на международной конференции в Москве в 1995 г. привела расчеты, которые показали, как протекал процесс перекачки прибавочного продукта из РСФСР в союзные республики.

Во-первых, денежные вливания в чистом виде. Опубликованные отчеты Минфина СССР за 1929, 1932, 1934 и 1935 гг. показывают, что в указанные годы Туркменистану в качестве дотаций было выделено 159,8 млн рублей, Таджикистану — 250,7 млн, Узбекистану — 86,3 млн, ЗСФСР — 129,1 млн рублей. Что же касается, например, Казахстана, то до 1923 г. эта республика вообще не имела своего бюджета — финансирование ее развития шло из бюджета РСФСР.

Но речь шла не только о денежных вливаниях. На протяжении десятков лет, кроме чисто денежной дани, Россия отдавала союзным республикам «свой, — пишет Чеботарева, — самый драгоценный капитал — высококвалифицированных специалистов. В 1959 г. за пределами России находилось

⁵ См.: Образование Союза Советских Социалистических республик: Сб. документов. М., 1972. С. 23–24.

⁶ См.: Куличенко М.И. Образование и развитие Союза ССР. Ереван, 1982. С. 258.

16,2 млн. русских, в 1988 г. — 25,3 млн. За 30 лет их численность увеличилась на 55,5%... Представители российской диаспоры (в национальных республиках) создавали значительную часть их национального дохода. Например, до 1992 г. 10% русского населения Таджикистана производили до 50% внутреннего национального продукта».

В.Г. Чеботарева отметила ещё один, побочный, но существенный эффект: «Русский народ, которому был навязан комплекс “исторической вины” за злодеяния царизма, сделал всё, чтобы покончить с вековой отсталостью братских народов. Но на этом благородном поприще русский народ утратил элементарное чувство самосохранения; под влиянием политической пропаганды он впал в беспамятство и погубил многие национальные традиции, среду своего исторического обитания»⁷.

Через 15 лет выкладки Чеботаревой получили подтверждение у других исследователей. В октябре 2010 г. в Академии повышения квалификации работников образования прошла международная научно-практическая конференция под названием «Неконфликтное прочтение совместной истории — основа добрососедства», на которой историки из Москвы, Саратова и Таллина представили доклад под редакцией профессора А.А. Данилова, где по рассматриваемой теме были приведены факты, которые показывают, за счет чего развивались в советскую эпоху те самые прибалтийские союзные республики, которые сегодня то и дело тшятся выставить счет России за якобы их разорение в годы пребывания в составе СССР.

Так, в 1987 г. в Латвии поступления из РСФСР и Украины составили 22,8%

от величины всего произведенного национального дохода республики.

Не менее впечатляющи цифры межреспубликанского обмена. В 1972 г. Эстония ввезла товаров на 135,2 млн рублей больше, чем вывезла, Литва — на 240 млн, Латвия — на 57,1 млн рублей. С годами разрыв между ввозом и вывозом только возрастал. Например, накануне распада СССР, в 1988 г., для Эстонии этот разрыв составил уже 700 млн рублей, для Литвы — 1 млрд 530 млн рублей, для Латвии — 695 млн рублей⁸.

Иными словами, вся государственная национальная политика СССР по всем направлениям строилась на удовлетворении интересов национальных окраин, а интересы коренного населения РСФСР приносились в жертву этому абсолютному меньшинству. В то время как промышленность и инфраструктура союзных национальных республик жирела и пухла, исконно русские города и веси нищали.

В 1997 г. известный писатель и ученый Александр Кузнецов писал:

«Горько становится на душе, когда видишь старые русские города. Старинные дома с обвалившейся штукатуркой, деревянные одноэтажные дома ушли по окна в землю, а двухэтажные покосились и пропахли уборной. Картина знакомая. Так выглядят сейчас все старые русские города, не то что кавказские или среднеазиатские.

Ереван целиком построен в годы советской власти. Раньше он состоял из глинобитных и каменных одноэтажных домишек, а теперь возведен из благоустроенных многоэтажных и, заметьте, нетиповых домов, облицованных разноцветным туфом. И ни одного старого дома во всем городе. Советский период — золотой век для Армении. В Тбилиси оставили одну старую улицу, как памятник истории. Рестав-

⁷ Чеботарева В.Г. Россия: донор или метрополия // Материалы международного симпозиума «Куда идёт Россия?» / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 343–344.

⁸ Спасибо никто не сказал. Историки подсчитали, сколько нам должны Прибалтика и Средняя Азия // Известия. 20.10.2010.

рировали ее, выглядит как картинка. Всё остальное выстроено заново, как и в других кавказских городах.

О среднеазиатских республиках и говорить нечего — дворцы, театры, парки, фонтаны, всё в граните и мраморе, в каменной резьбе. Богатели, тяжелели 70 лет края государства, чтобы, насытившись, потом отвалиться. Россия же как была нищей, так и осталась».

Председатель Совета министров РСФСР в 1971–1983 гг. М.С. Соломенцев вспоминал, как в начале 1970-х гг. в поездке по Брянской области видел целую деревню, которая со времени Великой Отечественной войны жила в землянках. В своих мемуарах он пишет: «Когда Брежнев рекомендовал меня на должность предсовмина РСФСР, я поставил лишь одно условие: перестать затюкивать Россию. Леонид Ильич, помнится, не понял меня, спросил: “Что значит затюкивать?” Я объяснил: отраслевые отделы ЦК и союзное правительство напрямую командуют российскими регионами и конкретными предприятиями, руководствуясь больше интересами союзных республик, оставляя России лишь крохи с общесоюзного стола»⁹.

Впечатляющую картину нарисовал в этом плане первый премьер-министр ельцинского правительства Иван Силаев. Он обнаружил, что в течение всех лет Советской власти РСФСР ежегодно выплачивала союзным республикам, включая и прибалтийские, около 30% своего годового бюджета. В конкретных цифрах это составляло 46 млрд рублей в год. Пересчитав эти деньги по существовавшему в 1990 г. валютному курсу (один доллар США был равен 60 копейкам), премьер в июне 1991 г. доложил первому президенту России Борису Ельцину, что РСФСР ежегодно направляла на развитие союзных республик 76,5 млрд долларов.

После его доклада независимое правительство РСФСР потребовало в кор-

не изменить практику истощения экономического ресурса России и в дотационный фонд заложить только (только!) 10 млрд рублей. Да и то при условии, что республика, берущая средства из этого фонда, будет получать дотации не безвозвратно, а в кредит и обязуется заключить с правительством РСФСР соглашение о поставках своей продукции в счёт обязательного погашения кредита в оговоренный срок. Услышав это, республиканские лидеры, включая Украину и прибалтийские союзные республики, тут же потребовали от президента СССР М. Горбачева «поставить этих русских на место»¹⁰.

Какую задачу решают в России мигранты?

Но с распадом СССР картина изменилась. Теперь помощь бывшим союзным республикам оказывается Россией в косвенном виде — через льготы, преференции в торговле, политические кредиты в обмен на осуществление российских геополитических интересов на этих территориях. Однако эти средства «осваивает» только узкое руководство этих государств. Что в такой ситуации остаётся делать внезапно обнищавшим после распада СССР массам населения бывших национальных окраин? Вот оно, спасая себя и свои семьи от нищеты и голодной смерти, и кинулось на заработки всё в ту же Россию. Благо границ-то после распада СССР между РФ и этими теперь независимыми государствами практически не существует. Так и появились в России толпы мигрантов¹¹, которые фактически продолжают осваивать российский бюджет.

Главный редактор «Финансовой газеты» Николай Вардуль приводит

¹⁰ Независимая газета. 12.06.1992.

¹¹ Вызывающие доверие эксперты оценивают численность трудовых мигрантов в Москве в 1–1,5 млн. человек. Это примерно 10% населения столицы и около 20% от взрослого трудоспособного населения (МК. 02.10.2013).

такие цифры: по официальной статистике, переводы гастарбайтеров на родину в Таджикистане и Молдавии составляют 40–50% ВВП этих независимых государств, Киргизии — 35% ВВП, а в целом в 2012 г. по каналам личных переводов из России было вывезено 20,11 млрд долларов США¹². В 2012 г. только мигранты из Таджикистана и только по официальным каналам перевели из России в Таджикистан 4,6 млрд долларов.

Но это официально. А сколько неофициально? Российские средства массовой информации годами пишут о том, как в Подмосковье, например, нигде не зарегистрированные строительные бригады из Таджикистана, Узбекистана, Армении, Белоруссии, Украины трудятся над возведением и ремонтом дач, на строительстве дорог и т.д. Эксперты считают, что по неофициальным каналам эти гастарбайтеры увозят из России суммы едва ли не большие, чем в советскую эпоху РСФСР по приказу сталинского руководства перечисляла им официально.

Вопрос вопросов — а нам, в России, нужны эти гастарбайтеры-мигранты? Нам нужно тратить миллиарды рублей на их адаптацию у нас? В массе своей они ведь даже близко не воспринимают ни нашу духовную культуру, ни нормы нашего поведения. Они отработали и уехали к себе, по пути оставив после себя криминальный след в виде разбоев и насилий. Причём, по данным прокуратуры Москвы, в последние годы отмечено снижение количества преступлений в столице со стороны приезжих из других регионов РФ, практически не растёт число преступлений со стороны мигрантов из дальнего зарубежья, а вот число преступлений, совершённых гастарбайтерами из стран бывшего СССР, неизменно растёт. Так, за 8 месяцев 2013 г. (январь–август) мигранты из бывших союзных республик совершили 6724 пре-

ступления, в то время как в 2012 г. за тот же период — 4609. Прокурор Москвы Сергей Куденев сообщил, что каждое второе преступление в Москве совершается немосквичами¹³. Разумеется, сами мигранты с этим соглашаться не хотят. Так, председатель профсоюза трудовых мигрантов Ренат Каримов и глава юридического бюро «Аванти-Консалтинг», эксперт в сфере миграции Гаяр Ахсянов считают, что власти Москвы в этом вопросе прибегают к «жонглированию статистикой», что приводит к обострению антимигрантских настроений и росту ксенофобии. Однако подтвердить свои утверждения цифрами, фактами и анализом реального положения дел в этой сфере не могут¹⁴.

Всё сказанное относится не только к азербайджанцам, армянам, таджикам, узбекам, но и к пришельцам с нашего Северного Кавказа.

Хотя мэр Москвы С. Собянин считает, что Москва вполне может обойтись двумястами тысячами мигрантов¹⁵, в научном сообществе существует довольно мощное лобби, которое стремится убедить общественность в том, что без мигрантов из бывших советских республик столица не сможет справиться с объёмом работ. Но эти утверждения голословны. Никто ещё не взял на себя труд просчитать данную сферу. Похоже, что тут дело обстоит так же, как и с платой за коммунальные услуги. Цены за указанные услуги растут всё время, но обоснования этого роста отсутствуют. Недавно жители одного квартала в Москве взяли проверить обоснование этого роста и выяснили, что имеют дело просто с грабежом.

А история этого инцидента такова. Членам ЖСК «Проектировщик-2» по Большой Черкизовской улице стали приходить от управляющей компа-

¹² МК. 12.10.2013.

¹³ Коммерсантъ. 29.08.2013.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Аргументы недели. 05.10.2013.

нии платёжки за явно завышенное потребление коммунальных услуг. Так, если в 2009 г. тариф на горячую воду равнялся 74,67 руб. в месяц, то в январе 2012 г. тариф подскочил до 1128,475 руб., и это без НДС. Председатель ЖСК взял на себя труд проверить расчеты управляющей компании и по результатам своей проверки подал иск в суд. Суд разбирался долго, но таки разобрался и признал правоту жильцов, а не управляющей компании. Правда, ушло на эту тяжбу почти два года¹⁶.

Вот если нечто подобное произвести в отношении гастарбайтеров из республик Средней Азии, то скорее всего выяснится, что никакой надобности в дополнительной рабочей силе из-за рубежа у московских работодателей не было и нет, а речь идёт об элементарном жульничестве с их стороны и коррупции: иноземных гастарбайтеров работодатели нанимают только потому, что им, бесправным, можно платить намного меньше, чем гражданам Москвы или других регионов России, кладя при этом разницу в карман. Попросту говоря, московские работодатели хотят иметь голую прибыль в своей деятельности не 8–10%, как это имеет место быть во всем цивилизованном мире, а 300–400, а то и более, процентов и потому и организуют лоббирование в СМИ утверждений о том, что Москве ну никак не обойтись без низкоквалифицированной рабочей силы.

Это хапужное явление родом из «диких 90-х», порождённое нежеланием местных властей разобраться в сути дела, имеет повсеместное распространение. И не только на местном, но и на федеральном уровне.

22 августа 2013 г. лётчик-испытатель, Герой России Магомед Толбоев на вопрос о том, почему Росавиация и Минтранс планируют нанимать иностранных пилотов-гастарбайтеров, а наших военных лётчиков в гражданскую авиацию не берут, ответил так:

«Я задал этот вопрос Путину на прямой линии весной этого года. Он ответил тогда, что привлекать иностранцев надо, так как своих пилотов не хватает. Но президента ввели в заблуждение или он не понял проблемы. Есть госорган — Росавиация, которая призвана проводить госполитику в этой области от имени правительства и президента. Но такой политики нет. Никто не отвечает за конечный результат.

Мне звонят тысячи военных лётчиков, которые ушли в отставку, готовых летать. Не берут. Собираются нанимать воздушных гастарбайтеров. Но там настоящий лётчик получает 120 тысяч евро в месяц. Кто из них поедет к нам? Я категорически против. Лично для меня, как для российского офицера, — это оскорбление»¹⁷.

Разумеется, вопрос о привлечении чужой рабочей силы в Москву (и вообще в Россию) непростой. Но в последнее время появляется всё больше свидетельств в пользу того, что можно обойтись и минимальными количествами в этом деле. Мнение Магомеда Толбоева выше я уже привёл. А вот мнение, что называется, «с земли».

Московский предприниматель Роман Жигульский считает, что «тот бизнес, который сейчас существует (в Москве), вполне может обходиться имеющимися ресурсами. На моём предприятии, — отмечает он, — работают только россияне. Им приходится платить больше, но плодить несчастных, по моему мнению, непорядочно». Настоящая причина привлечения мигрантов, считает он, носит коррупционный характер. «Люди работают за копейки. Если они задействованы в ЖКХ, то, как правило, ГУПы и управляющие компании отмывают на них деньги. Так, если на одного дворника при его высоких объёмах работы выделяется 50–60 тысяч рублей в месяц, получает на руки он 15–24 тысячи»¹⁸.

¹⁶ МК. 28.08.2013.

¹⁷ Аргументы недели. 22.08.2013.

¹⁸ Аргументы недели. 22.09.2013.

«В настоящее время, — продолжает Р. Жигульский, — происходит замена зарубежных мигрантов на российских рабочих из внутренних областей России, но на этот процесс существенно влияет атмосфера, созданная отношением к иностранным мигрантам».

С этим мнением солидарны журналисты, занимающиеся исследованием данной проблемы. «Примерно год назад в каждом административном округе города были созданы Государственные бюджетные учреждения (ГБУ). Предполагалось, что в них с целью вытеснения с рынка мигрантов будут организованы рабочие места исключительно для москвичей». Рабочие прибывают из Брянской, Тамбовской, Тверской и других областей. Трудятся они вахтовым способом, «но система оплаты здесь такая же, как у мигрантов. В бумагах фигурирует одна сумма, на руки выдаётся другая. Причём оклады людей уменьшаются с приходом каждого нового начальника. Если в январе и феврале (2013 г.) зарплата (российского) рабочего составляла от 35 до 48 тысяч, то уже в марте и в мае она снизилась до 15–18 тысяч»¹⁹.

Социальная адаптация мигрантов или замена цивилизационного кода?

20 августа 2013 г. Правительством РФ была принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». В правительственном паспорте Программы значится, что на мероприятия, направленные на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, Правительство выделяет за счет средств федерального бюджета 4 млрд 581,1 млн рублей плюс 2 млрд 184,4 млн рублей из средств бюджетов субъектов РФ, то есть всего около 6,8 млрд рублей.

И далее указывается, что Программа направлена на «обеспечение системного участия институтов гражданского общества в социально ориентированной деятельности, включая вопросы укрепления гражданского и духовного единства российской нации, на противодействие экстремизму, воспитание патриотизма, сохранение духовных традиций народов России, интеграцию, адаптацию, социализацию и натурализацию мигрантов различной этнической и религиозной принадлежности и др.».

Самое интересное слово здесь — *адаптация*. Адаптация к чему? Видимо, к русской культуре. Но вот именно здесь-то и кроется основная проблема выработки политики городских властей по отношению к мигрантским диаспорам.

В российские мегаполисы и в сельскую местность хлынул миграционный поток из Средней Азии и с Северного Кавказа. Пришли сотни тысяч людей с иным, в сравнении с русским, образом жизни и поведения. Более того, поток оказался настолько мощным, что возникла даже угроза замещения русского образа жизни не только западноевропейским, американским, но еще и среднеазиатским и кавказским.

Фактически вопрос о миграции сегодня выглядит для нас как интенсивная эрозия и даже разрушение, распад традиционной национальной русской культуры. И если российское государство в настоящее время не поставит этому процессу препятствие в виде государственных мер, защищающих традиционные русские ценности, так оно и будет. Какими должны быть эти меры — сегодня не знает никто, потому что никто не задумывается об этом. До сих пор никто даже и не сформулировал такую задачу.

Между тем иноземная миграция по-прежнему нас торопит.

Очень симптоматичный заголовок поместила недавно «Литературная газета» — «Диаспоры против граждан».

¹⁹ Аргументы недели. 05.09.2013.

Заголовок говорящий. Инонациональные диаспоры действительно выступают не против городских властей, но против граждан. Власти-то с ними как раз отлично ладят. А вот граждан русской национальности хорошо организованные инонациональные диаспоры вполне успешно ограничивают в их естественных правах. Так, российская пресса переполнена сообщениями о том, как азербайджанские, чеченские, дагестанские и другие торговцы на московских рынках в буквальном смысле ставят шлагбаумы товарам русских фермеров из внутренних регионов России, демпингуют ценообразование на рынках, вынуждая русских фермеров или увозить товары из города обратно, или отдавать их за бесценок все тем же инонациональным торговцам. Я уже не говорю о навязывании мигрантами коренному русскому населению чуждого нам образа жизни, чуждых жизненных ценностей.

«ЛГ» справедливо пишет о резонансном значении возникающих конфликтов: «Внешне проявления подобных “взрывов” — бытовые драки, поножовщина, изнасилование, как и случаи неприязни людей различной национальности, — это лишь верхушка явления, далеко не отражающая суть реальных конфликтов отнюдь не эмоционального характера»²⁰.

Серьёзные фундаментальные исследования этой проблемы давно уже проводит головная социологическая организация страны — Институт социологических исследований РАН. В упомянутой выше публикации «Диаспоры против граждан» представитель этого Института Леонтий Бызов обращает внимание на то, что мигрантская проблема «отражает несовместимость по-разному организованных миров». «Как показали наши исследования, — пишет он, — этнические диаспоры в российских регионах образуют компактные общины, прочно связанные

землячеством, культурой, языком, располагающие высоким уровнем самоорганизации и сложившимися механизмами защиты интересов во взаимоотношениях с местными властями...».

В настоящее время от российского государства они зависят мало, «потому что во многом более самодостаточны и больше, чем обычные россияне, полагаются на собственные силы и взаимоподдержку, чем на помощь государства с его раздаточными функциями».

Этнические диаспоры часто контактируют с правоохранительными органами и «стремятся влиять на принимаемые ими решения. Механизмы влияния (на эти органы) нередко носят криминальный характер. Больше чем в половине случаев нужное для членов общин решение властей достигается с помощью взяток».

«Жизнь этнических диаспор слабо регулируется российским законодательством, что создаёт очаги неправовых отношений, имеющих сложный и разветвлённый характер».

К этим выводам следует добавить, что, живя по своим собственным законам, диаспоры де-факто имеют существенные социальные преимущества перед коренными жителями российских мегаполисов, поскольку первые в условиях конфликтов с местным населением, как правило, быстро объединяются и выступают совместно против коренного русского населения, а последнее пока еще атомизировано в своём поведении. Внушает тревогу, что местные власти при этом нередко индифферентно наблюдают за конфликтом между представителями этих разноорганизованных миров, а иногда принимают сторону инонациональных диаспор.

Лоббирование интересов диаспор перед местными властями часто способствует процессам материального расслоения населения в местах компактного расселения инонациональных диаспор (покупка представите-

лями последних земли, строительство дорогого жилья, приобретение дорогих автомашин, выпячивание своего богатства перед коренным населением).

Пока у русского коренного населения это вызывает раздражение против представителей диаспор, но в некоторых местах это раздражение конвертируется уже в раздражение против местной власти. Со временем в среде коренного населения обязательно обнаружатся лидеры, которые захотят войти в политическое поле на базе этого недовольства.

Модель взаимоотношений московского правительства с миграционными диаспорами в настоящее время находится в состоянии формирования. От того, как будет она выглядеть, во многом будет зависеть и состояние политического климата в столице. Выбор модели поведения городских властей в этом плане в общем-то невелик: либо жёстко требовать от инациональных диаспор подчиняться нормам исторической культуры коренного населения столицы, то есть русских (по переписи 2010 г. доля русского населения в Москве составляет 92%), либо в русле так называемой толерантности подстраиваться под нормы и обычаи поведения инациональных диаспор. Иными словами, или заигрывание с пришельцами, или требование подчиняться нормам поведения коренного населения.

Выводы и рекомендации

Московские власти должны озаботиться выработкой законодательных актов, которые:

а) защищали бы местное население от давления со стороны инациональных диаспор, навязывания этими последними своих норм общественной жизни русскому населению;

б) помогли бы коренному русскому населению эффективно преодолевать

переход от одной цивилизации (советской) к другой (капиталистической, рыночной);

в) создали бы правовые рамки поведения инациональных диаспор в их взаимоотношениях с коренным русским населением в соответствии с формами и нормами его тысячелетней исторической культуры;

г) помогли бы коренному русскому населению возродить традиционное русское самоуправление и механизмы его самоорганизации.

Ничего необычного в этих мерах сегодня уже нет. Кардинальные изменения по отношению к мигрантам в последнее время начинает претерпевать и мировая практика. «Африканская весна» 2011 года и массовый приток чернокожих мигрантов в страны Западной Европы настолько напряг социальную и политическую обстановку в этих странах, что население европейских городов уже начинает жёстко предъявлять очень серьёзные претензии к своим правительствам в Германии, Швеции, Дании, Франции: мы, заявляют люди, вас, правительство для чего выбирали? Для того, чтобы вы эффективно управляли обществом. А вы заблудились в ваших представлениях о демократии, заигрались в пресловутую толерантность и мультикультурализм и осложнили простую жизнь европейского обывателя.

На эти настроения начинают чутко реагировать политические деятели. Так, министр внутренних дел Франции выступил в конце августа 2013 г. с предложением внести радикальные изменения в законодательные акты о мигрантах. В частности, предложил отменить (упразднить) закон о воссоединении семей мигрантов, что на деле означает вообще прекращение приема мигрантов во Франции.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

Европа осознала пагубность мультикультурализма

«Национальный фронт» победил на выборах во французском городе Бриньоне. Лоран Лопес, кандидат от фронта, получил 53% голосов. Катрин Дельзер от «Союза за народное движение» набрала только 46%. Опросы прочат «Национальному фронту» первое место на предстоящих в следующем году выборах в Европейский парламент и резкое усиление позиций на муниципальных выборах, которые также пройдут в следующем году. «Национальный фронт» может получить 24% голосов, неоголлисты — 22%, правящая Социалистическая партия — 19%.

Что же происходит? Похоже, французское общество окончательно осознало бредовость политики мультикультурализма. Выясняется, что иностранные мигранты не спешат интегрироваться во французское общество. Они просто образуют на территории страны этнические анклав, в которых живут «своим порядком».

«Национальный фронт» во главе с харизматичным Жан-Мари Ле Пеном традиционно оставался за бортом французской политики, несмотря на свою популярность. Дело в том, что во Франции действует двухтуровая мажоритарная система. Это значит, что депутатский мандат получает кандидат, набравший больше 50% голосов в первом туре. Если абсолютное большинство не получил никто, проводится второй тур с участием двух или трех кандидатов, набравших более 12,5% голосов.

Длительное время схема работала так: даже если во второй тур выходил представитель «Национального фрон-

та», социалисты и неоголлисты (то есть две крупнейшие партии Франции) объединялись против него. Естественно, избиратели двух главных партий составляли обычно порядка двух третей населения избирательного округа, и кандидат «Национального фронта» всегда проигрывал.

Когда в 1986 г. выборы в Национальное собрание прошли по более демократической пропорциональной системе, «Национальный фронт» сформировал фракцию из 35 депутатов. Но власти сразу же вернули старую схему. В итоге в 1988 г., на следующих выборах, НФ получил лишь один мандат.

Что далеко ходить: на президентских выборах 2012 г. дочь основателя НФ и нынешний лидер партии Марин Ле Пен получила 17,9% голосов и заняла третье место — после нынешнего президента Олланда и проигравшего ему бывшего президента Николая Саркози.

Однако в Национальном собрании НФ получил лишь два места, и это при том, что он набрал 13% голосов в целом по стране. Потерпела поражение на выборах в парламент даже сама Марин Ле Пен. Правда, прошла ее племянница Марешаль. В округе внучки Ле Пена произошло чудо. Во второй тур вышли три кандидата — от НФ, социалистов и неоголлистов, но руководство крупнейших партий не предписало одному из них снять свою кандидатуру, как всегда бывало. В итоге Марешаль Ле Пен стала депутатом в свои 20 лет.

Однако выборы в Европейский парламент пройдут по пропорциональной системе, и «обнулить» результат «На-

ционального фронта» не удастся. И это вызовет у общественности большие вопросы — почему НФ до сих пор не представлен достойно на общенациональной политической арене.

Традиционные правая и левая партия перестали отвечать запросам избирателей. Рассматривать миллионы не желающих интегрироваться в общество мигрантов как «трудящихся», что проповедуют социалисты, довольно глупо, ибо это не соответствует реальной ситуации. Правые также пытаются заимствовать лозунги Ле Пена и его дочери, но реально ничего не делают.

Поэтому популярность «Национального фронта» растет, как растет и популярность прочих антимигрантских партий по всей Европе. Власти вынуждены признать, что проблема существует. На выборах в Австрии антимигрантская Партия свободы заняла третье место. На выборах в Норвегии «антимигранты» из Партии прогресса также третьи. Но они вошли в сформированное в октябре правительство, а их лидер Сив Йенсен стала министром финансов.

Так что рост популярности «Национального фронта» является закономерным. С заявлениями о крахе мультикультурализма ранее выступали и Ангела Меркель, которая недавно стала канцлером ФРГ в третий раз, и бывший президент Франции Николя Саркози, и нынешний премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон.

Кстати, Кэмерону у себя на родине приходится бороться с растущей популярностью антимигрантской и евроскептической Партии независимости. На прошедшей в Манчестере конференции Консервативной партии премьер-министр заявил, что его страна может выйти из Европейской конвенции по правам человека. Это позволит стране депортировать нелегальных мигрантов и преступников, не придерживающихся британского образа жизни.

Кэмерон подчеркнул, что он намерен обеспечить безопасность своей страны и именно поэтому хочет пересмотреть

отношения Британии с Европейским союзом, так как европейские структуры имеют слишком много власти, но не имеют мандата от избирателей.

Британский премьер заявил также, что намерен сформировать однопартийное правительство консерваторов после выборов 2015 г. Он обратился к избирателям Партии независимости Великобритании, выступающей против миграции и членства страны в ЕС, с призывом голосовать за тори в 2015 г. Только так, по словам Кэмерона, можно обеспечить референдум о выходе из ЕС, обещанный на 2017 г., и борьбу с нелегальной миграцией.

Консервативная партия стремится стать своего рода британским «Движением против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), то есть большей противницей мигрантов, чем Партия независимости. Видимо, консерваторы понимают, что без голосов сторонников ПН не видать им победы на парламентских выборах 2015 г. как своих ушей. Пока, согласно опросам, лейбористов поддерживают 39% избирателей, консерваторов — 33%, Партию независимости — 13%, либерал-демократов (союзников тори по нынешнему правительству) — 11%.

Это значит, что голоса сторонников ПН могут решить исход выборов. Если они перейдут консерваторам, то у них будет $33+13=46\%$ голосов и абсолютное большинство. Опросы сулят лейбористам 355 мандатов из нынешних 650, то есть чистую победу. Вот почему Кэмерон решил сделать такой резкий крен вправо.

Еще одним испытанием для консерваторов станут предстоящие выборы в Европейский парламент. Они пройдут в мае 2014 г. На них Партия независимости имеет хорошие шансы побороться даже за первое-второе места. Во всяком случае, опросы дают 35% голосов лейбористам, 22% — Партии независимости, и лишь 21% — консерваторам. Не следует удивляться разнице этих данных с приведенным выше общенациональным опросом. На выборах в Ев-

ропарламент за Партию независимости голосуют охотнее.

Короче говоря, в поисках голосов избирателей Кэмерон пошел по пути Саркози. Бывший французский президент, в свою бытность министром внутренних дел, назвал хулиганов из парижских предместий «ракальями», то есть «негодьями» или «мерзавцами». «Ракальи» были потомками мигрантов, поэтому Саркози завоевал широкую популярность среди французских избирателей. Ему удалось выиграть выборы главы государства, несмотря на недоброжелательное отношение со стороны президента Жака Ширака, который предпочел бы видеть в Елисейском дворце иного преемника.

Но случай Саркози был единственным прецедентом. Его партия, «неоголисты», в сущности, не меняла идеологию. Но в Британии произошло иначе: на антимигрантские и евроскептические позиции становится целая партия. Причем партия старая, являющаяся органической частью двухпартийной системы Великобритании на протяжении веков.

Для современного политического ландшафта Европы характерно существование двух правых партий: одной — официальной, политкорректной, другой — как правило, антимигрантской. Последняя обычно отстаивает традиционные ценности и находится под жестким прессингом властей. Кэмерон пытается отнять голоса у Партии независимости. Это предвыборный ход, кто бы спорил. Однако, в отличие от Саркози, британский премьер не только занимается риторикой, но и делает шаги навстречу евроскептикам.

В частности, Кэмерон согласен провести референдум по вопросу членства в ЕС. И хотя официально премьер выступает за сохранение Британии в единой Европе, само согласие на всенародное голосование дорогого стоит. Оно дает противникам ЕС шанс. Ведь довольно часто бывало, что референдумы приводили к победе антиправительственных

сил, несмотря на консолидацию всех официальных партий вокруг «правильного» с точки зрения властей решения. Ярчайший пример — провал ратификации Конституции ЕС на референдуме во Франции в 2005 г. В результате единство Европы пришлось строить с помощью Лиссабонского договора. Единого федеративного государства, на создание которого рассчитывали отцы Конституции ЕС, не получилось.

Короче говоря, в европейской элите происходит тектонический сдвиг. Впервые крупная системная партия делает столь большой шаг навстречу противникам миграции. Конечно, это не гарантирует консерваторам победы в 2015 г., но показывает, что общественные настроения меняются.

Популярность антимигрантских партий захлестывает Европу. Но в России ошибочная политика «многонациональности» продолжается, несмотря на то что российские руководители прекрасно видят крах мультикультурализма в Европе. Это значит, что в нашей стране процесс пойдет по европейским рельсам, но в более грубой форме, поскольку присутствуют специфические проблемы в национальных отношениях, свойственные только России. Как то: неясный статус русского народа и отсутствие связей русских и России как государства, наличие на территории РФ национальных государств других народов (так называемых «республик»), противоречия между формальными гражданами РФ с Северного Кавказа и остальным населением страны, продолжающийся завоз мигрантов из Средней Азии.

События в Бирюлево свидетельствуют о том, что национальный вопрос вышел на первый план, притом, что власти не готовы его решать и даже обсуждать. А это значит, что кризис у нас будет глубже, чем в европейских странах, коль скоро там многие проблемы можно решить, просто проголосовав за антимигрантскую партию.

Константин Крылов

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ?

Умственная жизнь «нашего» «государства» — оба слова хочется забрать в тройные кавычки — не балует разнообразием. Это и неудивительно. В условиях, когда единственным легальным и при этом платёжеспособным заказчиком интеллектуальной продукции является власть, трудно ожидать, что расцветут сто цветов. Нет, на казённых грядках будут выращиваться две-три огородные культуры, нужные для государственных надобностей. В нашем случае ситуация усугубляется тем, что некоторые овощи и фрукты нашему государству не нужны вообще. Например, наука (уничтожение остатков независимости РАН и разгром гуманитарного образования свидетельствуют об этом более чем недвусмысленно) и вообще «развитие» в каком бы то ни было смысле. Наступившая «осень патриарха» — то есть запланированное двенадцатилетнее путинское правление — не предполагает спроса ни на что, кроме пропаганды.

Не следует, однако, недооценивать сложность задач, стоящих перед путинскими пропагандистами. Например, обосновать необходимость бесконечных вливаний в Кавказ — уже непросто, на этой задаче путинский агитпроп проседает уже сейчас, и то ли ещё будет. Не менее заковыристая проблема — доказательство необходимости завоза мигрантов. Есть ещё и третье, и четвёртое, а также пятое и десятое — работы много, хватит на всех.

Но, разумеется, основной проблемой путинского режима в интеллектуальной области (как и во всех остальных) было и остаётся подавление русского национального самосозна-

ния. Это делается многими способами, начиная от насилия и угроз и кончая замалчиванием русской темы как таковой, вплоть до фактического запрета на слово «русский» в позитивном смысле. Однако этих мер всё равно недостаточно: необходима комплексная работа по всем направлениям, охват всей аудитории, начиная от школоты и кончая остатками русских интеллектуалов. При этом последняя задача не менее важна, чем первая: если русский образованный класс (как бы он ни был жалок и беспомощен) осознает себя именно русским, то он, чего доброго, может научить тому же и всех остальных. Русских нужно постоянно морочить, сбивать с толку и т.п. Поэтому интеллектуальное (и не очень) русоество было и остаётся востребованным.

Общая идея русоедов, если её сформулировать прямо и недвусмысленно, выражается формулой «*никаких русских не существует*». Это звучит странно, так как русские есть и составляют около восьмидесяти процентов населения. Тем не менее тысячи, если не десятки тысяч людей заняты тем, что доказывают русским их собственное несуществование.

Способы, которыми это делается, многообразны. Ниже мы рассмотрим несколько наиболее популярных способов морочить русские головы.

Определение русскости как дискуссионная тема

Одна из самых популярных тем современного околонационального (то есть антинационального) говорения — это *определение русскости*. «Вы скажите нам, кто такие русские». «Дайте определение».

Надо сказать, что подобного определения требуют почему-то *только* у русских — все остальные народы прекраснейшим образом существуют без того, чтобы их определяли. Ни грузин, ни чечен, ни образованный ныне тунгус, ни друг степей калмык — никто из них не обязан давать отчёта в том, что они такое. А если подобные вопросы и обсуждаются, то сугубо внутри национального сообщества, посторонним туда вход воспрещён. И главное, это воспринимается всеми как должное. «Это же их внутреннее дело».

Так ради чего у русских вымогают какие-то «определения себя»? Ради двух целей. На вид они кажутся противоположными, но на самом деле ведут к одному и тому же. Это такие два зайчика, за которыми очень удобно гоняться: поймаешь одного — второй сам прибежит.

Во-первых. Навязчивое желание дать «определение русским» может использоваться для желаемого отрицания существования русских как народа. Раз нет точной, исчерпывающей и стопроцентно принятой дефиниции русского человека — значит, никаких русских в природе не существует.

Остановимся на этом чуть подробнее. Народ (как и, скажем, личность) является индивидуалией, то есть реально существующей вещью. А индивидуалии, в отличие от общих понятий, не могут быть описаны никаким конечным числом характеристик. Чем можно ловко пользоваться, требуя «определения» принципиально неопределяемому.

Подходят к Васе Петя и Коля. И Петя задаёт вопрос: Вася, а ты что такое? Докажи, Вася, своё существование, и дай определение себя. Такое формальное, понимаешь, определение, чтобы мы отличили тебя, Вася, от всех прочих не-Вась. Ты нам рожу-то свою не суй, ты нам дефиницию выдай. Нет, и на родителей не ссылайся, ты ещё докажи, что дед твой не бабушкой был, это тоже в строчку. Давай пойдём та-

ким путём — ты, Вася, рыжий, усатый, с дипломом. Значит, все рыжие, усатые и с дипломом — тоже Васи. Вот Коля, например, — ну-ка, Коля, покажись. Рыжий, усатый, и диплом у него имеется, и даже лучше, чем у тебя, Вася. Значит, Коля это Вася, и всё твоё, Вася, — это теперь не только твоё, но и Колино-Васино. Пошли квартиру смотреть, вещички поможешь вынести, и где там у тебя денежки? И жену тоже свою Васе подавай... да, именно Васе, потому что мы уже доказали, что Коля есть Вася, Коля теперь ещё и Вася, он больше Вася, чем ты, Вася, а ты никто и звать тебя никак, недоразумение ты, а не Вася.

Наш случай — тот же. Кто такие русские? Ну понятно, русские — это которые говорят на русском языке и причастны русской культуре. Так вот, есть, скажем, Абрам и Рустам. Абрам говорит на отличном русском, у него словарный запас больше, чем у любого русского. А Рустам говорит плохо, зато как рисует — прям Айвазовский, Репин какой-то, а уж вышивает гладью — любой русской мастерице в нос бросится. Значит, они русские, и даже лучше русские, чем какие-то там «сами русские», которых мы только что определили и которые по этому определению получают так себе, охвостьем настоящих русских — Абрама и Рустама, а мы сейчас ещё позовём целую толпу, и все будут или со словарным запасом, или с культурным, вот между ними и разделим пожитки и животишки русских, которых нет, потому что это ведь бесхозное имущество.

Поэтому стоит запомнить: всякое требование «определить себя формально» — это всегда попытка доказать, что Коля (который «подходит по формальным признакам») есть Вася, и дальше к тебе придут «смотреть квартиру».

Народ — любой — не «определяем» формально. Зато он *наблюдаем*, как и все реальные вещи. Ошибки в наблюдении тут значат не больше, чем любые

другие ошибки. Разумеется, в каждой индивидуалии есть и общее, и за это её можно как-то ухватить, но всегда не до конца, описание будет не исчерпывающим.

Народы просто есть — как есть Альпы, старая липа за окном, планета Земля или белый камушек у дороги. Попробуй докажи, что он существует, дай ему определение, да ещё потом обоснуй, что это определение сущностное и он другим быть не может. Не получается. «Самое само» не описывается.

Как и все сложные индивидуалии, нация существует во времени «генетически». Она порождает сама себя. Русские происходят от русских, и ничего другого тут сказать нельзя. Остальное — самозванство, причём всегда двусмысленное: Вася, переопределённый из Коли, всегда остаётся ещё и Колей. «Такой русский Рустам» всегда остаётся *ещё и* кавказцем и включает эту опцию, когда хочет. А вот у русского отнимают последнее — ведь Рустам у нас получился «лучший русский», чем Вася.

Поэтому в разговорах насчёт того, что *«русских нет»*, всегда можно задать вопрос: ну хорошо, а кто же, собственно, есть? Есть-то кто? Кто эти сто с лишним миллионов людей, всё ещё считающих себя русскими?

Русоеды приготовили на этот вопрос свой ответ. Рассмотрим его.

«Поскреби русского — найдёшь татарина»

Существует и активно поддерживается легенда о том, что русские — это народ-бастард, народ-ублюдок, *сброд*, «дикая смесь всяких кровей». В качестве компонентов предполагаемой «смеси» называются, как правило, «татары» («поскреби русского — найдёшь татарина»), а также финно-угорские народы, какие-то абстрактные «азиаты» (это слово произносится обычно с характерным отворачиванием). На худой конец, из закоулков памяти извлекаются названия древних племён — вся-

ких «кривичей и вятичей», которые тут же объявляются реально существующими до сих пор, а русские — всего лишь их «смешением». Далее фантазия начинает отрываться по полной: и вот «угро-татарские монголоиды» гуляют по страницам либеральных газет и прыгают из телевизора.

Что ж, претензия серьёзная. Что же имеет место в реальности?

Как утверждает скучная наука генетика, русские — *чрезвычайно однородный этнос*. Разброс характерных признаков русских на всём огромном пространстве от Калининграда до Владивостока в два раза меньше, чем, скажем, для населения Западной Европы. Что касается антропологического типа — определяемого через форму и размер черепа, длину конечностей и прочий «фенотип», — то русские являются не просто европеоидами, а эталонными «белыми людьми»: значения этих величин наиболее близки к средним для европейцев в целом. Мы — белые люди, нравится это кому-то или нет.

Впрочем, достаточно самых поверхностных знаний в области генетики, на уровне Менделя, чтобы прийти к тому же выводу. Дело в том, что типичная русская внешность определяется в основном рецессивными генами, а восточная — как правило, доминантными. То есть — любая примесь, попадающая в русский генофонд, сохраняется там очень надолго. Азиатские черты лица вылезали бы из поколения в поколение. Но этого нет.

Что касается монголоидных генов, тут есть свой конёк: так называемый эпикантус — маленькая складочка у внутреннего угла глаза, прикрывающая слёзный бугорок. Эпикантус характерен для монголоидов, а также сибирской расы (эвенков, юкагиров, бурят). В случае сколько-нибудь заметной примеси монгольской крови у русских он тоже присутствовал бы. Но, как показали исследования, что-то похожее имеется только у каждого

семисотого русского, да и то в зачаточном состоянии. Вот и вся татарская примесь. Столько же её можно сыскать у тех же немцев... И то же самое можно сказать и о прочих признаках монголоидности — например, пресловутых «азиатских скулах», воспетых Высоцким (интересно, где он их у себя обнаружил?). Короче говоря, человек, способный разглядеть в русском «татарина», скорее всего никогда не видел татарина.

Всё те же самые аргументы применимы и к искателям «кривичей и радимичей» среди современных русских. Если немцев или англичан — национальное единство которых никто не смеет отрицать — как раз можно разделить на разные народы (швабы и пруссаки ну очень разные, да и шотландцы до сих пор сохранили не только историческую память, но и этническое своеобразие), то русские, по европейским меркам, одна семья.

Причины такой этнической однородности тоже вполне очевидны.

Во-первых, русские очень долгое время были народом, живущим в географической и культурной изоляции. Огромные расстояния в сочетании с ужасным климатом и крайне неудобными для преодоления пространствами препятствовали какой бы то ни было мобильности. Путешествие — любое — являлось затратным и небезопасным мероприятием. Что не мешало медленному и основательному продвижению русских на северо-восток, но это был «билет в один конец»: люди приходили на новые земли и оставались там. А вот «приезжих» и «проезжих» в современном смысле этого слова в России всегда было мало.

Во-вторых, русским — в нормальном их состоянии — свойственен достаточно высокий уровень биологического отторжения от других народов. Я не имею в виду какую-то «ксенофобию», в которой, кстати, русских любят обвинять те же самые люди, которые отрицают само существование русского

народа. Речь идёт об элементарном нежелании биологически смешиваться с чужаками — то есть заключать браки и плодить смешанное потомство. Такое поведение вполне логично для народа с рецессивными генами.

Кстати, именно это обстоятельство уберегло малые народы России от исчезновения. Вопреки распространённому мифу о высокой ассимиляционной способности русских, которые-де переваривают любую примесь, на деле всё оказывалось наоборот. Даже малочисленные народы, которые в Европе или Азии давным-давно растворились бы в доминирующей нации, в России сохранились. Это, безусловно, очень плохо, поскольку именно это обстоятельство работает на миф о «многонациональности России». Но таковы факты.

Более смешанной по крови была — как это часто случалось в истории — аристократия. Именно в этом слое можно было обнаружить потомков татарских мурз, немецких наёмников петровских времён, даже каких-нибудь экзотических шотландцев. Ещё большим, конечно, было нерусское культурное влияние — прежде всего западное. Однако потомков русской аристократии в России осталось мало — в силу известных событий начала прошлого столетия. Разумеется, и в этом нет ничего хорошего, но, опять же, таковы факты.

Наконец, в XX веке, когда смешение народов стало реальностью, Советский Союз был практически закрытой страной. Браки с иностранцами, мягко говоря, не поощрялись. Что касается внутренней политики, то мобильность населения была искусственным образом снижена почти до нуля. Все жили на своих местах, прикрепленные к земле бюрократическим дыроколом — системой прописки, паспортным контролем, невозможностью легально приобрести частное жильё и свободно устроиться на работу, много чем ещё. Сколько-нибудь значительные антро-

потоки просто отсутствовали. В третий раз можно сказать, что в этом не было ничего замечательного, и опять помянуть факты.

Итак, русские хорошо сохранились — именно как *генетически единый народ*. А гророс, в XXI веке это может оказаться ценным: в эпоху глобализации устойчивая идентичность, в том числе биологически подкреплённая, может оказаться очень и очень востребованной.

Всё сказанное не означает, что «кровная» сторона русской идентичности так уж бесппроблемна. Например, традиционная самоидентификация русских как славян может оказаться не вполне соответствующей действительности. Согласно данным генетики, русские стоят ближе к скандинавам, чем к обитателям Балкан. Каковое обстоятельство, может быть, стоит учитывать, говоря о русском менталитете и прочих подобных материях... Но опять же — ни о какой «смеси генов» говорить не приходится. Русские — единый народ, скреплённый, помимо всего прочего, ещё и общностью происхождения. Или, как раньше было принято выражаться, *кровью*.

На это слово многие сделают стойку, заподозрят в «расизме», или начнут рассуждать, что я придаю слишком много значения «генам», тем самым сводя национальное к этническому, а этническое — к биологии. Разумеется, нет. Во-первых, этничность не сводится к ДНК. Во-вторых, национальное, хотя и опирается на этничность как на основу, но тоже не сводится к нему. Я всего лишь хочу сказать, что на расистские рассуждения — а разговоры о «финно-татарах» являются именно *расистскими* — удобно отвечать расистскими же аргументами, особенно если они есть.

И последнее. В принципе, само по себе «смешение кровей» не является фактором, разрушительным для национальной идентичности. Есть народы, которые существуют и осозна-

ют себя как отдельные народы *вопреки* «смешанности крови». Например, Эдуард Лимонов в одной из книг о балканской войне заметил, что среди сербов куда больше жгучих брюнетов с турецким носом, чем среди хорватов или босняков. Причина тому проста и печальна: сербы, не принимавшие ислама, были поражены в правах перед турками. В частности, любой турок мог прийти в сербский дом и делать там всё что угодно, в том числе и насилловать женщин. Это не мешает современным сербам осознавать себя единой нацией, коллективно противостоящей «генетически близким» хорватам... Но в русской истории подобных проблем не случилось. Сочинители сказок о «смешанности русского происхождения» банально лгут.

Русский как знаток творчества Пушкина

В принципе, убеждать русских, что они «угро-татары», всегда было трудно: они сопротивляются этой теории на подсознательном уровне. Большого успеха добиваются те, кто пытается подрывать единство русских изнутри, вводя такие критерии «русскости», под которых можно при желании подогнать кого угодно. Тут мы приходится спорить не с «самой природой вещей», а с концепцией, а это всегда трудно. К тому же эта концепция существует в нескольких вариантах, по сути своей различных, но удобных для риторических подмен. Поэтому тут нам придётся быть очень внимательными.

Как мы уже разбирали выше, если играть в «определения», то можно подобрать такое определение, которое позволит считать «русским» кого угодно, включая негра преклонных годов, кое-как выучившим слово «здрасьте». Более того, путём нехитрых манипуляций можно доказать, что негр преклонных годов, записавшийся в русские, является *куда лучшим* русским, чем сами русаки. Например, он не ругается ма-

том — за незнанием соответствующих слов. Это ведь хорошо, когда человек не ругается матом? Хорошо. Значит, из негра выйдет *лучший* русский, чем из рязанского мужичка.

Такая логика приводит на практике к тому же результату, что и в первом случае. Сообщество, куда можно произвольно записать кого угодно, не является сообществом вообще, так как его состав можно в любой момент поменять на любой другой. Это так, симулякр, «воображаемое множество». А с «воображаемым» можно не считаться.

То есть: тезис «русских нет» доказывается через демонстративное *отрицание этнического единства* русского народа. «Нет никаких русских, а есть финно-угро-татары», «смесь разных народов». А тезис «русским может стать кто угодно» — через *демонстративную переоценку ассимиляционных возможностей русской культуры*. «Всякий, любящий поэмы Левитана и гравюры Лермонтова, — уже становится русским».

В первом случае отрицается само существование русских, чем-то отличающихся от «финно-угров и татар», кроме разве что «смешанности». Во втором — утверждается, что всякий, объявивший себя русским и хоть каким-то боком причастный к «русской культуре», уже является русским. Поэтому соответствующие направления мысли можно назвать *этнофобией* и *культурофилией*. С приставкой «рус», разумеется. Поскольку этнофоб отрицает не всякий этнос, а только русский. Равно как и культуруфил открывает для всех и каждого двери не во всякую культуру, а только в русскую. «Приходите, люди добрые, Располагайтесь как дома».

Поэтому мы постоянно встречаемся с утверждением, что, дескать, *русским может называться всякий человек, причастный русской культуре и желающий называться русским*. Впрочем, последнее добавление часто опуска-

ется: предлагается записать в русских всех «причастных к культуре и ценностям».

На вопрос о том, что такое эта самая «причастность», отвечают по-разному. Некоторые требуют хорошего знания русского языка и литературы, другие настаивают на православном крещении, третьи, не мудрствуя лукаво, предлагают считать русскими «всех, кто любит Россию» или «всех, кто работает на Россию», да и вообще всех хороших людей разом. «Все хорошие люди — русские». К этому часто добавляется, что «хороший Гоги мне ближе плохого Вани». Дальше следует какая-нибудь история из жизни, когда Ваня повёл себя плохо, а Гоги — хорошо. Венчается всё это обычно чем-нибудь в стиле «а Пушкин вообще был наполовину негр».

Вываленный на обозрение клубок утверждений, — который, впрочем, обычно вот так и вываливают, «в том или ином комплекте», — состоит на самом деле из очень разных ниточек. Будет выдёргивать эти ниточки по одной.

Начнём с начала — то есть с темы «причастности к русской культуре». Здесь мутит воду слово «причастность». Что это такое? Может быть, это *знание* русской культуры — то есть владение русским языком, осведомлённость о событиях русской истории, хорошее понимание реалий и т.п.? В таком случае самым лучшим русским окажется какой-нибудь ЦРУшный аналитик из «русского отдела», жизнь положивший на разрушение России и уничтожение русского народа. Туда же, в русские, придётся записать французского профессора-слависта, автора книг о мазохизме и тоталитарной сущности русской души. А также израильского филолога, убеждённого сиониста, с десятков лет боровшегося за право выезда и ненавидящего «эту страну» до печёночной колики... А также множество других персонажей, которые жутко оскорбились бы, если бы их в лицо назвали «русскими». Не

войдёт в список только какой-нибудь «Ванька в телогреечке», выгнанный из русских по неспособности сдать экзамен французскому профессору.

Между тем даже на интуитивном уровне ясно, что пресловутый «Ванька» как раз русский, а профессор таковым вовсе не является. То есть «знание русской культуры» — вещь, конечно, хорошая, но к национальной идентичности оно имеет далеко не самое прямое отношение.

Поскольку вышесказанное, в общем-то, очевидно, то сторонники определения русскости через культуру начинают объяснять, что имеется в виду не холодное (а то и враждебное) «знание предмета», а некая внутренняя связь с этой самой культурой. Русский — тот, кто *любит* звучание русской речи, русские сказки, русские песни, Толстого, Достоевского, берёзку, осинку, матрёшку, балалайку и прочие, так сказать, артефакты.

Это уже ближе к делу. Однако все артефакты материальной и духовной культуры, которые в таких случаях перечисляются, имеют одно нехорошее свойство: они *отчуждаемы*. То есть — для того, чтобы их любить, совершенно не обязательно хорошо относиться к самим русским. Их можно «любить отдельно». Более того, любовь к некоторым «исконно русским ценностям» может послужить причиной ненависти к их законным обладателям. Например, человек, обожающий русскую природу, все эти берёзки-осинки и унылую красу русских полей, может при этом искренне считать, что русские её только портят. И что неплохо было бы их всех вырезать, а страну заселить более подходящим народом. А потому любить берёзки и осинки он приедет, скорее всего, на танке. Как те, кому Гитлер обещал поместья на Среднерусской возвышенности.

Это-то всё понятно. Но ровно то же самое касается и любви к русскому языку, песням-сказкам, писателю Достоевскому и прочим нематериаль-

ным ценностям. Всё это можно любить и всем этим можно владеть, отнюдь не считая себя русским, более того — будучи их врагом.

Обратимся к истории. Нередки случаи, когда народ, завоевавший территорию другого народа, перенимал культуру, обычаи и даже язык побеждённых. Побеждённым от этого не становилось легче. Напротив, довольно часто принятие культуры побеждённого народа победителями сопровождалось окончательной деградацией побеждённых, у которых уже не оставалось буквально «ничего своего».

Примеров тому можно привести множество. Взять хотя бы самый известный — греко-римский случай. Римляне искренне любили греческую культуру, более того — открыто признавали её превосходство над собственной. «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый искусства внеся», — писал Гораций. И дело не ограничивалось искусством: римляне перенимали у греков всё, что им нравилось, начиная от кухни и кончая культурами. Однако римляне от этого не стали греками. Более того, «настоящих» греков они презирали. Причём презирали даже почитатели греческой культуры: например, Цицерон, усердный и благодарный ученик эллинских ораторов, прославился ещё и тем, что ввёл в литературный оборот презрительное словцо *graeculi* — что-то вроде «гречишки», причём называл так всех греков вообще, включая учёнейших мужей. Потому что даже величайших греков римляне рассматривали всего лишь как полезных и умелых слуг. Сама Эллада, переименованная в провинцию Ахайю, влачила жалкое существование. Униженные греки отчаянно мечтали только об одном — стать римлянами. И когда латинский Рим пал, а греческие области, напротив, поднялись, то жители новой империи назвали себя ромеями, свою столицу — Новым Римом, а своё государство — Римской Империей...

Впрочем, примеров много, и не стоит утомлять читателя. Попробуем взглянуть не в прошлое, а в будущее.

Представим себе такую гипотетическую ситуацию. Завтра с Российской Федерацией происходит что-то фатальное — ну, скажем, падает цена на газ. Дальше начинается распад страны на кусочки. В этот момент хорошо отстроенная усилиями российского правительства, богатая и вооружённая до зубов Чечня объединяет под собой Кавказ и устраивает всероссийский джихад. То есть кавказцы захватывают Россию, так сказать, на официальном уровне. И становятся правящим классом.

Теперь вопрос: на каком языке разноплеменное воинство будет общаться между собой? Наверное, верхушка постарается сохранить чеченский. Но для того чтобы хоть как-то скрепить разноязыкую орду оккупантов, понадобится общий язык. Очевидно, это будет русский: его худо-бедно знают все, к тому же он удобен для отдачи приказов русским рабам. Дальше, когда начнётся формирование общекавказского правящего класса, русский станет уже безальтернативным.

При этом первое время после завоевания слово «русский» в адрес кавказца будет, скорее всего, тяжелейшим оскорблением — поскольку это будет синонимом слова «раб». Но потом в словарь будет официально введено уже сейчас популярное среди кавказцев словцо «*русня*». Себя же завоеватели через какое-то время начнут называть «русскими» — ну хотя бы чтобы «иностранцам было понятно» (те вряд ли изменят своей привычке называть всех жителей России «*russians*»). Заодно они присвоят и русскую культуру — естественно, приспособив её к своим надобностям. Уже третье-четвёртое поколения чёрных волчат будут учить наизусть стихи Мухоморова (он ведь пишет по-русски) и даже Пушкина, а родные языки будут знать на уровне двадцати «домашних»

слов и выражений. Утихнет и яростный исламизм, который хорош для того, чтобы побеждать, а не для того, чтобы жить комфортно. Зато православная Церковь — в том случае, конечно, если она дистанцируется от русских и будет вести обычную для Церкви гибкую политику, — может получить шанс на проповедь среди победителей...

Так вот. С точки зрения любителей определять русскость через «причастность русской культуре» подобный сценарий не содержит в себе ничего особенно фатального. Да, русских всех убьют — но убийцы сами станут русскими, причастятся русской культуре, языку и так далее. «А чё, всё в порядке». Но вот самим русским подобный сценарий вряд ли придётся по душе.

Итак. Причастность к русской культуре — и в аспекте «знания», и в аспекте «предпочтения» — не только не делает человека русским, но — при определённых обстоятельствах — вполне совместима с крайним неприятием русскости. Можно любить русскую природу, русскую литературу, даже русский язык — но не считать себя русским и отчаянно ненавидеть русских как народ.

Может показаться, что решением проблемы станет добавление к списку «ценностей русской культуры» самого русского народа, то есть определение «русскости» через русофилию. «Человек, любящий русскую культуру, русскую литературу и русских людей — русский». Но это порочный круг: русский определяется через русских же. Это позволяет называть «русскими» кого угодно или отказывать в русскости кому угодно. Например, имеется немало интеллектуалов, которые клянутся в любви к русским людям и всему русскому вообще, а дальше начинают рассуждать о том, что русскими можно считать только кержаков-староверов, или только жителей провинции, или только парижских эмигрантов голубых кровей, а все остальные — «никониане», «москальи»,

«советские убудки» и т.п. Другие легко вписывают в русские, скажем, образованных евреев, которые «имеют больше прав на русскую культуру, чем русские» — из чего выводят и некие особые права на всё остальное. Третьи начинают рассуждать о том, что лучшие русские обязательно должны иметь «букет кровей» в родословной, а четвёртым, наоборот, кажется, что современные русские недостаточно нордичны и желательнее было бы закупить где-нибудь в Германии несколько литров немецкой спермы для исправления породы...

Но эту тему — о предъявлении русским разнообразных «дополнительных условий и ограничений» на право зваться русскими — мы, опять же, рассмотрим отдельно. Вернёмся на прежнее.

Возьмём химически чистый случай: некий человек, нерусский по происхождению, прекрасно знает и искренне любит русскую культуру, русскую историю, русский язык, наконец, русских людей — самых обычных, реальных русских. Делает ли всё это его русским?

Вот пример. Мой друг Армен Асриян — журналист, писатель и поэт. Он прекрасно говорит и пишет по-русски. Он блестяще знает русскую историю — детально, входя в подробности. Много поколений его предков служили в рядах русской армии. По убеждениям он пророссийский империалист, а жить предпочитает в Москве. И тем не менее когда его русские друзья, искренне желая сделать ему приятное, говорят что-нибудь вроде: «Армен, ну ты же наш, русский», он всегда отвечает на это: «Нет. Я армянин».

И точно такое же твёрдое «нет» в ответ на приглашение «в русские» я слышал неоднократно — причём как раз от людей *честных и достойных*, которых как раз хотелось бы «принять к себе» и считать своими.

На самом деле это является вполне естественным, более того — един-

ственно возможным ответом. Потому что уважающий себя человек *гордится* своим происхождением, своими предками, своей личной историей. И даже выбрав для себя жизнь в России, принимая русские обычаи, говоря на русском языке, заключив брак с русской или русским, полностью связав свою судьбу с русским народом — он побрезгует сомнительной честью быть записанным в русские *задним числом*.

Что касается людей, себя не уважающих, спросим себя: заслуживают ли они доверия? В самом деле: человек, легко и непринуждённо меняющий идентичность, подозрителен. Особенно если эта мнимая перемена нужна ему для каких-нибудь мелких прагматических целей.

В настоящее время русским быть *невыгодно* — в том смысле, что открыто декларируемая принадлежность к русской нации не даёт человеку равным счётом ничего, кроме неудобств. Напротив, нерусское происхождение открывает множество возможностей, для русских закрытых. Но при этом в некоторых обстоятельствах бывает всё же выгодным *называть себя* «русским» — разумеется, никоим образом не принимая этого всерьёз и не накладывая на себя никаких обязательств перед русским народом. Таким людям и в самом деле требуется аусвайс, подтверждающий их эксклюзивное право в любой удобный момент назваться «русским», не неся при этом никаких обязательств, а, наоборот, пользуясь этим правом для того, чтобы безнаказанно вредить или глумиться над русскими. Как, например, один популярный журналист популярной журналистской национальности, зарабатывающий на жизнь русофобскими статьями, любит подпустить фразочку «да я, в сущности, более русский, чем вы все» — чтобы после этого отвесить какую-нибудь очередную плюху.

Впрочем, это ещё сравнительно безобидный случай. Хуже, когда «тоже русский» начинается заниматься

чем-нибудь практическим — например, представлять интересы русских в общественных организациях или законодательных органах власти или, того хуже, «работать по коренному населению». В целом же — «требующие записи в русские» ведут себя как кукушата, выпихивающие из гнезда ласточки её птенцов, чтобы откормиться самим. После чего пополнить собой не ласточкину, а кукушачью стаю.

Итак, практические выводы. Замечательно, если человек знает и любит нашу страну, наш народ и всё им созданное — а то и принимает участие в созидании. Но не нужно на одном этом основании торопиться записывать его в русские. И не нужно верить тому, кто вдруг начинает торопливо записываться в русские, даже если он на всякий случай вызубрил наизусть «Евгения Онегина».

К вопросу о букетиках кровей

Итак, мы подробно разобрали два мифа, используемых для подрыва русского национального самосознания, а именно мифы этнофобский и культурофильский.

Прежде чем двинуться дальше, обратим внимание вот на что. Казалось бы, эти два мифа не имеют между собой ничего общего: угрюмые расисты, уличающие русских в «смешении генов» и «нечистокровности», и симпатичные добряки, не взирающие ни на фенотип, ни на генотип, готовые распахнуть объятия каждому, кто способен выговорить «я русский», стоят на разных концах идейного спектра. Но есть одна тема, где оба мифа причудливым образом переплетаются.

Я имею в виду тему «полукровок», то есть людей со смешанным происхождением и происходящими от этого проблемами с самоидентификацией. Эта тема всплывает в любой дискуссии по поводу русского вопроса. Причём, что характерно, её охотно используют в своих целях и этнофобы, и культурофилы.

Начнём с первых. Когда этнофобу приходится всё-таки признать, что русское этническое единство всё-таки существует, он тут же переходит на следующую линию обороны и начинает доказывать, что оно существовало когда-то в прошлом, но сейчас практически полностью размыто смешанными браками. А следовательно, никаких русских и не существует. В доказательство этнофоб очень часто приводит в пример собственную семейную историю — «да у меня самого, например, дедушка полутатарин-полуякут, мама — полячка и жена еврейка». Далее следует перечисление родственников и знакомых, которые все почему-то оказываются сплошь инородцами и метисами, причём самыми что ни на есть экзотическими («кстати, у меня лучший друг полуеврей-полукуреец, отличный парень, не то что русские»). Потом разговор переходит на оппонента, во внешнем облике и духовном складе которого вдруг обнаруживаются «нерусские» черты.

Теперь о вторых. Когда культурофил бывает вынужден согласиться с тем, что сама по себе «причастность русской культуре» не является достаточным основанием для «зачисления» в русские, он обычно занимает позицию *«тем хуже для русских»*. Засим произносится длинная речь на тему того, что русскую культуру создали вообще-то нерусские, что у русских «нет ничего своего» — и что русские должны быть по гроб жизни благодарны тем инородцам, которые со своего плеча дали им, сирым, кой-какую «культурку». На робкие вопросы типа «а Пушкин?» следует недоумённое — «так ведь Пушкин эфиоп, это же все знают». Далее идёт поток открытий: Лермонтов оказывается «шотландцем», Ахматова — «татаркой», Менделеев — так и вовсе евреем. С другой стороны, в русскую культуру торжественно вписываются какие-нибудь Булаты Окуджавы и Мерабы Мамардашвили, без творческого наследия

которых она, оказывается, «просто немыслима». В конце делается вывод, что Окуджава — не просто русский, но и *куда лучший* русский, чем все «так называемые этнически чистые русопяты», которые «не стоят и ногтя великого Булата». А Россия без «притока свежей крови извне» просто рухнет, так как чистокровные русские ни на что путное не способны.

Что ж, давайте разбираться. Для начала зададимся простым вопросом: точно ли среди русских так много полукровок? И верно ли то, что большинство деятелей русской культуры к ним относятся?

Начнём со второго вопроса. Причём с хрестоматийных случаев — так удобнее. Хотя бы с того же Пушкина. Я неоднократно слышал, даже от неглупых людей, что «наше всё» было, оказывается, «наполовину негром». Несколько более осведомлённые люди говорят уже о дедушке-эфиопе. На самом деле знаменитый «арап Петра Великого», генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, приходился Пушкину не дедом, а прадедом. Кстати, если уж затрагивать тему «нерусского происхождения» Пушкина, то стоит упомянуть и его прабабку, Христину-Регину фон Шеберг, со скандинавскими, немецкими и итальянскими предками в роду. По отцовской же линии, если копнуть, обнаружатся Чичерины, потомки Афанасия Чичери, приехавшего в Россию из Италии в свите племянницы византийского царя Зои Палеолог и здесь осевшего. Род Чичери, в свою очередь, восходит к Цицерону — так что даже странно, что о латинских генах великого поэта так мало известно просвещённой публике... Но всё это надо именно что «копать». Что же касается пресловутого «негра», то он был одним из восьми предков поэта. Процент эфиопской крови желающие могут посчитать сами. Даже угрюмые нацистские специалисты по расовой чистоте, и те не стали бы интересоваться такими пустяками.

Откуда же такой интерес к фигуре одного из прадедушек «нашего всего»? Всё просто: этот интерес поощрял сам Пушкин. Он говорил о Ганнибале в нескольких стихотворениях («К Юрьеву», «К Языкову», в знаменитой «Моей родословной»), начал писать повесть «Арап Петра Великого» и вообще довольно часто поминал своё «африканское» происхождение — как в творчестве, так и в жизни. Что может создать у современного читателя впечатление, будто «наше всё» был образцово-показательным интернационалистом.

Увы, причины такого интереса к своему «африканству» были куда более прозаические, бытовые. Пушкин, конечно, гордился своим предком (а Ибрагим Петрович Ганнибал был человеком в высшей степени незаурядным), но куда чаще вспоминал его в ситуациях, когда ему нужно было как-то оправдать собственные недостатки, то бишь холерический темперамент и волокитство. Недостатки, заметим, распространённые: как показывает практика, не обязательно иметь в роду пылких эфиопов, чтобы иметь несдержанный во всех отношениях характер. Но зато переваливать ответственность на прадеда, некстати одарившего правнука африканским буйным нравом, было чрезвычайно удобно.

Вообще говоря, попытки переложить на «чуждые гены» что-то неприятное или сомнительное в себе самом отлично сочетаются с интересничанием, то есть желанием привлечь к себе дополнительное внимание. Например, женское. Тот же Пушкин вовсю эксплуатировал миф о необычайной страстности чернокожих. В более поздние времена было полезно слыть грузином — они считались интересными «в мужском плане».

Этой самой манере списывать на счёт предков всякие личные свойства, и хорошие и плохие, мы обязаны большим количеством семейных легенд. Я много раз слышал рассуждения типа «мама у меня была такая гордая — ну

так ведь у неё в роду поляки». При попытке выяснить, что это за поляки такие, частенько выяснялось, что «если чего и было, то давно и неправда».

Кстати, о «неправде». Пушкин, конечно, слегка злоупотреблял легендарным прадедушкой — но он у него по крайней мере был. Но встречаются и другие ситуации, когда тема нерусских предков на поверку оказывается чистой, стопроцентной выдумкой.

Чтобы не уходить от темы русской поэзии, возьмём в качестве примера Анну Ахматову. Анна Андреевна всю жизнь распространяла легенду о том, что её бабушка — из фамилии которой Анна Горенко сделала себе поэтический псевдоним — была «татарской княжной», мусульманкой. Она даже посвящала ей стихи. На самом деле никаких татарских предков у поэтессы не было. Свой поэтический псевдоним она взяла от своей настоящей бабушки, честной православной русской дворянки Прасковьи Федосеевны Ахматовой. Которая, верно, наговорила бы внучке немало резкостей, узнав, как та обошлась с её памятью. Зато миф о «татарской бабушке» хорошо вписывался в тщательно пристраиваемый имидж поэтессы — которая вообще очень вольно обращалась со своей биографией (впрочем, как и многие другие творческие люди).

Противоположный, но в чём-то схожий пример «демонстративной нерусскости», на сей раз даже вненациональной — Даниил Хармс. Опять же, многие считают его «то ли немцем, то ли евреем». На самом деле основатель русского абсурдизма был коренной русак, сын Ивана Павловича Ювачёва, коренного петербуржца, происходившего из семейства придворного полотёра в Зимнем дворце (была такая профессия), пошедшего по морской части и ставшего флотским офицером, повязанного по делу народовольцев, а потом ставшего религиозным философом. Мама у него носила фамилию Колюбакина и заведовала приютом

для бывших «политических». Но псевдоним себе Хармс подобрал специально, чтобы он не походил на русскую фамилию. Не то чтобы даже из русофобии — просто ему так казалось *интереснее*.

Отдельная тема — люди, которым приписывают нерусское происхождение задним числом. Возьмём того же Менделеева, которого с упорством, достойным лучшего применения, записывают «в евреи» — на основании «нерусской фамилии» (что не мешает тем же людям обвинять ученого в антисемитизме). Те же рассуждения я слышал об академике Шафаревиче и даже почвенном писателе из архангельской деревни Фёдоре Абрамове: «откуда-то ведь там взялся Абрам». Такие же приписки охотно делают не только еврею, но и все остальные народы: приятно ведь считать «своим» какого-нибудь известного человека. Русские же, увы, довольно часто верят в подобное, поскольку их приучили думать, что всё хорошее — не русское и русским не принадлежит.

Можно приводить и другие примеры. Покамест констатируем: представление о том, что все или почти все великие люди в России — инородцы или метисы, не соответствует действительности. Причём не соответствует даже в той части списка кумиров, которая обычно предъясняется для доказательства соответствующего тезиса.

Теперь скажем несколько слов о самом списке «деятелей русской культуры».

Если внимательно посмотреть, как этот список формируется, то можно заметить — люди, имеющие нерусские корни (или хотя бы декларирующие наличие у себя таковых) почему-то получают фору в известности. Напротив, чистокровность идёт русским в минус.

Связано это с тем, что «рейтинг великих деятелей культуры» составляется не самими знаменитостями, но и не потребителями культуры (принцип «пипл хавает» придумали не вчера),

а всевозможными посредниками — литературными и музыкальными критиками, обозревателями, журналистами и проч. Каковая сфера очень давно контролируется определёнными этническими мафиями (в основном еврейской), причём контролируется не менее плотно, чем, допустим, розничная торговля на рынках.

Наконец, совершенно особой причиной выдвижения нерусских имён и фамилий наверх «списка великих» была советская культурная ситуация.

Как мы помним, советская культура была «национальной по форме и социалистической по содержанию». На практике это выражалось в том, что строительство советских национальных культур никогда не отдавалось в руки самим их носителям. «Социалистическое содержание» запихивали в «национальную форму» руками каких-нибудь посторонних, у которых не было личного резона эту самую форму щадить.

При этом имела место определённая асимметрия. Все нацкультуры, кроме русской, сознательно «накачивались» русскими ресурсами и русскими же людьми. В сонных и грязных южных республиках строились оперные театры и балетные школы, терпеливо выращивались местные «писатели» и «поэты». Зачастую тексты для них писали русские (а также русифицированные евреи), и они же переводили всё это на русский язык, дабы таким образом обогатить общесоветскую культуру, задыхающуюся без животворной туркменской, грузинской или якутской струи. До сих пор ходит немало анекдотических и полуанекдотических историй о том, как создавался «народный эпос о Ленине», «о коллективизации» и т.п., о великих «акынах» и «ашугах» Сулеймане Стальском или Джамбуле. Над переводами «акынов» гробили время и силы лучшие русские авторы: вспомним ту же Ахматову, с мукой и омерзением рифмующую километровые подстрочники бессмыс-

ленных «национальных поэтов»... Тем не менее определённая часть национальной культуры — национальной по сути, а не только по форме — поддерживалась, во избежание слишком сильной русификации.

Русскую же культуру (особенно массовую) делали по заданию партии всё те же безотказные евреи и отчасти кавказцы. Причин тому было две. Во-первых, немалое количество талантливых русских бежали от советской власти или были убиты ею же. Во-вторых (и это было главным), ответственнейшее «русское направление» оставлять в руках русских было нельзя в принципе — во избежание. Именно поэтому слова к песне «Русское поле» доверили сочинить Инне Гофф, а музыку писал Ян Френкель. И по той же самой причине на важнейший участок работы — духовное окормление вольнодумных образованцев — был поставлен Булат Окуджава, а не какой-нибудь ненадёжный «иванов» или «петров», которых могло в любой момент прорвать на нутрянную кулацкую антисоветчину, а то и на рецидивы «великодержавного шовинизма»... Понятно и то, что всё русское если уже не выжигалось калёным железом (как это было в тридцатые годы), то дозволялось в гомеопатических дозах.

От соединения всех этих факторов «ценностей незыблемая скала» прогнулась, а кое-где и завязалась узлом. В умах образованной публики начались редкостные aberrации и нарушения пропорций. Например, в современном пантеоне «деятели русской культуры» огромное место занимают мелкие, нелепые и гротескные персонажи. Так, вокруг фигуры комической актрисы Фаины Раневской создан и поддерживается культ, сравнимый с ахматовским, а эстрадные комики типа Райкина или Жванецкого многими воспринимались как духовные авторитеты, учителя жизни. Я сам слышал от одной немолодой и неглупой женщины, что для неё «существуют три рус-

ских поэта — Тютчев, Мандельштам и Губерман».

Но это в сторону. Для наших целей достаточно зафиксировать тот факт, что присутствие нерусских людей в русской культуре XX века было связано не столько с их замечательными способностями (и, соответственно, творческой импотенцией русского народа), сколько с сознательно проводимой культурной политикой. Что ещё раз подтверждает отчуждаемость культуры от её носителей.

Некоторые особенно подозрительные читатели могут заподозрить меня в нехорошем желании «почистить списки великих» от нерусских фамилий. Разумеется, ничего подобного я не имел в виду. «Зачем такие ужасы». Достаточно вернуть Пушкину его честное русское происхождение, не забывать про выдумщицу Ахматову, помнить настоящую фамилию Хармса — а также убрать из святцев Губермана и научиться воспринимать эстрадных потешников-юмористов именно как потешников, а не как мудрецов и пророков. Эти несложные — и не имеющие никакого отношения к этнической чистке — операции приведут «ценностей незыблемую скалу» в её настоящий вид. Также полезно сделать скидку на невесёлые советские реалии.

В результате выяснится, что русская культура, конечно, создавалась не только русскими (чего никто и не отрицает), но о какой-то особой роли «полукровок и инородцев» говорить не приходится.

Вывод. Представление о какой-то особой роли «нерусских и не совсем русских» в России отчасти надумано, отчасти объясняется внешними обстоятельствами, причём весьма малопочтенными.

Чужебесие как оно есть

Итак, мы видим, что роль полукровок и инородцев как демиургов русской культуры, мягко говоря, сильно

преувеличена. Но мы не ответили на другой вопрос — а именно, о влиянии людей со смешанным происхождением на этническое единство русского народа. Может быть, и в самом деле никаких «чистых русских» давно уже не осталось, кроме как в глухих деревнях, а мы все — разноплеменная смесь «детей разных народов», объединённая только местом проживания и языком общения?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, следует сначала определить, *кого именно* можно считать «полукровкой».

Как показывает практика, наши этнорусофобы охотно записывают в «полукровки» людей с любой, сколь угодно исчезающе малой долей «нерусской крови» в роду. Они же очень любят считать «не вполне русскими» разные русские субэтноты. Дело доходит до смешного. Например, однажды я присутствовал при горячем споре двух молодых людей, у одного из которых была донская казачка в бабушках, а у другого — терские казаки по отцовской линии. Первый считал себя «полукровкой» — на том основании, что «казаки — не русские». Второй, напротив, полагал, что он — чистокровнейший русский, «русее не бывает». Для уточнения: первый не застал бабушку в живых, родни по этой линии не имел, но рассуждал о казачестве — как и обо всём остальном, впрочем, — уверенно и с апломбом. Нетрудно догадаться, что товарищ был усердным читателем «Новой Газеты», откуда и черпал сведения о мире... В таких случаях следует говорить не о «полукровках», а о жертвах этнофобской пропаганды. Или же о сознательных пропагандистах этнорусофобии. Например, некий журналист публично именуется «поляком». У него и в самом деле имеются польские предки, но здесь речь идёт скорее об идеологическом выборе: просто он хочет иметь с неприятным ему русским народом поменьше общего и быть причастным

«по праву рождения» к «европейским ценностям».

На всё это накладывается уже упоминавшееся в предыдущей статье «интересничанье», часто не только национальное, но и сословное. Считается, что иметь в роду шляхтича, барона или хотя бы цыганку (уж непременно «знаменитую гадалщицу») — как бы интересно, ибо, дескать, придаёт изюминку пресноватому русскому тесту. Или, как высказался по соответствующему поводу один мой читатель, — «у современных русских есть ужасная черта, они вечно ищут у себя инородные корни и гордятся ими». В результате складывается ложное впечатление, что вокруг нас сплошные метисы.

Поэтому в дальнейших наших рассуждениях перейдём на «международный стандарт». То есть — вычеркнем из числа людей смешанного происхождения дальних потомков татарских мурз, самозванных шляхтичей и прочих романтических детей лейтенанта Шмидта. Будем считать «настоящими полукровками» людей, у которых один из родителей русский, а другой — нет. Туда же зачислим тех, у кого оба родителя «настоящие полукровки» в указанном выше смысле. То есть будем считать «полукровками» людей с достаточно заметным присутствием нерусской крови, этак не менее трети, на самый худой конец — четверти, если эта четверть «яркая». И, наконец, не забудем, что дети появляются обычно в браке — по крайней мере, до последнего времени дело обстояло именно так.

В таком случае имеет смысл поинтересоваться количеством заключавшихся в России — в разные периоды её истории — межнациональных браков. Примем ради простоты, что в Российской Империи межнациональные браки среди русских были всё же редкостью — за исключением аристократии и высшей буржуазии, где это было в порядке вещей. Но потомки славных князей и купцов первой гильдии — из

тех, кто не остался в безымянном рву или в чекистском подвале — лежат на Сент-Женевьев-де-Буа, а их дети и внуки уже забыли русский язык. Так что, увы, их можно спокойно списать со счетов. Увы — потому что повод не весёлый. Но факты есть факты, с ними надо считаться. Итак, сколько-нибудь значительного смешения народов «додобецаря» не было.

В Советском Союзе всё межнациональное вроде бы поощрялось. На практике, однако, в СССР политики «плавильного котла» не было. Напротив, «особости» всяких народов и народностей — а уж тем более «диких» и оттого социально близких соввласти — всячески укреплялись и даже конструировались специально. Разумеется, доза интернационализма, положенная конкретно русским, тягловой лошадке советской арбы, была исключительно высока. Но какого-то специального поощрения межнациональных браков всё же не наблюдалось. Поэтому советской статистике по смешанным бракам можно верить: в отличие от многого другого, здесь у советского руководства не было особых резонов ни занижать, ни завышать цифры.

Так вот, среди жителей РСФСР — то есть нынешней Российской Федерации — процент смешанных браков не превышал 15%. Некоторые источники указывают более значительные цифры — около 17%.

При этом большая часть этих межнациональных браков заключалась между русскими и двумя «ближайшими народами» — украинцами и белорусами, которые тогда воспринимались не как «всерьёз отдельные народы» (вроде эстонцев или узбеков), а как *свои по крови*, хотя и не «по культуре». Дети от таких браков полукровками себя, как правило, не считали, да и сейчас по большей части не считают. Впрочем, сейчас появилось немало количество «расчёсывателей корней», но это сугубо современное явление, связанное

с нынешней тотальной непопулярностью «русского бренда».

Отметим ещё, что максимум межнациональных браков всегда приходился не на окраины РСФСР, а на Москву. В 1959 г. их было около 15%, а к 1989 г. возросло до 20%.

Сразу скажу: из приведённых цифр нельзя сделать никаких определённых выводов о том, сколько именно полукровок появилось на свет в результате этих браков. Для этого нужны дополнительные данные — например, о количестве членов семьи, о паспортной национальности не только вступивших в брак, но и их предков, также учесть разницу в численности семей «русских» и «смешанных», учесть тот факт, что в мононациональные семьи попадают не только русские, но и браки нерусских одной национальности, а в смешанные — браки нерусских разных национальностей, и т.д. и т.п. По-хорошему, это тема для серьёзного исследования. Тем не менее прикинем кое-что на пальцах. Допустим для простоты, что у нас есть тысяча семей из четырёх человек каждая: родители и двое детей. В таком случае на 120 смешанных семей приходится 240 детей-полукровок, а на остальные 880 русских семей — 1760 русских детей. Мы получаем более чем семикратное превосходство. Далее, сделаем скидку на то, что в смешанных семьях детей зачастую больше, на сомнительность советской паспортной системы определения национальности и прочую усушку-утруску-неучтётку, и примем, что превосходство не семи-, а, скажем, пятикратное. В любом случае, русское этническое ядро воспроизводило себя.

Что же сейчас? С одной стороны, вроде бы наблюдается бум смешанных браков — особенно в крупных городах. Про ту же Москву пишут, что подавляющее большинство браков, заключённых в столице, — межнациональные. Это, конечно, неправда — но даже консервативные оценки указывают, что четверть заключаемых в столи-

це браков являются межнациональными. Учитывая чудовищный наплыв мигрантов в Москву, в это несложно поверить. С другой стороны, по тем же данным, не менее трети заключаемых в Москве браков фиктивны, они заключаются ради прописки. С третьей — довольно много детей появляется на свет вне брака, причём как раз в этом случае вероятность рождения полукровки сильно увеличивается... И так далее — опять же, «надо разбираться». То есть говорить о каком-то *тотальном* размывании этнического ядра, как минимум, рано. Русские были и остаются — по крайней мере, пока — народом, обладающим не только общей культурой, историей, интересами и т.п., но и крепким этническим ядром. Наличие «ауры» вокруг этого ядра отрицает его существование не в большей мере, нежели наличие у Земли атмосферы — существование земной тверди.

Теперь пора посмотреть на дело с другой стороны. Почему мы вообще должны считать существование полукровок какой-то проблемой? Чья это проблема — русского народа или самих полукровок? И если всё-таки народа, то в чём она состоит?

Напомню тезис любителей татарских бабушек. Он состоит в том, что наличие большого числа людей со смешанным происхождением отрицает этническое единство русского народа. Но *каким образом* оно его отрицает?

Вообразим себе экстремальную ситуацию. Некий народ, в прошлом многочисленный — ну, скажем, какие-нибудь условные «нартуадыги» — под влиянием неблагоприятных обстоятельств потерял силу и влияние, его земли завоевали пришельцы, через какое-то время началась активная метисация. В результате чего 95% нартуадыгов бесследно растворилась в чужих народах. «Чистых» нартуадыгов осталось очень мало — ну, тысячи три-четыре. Спрашивается, прекратил ли существование нартуадыгский народ?

Нет, конечно. Эти несколько тысяч

человек *и есть* нартуадыгский народ. Все остальные потомки некогда славного племени — отрезанные ломти, существование которых можно просто не учитывать. В случае национального возрождения нартуадыгского народа оно будет вестись прежде всего в интересах тех нескольких тысяч, которые остались этническими нартуадыгами. Никакой «проблемы с полукровками» в данном случае просто не существует, так как они не признаются частью народа.

Если бы все «русские полукровки» были бы «просто нерусскими» — то есть людьми, которым, в силу их происхождения, нет места в породившем их народе — никакой «проблемы полукровчества» не существовало бы вовсе. Речь бы шла просто об уменьшении количества русских. Что, конечно, очень печально, но относится уже к другой теме — а именно, к теме относительных демографических потерь народа (таких же, как, скажем, эмиграция).

Но можно представить себе и обратную ситуацию. А именно — снова вообразив себе некий народ, который подвергся метисации, на сей раз откровенно насильственной. Ну, к примеру: сейчас распространяются байки про то, что советские войска якобы изнасиловали миллионы немцев. Это скорее всего ерунда, но представим себе, что нечто подобное с каким-то народом действительно происходило (как с теми же сербами под турками). В результате появилось какое-то количество полукровок. Тем не менее и они сами стыдятся своего происхождения, и общество тоже делает вид, что «нет такой проблемы». Те же немцы, например, охотно рассуждая про осквернённых арийских фрау, вовсе не делает из этого вывод, что значительная часть восточных немцев — полуславяне или что «в этом есть какая-то проблема». Такой проблемы не существует. Все немцы — это немцы, даже если кто-то немножко не немец.

Увы, в нашем случае ни то, ни дру-

гое решение («вычесть» полукровок из народа — или, наоборот, всех принять, но на условиях полного закрытия самой темы) не работает.

Проблема состоит в том, что люди со смешанным происхождением совсем не обязательно «уходят из русских» — то есть отождествляют себя с другими народами и перестают осознавать себя в качестве русских. С другой стороны, не все из «неушедших» обязательно принимают русскую идентичность. Увы, достаточно большое количество потомков от смешанных браков оказываются в каком-то странном, промежуточном положении, крайне неудобном и для них самих, и для окружающих.

Чтобы разобраться с этим вопросом, придётся отступить на шаг назад. Мы уже сказали, что подавляющее большинство полукровок появляются в межнациональных браках. Но что такое межнациональный брак и какие проблемы он с собой несёт, особенно для родившихся в нём детей?

На этом месте особенно навёрчено много вранья. Например, обществу навязывается точка зрения, согласно которой межнациональный брак — это что-то исторически новое, а следовательно, прогрессивное, а значит, хорошее. Не будем даже говорить о том, что связка «новое = прогрессивное» ложна сама по себе (если мы не хотим признать СПИД замечательной штукой, «не то что этот устаревший сифилис»). Обратимся к фактам. Межнациональные браки заключались (в том числе и в массовом порядке) и в далёком прошлом. Более того, проблем с этими браками было куда меньше, чем сейчас. Да, именно *меньше*, а не больше.

Почему? Для начала вспомним, чем был брак ещё два-три века назад.

Первое и главное: брачные и семейные отношения были асимметричными. Женщина не считалась полноправным членом семьи и даже полноправным человеком. Кроме моногамного брака существовало ещё много других форм законенного сожительства: женщина

могла быть второй или третьей женой, рабыней, наложницей и т.п. — причём от рабынь и наложниц тоже рождались дети.

В такой ситуации межнациональный брак, как правило, означал одну простую вещь: мужчина где-то разжился женщиной из чужого племени или народа — добыл на войне как пленницу, купил на базаре как рабыню или просто удачно сосватал у каких-нибудь чужаков. Дети от подобных союзов считались собственностью отца, мать имела не слишком большое влияние на детей (особенно на мальчиков).

Сейчас в большинстве цивилизованных стран, включая Россию, юридически закреплена моногамия: один мужчина может состоять в официально оформленных отношениях только с одной женщиной. Брак заключается по инициативе будущих супругов и никак иначе. Далее, жена считается полноправным членом семьи, она имеет — по крайней мере, по закону — равные права с мужем, и общественное мнение с этим согласно.

Что из этого следует? Решается множество тяжёлых проблем — но появляются и новые проблемы. В частности, встаёт во весь рост проблема «уживаемости» супругов друг с другом. Современный брак может распасться из-за пустяков — разбросанных по комнате мужских носков или систематически незакрываемого тюбика с пастой. Разумеется, сами по себе эти мелочи не играли бы такой роли, если бы в семье установилось чёткое разделение сфер влияния, доминирования и т.п. Но если на личные фанабери накладывается ещё и разница культур, всё становится совсем скверным.

Межнациональный брак, особенно в его «чистом» виде — то есть когда и муж и жена являются полноценными представителями своих культур, а не ассимилянтами, — это, как правило, тяжёлый и проблемный брак.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на мнение профессионально-

го защитника интересов нерусских мигрантов в России (Ольга Малахова, исполнительный директор программы социальной и психологической поддержки мигрантов, из интервью журналу «Огонёк», № 49 за 2006 г.):

«— Чьи традиции, чей уклад жизни будет доминировать в такой семье?

— “Драка” за доминирующее положение зачастую бывает страшной. В европейских союзах более честные отношения на этапе ухаживания, а в нашей культуре ухаживания — это одна история, а брак — совсем другая. Когда мы невестимся — мы очень скромные и на все согласные, а потом показываем характер. По-моему, страшнее русской женщины ничего нет. Став законной супругой, она может превратиться в неистовую фурию. Такая женщина обязательно проявит свою неполиткорректность, не раз напомнит мужу о его национальности, чем вызовет, конечно, еще большее возмущение; и все это может закончиться не очень хорошо...

— Как родственники реагируют на такие браки?

— И с той, и с другой стороны с большой настороженностью. Одно дело брак россиянки с американцем, совсем другое — с армянином, например. У традиционных культур очень низкий уровень терпимости, поэтому ни мы, ни они в восторге не будем. Межэтническим семьям, да и семьям вообще лучше не жить с родственниками, они мешают развитию брачной истории. Но это практически невозможно. Муж-кавказец будет упорно втягивать в отношения всех своих братьев, сестер и троюродных тетушек; а наши девушки, хоть на словах и грезят о самостоятельности, уютнее себя чувствуют под бочком у мамы-папы. В итоге русские родственники настаивают на соблюдении своих традиций, армяне — на соблюдении своих, и коктейль получается гремучий.

— Такая разница культур для детей — благо или трагедия?

— Дети в межнациональных браках интеллектуально более развиты. У них высокая способность к сопереживанию, эмпатии. Но только в том случае, если каждый из родителей вкладывался в воспитание. Если же противостояние культур идет с самого начала, ребенок может получиться по варианту ни то ни се. Такой ребенок и в восемнадцать лет не может идентифицировать себя: «Кто я — русский или мусульманин?» Вообще в таких семьях четыре варианта развития событий: ребенок принимает сторону отца или матери, или, что идеально, и ту и другую, или же он становится изгоем, не определившись со своей национальностью. К сожалению, пока от браков с мигрантами получается или мамин вариант, или изгой.

— Насколько устойчивы межнациональные браки?

— Я могу кричать на каждом углу, что *я против межэтнических браков, потому что пока тенденция опасная, особенно для детей*, но это ничего не меняет. А ведь любой брак — это уже столкновение разных культур. У одних принято свет выключать вечером, у других принято, чтобы была полная иллюминация. У одних все праздники проходят с родственниками, у других вообще не принято с ними видеться. Теперь представьте, какие сложности возникают, если соединяются люди разных стран и разных национальностей. Пока нет детей, они еще как-то уживаются, но потом начинаются проблемы. Разводы нередки. И разводы страшные — с судами, побоями, поджогами, кражами детей. Ко мне часто приходят женщины с наивными просьбами выступить в суде, повлиять как-то на процесс».

К этому следует добавить ещё одно соображение. В настоящее время большинство межнациональных браков строится по модели «русская женщина — нерусский мужчина», очень часто кавказец или азиат, приехавший в Россию относительно недавно. Как

правило, это человек материально обеспеченный (или представляющийся таковым), но не слишком развитый, «из низов» соответствующего общества (поскольку «большие люди» женятся на соплеменницах). «Белую женщину» такой человек воспринимает как свою собственность. Если женщина принимает подобную роль, брак оказывается удачным, если нет — это порождает конфликты и в конечном итоге заканчивается разводом или чем-то худшим.

Из всего сказанного следует вывод: межнациональные браки вовсе не являются чем-то современным, прогрессивным и так далее. Напротив, это проявление отсталости, рецидив архаики. Распространение таких браков в цивилизованном обществе является не столько симптомом модернизации, сколько следствием архаизации, отката назад — по крайней мере, в культурном и цивилизационном отношении.

Каковы естественные реакции детей, рождённых в смешанном браке, на национальную проблематику?

Допустим, что оба родителя нежно любят друг друга, обожают своих детей и ничего им не навязывают, а национальный вопрос, как мусор, замечают под ковёр. Всё равно для ребёнка из такой семьи вопрос «*ты русский или нерусский?*» звучит как «*кого ты больше любишь, маму или папу?*» А дети, как известно, такие вопросы не любят. И ещё больше они не любят тех, кто такие вопросы задаёт.

Тут мы подходим к самой сути «полукровческой проблемы». Очень часто полукровки нервно реагируют на любую «национальную» тематику — поскольку даже самые невинные разговоры о национальных особенностях разных народов, их национальных интересах и т.п. *звучат для них* именно как вопрос «кого ты больше любишь, маму или папу» (или тётю Марту, дядю Марка, бабушку Зульфию и деда Отара). Само *поднятие* этого вопроса подсознательно отвергается ими, воспринимается в штыки. В том, что у лю-

дей есть национальность, полукровка склонен видеть потенциальный источник проблем и неприятностей, причём не чьих-нибудь, а своих личных.

Всё это усугубляется чисто биологическими факторами. Как уже было отмечено, полукровки имеют определённые достоинства — они зачастую здоровее, крепче, энергичнее чистокровных. Но за всё приходится платить. В частности, те части психики, которые зависят от генов (а от генов в человеке зависит практически всё), зачастую складываются у них неправильно, криво: их душа как бы строится из кирпичиков разного размера, так что стены этого дома получаются кривыми. Две крови поют на два голоса, и редко в унисон, а то и начинают гавкать друг на друга: мамины инстинкты велят человеку одно, папины — совершенно другое, в результате он впадает в ступор.

Так что неудивительно, что именно от полукровок можно услышать пламенные речи на тему «национальность — это предрассудок», «национализм глуп, смешон, мерзок и преступен», «надоели вы мне со своим делением людей на таких и сяких, есть плохие люди и хорошие люди» и т.п. При этом большинство полукровок, как правило, в глубине души ощущает истинное значение национальной самоидентификации — и именно поэтому яростно, страстно её отрицают. «Нет, нет, нет, ничего нет, нет никаких народов, нет никаких наций, нет никаких национальных интересов, всё это выдумали фашисты, люди все одинаковые, нельзя сравнивать форму носа и разрез глаз». При этом тот же самый человек, который с такой пеной у рта проповедовал бескрайнюю толерантность, на бытовом уровне вполне может разделять самые дикие предрассудки, в том числе относящиеся к тем народам, кровь которых течёт в его венах. Уж сколько я слышал и читал рассуждений типа *«все люди одинаковы, происхождение человека ни-*

чего не значит, всё это придумки русских нацистов, все русские по природе своей нацисты, века монгольского владычества и крепостного права, у нас в гены вбито рабство, пьянство и зависть» — и очень часто подобные пассажи выдавали именно они, люди с «букетиками кровей».

Разумеется, всё сказанное выше относится далеко не ко всем полукровкам. Есть немало людей, которые преодолевают подобные комплексы и сознательно утверждают в своей принадлежности к одному народу (какому именно, зависит от обстоятельств). Некоторые из них становятся искренними и последовательными националистами, иногда даже чрезмерно в том усердствуя.

В принципе, так оно и должно быть. Но, увы — в современной России болезненный и нездоровый полукровоческий «антинационализм» сознательно стимулируется и разжигается теми, кто заинтересован в подавлении русских национальных чувств. Это происходит на всех уровнях — начиная от бытового и кончая официальным. Чтобы не ходить далеко за примерами, вспомним относительно свежую политтехнологическую затею, направленную против русских, — провести в Москве «фестиваль полукровок». Заводчики этого мероприятия и не скрывали, что главная его цель — борьба с русским национальным движением. Мероприятие, впрочем, не состоялось, поскольку спонсоры нашего «антифашизма» сочли предложение слишком экстравагантным... Но не стоит радоваться: всё ещё впереди.

Итак, мы видим, что количество полукровок среди русских не столь значительно, как это иногда представляют люди несведущие или злонамеренные. Далее, межнациональные браки вовсе не являются прогрессивным явлением. Дети, рождённые в таких браках, зачастую имеют серьёзные личностные проблемы. В российском случае эти проблемы усугубляются анти-

русской политикой властей, ищущих способы создать русским людям дополнительные трудности, в том числе и морально-психологического свойства.

Промежуточные итоги

Мы рассмотрели далеко не все ходы русофобской мысли, связанные с попытками доказать, что «русских нет». Однако возникает вопрос: почему мы, русские, вообще вынуждены слушать людей, которые доказывают, что нас не существует?

Что ж, мы не первые, кто попадал в такое положение. Угнетённые народы всегда сталкиваются с желанием угнетателей отрицать их бытие. Например, в Австро-Венгрии писались трактаты о том, что никаких чехов, например,

нет — это просто «деревенский сброд, лишённый культуры», и говорить о какой-то особой чешской народности «просто смешно». Чешским «будителям» приходилось доказывать, что чехи есть. И эта дискуссия длилась до самого распада Австро-Венгрии, после чего все разговоры о том, существуют ли чехи, кончились. Потому что у чехов появилось своё национальное государство, и все вопросы кончились. Чехи себя отстаивали, и их существование стало признанным.

Если русским удастся создать своё национальное государство, все глубокомысленные рассуждения на тему того, существуют ли русские и кто они такие, тоже прекратятся. За отсутствием спроса.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Русская идентичность всегда была несколько загадочной: откуда она взялась и каковы её границы — эти вопросы волновали учёных ещё со Средних веков. «Русь», «русский» — слова неясного происхождения, впрочем, как и многие другие этнонимы. Однако во все века своего существования они означали очень многое и были субъективно значимы для носителей русского самосознания.

К вопросу «кто такой русский?» можно подходить двояко. С одной стороны — авторитарно давая на него свой, субъективно выбранный ответ. Так нередко делается в политической сфере из конъюнктурно-идеологических соображений, однако долгое время такой подход господствовал и в науке. С другой стороны, можно пытаться проанализировать то содержание, которое вкладывают в это самоопределение его носители. И вот при таком подходе выясняется, что в разные эпохи и в разных регионах это содержание было весьма различным. «Общеисторического» ответа на такой вопрос просто нет. Человек, называвший себя «русским» в XIII в., подразумевал под этим не совсем то, что человек, называвший себя так в XIX в., да и тот иначе понимал свою русскость, чем наши современники. Смысловое наполнение этнонима определяет в первую очередь господствующий дискурс идентичности, который изменчив, следуя за развитием культуры и политики.

* * *

Для науки проблемным остаётся вопрос, что стоит за этничностью — самосознание, особенности языка, бытовой культуры или же даже расовое сво-

еобразии. Последний вариант был более всего свойственен науке середины XIX — первой половины XX в. в период увлечения расологическим подходом и попытками его совмещения с этнографическим описанием преимущественно колониальных народов. Надо отметить, что и тогда этот подход не был абсолютно господствующим, однако именно он оказал решающее влияние на становление понятия «национальность» в раннее советское время (тождественно понятию «этничность» в более позднем научном языке).

Действительно, говоря о «русскости», мы не можем обойти вопрос о тех понятиях, которые привычны нам в наше время, то есть о господствующем в наши дни и нашей культуре дискурсе идентичности. Формирование в СССР в 1920–1930-е гг. системы формальной национальной принадлежности (т.н. «национальности», которая наследовалась от родителей и стала записываться в свидетельства о рождении и паспорта) сильнее всего повлияло на нашу культуру и ввело в общественное сознание новые понятия о самоопределении, распространённые по сей день. Рассуждения о процентах крови той или иной национальности в организме, придание часто почти незнакомому языку статуса «родного» на основании этих подсчётов, как и отказ от какого-либо самоопределения на основании того, что «во мне много кровей понапешано», типичны для жителей постсоветского пространства, особенно в Российской Федерации.

Примечательно, что этот «сталинский» дискурс идентичности со временем разошёлся с советской же научной мыслью. Советская этнологическая

мысль, изначально основывавшаяся на биологизаторском подходе к «национальности», к 1970-м гг. уже полностью от него отошла. Вот как один из виднейших советских этнологов Юлиан Бромлей описывал в статье 1970 г. характер споров о природе этноса в советской науке: «Так, одни авторы а качестве главных признаков этого рода называют язык и культуру; другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание; третьи указывают, кроме того, на особенности психического склада; четвертые включают также в число этнических признаков общность происхождения и государственную принадлежность; пятые усматривают сущность этноса в особенностях психических стереотипов»¹. Среди этих пяти позиций только в одной значится «признак общности происхождения», который, впрочем, также нельзя принимать как именно биологический.

Сам Ю. Бромлей указывал, что «уже давно обращено внимание на то, что ни один из элементов этноса (например, язык, обычаи, религия и т.п.) не служит непременным дифференцирующим этническим признаком»². При этом этнос он определял через «общие относительно стабильные особенности языка и культуры»³, главным в его определении считал признак устойчивости этнонима⁴, а абсолютно необходимым этническим признаком признавал этническое самосознание, выраженное в самоназвании⁵. В ещё одной работе Бромлей указывал, что «практически этнос существует до тех пор, пока его члены сохраняют представле-

ние о своей принадлежности к нему»⁶. Как видим, представления о характере этноса у мэтра советской примордиалистской этнологии были крайне далеки от распространённых в российском обществе по сей день рассуждений об этнической «крови».

Западной этнологии свойственны очень серьёзные различия по национальным школам. Этнология романоязычных народов (особенно французская и итальянская) рассматривает этносы как догосударственные общества, существование которых в Средневековье или более поздние эпохи просто не предполагается. Трудно поговорить с французским учёным, например, об этническом самосознании во Франции XVI в. — для него этнос является неоперативной категорией для рассмотрения столь развитых обществ. Во многом с этим связано и некоторое внимание к расовым различиям в этническом мире, так как они играют немалую роль в родоплеменных обществах.

Иная ситуация сложилась в англоязычной этнологии (к ней же можно добавить и немецкую, и западнославянскую). Здесь этнос и этничность — важнейшие понятия для описания реальности в том числе и современного Запада. Здесь присутствует и своё социобиологическое направление (наиболее известный его теоретик Пьер ван ден Берге)⁷, однако оно выделяется своей оригинальностью и одновременно маргинальностью на общем фоне этнологической мысли. Основной парадигмой западной этнологии стал взгляд на этносы как на «формы социальной организации культурных различий»⁸. Окончательную форму-

¹ Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.

² Там же.

³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57.

⁴ Там же. С. 45–49.

⁵ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 157; Он же. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 45.

⁶ Бромлей Ю.В. К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы: Ежегодник. № 1. М., 1971. С. 25.

⁷ Van den Berge P. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.

⁸ Barth F. The analysis of culture in complex societies // Ethnos. Stockholm, 1989. Vol. 4. P. 120.

лировку такой подход получил в работах Ф. Барта, однако теперь он высказывался и более ранними исследователями. Выдвигается также широко распространенный тезис, что основным в феномене этничности является понятие идентичности, а «идентичность конструирует свое позитивное через отрицание»⁹.

Наследники межвоенной Чикагской школы рассматривают этносы как формы социальной институционализации ситуативных идентичностей, в связи с чем предмет школы описывается как символический интеракционизм, то есть различные стратегии поведенческих реакций на отличие. Здесь речь идёт о «свободном выборе каждым своей идентичности» (Р. Парк). В объектив исследователей попадают и расовые группы в мультирасовых обществах, но здесь биологическая данность рассматривается как повод для реакции на «другое», представляющая собой лишь одну из возможных ситуаций, а не как сущностная характеристика этноса. На исследование культурных границ направлено внимание и учёных Манчестерской школы, делающих упор на исследовании ресурсной конкуренции различных социальных групп, обретающих «этничность». С позиций самого Ф. Барта и его последователей, первична вообще не этничность, а граница, вокруг которой идёт процесс дихотомизации культурного содержания посредством этнодифференцирующих признаков¹⁰.

Представители инструменталистского направления рассматривают этносы только как группы, сознательно созданные посредством различных властных стратегий «этническими предпринимателями» с теми или ины-

ми практическими целями. Венская школа исторической этнографии вообще отрицает существование общепризнанного феномена этничности даже для западной культуры, показывая, что «быть членом “этнически названной” группы в четвёртом веке было, несомненно, совсем иным, чем быть членом группы с тем же именем на два или три столетия позже»¹¹, при этом этносы предстают как «исторические процессы»¹². Наиболее близкое позднесоветским описаниям этносов определение мы можем найти у одного из немногих западных исследователей, сознательно поставившего себе задачу проследить связи этносов и наций, Энтони Смита: этнос — это «общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, имеющая совместную историю и культуру, ассоциированная со специфической территорией и обладающая чувством солидарности»¹³.

Общее происхождение, на важность которого часто ссылаются те, кто видит этносы биологическими организмами, действительно нередко обозначается как очень важная сторона этничности, но не как формирующая его, а как необходимый для этнической идентичности «миф об общем происхождении»¹⁴. Важность такого мифа указывает и такой известный отечественный этнолог как Юрий Семёнов, определяя этнос как «совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят,

¹¹ Wood I. Conclusion: Strategies of Distinctions // Strategies of Distinctions. The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Ed. by W. Pohl with H. Reimitz. Leiden–Boston–Köln, 1998. P. 298.

¹² Pohl W. Telling the Difference: sings of Ethnic Identity // Strategies of Distinctions. The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Ed. by W. Pohl with H. Reimitz. Leiden–Boston–Köln, 1998.

¹³ Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 30.

¹⁴ Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Los Angeles, 1985. P. 52.

⁹ Hall S. The local and the global: Globalization and ethnicity // Culture, Globalization and the World System. London, 1991. P. 19.

¹⁰ Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006 (Oslo, 1969).

как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения»¹⁵.

В послесоветское время в российской науке дискуссия по проблеме определения этноса с новой силой разгорелась с 1994 г., со статьи С.В. Чешко «Человек и этничность»¹⁶. В ней содержалась жесткая констатация, что «то явление, которое обозначается термином “этничность”, едва ли можно, по крайней мере на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-либо четкой дефиниции»¹⁷. «До сих пор никому не удалось дать исчерпывающе точные сущностные определения таким базовым понятиям этнологии, как “культура”, “этнос”, “этничность” и др.»¹⁸.

В статьях последнего времени появились концепции, вызывающие у сторонников объективистского определения этноса опасения, что «абсолютизация роли самоидентификации ведет к излишней субъективизации этноса»¹⁹. Кроме того, более глубокое осмысление получила сама категория самоидентификации. Именно на эти рассуждения мне бы хотелось обратить здесь особое внимание.

Наиболее интересной в этом отношении, на мой взгляд, является одна, к сожалению, малозамеченная статья Е.М. Колпакова «Этнос и этничность», в которой дается следующее определение этноса: «этнос есть группа людей,

продолжающая сознавать свое единство после того, как они уже перестали составлять некую общность, в которой это сознание сформировалось»²⁰. Колпаков утверждает, что этносы появляются вследствие распада социальных организмов: «этносы впервые появляются после распада первых в истории человечества общностей на уровне социального организма», когда появляется «феномен этнического самосознания, которое уже не отражает какое-либо существующее единство, а само вместе с этнонимом становится единственным определяющим признаком»²¹.

Сходные мысли, впрочем, выражались и другими теоретиками этноса. Ю.И. Семенов утверждает, что «этносы суть порождения общества, но такие, которые могут приобрести значительную самостоятельность»²². В.А. Тишков в своей статье «О феномене этничности» заявляет, что «признаком этнической общности является не “общее происхождение”, а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности»²³. «Этнизму скорее и легче та общность, которая имеет свою историю и — еще важнее — память об этой истории»²⁴. В рамках такого подхода находит свое место и информационная теория этноса С.А. Арутюнова, определяющая этнос как «сгусток инфосвязей», как общность, образующаяся при до-

²⁰ Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 19.

²¹ Там же. С. 17.

²² Семенов Ю.И. Общество, страны, народы // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 12.

²³ Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 12.

²⁴ Соколовский С.В. Этничность как память: парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994. С. 28.

¹⁵ Семёнов Ю.И. Этносы, нации, расы // Семёнов Ю.И. Социальная философия. Курс лекций / Под ред. И.А. Гобозова. М., 2003.

¹⁶ Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Чешко С.В. Этническая история славян с точки зрения проблем этнологии // Славяноведение. 1993. № 2. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 17.

стижении определенной критической плотности внутренних информационных потоков²⁵. Действительно, такая плотность замкнутых инфосвязей образуется в условиях фактического длительного существования общества в едином социальном организме, и именно они на системном уровне, имея способность к самовоспроизводству, являют собой тот континуитет общности, который продолжает существовать после распада его политической замкнутости.

* * *

Если рассматривать этнос как дискурсивную стратегию говорения о «чужих», «других», то необходимо признать, что сама потребность в ней возникает только в связи с принципиальными переменами в социополитической обстановке, когда встреча и ведение отношений с «чужим» становится постоянным фоном жизни. Это ситуация нарушения прежде привычных социальных связей и границ, а значит, феномен этничности возникает на основании такого нарушения. Память о прошлом, «нормальном» состоянии общества становится определяющей для самосознания и социальных связей. Руководствуясь таким подходом в теории этноса, можно утверждать, что этнос возникает (и существует) именно благодаря общей исторической памяти, а этничность есть форма этой исторической памяти, поддерживаемой общим самоназванием. Самоназвание — это тот символ, который является основой любой коллективной памяти и потому апеллирует к прошлому, степень семиотизации которого благодаря определенной временной дистанции поднялась на уровень мифологизации.

Вообще, сами исследования этноге-

неза на основе идеи о примате значения самоидентификации уже получили весьма весомое место в нашей науке. Причем главным и определяющим её критерием признается обыкновенно именно самоназвание²⁶. «Эволюция этничности может быть уподоблена эволюции этнической номинации, с которой она неразрывно связана»²⁷. Те же выводы о роли исторической памяти в этносамоидентификации указывают на необходимость подхода к этим проблемам с более сложных позиций. Важно изучение не только самоидентификации с тем или иным этнонимом, но и изучение изменений в представлении о прошлом как имеющих определяющее влияние на этноформирование.

Для нашей темы это принципиальный момент, так как абстрактный вопрос о русских и русскости в результате упирается в исследовательский вопрос: «Кто и когда называл себя русским?», а также: «Что он под этим понимал?». Вопрос о нашем дискурсе идентичности, то есть в данном случае о предпочитаемом научном направлении в понимании этничности, определяет и наш подход к описанию русской истории, всего русского прошлого — как с культурно-антропологической, так и с политико-географической точки зрения. Ведь если мы говорим о «русских в истории», то с необходимостью исходим из определённого представления о том, кто же такие эти «русские». И разные подходы в этой области определяют и различные «схемы» русской истории.

По традиционной советской схеме утверждается существование древнерусской народности, сложившей-

²⁶ См. напр.: *Иванов С.А.* Откуда начинать этническую историю славян? // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 6.

²⁷ *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 110.

²⁵ *Арутюнов С.А.* Этничность — объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.

ся в XI–XII вв., и разделение её на три ветви «братских восточнославянских народов» в XIV–XV вв. Эта модель строилась на основании абсолютизации некоторых данных о социально-политическом строе, бытовой культуре и языковом развитии. Однако в первую очередь она соответствовала политическому заказу, связанному с созданием национальных республик СССР и оформлением их национальных идеологий, а также идеологии «братства восточнославянских народов». Приоритетность политического заказа видна из избирательности тех фактов, которые приводились в обоснование данной схемы: саму необходимость учитывать именно их, а не многочисленные другие свидетельства, не служащих её обоснованию, трудно объяснить чисто научными требованиями. Причём в наибольшей степени это касается как раз сферы лингвистики. И главное: эта схема вовсе не учитывала тот фактор, который постепенно был признан не только мировой, но и советской наукой важнейшим, — а именно самосознание.

При взгляде на этническую историю восточных славян на основании критерия развития их самосознания историческая схема получается совсем иной. Такой подход содержится в исследованиях одного из крупнейших современных специалистов по истории допетровской Руси Бориса Флоры: «...при изучении процессов развития этнического самосознания недостаточно существования определенных особенностей материальной или духовной культуры той или иной общности людей, заимствованных у этнического субстрата, важно, чтобы эти отличия осознавались населением и осмыслились им, как этнообразующие признаки, отличающие данный этнос от других, соседних»²⁸. Учёный наглядно де-

монстрирует, что утверждение русского самосознания во всех основных центрах восточных славян произошло лишь во второй половине XIII — первой половине XIV в. То есть, если считать самосознание важнейшим определяющим фактором, то получается, что (древне)русская народность сложилась значительно позже, чем принято было считать.

Интересно сопоставить такой подход с предложениями в области теории этноса, содержащимися в вышеупомянутой статье Е. Колпакова, которая даёт прекрасную объяснительную схему описываемому фактическому материалу. Действительно, если временем формирования древнерусской народности следует считать не XI–XII, а XIII–XIV вв., то это как раз то время, когда общность, на основе которой указанная народность сложилась, уже утратила единство. Именно распад прежней социально-политической общности в результате монголо-татарского нашествия спровоцировал распространение русской идентичности у большей части населения Древней Руси. Кстати, два-три века со времени образования последней как раз соответствуют сроку, о котором писал М. Элиаде как о необходимой временной дистанции, на расстоянии которой прошлое в общественном сознании окончательно мифологизируется, превращаясь в систему символов, актуальную для общества в настоящем. Именно к XIV в. осознание себя «русскими» распространяется действительно «во всех частях восточнославянской этнической территории»²⁹, а Киевская Русь становится символом былой общности, тем мифическим временем, в пространстве которого действуют эпические герои народных сказаний.

То же самое можно сказать и о том

²⁸ Флора Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — Раннего

Нового времени // Россия — Украина: исторические взаимоотношения. М., 1997. С. 10.

²⁹ Там же. С. 12.

положении традиционной схемы восточнославянской этнической истории, по которому о существовании уже трех народностей можно говорить уже с конца XIV в. На основании исследования широчайшего комплекса источников Б. Флоря пришел к выводу о формировании предпосылок для их появления в будущем лишь во второй половине XVII в., а это именно то время, когда начался обратный процесс воссоединения восточных славян в пределах одного государства. Соединение населения, пусть и характеризующегося общим самосознанием, но имевшего в последние столетия очень разный культурный и исторический опыт, было одновременно и распадом восточнославянской общности внутри Речи Посполитой, и новой ситуацией встречи с «другим».

* * *

Рассмотрим это подробнее. Русское имя имело, очевидно, дружинно-племенное происхождение, однако стало распространяться через власть киевских князей, образуя новые понятия³⁰. Под «Русской землёй» в X–XII вв. понималась либо совокупность территорий, контролируемых «русскими» князьями, либо — в узком значении — их центральные владения, то есть земли Среднего Поднепровья с центром в Киеве. В результате принятия христианства сложилось и понятие «русской веры» в значении православия Киевской митрополии. Её власть распространялась на племена весьма различного происхождения, которые теперь объединялись не только фактом общей власти, но и церковной организацией. Интересно, что христианизация уже тогда воспринималась как создание но-

вого народа. В «Слове о Законе и Благодати» (первая половина XI в.) новокрещённый русский народ именуется «новым», что позволяет автору формулировать свою концепцию его будущей великой роли. Появляется понятие о «русских людях» как о людях «русской веры», живущих на «Русской земле».

В основу всех местных летописных традиций восточных славян лёг летописный свод начала XII в. «Повесть временных лет», в котором ясно читается общерусская модель восприятия народа и государства. В «Слове о погибели Русской земли» середины XIII в. даётся подробное описание пределов территории — «светлой и прекрасно украшенной Русской земли»: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море (Ледовитый океан. — *О.Н.*); от моря до болгар, от болгар до буртасов (то есть до Среднего Поволжья. — *О.Н.*), от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все с помощью Божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали». Однако формирование понятия о единстве Русской земли и о едином русском «христианском народе» ещё не означает широкого распространения русской идентичности.

Именно после монголо-татарского нашествия произошло повсеместное утверждение русского имени. «Как показывает анализ нарративных и документальных источников второй половины XIII — начала XIV в., на всех частях восточнославянской этнической территории местное население называет себя «русинами» или «русскими», а страну, в которой они живут, «Русью» или «Русской землей», и свой

³⁰ См.: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: этнический аспект становления и развития государственности // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 9–59.

язык — «русским»³¹. Этническая идентичность, закреплённая в самоназвании, несла с собой память о прошлом единстве и как таковая становилась основой самосознания.

В период раздробленности Русская Церковь оставалась единственной организацией, сохранявшей общерусское единство, что эффективно поддерживало память об утраченном единстве. К этому времени мы видим жёсткую увязку православного вероисповедания и идентичности: русский тот, кто русской веры. Церковь поддерживала и единство исторической памяти, и представление об актуальном духовном единстве поверх новых границ. Само понятие о «русской вере» довольно оригинально и свойственно именно русской традиции. На Западе этническая маркировка конфессии до эпохи Контрреформации была неактуальна. Этим объясняется очень глубокая степень социального проникновения русской идентичности: она была свойством отнюдь не только высших слоёв общества, но и широких слоёв селян — «крестьянства», подтверждением чему различные источники, свидетельствующие о массовом самосознании простого люда (в первую очередь приграничные «расспросные речи»). Если учёные не без основания пишут, что во Франции XIX в. крестьяне себя французами ещё не считали, то в русских землях мы сталкиваемся с совершенно иной реальностью очень раннего и повсеместного распространения этнической идентичности.

Разделение Русской земли на Восточную (вскоре — Московскую) и Западную (собранную во второй половине XVI в. в составе Речи Посполитой), несомненно, создавало объективные предпосылки для расхождения тра-

диций исторической памяти по обе стороны границы. И, как показывают источники конца XVI — первой половины XVII в., эти различия начинали осознаваться высшими слоями общества. В текстах православных, и особенно униатских писателей того времени стали появляться различия «русского» и «московского народа», оно же подчёркивалось распространением в Западной Руси таких понятий, как «Малая Россия» и «Великая Россия»³² (раньше всего — в сочинениях Ивана Вишенского³³ и Захарии Копыстенского³⁴, а также в письмах высших церковных деятелей новооставленной в 1620 г. иерархии православной Киевской митрополии в Москву). И всё же за этими различиями почти всегда стояло осознание общности «рода, веры и языка». Как писалось в западнорусской Густынской летописи: «различно презывахуся... яко же и ныне Москва, Белая Русь, Волинь, Подолля, Украина, Подгоря и проч. Но обаче аще и различие есть во именовании волостям, но вестно есть всем, яко все единокровны и единокровны, сем бо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются»³⁵.

³² См. важную статью об этом: Соловьёв А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 6.

³³ См.: Неменский О.Б. Особенности этноконфессиональной идентичности автора в сочинениях Иоанна Вишенского // Белоруссия и Украина. Вып. 4. М., 2012.

³⁴ См.: Неменский О.Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин / Під ред. В.А. Смолія. Київ, 2003. С. 409–434; Он же. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. Вып. 3. М.: Индрик, 2008. С. 41–78.

³⁵ Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1843. С. 236.

³¹ Флоря Б.Н. О некоторых особенностях... С. 12. См. также: Флоря Б.Н. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 34–35.

Не менее выраженным общерусский взгляд был и в Московской Руси, которая со второй половины XV в. поставила себе задачу «собираания земель русских», хотя и здесь в первой половине XVII в. всё чаще обозначали всех жителей Западной Руси особым словом «белорусцы» (это относилось в том числе и к запорожским казакам), а к религиозной традиции на этих землях относились со всё большим подозрением. Впрочем, идеологию присоединения Западной Руси к Московскому государству разработали деятели православного движения Речи Посполитой, сопротивлявшиеся насаждению унии³⁶. И впервые она донесена до Москвы была во время посольств от митрополита Иова Борецкого (1620-е гг.)³⁷.

Процессы осмысления различий между Восточной и Западной Русью никак нельзя трактовать как зарождение особых украинской и белорусской народностей. Никакого осмысления границы между восточнохристианским населением земель современной Украины и современной Белоруссии ещё не было. Как пишет Б.Н. Флоря: «...усиление этнического самосознания восточнославянского населения Речи Посполитой, очевидно нашедшее свое выражение, в частности, в памятниках, возникших в ходе борьбы вокруг Брестской унии 1596 г., было усилением сознания принадлежности к единой этнической общности — “рус-

скому” народу на территории Речи Посполитой»³⁸. Только события середины — второй половины XVII в. привели к новой перегруппировке политических границ и заложили основы для новых различий в восточнославянской общности.

Примечательно, что униаты также придерживались и отстаивали свою русскую идентичность. Собственно, уния и была способом сохранения «русского народа» перед угрозой латинизации, то есть окатоличивания. В этнических представлениях, господствовавших в то время, сохранялось отождествление русской идентичности с «русской верой». Униаты несколько модифицировали эту связку: теперь на место широкого и спорного для униатов понятия «веры» встало понятие «набоженства». Набоженство — труднопереводимое на современный язык слово, относящееся в первую очередь к церковной обрядности, но далеко не только к ней: оно относилось и ко всему православному церковному преданию, к религиозным традициям, церковнославянскому языку и т.д. Я бы сказал, что это был своего рода зачаток понятия «культура», сформировавшийся ещё в контексте чисто религиозного мышления.

Примечательно, что русофильское движение на западнорусских землях во второй половине XIX в. было инициировано преимущественно униатскими священниками, они же в XIX и в XX вв. не раз возглавляли движения за возвращение в православие. Интересно также, что соединённость русской этничности с конфессиональной традицией сохранялась в сознании многих вплоть до XX века. Например, вот что писал униатский священник из Закарпатья о. Иоанн Дулишкович в 1870-х гг.: «...с водворением так званой церковной Унии всем исповедникам восточной церкви очень излегчѣн

³⁶ Интересно отметить, что эти деятели были в основном галичанского происхождения. См.: *Неменский О.Б.* Общерусские аспекты идентичности православных деятелей Галицкой Руси в конце XVI — первой трети XVII в. // *Вестник Юго-Западной Руси.* 2010. № 6.

³⁷ См. об этом: *Флоря Б.Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.А.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 208–209.

³⁸ *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях... С. 23.

переход на обряд латинский — к чему и приманивались, а кто оставил восточный обряд, тот перестал быть уже русским и по народности»³⁹.

Да, несомненно, в секулярный век русская идентичность всё более приобретала светские характеристики: появилось понятие культуры, литературный язык, традиция атеистической мысли и т.д. Однако она сохраняла всё ту же историческую память о древнерусском единстве и значительную общность культурных форм.

Реальное размежевание между «русскими», «украинцами» и «белорусами» связано было уже с формированием особых национальных проектов в XIX в. и их введением в массовое сознание в результате национальной политики в XX в. Несомненно, они были основаны на тех региональных особенностях в языке и исторической памяти, которые сложились до этого — и сознательно их актуализировали. И всё же даже для XIX в. мы не имеем источников, свидетельствующих о массовом украинском или белорусском самосознании. До XX в. особая украинская и белорусская идентичности были чертой лишь небольших обществ националистически мыслящей интеллигенции, собственно и создававших новые национальные идеологии. Однако абсолютное господство русской идентичности во всех уголках восточнославянского мира оставалось несомненным фактом. Русская этничность, утвердившаяся к XIV в., сохраняла своё господствующее положение и в Восточной, и в Западной Руси по крайней мере до начала XX столетия, кото-

рое стало эпохой применения широко-масштабных практик по искоренению русской идентичности⁴⁰. Это и реализация украинского и белорусского национального проектов, прививание населению Западной Руси нерусского самосознания, и сильнейшие изменения в традиционном содержании русского этнонима и в самой исторической памяти, которые были произведены с восточной частью восточных славян.

* * *

Нации создаются национальными движениями, однако всегда основаны на той или иной этнической традиции и самосознании. После работ Энтони Смита сопряжённость национального и этнического уже редко вызывает активные споры. В эпоху массовой политики и демократических процедур управления, в эпоху разделения всей Европы на отдельные национальные государства русская идентичность превратилась из этнографического факта в реальный интеграционный ресурс для политической консолидации огромных территорий преимущественного расселения восточных славян. Возможность столь масштабной национальной консолидации неизбежно осознавалась как опасность любимыми не заинтересованными в таком ходе дел силами. И трудно сомневаться, что даже сильно уменьшенная и, несомненно, находящаяся в глубоком кризисе современная русская идентичность продолжает сохранять огромный консолидационный потенциал.

³⁹ Дулишкович И. Исторические черты Угро-Русских. Т. II. Унгвар, 1875. С. 26.

⁴⁰ См. о них: *Неменский О.Б.* Технологии дерусификации // Вопросы национализма. 2013. № 2 (14).

Мария ЛЕСКИНЕН

«ВОЛГА — РУССКАЯ РЕКА»

Из истории формирования и аргументации концепта

Анализ образов различных регионов (ландшафтов и исторических областей) государств и реконструкция т.н. «ментальных карт» в последние годы стали чрезвычайно актуальны в изучении национализмов и в трудах по империологии¹. Как никакой другой исследовательский объект, пространственные представления наиболее точно воплощают воображенную реальность, метафорические категории которой — физические (тело, дух, облик, национальный характер) и идеально-мифологизирующие (Отчизна, нация, народ, идея, патриотизм) — оказывают самое непосредственное влияние на способы обоснования и видение собственной идентичности. Находясь на границе, на стыке социальной инженерии и отрефлексированной имажинерии, пространственные образы и комплекс символических значений, приписываемых им, позволяют выявить закономерности, а также особенности механизма нациестроительства.

Процесс самоосмысления нации в Российской империи второй половины XIX в., направляемый интеллектуальной элитой общества, затрагивал и один из центральных аспектов авторепрезентации: определение и изображение национально-типичного — об-

лика, региона, диалекта и т.д. В этом отношении интересно проследить эволюцию представлений о Волге и волжском регионе, сконцентрированных в ныне кажущихся «извечными» метафорах «Волга — русская река», «Волга-матушка». Однако концепция «русскости» Волги возникает относительно недавно — только в XIX столетии. Некоторые аспекты данного процесса мы предполагаем осветить в данной статье, являющейся частью более значительного проекта².

Реки России в исторических трудах

Русские историки XIX в., реконструируя процесс формирования московской и российской государственности, уделяли значительное внимание географическому фактору. Они обосновали теорию, согласно которой реки и речные бассейны выполняли объединительную функцию в процессах политической, экономической и межэтнической интеграции в истории России и колонизация, объявленная главным историко-культурным и географическим процессом формирования цивилизационной и этнокультурной специфики России³, осуществлялась

¹ Филиппов А. Гетеротопология родных пространств // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 48–62; Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006; Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004.

² Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (№13-01-00078а, 2013) ««Великорусы» в отечественной историографии второй половины XIX в.: историко-этнографическая аргументация в процессе формирования русской национальной идентичности».

³ Знаменитая формула В.О. Ключевского «история России есть история страны, кото-

именно благодаря водным артериям. Для историко-географического объединения русских земель определяющая роль признавалась за бассейнами европейских рек — Днепра, Дона, Западной Двины, Волги.

С.М. Соловьев писал: «...По четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т.е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т.е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская»⁴. Согласно данной схеме, верхневолжский регион (Ростовская область) стал центром складывания государственного ядра — Великой России⁵.

С.М. Соловьев, а за ним и В.О. Ключевский утверждали, что именно речные бассейны («речные системы») формируют сначала пространственные (географические) и племенные (этнографические)⁶, а позже — социально-исторические особенности различных частей русского мира. Кроме того, они даже детерминируют тенденции расширения ими границ и потенциального взаимодействия: «историческое деление Русской государственной области на части обуславливается отдельными речными системами; ясно, что величина каждой

части будет соответствовать величине своей речной области»⁷.

Волга в этой схеме наделяется важной функцией: «...чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям примыкать к большей — отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству»⁸. Таким образом, исторические перспективы северо-восточных княжеств, а позже и объединяющая роль Московского государства в сплочении восточнославянских регионов в единое целое заданы в значительной мере географическими условиями — в том числе руслом Волги.

В основе периодизации русской истории В.О. Ключевского, как известно, также лежал критерий областного «господства», напрямую связанный с «главной рекой» на разных этапах; ученый выделял днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский периоды русской истории⁹. Важнейшими (с точки зрения исторической и геополитической значимости) из рек Европейской России считались Волга, Дон, Днепр, Западная и Северная Двина¹⁰, а также озера северного края. Иногда к этому перечню добавлялся еще и Волхов и Нева, но это, вероятнее всего, довольно позднее дополнение, возникшее не ранее последней четверти XVIII в.¹¹.

рая колонизируется» (*Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая // *Ключевский В.О.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1987–1990. Т. I. М., 1987. Лекция II. С. 50) сыграла определяющую роль в трудах представителей так называемой «исторической географии».

⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1988–1995. Кн. I. Т. I. М., 1988. С. 59.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же. Гл. I; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая. Т. I. М., 1987. С. 59–63, 73–74, 80–81.

⁷ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. I. Т. I. С. 68.

⁸ Там же.

⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая. Т. I. С. 53.

¹⁰ *Плецев С.* Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. Морской кадетский шляхетский корпус, 1786. С. 11.

¹¹ Волхов и Нева «присоединяются» к перечню «великих» русских рек в период формирования мифологии имперского пространства, и это «включение» никак не связано с

Способы и формы постижения волжского пространства

Рубежным (но не начальным) этапом в истории научного и художественного освоения реки, задачей которого было целенаправленное изучение и живописание ландшафта, народов и промыслов жителей Поволжья на всем протяжении русла, можно считать т.н. «литературную» экспедицию по Волге, организованную по инициативе Великого князя Константина Николаевича в 1856 г. в рамках масштабного общероссийского изучения жизни, быта и состояния крупнейших регионов государства по водным артериям страны. Целью этого проекта был комплексный сбор сведений, прежде всего экономического и этнографического характера, в «благоприятных по климатическим условиям и по густоте и разнообразию населения, местностях нашего обширного отечества, прилегающих к главнейшим, оживленным народным движением, речным системам»¹². Участники задуманного «сверху» предприятия должны были непременно обладать литературными дарованиями, так как материалы планировались к публикации в журнале Морского министерства «Морской сборник»¹³.

В волжской экспедиции приняли

народными представлениями, оно «предложено» «сверху». «Главной рекой русской оды» в последней трети XVIII в. была Нева, — утверждает в подтверждение нашего тезиса литературовед А. Петров (*Петров А.* «Волжский хронотоп» в двух одах XVIII в. // *Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира.* Ульяновск, 2003. С. 30).

¹² *Максимов С.В.* Литературная экспедиция. По архивным документам и личным воспоминаниям // *Русская мысль.* 1890. № 2. С. 26.

¹³ Там же. С. 25, 30. О замысле и исследовательской программе экспедиции см.: *Соколова В.П.* Народознание и русская литература XIX в. М., 2008. Гл. 4–5.

участие А.Н. Островский¹⁴, А.А. Потехин¹⁵, А.Ф. Писемский¹⁶ и др., впечатления от их длительных (около года) путешествий нашли отражение не только в заказанных публикациях, но и в художественных произведениях этих авторов. Они одними из первых в своих «отчетных» текстах и специальных этнографических очерках отдельных народов Поволжья подробно охарактеризовали жизнь обитателей региона с точки зрения их материальной и духовной культуры, а также взаимодействия и сосуществования друг с другом, став в некотором смысле «родоначальниками» отрефлексированной волжской темы в ее культурно-этнографическом освещении в науке и искусстве.

В 1860–1890-е гг. выходит множество научно-информативных изданий о путешествии по Волге, в которых описание осуществлялось в жанре путевых очерков или журналистских заметок. Наиболее значительные из них: книга известного краеведа-любителя, потомка А.Н. Радищева Н.П. Боголюбова¹⁷ и чрезвычайно популярный «Иллюстрированный спутник» С. Монастырского¹⁸. Фундаментальным в научном отношении стал трехтомник о Волге В. Рагозина¹⁹. Кроме того, начиная с 1860-х гг. выходило большое количество «Путеводителей», описа-

¹⁴ *Островский А.Н.* Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1904–1905. Т. 7. СПб., 1905. С. 497–528.

¹⁵ *Потехин А.А.* Путь по Волге в 1851 году // *Потехин А.А.* Соч.: В 12 т. СПб., 1903–1905. Т. 12. СПб., 1905. С. 1–41.

¹⁶ *Писемский А.Ф.* Путевые очерки. 1857 // *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 9.

¹⁷ *Боголюбов Н.П.* Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862.

¹⁸ *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884.

¹⁹ *Рагозин В.* Волга: В 3 т. СПб., 1890–1891 (первое изд. 1880–1881).

ний путешествий и путевых заметок о волжском регионе.

Маршрут по реке, вниз по Волге (от Твери до Астрахани, от Нижнего Новгорода до Астрахани и т.д.) стал не только чрезвычайно популярен с развитием пассажирского пароходного сообщения, но и довольно типичен начиная с 1830-х гг. Но если в 1830–1850-е гг. авторы записок о поездках в Поволжье фиксировали сведения и впечатления от отдельных городов, монастырей и ярмарок Поволжья²⁰, то, начиная приблизительно с 1850-х гг., когда активно начинает использоваться регионим «Поволжье», применяемый в отношении территорий по берегам Волги, наиболее частым становится описание этих локусов именно с точки зрения (в прямом и переносном смысле) естественного речного русла, с самой реки. Исследователи отмечают, что в Поволжье во второй половине XIX в. туризм развивался быстрее, чем в других регионах России (в связи с расширением возможностей пароходного сообщения), и волжский путь по реке становится одним из наиболее привлекательных маршрутов путешествия по стране. И.И. Руцинская полагает, что массовые тиражи еще «добедекеровских» путеводителей по Волге отражают стремление к целенаправленной репрезентации территории²¹.

²⁰ Чернецов Г.Г., Чернецов Н.Г. Записки о путешествии по Волге. Рукописный экземпляр, подаренный братьями-художниками императору, был создан в 1862 году по материалам путешествия 1838 г. — от Рыбинска до устья Волги (Коробочко А., Любовный В. Панорама Волги академиков Г. и Н. Чернецовых // Чернецовы Г.Г. и Н.Г. Путешествие по Волге. М., 1970).

²¹ Руцинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX — начала XX вв.: особенности саморепрезентации // Интернациональный научный альманах «Life Sciences». Вып. 2012 года. Волжский город: образ — имидж — бренд. С. 160.

Путешествие совершалось именно по реке, что отражено в наименованиях: в названии указывается, как правило, «по Волге», а не по «Поволжью»²². Самый длинный маршрут — с севера на юг, от Твери до Астрахани, с остановками во всех крупных городах; а возможность иного вектора движения — от устья к истоку — вообще не предусматривалась²³. На наш взгляд, это было связано со сверхзадачей текстов данного жанра: так перед путешественником разворачивалась не только картина смены природных ландшафтов от европейских к азиатским; такое перемещение давало возможность увидеть направление цивилизаторских усилий власти и русского народа в отношении других племен, освоить естественный путь, по которому шло расширение государственности по Волге, ее пространственное приращение в историко-хронологической последовательности: из прошлого в будущее. Важна и выявленная И.И. Руцинской позиция наблюдателя — с борта парохода, которая позволяла выстраивать особый повествовательный дискурс, удачно объединяющий эстетическое восприятие с информацией географического, исторического и экономического характера²⁴.

Однако гораздо большее влияние на формирование образа и представлений о Волге как русской реке оказали многочисленные рассказы о поездке по Волге популярно-географического характера, которые включались в учебные книги для чтения (в частности К.Д. Ушинского²⁵), сборники-

²² Там же.

²³ Там же. С. 161.

²⁴ Руцинская И.И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX — начало XX в.). Визуальные задачи восприятия // Вестник Московского университета. 2011. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 74–93.

²⁵ Ушинский К.Д. Детский мир и хресто-

хрестоматии, географические и этнографические очерки, издаваемые в качестве пособий по географии России (отечествоведению). Большая часть включаемой в них информации не была первичной, представляя собой пересказ или компиляцию из сочинений разных жанров — начиная от научных описаний русла Волги и заканчивая стихотворениями известных поэтов. Текстовые фрагменты «переходили» из одного издания в другое; иногда пересказывались близко к оригиналу, не всегда с указанием первоисточника (особенно часто использовались произведения П.И. Мельникова-Печерского, В.И. Немировича-Данченко, Н.А. Некрасова и др.). Именно в этом комплексе столь разножанровых и повторяющихся источников отразились наиболее яркие клише и языковые формулы описания Волги в контексте создания образа Российского государства и его жителей. Их мы и намереваемся проанализировать в первую очередь.

Пейзажи и лирические описания реки

Появление массового туризма в Волжском регионе, развитие его инфраструктуры во второй половине столетия стали стимулом для формирования визуальных образов Волги и ее берегов, осмысляемых в категориях русского национального пейзажа в целом²⁶. Волжский пейзаж отличался от более ранних живописных репрезентаций определенным патриотическим пафосом, метафоризацией: Волга выступает воплощением государственной и народной мощи, размаха, силы,

матия. Книга для классного чтения в двух частях. Первые годы обучения // Ушинский К.Д. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 525–553. (Поездка по Волге. Письма к приятелю.)

²⁶ *Ely Cb.* The Origin of Russian Scenery: Volga river Tourism and Russian Landscape Aesthetics // *Slavic Review*. 2003. № 62:4. P. 666–682.

а также «является выразительницей широты и непосредственности русской природы»²⁷.

В описаниях Волжского региона в 1860–1900-е гг. отчетливо заметно стремление (столь характерное для жанра путеводителей по Отечеству и его отдельным регионам) показать облик городов и охарактеризовать достопримечательности, привлекательные для потенциальных туристов — как в отношении комфортабельности, так и в эстетическом плане. Движение по реке, определенный ракурс взгляда давали больше возможностей для восхищения прибрежным пейзажем и видами городов, чем сухопутное передвижение по плохим дорогам, что не могло не способствовать решению этой задачи²⁸.

«У Саратова, — пишет путешественник, — Волга широка, глубока и величественна, как мать российских рек. Характер ее красоты совершенно особенный и весьма различный от характера рек европейских. С одной стороны в нее смотрят золотые главы и золотые колокольни саратовские... с другой расстилается необозримая степь. По влажному хребту Волги... тянутся еще бечевою огромные досчаники, летают белым парусом окрыленные суда и ходят уже дымные теплоходы. Все это вместе составляет картину разительного великолепия!»²⁹. В процессе поиска типично великорусского и типично российского пейзажей волжские берега также воспринимались как вполне репрезентативные: описывая «любезные сердцу русского красивые великорусские пейзажи», автор очерка о великорусах предлагает, в част-

²⁷ *Субботин А.П.* Волга и волгари. Путевые очерки. Т. 1. Верхняя Волга. Очерки I–VII. Губернии Тверская, Ярославская и Костромская. СПб., 1894. С. 4.

²⁸ *Руцинская И.И.* Образы поволжских городов. С. 162–164.

²⁹ *Сабуров Я.* Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ. М., 1835. С. 8.

ности, считать таковыми «необъятные обширные нивы», но «особенно — картины больших рек»³⁰.

Поразительное «раздолье вод, это величие картин, которые широкими чертами раскидываются на берегах ее»³¹. «Волга очаровательна и прекрасна»³², — вторит ему автор путеводителя Н. Благовидов полвека спустя. Почти рекламным слоганом звучат слова того же автора: «Созерцая царицу рек и ряд прелестных ландшафтов, ласкающих глаз, — вы увидите, как величественна Волга весной, очаровательна летом, роскошна днем, в особенности она прелестна и таинственна вечером»³³. Красоту Волги могли понимать и как величественные патриотические пейзажи не лирического (что явно преобладало в поэзии)³⁴, а более прагматического характера, воплощающие мотив благополучия, трудолюбия и довольства жителей ее берегов, независимо от сословной принадлежности и материального достатка. Наслаждение красотами Волги испытывали и ученые авторы, ратовавшие за развитие туризма в регионе, — А.Н. Пыпин и А.П. Субботин. Лирические зарисовки пейзажей помещаются и в географические описания, и в путеводители: «В моей голове звучал длинный ноктюрн, навеянный Волгой, волшебной ночью на ее берегах»³⁵.

³⁰ Русские народы. наброски пером и карандашом. Тексты под ред. проф. Н.Б. Зографа. Ч. I. Европейская Россия. М., 1894. С. 29, 30.

³¹ Кучин Я. Путешествие по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865. С. 145.

³² Благовидов Н. Волга-матушка // Благовидов Н. Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения: В 10 т. СПб., 1901. Т. 3. С. 369.

³³ Монастырский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 71.

³⁴ Волга в русской поэзии XIX века. Поэтическая антология / Сост. Е.А. Потемкина // http://www.gumfak.narod.ru/from_webmaster.html

³⁵ Сидоров В.М. По России. 1. Волга. Путе-

Отдельным объектом исследования в связи с этим могли бы стать поэтические произведения о Волге³⁶, игравшие, как и живописные волжские пейзажи³⁷ (а начиная с 1860-х гг. и фотографии)³⁸, заметную роль в складывании образа типичного русского ландшафта, национальной символики и идеального образа Отечества. Значение искусства в патриотической пропаганде Волги как воплощения русскости хорошо понимали и в XIX в. Один из наиболее часто переиздававшихся путеводителей, написанных Г.П. Демьяновым (первое издание — 1886 г.) уже целенаправленно открывается довольно обширным блоком стихотворений русских поэтов, посвященных Волге³⁹.

Статья А.Н. Пыпина «Волга и Киев»

Проблема соотношения Поволжья как отдельного русского региона с прежними центрами государственного образования и этноса отчетливо про-

вые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб., 1894. С. 248.

³⁶ Потемкина Е.А. От составителя // Волга в русской поэзии XIX века.

³⁷ Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 176–186; Лысова И.Ю. Волжский исторический город в отечественной живописи XIX — начала XXI в. // Интернациональный научный альманах «Life Sciences». Вып. 2012 года. Волжский город: образ — имидж — бренд. С. 117–128; Cusack T. «Our Russian Essence»: The Volga Riverscape and cultural nationalism // Cusack T. Riverscapes and national identities. Syracuse University press, 2010. P. 127–157.

³⁸ Бархатова Е.В. По берегам Великой Волги. Редкие фотографии ведущих русских мастеров второй половины XIX века. Из собрания Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Статья на сайте по адресу: <http://www.hlr.ru/exib/Volga>

³⁹ Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). 4-е изд. Нижний Новгород, 1898.

слеживается в размышлениях о «русскости» А.Н. Пыпина — в его статье «Волга и Киев» (1885). (Весьма симптоматично, что она также появилась под влиянием путевых впечатлений.)⁴⁰ Трактовка пространственной «русскости», нашедшая отражение в этой работе, была детально разобрана А.И. Миллером с точки зрения аргументации и формулировки претензий на «исконность» разных русских земель⁴¹. Но взгляды Пыпина могут быть интерпретированы и в контексте поиска «типичного» русского / российского региона, ландшафта. Одним из оснований для ее формирования послужила идея, представленная в исторических (у С.М. Соловьева и В.О. Ключевского) и географических трудах — о том, что реки и речные бассейны играют объединяющую роль в процессах политической, экономической и межэтнической интеграции в истории России и что колонизация, объявленная важнейшим историко-культурным и географическим процессом формирования цивилизационной и этнокультурной специфики России, осуществлялась именно благодаря водным артериям⁴².

В своей статье Пыпин задается вопросом, почему изображение Волги (волжского «русского пейзажа») и «картин жизни» волжского региона не стали предметом художественной

и научной рефлексии соотечественников. Ни в российском народоведении, ни в искусстве, «обязанных» обращаться к «отражению национальной жизни», Волга, по его мнению, не нашла должного отклика. Если пейзажи средней полосы России признаны «специально русскими», то ее образцов, сетует автор, мы «не найдем ни у одного из наших первостепенных писателей, тех, в ком считается истинная сила литературы»⁴³. Он, однако, упоминает о том, что эта тема «появляется изредка» у писателей «второго разряда, романистов и повествователей». По мнению Пыпина, Волга отсутствует и в творчестве живописцев, «в массе художников она остается забытой и неподозреваемой»⁴⁴.

Упрекает ученый и этнографов. Подробно излагая историю заселения и освоения региона великорусским «элементом», он рассматривает процессы культурно-антропологической ассимиляции, подчеркивая, что именно здесь с давних пор и доныне шли процессы активного «смешения» разных этнических групп — великорусов, чуть меньше — малорусов и, конечно, инородцев (финно-угров и татар). Он полагал даже, что сложился отдельный «приволжский тип русской народности».

Особое внимание уделяет автор сложившимся в регионе формам народной словесности, в крае, который оказался «последним гнездом русского народного эпоса»; в нем «эпическая старина» «породнилась» с героической и разбойничьей эпопеями, и подчеркивает, что «старина быстро исчезает в настоящее время» и следует поторопиться. «Этнографическая Волга, — констатирует он, — еще ждет своего исследователя»⁴⁵.

Таким образом, для А.Н. Пыпина именно его малая родина предстает

⁴⁰ Пыпин А.Н. Волга и Киев. Впечатления двух поездок // Вестник Европы. 1885. № 7. С. 188–215.

⁴¹ Миллер А. Империя и нация в изображении русского национализма // Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 147–170.

⁴² С.М. Соловьев, а за ним и В.О. Ключевский утверждали, что именно речные бассейны («речные системы») формируют сначала пространственные (географические) и племенные (этнографические), а позже — социально-исторические особенности различных частей русского мира (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. I. Т. 1. М., 1988. Гл. 1; Ключевский В.О. Указ. соч. С. 59–63, 73–74, 80–81).

⁴³ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 188.

⁴⁴ Там же. С. 189.

⁴⁵ Там же. С. 189–190.

воплощением русскости «послекиевской», московской. Поволжье не просто оказывается «претендентом» на русскую типичность, конкурируя со «средней полосой России», Нечерноземьем, но воплощает, так сказать, имперскую русскость. Для автора многочисленных трудов об истории формирования этнонациональной идентичности в историографии и русской народности (в значении русской идентичности) в целом выдвижение такого региона-«конкурента» весьма показательно.

Можно лишь отчасти согласиться с упреком Пыпина в адрес писателей, поэтов и живописцев «первого ряда». Но уж точно следует усомниться в справедливости критики Пыпина даже для периода 1860–1880-х гг.: исследования показывают, что именно волжский регион — один из наиболее интенсивно изучаемых и широко изображаемых в искусстве второй половины столетия Европейской России⁴⁶. Для 1880-х гг., когда была написана статья, географические очерки, описания экспедиций и путешествий (непрерывной частью которой было этнографическое описание жителей) по Российской империи были не просто популярны, они создавались на академическом уровне, под эгидой Русского географического общества — краткий географический сло-

варь Российской империи⁴⁷, масштабные труды научно-популярного характера — «Живописная Россия» (начало издания — 1881 г.)⁴⁸, специальные этнографические очерки о народах России⁴⁹, богатая учебная литература по отечествоведению⁵⁰, — не говоря уже о многочисленных популярных статьях и книгах в жанрах «путевых заметок», «дорожных впечатлений», «писем из поездки», «путешествий» и т.д. Все они включали подробные описания Поволжья и приволжских городов. Таким образом, необходимость познания пространства страны через детальное описание всех «сторон жизни» по географическому принципу не просто была осознана обществом, но воплощалась в разнообразных формах.

С ученым можно согласиться в другом: действительно, в первые пореформенные десятилетия заметна некоторая «неуверенность» в обосновании концепции Поволжья как великорусского или типично русского региона с точки зрения ландшафта, географического зонирования, промыслов, состава населения. Важно (на что первым обратил внимание А.И. Миллер) проанализировать причины обращения Пыпина к данной теме. Он — впол-

⁴⁶ См., в частности, перечень библиографических списков литературы данных жанров по географии за 1861–1885 гг. (т.е. до времени выхода в свет статьи Пыпина — количество и, главное, резкий рост числа изданий поражает): *Весин А.* Исторический обзор учебников общей и русской географии, издаваемых со времен Петра Великого по 1876 год (1710–1876). СПб., 1876; *Межов В.И.* Вклад правительства, ученых и других обществ на пользу русского просвещения. Библиографический указатель книг. СПб., 1886; *Громбах А.А.* Народная и детская литература с 1880 по 1905 г. Сборник сводных отзывов. Вып. 1. География. М., 1906.

⁴⁷ Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885 / Под. ред. П.П. Семенова (Тян-Шанского).

⁴⁸ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: В 12 т. (19 кн.) / Под общей редакцией П.П. Семенова, вице-председателя Императорского Русского географического общества. СПб.; М., 1881–1901.

⁴⁹ *Мостовский М.* Этнографические очерки России. М., 1874; Народы России. Живописный альбом: В 2 вып. СПб., 1877–1878; (*Янчук Н.*) Народы России. Этнографические очерки // Природа и люди. 1878. № 1–12.

⁵⁰ Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Учебное пособие для учащихся: В 6 т. / Сост. Д.Д. Семенов. СПб., 1866–1870.

не в духе времени — констатировал необходимость познания собственной страны в ее историческом, географическом и этнографическом отношении, сужая задачу до познания *родного*: «одной из первых забот было бы знать это *родное* (выделено мною. — М.Л.), по крайней мере, в его основных, наиболее характерных пунктах»⁵¹, одним из которых публицист называет Волгу.

Наконец, Пыпин указывает на важность «практического постижения» Отечества, в особенности его русского — «коренного» пространства, геополитического и этнографического ядра. Пафос ученого в той части статьи, которая посвящена Волге, заключается в призыве к «живому» освоению подданными имперской территории, потребность в которой формируется, как ему кажется, у жителей западноевропейских стран с детства. Своеобразие «политической нации» (термин автора) России заключается в пространственной обширности, «пестроте племен европейских и азиатских, более или менее культурных и полудиких и диких совсем». Этническая и цивилизационная неравномерность на Волге проявляется особенно ярко.

Волга, таким образом, предстает своеобразным воплощением не столько локального своеобразия, сколько образцом общерусского. А.Н. Пыпин считает Поволжье примером «областной» специфики, то есть обладающим чертами, не свойственными «центру», и одновременно отражающим и русскую, и великорусскую типичность. «Русское» имперское состоит в глубинных цивилизационно-культурных различиях населяющих ее народов, не до конца еще обрусевших, в степени их интегрированности.

Волга на границе цивилизаций

В административно-географическом отношении волжский регион не выде-

лялся как отдельный и самостоятельный элемент пространства Российской империи или ее Европейской части. Губернско-областное деление государства в первой половине XIX столетия этого не предполагало. Процесс регионального членения Волги и ее берегов стал актуальным только в 1840-х гг., в связи с развитием проектов экономико-географического районирования и разработкой концепции ландшафта⁵². Ранее, в XVIII и в первой трети XIX в., указывался лишь приблизительно срединный пункт русла, определяемый общим расстоянием от истока до устья и традиционным народным разделением течения рек на верховья и низовья (а населенных пунктов на них — на верховые и низовые)⁵³.

Как показал А.Е. Горизонтов, критерий принадлежности городов Поволжья к «верховым» и «низовым» в народных представлениях (зафиксированных В.И. Далем) был весьма неопределенным. «Спорной территорией», однако, оказался не конкретный населенный пункт, выступавший границей, а все пространство от Самары до Симбирска, так как города выше Самары по течению именовались верховыми, а те, что ниже Симбирска, — низовыми⁵⁴.

Двучастное деление Поволжья демонстрирует и объединение в губернские группы, предпринятое в структурировании пространства Империи в военно-статистическом обозрении: Тверская, Ярославская, Костромская и Нижегородская губернии именовались в нем «Верховыми приволжскими», а Казанская, Симбирская, Са-

⁵² Сухова Н.Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981. С. 45–47.

⁵³ Горизонтов А.Е. Казань и Казанская губерния на ментальных картах Российской империи XIX — начала XX в. // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 28–29.

⁵⁴ Там же. С. 27–28.

марская, Саратовская и Астраханская включались в состав «Низовых приволжских губерний»⁵⁵. К концу столетия происходит некоторый «сдвиг» на одну губернию на юг в обозначении «верхнего» и «нижнего» Поволжья — в переписи 1897 г. «по землям» в состав Верхневолжской земли входят Ярославская, Костромская, Нижегородская и Казанская губернии (Тверскую относят к группе губерний Подмосквовской земли), а Нижневолжской землей именуют Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии⁵⁶. Казань оказывается отнесена к «верхневолжью».

Но представление о «низовьях» менялось со временем не только в имперском членении пространства, но и в народе. Нижний Новгород некогда («в древности», «в летописи» — «Новгород Низовые земли», как указывается в словарях) считался относящимся к «низовским землям»⁵⁷. Однако «ныне и Нижегородская губерния причисляется к верховым, а низовые, по понятию народа, начинаются от Казани»⁵⁸. Автор статьи в словаре А. Старчевского писал, что «верхними» называются также пристани, находящиеся между истоками Волги и Рыбинском, «низо-

выми» — между Рыбинском и Каспийским морем⁵⁹, — т.е. срединная точка оказывалась очень «высоко» по течению.

И в первой трети, и даже в самом конце XIX в., с принятием в географии трехчленного (хотя и спорного относительно границы Среднего и Нижнего Поволжья) деления, народное двучастное не утратило актуальности, акцентировав иной, символический характер, связанный с цивилизационно-исторической классификацией пространств, народов и культур. Они оказывали влияние и на научные (исторические, этнографические и антропологические) таксономические системы. Речь идет о понимании значений оппозиций цивилизованный / дикий, европейский / азиатский, западный-северный / южный-восточный, просвещенный / варварский, восходящих еще к эпохе Просвещения и находящихся в соотношении друг с другом⁶⁰. Пространство Поволжья разделялось на цивилизованную (как правило, она совпадала или соотносилась с «русской» в историческом или этнографическом отношениях) и нецивилизованную части Поволжья.

В этом случае вполне естественной границей «двух миров» и «двух культур» также могли оказаться разные города. Для автора, писавшего в 1840-е гг., Саратов расположен «почти в центре России» (не государства, а Европейской России), «на берегу Волги, которая соединяет с севером и югом, с Москвою и Петербургом, Архангельском и Астраханью, посредством Камы глубоко углубляется в Сибирь». И, находясь в центре, он парадоксаль-

⁵⁵ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Генерального Штаба: В 18 т. СПб., 1837–1854.

⁵⁶ Менделеев Д.И. Важнейшие числа, относящиеся ко всей России и к ее частям по переписи 1897 г. // Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 48, 50.

⁵⁷ Овчинников М. Очерк Нижегородской губернии в историко-географическом отношении. Материалы для родоисследования Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1885. С. 1.

⁵⁸ Верховые города // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона: В ХLI т. (82 п/т.) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. VI (п/т 11). СПб., 1892. С. 81.

⁵⁹ Волга // Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского: В 12 т. (13 кн.). СПб., 1847–1855. Т. 3. СПб., 1854. С. 282.

⁶⁰ Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 98–102, 114–130.

ным образом «поставлен на краю *просвещенной* (выделено мною. — М.Л.) России»⁶¹. Конечно, объяснением географической нестыковки (особенно если вспомнить, что всего лишь за десять лет до этого Саратов в известном произведении именовался «глушью») служит слово «просвещенной». Но чаще всего в качестве такого «пограничного» пункта «на краю просвещения», между Европой и Азией, культурой и варварством, мыслилась Казань: «Казань — этот умственный центр Поволжья... городок, сидящий в самой середине Волги, на перекрестке громадных путей, торговых дорог, судоходных рек»⁶².

В российской политике и науке начиная с XVIII в. Российское государство принято было однозначно относиться к европейским державам (с констатации «Россия есть держава Европейская» начинается «Наказ» Екатерины II), хотя географически оно само разделялось на европейскую и азиатскую части. Рубежом, однако, считались не уральские и кавказские горы (как это утверждалось начиная с 40-х гг. XVIII в.)⁶³, а другие естественные и

непременно цивилизационные границы. Одной из них стали низовья Волги, верхним рубежным пунктом была Казань. Казань принадлежала Азии в географическом отношении. В «Землеописании» 1795 г. в состав Северной Азии включались «Азиатский Капчак» (Казанская, Астраханская, Оренбургская области) и Сибирь⁶⁴. Астрахань и Казань трактовались как самые близкие азиатские пределы Империи⁶⁵. Согласно же «Географии» И. Павловского (1843), все поволжские губернии входят в земли «Европейской России», границами которой являются Уральские горы с востока, Каспийское море, Кавказский край и Черное море — с юга⁶⁶.

Именно Казань с момента своего присоединения представляла собой, как считает Р. Джераси, «окно на восток»⁶⁷. Во времена царствования Екатерины II активно разрабатывалась концепция освоения восточных земель и народов, образцом которых служила именно Казань⁶⁸. Л.Е. Гори-

атской и Европейской России признавались Уральские горы, р. Урал, Кавказский хребет и Каспийское море (Азиатская Россия // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Доп. том I. СПб., 1905. С. 45).

⁶⁴ Повествовательное землеописание. Ч. I // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании: Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. СПб., 1795 (пагинация части отдельная). III отделение. О России. С. 63–64.

⁶⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. XIV. Т. 28. М., 1994. С. 50.

⁶⁶ Павловский И. География Российской империи: В 2 ч. Дерпт, 1843. Ч. 2. С. 5.

⁶⁷ Geraci R.P. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, London, 2001.

⁶⁸ Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006.

⁶¹ Сабуров Я. Указ. соч. С. 5.

⁶² Сидоров В.М. Указ. соч. С. 201.

⁶³ Одним из первых рассматривать Уральские горы естественной границей между Европой и Азией предложил, по его собственному признанию, В.Н. Татищев — вместо мифологических Рифейских гор, как считалось в античной и средневековой географии, и вместо реки Обь (как было принято с 1700 г. европейскими учеными) (Татищев В.Н. Общее географическое описание всея Сибири // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 50). В учебниках географии России 1770-х гг. Урал уже однозначно называется природным «рубежом» Российской Европы и Азии (Чеботарев Х. Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще... М., 1776. С. 51–52; Плещеев С. Указ. соч. С. II). В XIX в. границей Ази-

зонтов приводит примеры описания Казани в первой половине XIX в. как «европейско-азиатского» города — примера своеобразного цивилизационного и этнокультурного восточного пограничья⁶⁹.

В частности, исследователь разбирает один довольно характерный, хотя и не декларированный в качестве полемики спор между А.И. Герценом и Д.В. Пассеком, развернувшийся на страницах третьего выпуска «Очерков России» В.В. Пассека⁷⁰. А.И. Герцен в опубликованном под инициалами «Письме из провинции» подчеркивал именно «двуначалие» «европейско-азиатского города» в облике Казани; брат издателя, Д.В. Пасек, был убежден, что соединение европейского и азиатского в Казани лишь номинально — оно «механическое», и безапелляционно заявлял, что «русское первенствует и составляет основу и силу всего общества», а «азиатство не проникает в жизнь общества»⁷¹ Казани. Для него европейская цивилизация простиралась везде, где были русские, — за Уральскими горами и вплоть до «Байкальского моря».

Герценовское «Письмо из провинции» написано, как известно, по впечатлениям и записям трехдневного пребывания в Казани в 1835 г.⁷² Насколько близко был знаком с волжским городом Д.В. Пасек, неизвестно. В путеводителях, описаниях путешествия по Волге и характеристиках ее городов Казань занимает особое место. И именно она, вопреки мнению

Д.В. Пасека, становилась главным пунктом рассуждений об этом городе как мосте, границе между Европой и Азией — в отличие, скажем, от Астрахани того же времени, описание которой почти без исключений выдержано в русле восточной экзотики.

В «Казанских губернских ведомостях» (1852) акцентировалась именно двойственность, «двуначалие» Казани, принадлежащей двум мирам, но являющейся русским (в значении «российский») городом: «Поставленная на рубеже двух противоположных миров, восточного и западного, из которых слагается человеческое развитие, она удержала во внутренней и внешней жизни своей элементы обоих их: резкая физиономия азиата встречается рядом со славянским обликом; учение Корана идет наряду с христианско-европейским развитием... Все это дает особенный, своеобразный характер Казани и выставляет его из ряда других *русских* (выделено мною. — М.Л.) городов»⁷³.

Констатируя приметы иной культуры, описатели города, однако, используют определения «полуазиатский» и «полувосточный», подчеркивая тем самым принадлежность его и к европейскому (русскому) миру; такой взгляд можно считать стереотипным для путевых очерков и географических хрестоматий второй половины столетия. Например: «славный город Казань, сохранивший до наших дней свою полувосточную физиономию рядом с блеском прекрасного современного города... на рубеже Европы и Азии, полная когда-то восточного блеска... мусульманского фанатизма, заклятый враг Москвы...»⁷⁴.

В географических очерках и путеводителях этого времени Казань, которую наделяли статусом «истинной столицы» Поволжья, оказыва-

⁶⁹ Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 210; Горизонтов Л.Е. Казань и Казанская губерния. С. 30–33.

⁷⁰ Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. 3. Смесь. СПб., 1840.

⁷¹ Там же. С. 22–23.

⁷² Яковлев Я. Затерянная статья о Казани. Публикация и предисловие // Литературное наследство. Т. 61. М., 1953. С. 13–20.

⁷³ Казанские губернские ведомости. 1852. № 27. С. 314.

⁷⁴ Сидоров В.М. Указ. соч. С. 201.

ется не только симбиозом, пограничием двух цивилизаций (несмотря на устойчивые приметы «востока» и «магометанства» в своем облике), но и осмысливается как сакральный и государственный символ ниспровержения иного, враждебного и полярного русским и русскому государству мира, повержения его. При этом Россия изображается не только победительницей своего заклятого и многовекового противника-поработителя, жестокого и коварного варвара. Ей приписывается роль защитницы европейской культуры и христианства в масштабе всей Европы, исполнившей религиозно-просветительную миссию в отношении другой мировой религии: «Под Казанью христианская Европа столкнулась с магометанской Азией... столкнулась и победила ее. Под стенами столицы татарского царства был положен конец торжеству мусульманской луны над крестом»⁷⁵. Не только ислам, но и язычество оказалось низвергнуто: «С Днепра христианство... перешло на Волгу, победило язычество, восторжествовало над магометанством»⁷⁶.

Казань однозначно претендовала на статус столицы цивилизационного пограничья начиная с 1870-х гг., но несколько ранее аналогичную роль могли приписывать и Саратову (в 1835 г.): «он... пользуется особыми выгодами образования и варварства; ибо, окруженный трудолюбивыми немецкими колонистами, он примыкает к кочующим ордам киргизов за Волгою и кал-

мыков около Царицына»⁷⁷, и даже Нижнему Новгороду — в связи с его знаменитой ярмаркой: «Ныне Нижний Новгород есть посредник между востоком и Россией»⁷⁸ (1866).

Если статус Казани как пограничного пункта двух цивилизаций мало кто мог оспорить, то на положение «полувосточного» города, олицетворявшего Россию как соединяющую Восток с Западом, Европу с Азией в границах единого государства был еще один «претендент» — это Астрахань. Писал об этом и А.Н. Пыпин: «Уже с Казани путешественник встречается лицом к лицу с востоком; на нижней Волге, в Астрахани, восточный элемент уже резко бросается в глаза»⁷⁹. Н.И. Боголюбов и В.М. Сидоров описывают вид Астрахани — подобно Казани — как «полуевропейский и полуазиатский», как «странную смесь и резкую противоположность европейского типа с азиатским»⁸⁰. Гораздо более пессимистичен В.И. Немирович-Данченко, ему «ханское городище» вовсе не напомнило ни о Европе, ни о России: «все не русскую смотрит Астрахань, все какою-то басурманскою украиною»⁸¹.

Наиболее часто встречается описание Астрахани, выдержанное в полном соответствии со стереотипными приметами «азиатского» духа, с присущими ему атрибутами красочности, пестроты, «восточного колорита» — с одной стороны, и базарной толчеи и грязи — с другой⁸². Характерными и пе-

⁷⁵ *Сыфнев И.И.* Глава IV. Исторические судьбы Среднего и Нижнего Поволжья и культурные ее успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей: В 22 т. (вышло 19) / Под ред. В.П. Семенова. Под руководством П.П. Семенова и В.И. Ламанского. СПб., 1899–1913. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 132.

⁷⁶ *Валуева М.* Когда и как стала Волга русской рекой. М., 1904. С. 71.

⁷⁷ *Сабуров Я.* Указ. соч. С. 5.

⁷⁸ *Сергеев А.Н.* Географические очерки России: В 3 вып. СПб., 1866–1867. Вып. 1. Поволжье. СПб., 1866. С. 59.

⁷⁹ *Пыпин А.Н.* Волга и Киев.

⁸⁰ *Боголюбов Н.П.* Указ. соч. С. 407; *Сидоров В.М.* Указ. соч. С. 312.

⁸¹ *Немирович-Данченко В.И.* У голубого моря. Люди и природа в низовьях Волги. СПб., 1897. С. 37.

⁸² *Водовозов В.И.* От Царицына к Орен-

реходящими из очерка в очерк приметами города становится облик многоцветной и разноплеменной «восточной» толпы («и оборванной, и грязной, и разноцветной и живописной в своей нищете»)⁸³, «разнообразия типов, костюмов, наречий»⁸⁴, которая часто метафоризируется через внешние признаки этничности: типы жилищ, национальные костюмы и особенно головные уборы («шапки», «чалмы и чухи», «халаты», «белые покрывала», «рубашки», «казакин»)⁸⁵. Этническое и культурное многообразие делает Астрахань своеобразным воплощением соединения разных народов и конфессий, объединения Востока и Запада в самом широком смысле (среди жителей встречаются и немцы, и персы, и французы, и казаки).

Однако некоторые авторы выражают беспокойство — которое можно расценивать и как знаковое, симптоматичное: не «затерялся» ли в этой толпе «родной тип великоруса», оказывает ли он свое благотворное просвещающее воздействие на местную жизнь? С. Монастырский успокаивает: «везде встречается и русский элемент», и даже убежденно, хотя и неаргументированно заявляет: «этот элемент дает всему ток, все сплавивает воедино. Русская мысль крепко утвердилась в Астрахани»⁸⁶.

Астрахань отличает от Казани «необыкновенное» даже для Поволжья разнообразие представителей множества племен и народов — и в первую

очередь неславянских (притом большинство из них мало известны русскому человеку из Центральной России). П.П. Нейдгардт насчитал их около восемнадцати⁸⁷. Детализирует сходство Казани и Астрахани А.Н. Пыпин, смягчая резкие оценки и противопоставления последней, подчеркивает, что этническое разнообразие не означает разрозненности, так как все народы — подданные одного великого государства: «...уже с Казани путешественник встречается лицом к лицу с востоком... на нижней Волге... восточный элемент опять резко бросается в глаза... Астрахань переполнена восточными людьми разных племен — ...это все наши соотечественники — по их государственной принадлежности»⁸⁸.

В отличие от Казани в Астрахани, однако, не заметны внешние признаки европейской культуры, ключевым в ее описании становится определение «грязный». Она кажется «пессимистам» «полуазиатским городом — пыльным, грязным, зловонным»⁸⁹, «с его вечной ярмарочной суетой и восточной грязью»⁹⁰. «Оптимисты» также вынуждены признать некую обманчивость вида Астрахани с реки: «...вблизи оказывается не то: куча плохих мазанок и избушек, узкие улицы, кривые и грязные, полуразрушенные дома...»⁹¹. Это разительное различие между обликом города с воды и его истинного «лица» изображается с использованием понятий «Азия» (понимающаяся как отсутствие цивилизации), «Северная Америка» (как метафора высокого уровня развития) и стереотипного представления об Астрахани как пограничье Европы и Азии:

бургу // *Тимковский Д.* Земля и люди России. Географическая хрестоматия. Вып. II. СПб., 1898. С. 74–76.

⁸³ *Сидоров В.М.* Указ. соч. С. 312.

⁸⁴ *Монастырский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 298; *Турбин С.* Волга и Поволжье. СПб., 1875. С. 104.

⁸⁵ *Боголюбов Н.П.* Указ. соч. С. 407; *Монастырский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 298. То же — в очерках Василия Немировича-Данченко (*Немирович-Данченко В.И.* Указ. соч. С. 37.)

⁸⁶ *Монастырский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 298.

⁸⁷ *Нейдгардт П.П.* Подробное описание пути от Казани до Астрахани // Нейдгардт П.П. Путеводитель по Волге. СПб., 1862. Ч. III. С. 97.

⁸⁸ *Сидоров В.М.* Указ. соч. С. 311.

⁸⁹ *Благовидов Н.* Указ. соч. С. 298.

⁹⁰ *Сидоров В.М.* Указ. соч. С. 311.

⁹¹ *Турбин С.* Указ. соч. С. 104.

глядя с реки, «можно было бы вообразить, что перед нами не расположенный на самой окраине Европы, на границе с Азией, город, а... один из портов в Северной Америке... Но стоило лишь ступить на берег, и мы убедились, что находимся чуть ли не в самой Азии»⁹². Далее в тексте следует стереотипное описание «нецивилизованного Востока».

Волжский регион — типичный или особенный?

Начиная с 1880-х гг. возникает новое направление, свидетельствующее об укреплении концепции регионализма как основы государственного единства и о стремлении как властей, так и интеллигенции к освоению новых форм пропаганды патриотизма. Речь идет о попытке обозначить в качестве значимых и единых те области страны, которые репрезентируются как *типичные* регионы. Инициаторами этого были прежде всего ученые, работавшие в области этнографии второй половины столетия и антропологии начиная с 1870-х гг.⁹³ Но этнографические исследования были чрезвычайно популярны и в широких кругах интеллигенции, особенно земской, краеведов-любителей и т.д.⁹⁴ Одним из дискуссионных стал вопрос о великорусском этническом типе⁹⁵, поскольку он демонстрировал очевидное разнообразие и существенные отличия в границах этноса. Поиски и «назначение» этнических типов русских и типичных русских пространств были ключевыми в процессе фиксации и определе-

ния этнической и национальной идентичности.

Поволжье в целом вплоть до 1890-х гг. не претендовало на статус подобного — типично великорусского или типично русского — региона, прежде всего по формальным причинам: оно демонстрировало огромное разнообразие народов и вероисповеданий. Кроме того, оно довольно поздно вошло в состав Российского государства, и большинство авторов, как уже было показано, полагали периодом, когда «Волга стала русской рекой», присоединение Казанского и Астраханского ханств, а с точки зрения этнического доминирования — середину XIX в. Однако по сведениям Всеобщей переписи 1897 г. во всех девяти волжских губерниях (несмотря на соотношение в этническом составе в каждой из них) насчитывалось 72% русского населения, 74% жителей были православного вероисповедания⁹⁶. Это позволило А.П. Субботину утверждать, что, поскольку русский язык в Поволжье доминирует, оно есть «коренной русский край, вмещающий в себе настоящую кондовую Русь и полнее отражающий русский дух, где от самого Селижарова (населенный пункт на берегу Волги, в устье рек Селижаровки и Песочни, в Тверской губернии. — М.Л.) до Астрахани слышится... сочная русская речь, благодаря которой все понимают друг друга в лучшем виде»⁹⁷.

С другой стороны, Поволжье у Субботина предстает как воплощение «русскости» в смысле «российскости», т.е. как символ обширного национального пространства Империи, состоящего из столь различных природных и

⁹² Циммерман Э.Р. Вниз по Волге. Путевые очерки. М., 1896. С. 124.

⁹³ Лескинен М.В. Указ. соч.

⁹⁴ Бердинских В. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003.

⁹⁵ Лескинен М.В. Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. 2010. № 6. С. 3–17.

⁹⁶ Виноградов В.И. Иллюстрированный спутник по всей Волге. Нижний Новгород, 1897. С. 5.

⁹⁷ Субботин А.П. Волга и волгари. Путевые очерки. Т. 1. Верхняя Волга. Очерки I–VII. Губернии Тверская, Ярославская и Костромская. СПб., 1894. С. 3.

экономических зон, в котором можно найти все наиболее характерные ландшафты России в целом: «...перед глазами на всем ее (Волги. — М.А.) протяжении проходят типичные картины всех местностей России: поэтические доли, пригорки и перелески севера, обширные луга, холмы и леса средних губерний, необозримые степи востока и юга, довольно высокие горы и мрачные ущелья»⁹⁸. Немаловажным фактором «русскости» становится типичный этнический облик, «чисто-русская физиономия», которая, как полагает автор, должна быть особенно близка русскому сердцу»⁹⁹.

Но русскость Поволжья трактуются таким образом не с точки зрения этнической чистоты (как это пытались определять ранее, в 1840–1860-е и позже — на рубеже веков), а, напротив, как пример успешного сосуществования и экономического процветания различных этносов, конфессий, профессиональных групп. Типичность, таким образом, переосмысливалась в категориях «разнообразия» и «равноценности», хотя и не «равноправия». Направление такого взгляда явно было устремлено на юго-восток и восток — туда, где русские проявляли свою «ассимиляционную способность», а культурная самобытность цивилизуемых племен еще не исчезла.

С 1880-х гг. к критериям районирования добавился экономический фактор. В пореформенные десятилетия большое значение придавалось тем областям России, которые в условиях тяжелой экономической ситуации в Нечерноземье оказались главными житницами страны. Именно в это время на роль важного с точки зрения торговли и «благополучия народа» претендует Среднее Поволжье — в наиболее точном смысле «житница» России¹⁰⁰. Ее местонахождение мож-

но установить и более точно. «Хлебной Волгой» и «волжской житницей» именуется участок побережья от Жигулей до Сызрани¹⁰¹ — «самое богатое и заселенное пространство» на берегах Волги¹⁰². «Привольным и богатым Заволжьем», «богатой хлебом земледельческой местностью» именуется и степные пространства на восток от той части Волги, которая образует Самарскую луку¹⁰³.

Самарская губерния является еще одним претендентом на звание «житницы» России; она — «самая плодородная губерния восточной части России и представляет значительный излишек хлеба»¹⁰⁴. Этот специализирующийся на выращивании зерна регион описывается весьма поэтически, все в пейзаже призвано показать «тучные земли» и «изобилие» хлеба — столь редко встречающееся в других регионах Великороссии: «богатые плодородные поля», «тяжелые колосья, гнущиеся под зернами», «села и деревни с громадными хлебными амбарами... покрыли эти берега», «золотые волны катились шелковистыми водопадами в Волгу»¹⁰⁵.

Когда же стала Волга русской рекой

Вопрос о том, когда Волга стала русской рекой, находит ответ в научно-популярной географической литературе о Волге начиная с 1870-х гг. Ответ этот зависел от того, как понималось определение «русская» в отношении Волги. В государственно-историческом смысле таким историческим рубежом считалось овладение Казанским и Астраханским ханствами: «после долгой борьбы Казань досталась русским, и с этого момента Вол-

⁹⁸ Там же. С. 4.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Сидоров В. Указ. соч. С. 262.

¹⁰¹ Там же. С. 248, 262.

¹⁰² Там же. С. 262.

¹⁰³ Кучин Я. Указ. соч. С. 185.

¹⁰⁴ Нейдгардт П.П. Указ. соч. Ч. III. С. 16, 13. То же: Турбин С. Указ. соч. С. 69, 75.

¹⁰⁵ Сидоров В. Указ. соч. С. 257, 258.

га сделалась нашею народною рекою, кормилицей русского народа»¹⁰⁶. Почти бесспорной эта точка зрения стала благодаря С.М. Соловьеву. Историк придавал взятию Казани значимость восточноевропейского масштаба, рассматривая конфликт Москвы и «татарских орд» как столкновение цивилизаций, в котором первая именовалась европейской и христианской¹⁰⁷. «Пала Казань, и вся Волга стала рекою Московского государства»¹⁰⁸, — утверждал он.

Однако к 1880-м гг. под «русскостью» стала пониматься в первую очередь этническая доминанта великорусов и их языка и культуры (политической, религиозной) в регионе, которая отражалась прежде всего в вопросе о русской (великорусской) колонизации Среднего и Нижнего Поволжья.

Вопрос о том, когда и как стала Волга *русской* рекой, находился в центре внимания научной и учебной литературы в последнем двадцатилетии XIX в. Не подвергался сомнению факт, что он связан с историей присоединения Поволжья на всем протяжении реки, а также с современным его состоянием. Рассуждения на эту тему авторов географо-этнографических очерков весьма показательны. Впервые, акцентируется внимание на том, что Волга не всегда была рекой именно русской — причем в нескольких значениях данного определения. Исторические очерки Поволжья были призваны показать основные военнополитические вехи освоения прибрежных волжских земель российским государством и характер этого интеграционного процесса на разных этапах. Таким образом, «русская» понималась

как «российская», т.е. являющаяся важной — в силу обширности и уровня экономического развития — частью государственной территории Российской империи.

Отвечая на вопрос о том, когда и как стала Волга русской рекой, В. Рагозин указывал, что на этот процесс оказывали весьма значительное влияние обстоятельства истории. Но под историей автор понимал «отнюдь не походы и битвы, а процесс сложения русской народности, постепенной колонизации берегов Волги с ее притоками, — процесс, каким великая и прекрасная Волга мало-помалу становилась из реки финско-тюркско-болгаро-хазаро-монгольской — рекою чисто русской, рекой, с которой неразрывно связано представление о самом происхождении, росте, богатстве и могуществе великой русской нации»¹⁰⁹.

В. Рагозин, таким образом, вкладывал в определение «русский» не государственно-экономическое, а этнокультурное — точнее, антропологическое — содержание, трактуя «русскость» двойко: как формирование русского (в значении великорусского) этноса в границах своего максимального территориального расширения и как становление нации — то есть государствообразующего народа Империи, символом процветания и мощи которого становится главная водная артерия Европейской России.

В. Рагозин выделял несколько этапов этногосударственного движения славянского (русского) племени вниз по Волге. Начальный этап процесса «формирования нового народа — русских и нового государства — России»¹¹⁰ он, естественно, связывал с окончательным оседанием и последующим освоением славянами волгоокского междуречья. Второй истори-

¹⁰⁶ *Монастырский С.* Указ. соч. С. 6. То же: *Благовидов Н.* Указ. соч. С. 35; *Турбин С.* Указ. соч. С. 7 и др.

¹⁰⁷ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. III. Т. 6. М., 1988. С. 461.

¹⁰⁸ Там же. С. 462.

¹⁰⁹ *Рагозин В.* Волга от Оки до Камы, включая оба этих притока // Рагозин В. Волга: В 3 т. Т. 2. СПб., 1890. С. 91.

¹¹⁰ Там же. С. 195.

ческой вехой он считал племенное противостояние конца XIV в., когда и русские, и болгары претендовали на обладание Волгой¹¹¹, которое завершилось ослаблением и полным поражением Казанского и Астраханского ханств в период правления Василия III и Иоанна IV в XV–XVI вв.

С момента полного вхождения Поволжья в состав российского государства этническое смешение и эволюция русского этнического типа обретают интенсивный характер, поскольку регион становится своеобразным плавильным котлом славянских и неславянских групп в антропологическом и этнографическом отношениях. Кроме того, сам местный русский тип, по мнению автора, видоизменяется под влиянием нескольких миграционных волн из разных областей российского государства — в частности, крестьян-переселенцев и т.н. «беглого элемента», составившего позже ядро «воровских казаков»¹¹². В такой трактовке очевидно, что «русской рекой» Волга начинает становиться не ранее конца XVIII в. Еще одним аргументом в пользу этой версии является обретение «покоя» — «конец безголовщины»¹¹³, наступивший благодаря усилиям Екатерины II.

Автор научно-популярной книги «Когда и как стала Волга великой русской рекой» (1904) М. Валуева констатирует, что «Волгу еще очень долго, даже еще и в XIX веке» нельзя было назвать «вполне русской рекою»¹¹⁴, вкладывая в данное определение значение то же, что и В. Рагозин: русское преобладание в этническом отношении и цивилизационное доминирование. В 1865 г. один из авторов путеводителя сетовал на то, что в «культурном» отношении Поволжье не все стало

русским: есть такие края, «новые» — «некоренная русь» (от Симбирска до Самары), куда «русский человек пришел колонистом и во время недавно минувшее, так что и не успел еще хорошенько заселить его и сообщить ему вид, обнаруживающий прочную культуру»¹¹⁵.

Повествование о дославянском историческом периоде и о народах, населявших берега Волги, строится Валуевой в опоре на несколько главных оппозиций, призванных определить и аргументировать цивилизационный «статус» этих племен. Финны именуется «полудикими» — так как «земледелие было у них в плохом состоянии», а главными занятиями была охота, звериный промысел и рыболовство¹¹⁶. Более просвещенными народами именуется автор хазар и болгар — они имели государственность и религию. Первые приняли «магометанство, а царь их — и иудейство», и были главными торговыми посредниками в торговле между азиатскими и европейскими народами, вторые «по своему развитию и образованию... стояли гораздо выше своих соседей», приняв ислам от арабов («одного из самых просвещенных народов»).

Так в кратком историко-этнографическом очерке истории Поволжья до начала славянской колонизации выстраиваются столь характерные для последней четверти XIX в. неформальные классификации этносов и культур¹¹⁷. Просвещенность выступает в оппозиции к дикости («полудикости»), а земледелие трактуется как один из главных признаков цивилизованности. Наличие государственности и церкви заключают эту триаду.

Следующий этап истории связан с постепенным распространением по берегам Волги славянского племени. Его

¹¹¹ Там же. С. 253.

¹¹² Там же. С. 250–254.

¹¹³ Турбин С. Указ. соч. С. 8.

¹¹⁴ Валуева М. Когда и как стала Волга великой русской рекой. СПб., 1904. С. 70.

¹¹⁵ Кучин Я. Указ. соч. С. 145.

¹¹⁶ Валуева М. Указ. соч. С. 3.

¹¹⁷ Подробнее см.: Лескинен М.В. Поляки и финны. С. 114–129.

Валуева делит на несколько этапов. Первый — освоение тех земель, которые считаются «исконно русскими» — берега Верхней Волги и Оки. Важно отметить, что этот первый период связан с «началом русской истории» — т.е. государственности в Новгороде. Именно из Новгорода русские «владения распространяли свои пределы по Днепру», а затем и по Волге¹¹⁸. Таким образом, ранняя славянская колонизация и миграция выступают историческим аргументом в пользу органичности притязаний славян (русских) на этот регион и позднее.

Процесс вытеснения местных финно-угорских племен из междуречья Оки и Верхней Волги Валуева вслед за В.О. Ключевским считает мирным, несмотря на отдельные жестокие стычки: «слияние происходило постепенно», но следы его сохранились в топонимах, в языке и «даже в наружности» славянина («нос луковицей и выдающиеся скулы унаследованы от финских предков»)¹¹⁹. Второй этап автор связывает с развитием княжеств Северо-Восточной Руси, рубежным представляется начало XIII века — возникновение Нижнего Новгорода знаменует собой победу над мордвой в устье Оки. Следующий период соотносится со временем постепенной стабилизации южных рубежей Московского государства, когда главными его соперниками на Волге становятся Казанское и Астраханское ханства. Начало нового этапа связано с ослаблением, захватом и присоединением земель этих государств Иваном Грозным в середине XVI в. «Завоевать Казань и Астрахань значило завоевать Волгу. Но мало завоевать, надо еще покорить, смирить те разноплеменные народы, что жили по Волге, и надо заселить Поволжье русскими людьми. Тогда только Волга станет действительно русской

рекой»¹²⁰ — в этой фразе можно усмотреть своеобразную формулу реализованной волжской «русскости»: «завоевать, покорить, смирить, заселить».

Последовавший за этим процесс занял длительный период, связанный вновь с колонизацией: во-первых, с возобновлением «старинного движения русского народа вниз по Волге»¹²¹ и миграцией из разных областей государства. Однако спокойствию новых русских обитателей Среднего Поволжья все еще грозила опасность в лице «инородцев, калмыков и воровских казаков». Жестокие восстания под водительством Степана Разина и Емельяна Пугачева стали очевидным следствием незавершенности освоения и удаленности от центральной власти. Несмотря на усилия Екатерины II, переселившей в пустовавшие земли Нижней Волги немцев, «Поволжье еще долго было во власти разных инородцев и русское население ютилось лишь по самому берегу великой реки». «До самого последнего времени, — пишет, не уточняя дат, Валуева, — русские поселения по Волге оказывались в осадном положении: с Волги им угрожали воровские казаки, сзади из степей на них напирала кочевники — калмыки и башкиры»¹²². Автор утверждает, что коренной перелом произошел только в 1840-х гг., когда по Волге стали ходить пароходы, что активизировало сообщение, торговые связи, а также способствовало укреплению местной власти («началась мирная торговая жизнь промышленного населения»).

Несколько иной период «успокоения» Поволжья называет другой автор этнографического очерка для детей: после восстаний «татарвы, черемисов, мордвы непокорной», после гуляний и грабежей «вольницы безголовой», после череды «наездов воровских казаков» и ватаг с Дона и Яика и пришед-

¹¹⁸ Валуева М. Указ. соч. С. 10.

¹¹⁹ Там же. С. 12.

¹²⁰ Там же. С. 55.

¹²¹ Там же. С. 60.

¹²² Там же. С. 70.

ших им на смену разбойничьих набегов «бездомной братии» «Стеньки Разина» и «Емели Пугачева» — это времена Екатерины Великой. Только после этого стали «богатеть села, зашумели ярмарки и поплыли со всех концов суда с товарами»¹²³. Встречается и еще одно (правда, редкое) утверждение: «русской она сделалась при Владимирском князе Юрии Всеволодовиче»¹²⁴ — основателе Нижнего Новгорода.

Формализация значения Волги в научно-популярной литературе

В самом конце XIX — начале XX в. в текстах определяется — а точнее сказать, формализуется — значение Волги для русской экономики, культуры и истории. Анализ и реконструкция отдельных элементов этой осознанно фиксируемой и явно пропагандируемой роли Волги дает возможность сделать некоторые заключения.

Вовсе не на первом месте оказывается то, что представлялось столь важным в конце XVIII — первой половине XIX в., а именно обширность территорий волжского региона (около трети европейской территории России), в связи с чем роль Волги становилась определяющей прежде всего для державной мощи, опирающейся на экономическое процветание и благосостояние.

Однако не только физические (протяженность и разветвленность речной системы Волги) параметры делали ее главной рекой в Европе, но и историко-этнографическая специфика; это и «громадность, и обилие вод, разнообразие природы, влияние на историческое развитие народов и, наконец, богатство исторических явлений, ей исключительно принадлежащих»¹²⁵. Подчеркивалась

роль Волги в межцивилизационных контактах — в физическом и символическом отношениях, ведь она выступала «посредником» между «европейским западом и азиатским востоком». В этом смысле ее можно считать двойственной, ибо «она не могла стать объединяющим фактором в племенном отношении, не представляла этнографического единства»¹²⁶. Ситуация изменилась только с завоеванием Средней и Нижней Волги Иваном Грозным. Но и после этого Поволжье отличалось резким различием отдельных регионов по климату, промысловым и промышленным возможностям, этническому составу и религиозной принадлежности населения. Кроме того, Волга соединяет разные миры — Европу и Азию. Именно эти аспекты ставились на первое место до 1860–1870-х гг.

А в 1890-х и в начале XX в. бесспорно доминирующим в определении значения Волги оказывается детерминирующая роль региона в колониационных процессах, задавших направление и своеобразие русской истории — как государственной власти, так и «народной» жизни. Речь идет о процессе формирования, во-первых, великорусского этноса и, во-вторых, об исторических путях складывания русского национального ядра в целом. Довольно трудно и не всегда возможно точно и безошибочно интерпретировать нюансы словоупотребления, поскольку определение «русский» применяется как для обозначения великорусской этничности, так и «русскости» в ее триединстве, и в то же время — для фиксации процессов общеимперских, национальных. Так или иначе, авторы выказывают убежденность в том, что русская колонизация волжских земель с момента их интеграции в состав Московского государства «нашла себе здесь весьма благоприятные условия для своего развития и может считаться при-

¹²³ Александров Н. Волга. Этнографические рассказы для детей. СПб., 1874. С. 7.

¹²⁴ Благовидов Н. Указ. соч. С. 7.

¹²⁵ Откуда началась Святая Русь. Всенародная история Российского государства / Под ред. К. Соловьева. Т. 1. Б. м., 1882. С. 57.

¹²⁶ Там же. С. 58.

мером самой блестящей и прочной из колонизаций»¹²⁷.

Причин тому несколько. Во-первых, «это произошло как вследствие чрезвычайно удобных природных условий, так и вследствие того, что колонизация была двинута одновременно из различных русских областей и при этом все время имела рука об руку и земледельческий, и промышленный характер»¹²⁸.

Во-вторых, позиция русского этноса в регионе: «послужив связующим элементом между конгломератом различных народностей... (финских, тюркских и монгольских, а впоследствии и... присоединенной германской)... занял не только в административном, но и в экономическом отношении *подобное ему первенствующее место* (выделено мною. — М.А.), что не всегда можно сказать относительно других областей, колонизованных русскими»¹²⁹.

Колонизация понималась, в сущности, как ассимиляция русскими разноплеменного и поликонфессионального населения, рассматриваясь при этом как исполнение важнейшей и благородной цивилизаторской роли — поскольку православная вера и более высокий уровень развития европейской русской культуры обязывают к этому. Ключевыми концептами для ее описания становятся «сила» и «умиротворение»: «Когда... (славяне. — М.А.) сплотились в одно сильное государство, русла Оки и Волги сделались артериями, посредством которых русская сила, русская мысль разливалась по дремучим лесам Верхнего и Среднего Поволжья и по пустынным степям Поволжья низового»¹³⁰.

Описывая своеобразие волжского региона, А.Н. Пыпин настоятельно

выделяет роль Поволжья как цивилизационного пограничья: «исстари она (Волга. — М.А.) была первой границей между Европой и Азией, и в некоторых местах остается границей и теперь»¹³¹, которое одновременно воплощает в себе контактную зону Запада и Востока — как в географическом, так и в культурном смыслах («здесь один из исходных пунктов нашего “стремления на восток”»)»¹³².

Исполнение задачи распространения русской «силы» и «мысли» вниз по Волге (та историческая предопределенность, о которой писал С.М. Соловьев), было сопряжено, как постоянно подчеркивается в текстах различных жанров, в XVII–XIX вв. с большими усилиями и жертвами: «много трудов и усилий пришлось затратить русскому народу, прежде чем удалось ему наконец овладеть матушкой-Волгой»¹³³. Но эта реализация трактуется как благородное деяние и историческая миссия русского (великорусского) народа в широком смысле — его государственной власти, интеллигенции и народа в целом.

При этом «овладение» понимается многозначно: это и победа над татарами и присоединение к Москве территорий Нижнего Поволжья, стремительное (хотя и весьма трудное) распространение на юг русских переселенцев (вначале — военных, затем — крестьян, потом — беглых) и, наконец, собственно экономическое (прежде всего земледельческое) освоение края. Процесс сопровождался не меньшими жертвами и напряжением сил, чем военная победа. Только труд привел «к полному умиротворению края, к его колонизации, просвещению и обрусению» при напряженной деятельности «со стороны правительственной власти, громадной работы народного духа по внедрению в новой инородче-

¹²⁷ Предисловие // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 6. С. III.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. III–IV.

¹³⁰ *Монастырский С.* Указ. соч. С. 6.

¹³¹ *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 193.

¹³² Там же.

¹³³ *Валуева М.* Указ. соч. С. 71.

ской области начал русской культуры, государственности и веры, — работы, неустанно продолжающейся и до нашего времени»¹³⁴.

Мотив цивилизаторской миссии России и русских (прежде всего великорусов) в отношении народов Поволжья можно расценивать как один из ключевых в волжском дискурсе второй половины столетия в целом. Не без влияния концепции С.М. Соловьева, вероятно, была сформулирована и идея о том, что Волга из «азиатско-европейской реки» (каковой являлась до имперской истории России) начиная с периода петровских преобразований стала «рекой истинно-европейской и получила значение иное, более высокое: служить проводницей образованности и цивилизации в центр Азии»¹³⁵. Посредническая миссия России могла осмысляться не только как однонаправленное воздействие, она могла интерпретироваться и как выгодная для государства и народа. Причем как в «умственном развитии», так и с точки зрения «чисто материальных» интересов.

Д. Мордовцев писал: «...принимая из рук Европы ее интеллектуальные богатства, она (Россия. — М.А.) могла бы передавать их коснеющему в застое и невежестве Востоку, а от него брать его материальные сокровища и отдавать их Западу»¹³⁶. Но эта главная миссия России, ее историческая роль может быть исполнена только при условии «высокого уровня нравственных и материальных сил, кото-

рые необходимы для цивилизаторской деятельности»¹³⁷. Так еще раз подчеркивалась не только избранность России на пути просвещения, но и цена исполнения этой задачи.

В-третьих, собственно этнические последствия колонизации отразились на складывании особого регионального «физического типа» великоруса, в котором, в отличие от славяно-финской основы великоруса, заметно воздействие не только «финской, но и татарской инородческой стихии»¹³⁸.

Сущность процесса складывания этноса В. Рагозин видел в «претворении русским народом многих чуждых ему элементов (народностей) в свою плоть и кровь»¹³⁹. Рассуждая об исторической племенной ассимиляции, происходившей на волжских берегах, он понимал этническое слияние как в первую очередь процесс антропологический и культурно-этнографический, задаваясь вопросом о том, какие именно неславянские «элементы» составили русский тип: «какова их мысль, их мировоззрение, их обычаи, физическо-нравственная структура?»¹⁴⁰. Установив и осознав особенности «сторонней» примеси, полагал он, можно понять, «что они дают нам»: «несут ли они с собой задатки здоровья, силы и способности к прогрессу, или одну слабость — физическую и нравственную?»¹⁴¹.

Механистическое понимание сущности «метисации», как именовалась в XIX столетии антропологическая («расовая» — в терминах эпохи) ассимиляция, а также убежденность в том, что в физической природе, в самой этнической телесности заложены как черты темперамента, характера, нрав-

¹³⁴ Сырнев И.И. Глава IV. Исторические судьбы. С. 135.

¹³⁵ Овсянников А. Значение Волги // Овсянников А. Очерки и картины Поволжья. СПб., 1878. С. 2.

¹³⁶ Мордовцев Д. Восток или Запад? Рец. на книгу: Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанный в разное время В.В. Григорьевым — ориенталистом // Дело. 1876. Май. Отдел XII. С. 1–27. С. 3.

¹³⁷ Там же. С. 4.

¹³⁸ Сырнев И.И. Нижнее Поволжье // Россия. Полное географическое описание. Т. 6. С. 157.

¹³⁹ Рагозин В. Волга от Оки до Камы. С. 91.

¹⁴⁰ Там же. С. 92.

¹⁴¹ Там же.

ственных и умственных способностей, так и предрасположенность к цивилизации и прогрессу, приводят к тому, что формирование «русской реки Волги» Рагозин связывает, в сущности, не столько с процессом поглощения сильным племенем другого, находящегося на более низкой ступени развития (как часто говорилось о финно-угорских народах Поволжья), но с обрусением инородцев. Главным его средством выступает христианизация и приобщение к европейской культуре посредством русской.

Но Рагозин понимал процесс просвещения и окультуривания инородцев не как их обращение к нормам, ценностям и образу жизни цивилизованного народа (т.е. великорусов), а как «превращение» их в великорусов. Это представляется особенно значимым в связи с остротой проблемы т.н. «ассимиляционной способности русского народа»¹⁴², актуальной в первую очередь в отношении финно-угорских (но не их одних) народов Империи, причем не только для этнографической науки того времени. Вопрос имел серьезные практические последствия, будучи весьма болезненным не только для политиков (как консервативной, так и либеральной ориентации), но в первую очередь для ученых-этнографов, которые также имели несходные позиции по вопросу о двустороннем процессе слияния этносов.

В сущности, о том же писал, хотя

¹⁴² *Смирнов И.Н.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. № 47. С. 752–765; *Харузин Н.* Об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 43–78. О позиции сторон и об интерпретации их см.: *Knight N. N. Kharuzin and the Quest for a Universal Human Science.* P. 99–103; а также: *Загребин А.Е.* Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху позитивизма // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 2. С. 58–70.

и в более мягких выражениях, ранее *А.Н. Пыпин.* Волжский регион он приводил в качестве примера ассимиляции русскими «восточного элемента» — историк указывает на несомненные успехи его обрусения: «крещенные восточные люди... вступая в кровные связи с русскими, наконец, становятся совсем нашими соотечественниками, причем антропологически неизбежно передают в русскую народность известные элементы своей восточной природы». Этот процесс автор называет «прямыми встречами двух этнологических типов, сожительством их в одном общественном строе»¹⁴³.

И лишь на втором месте в перечне факторов значения Волги оказывается экономический, сопряженный с протяженностью реки и ее влиянием на производство и промыслы. Волга от истока до устья связывает в единую сеть разные регионы России, и более того — север и юг страны, Европейскую часть и Сибирь. Кроме того, она является главной водной артерией, соединяющей Европу и азиатский Восток: «Волга была постоянно и почти единственным... посредником, соединявшим Европейский запад и Азиатский восток»¹⁴⁴. Она «кормилица» миллионов подданных Российской империи. Причем не только в Среднем (житнице страны) и Нижнем течении (где процветает торговля), но даже в тех областях Верхнего Поволжья, которое вообще не балует жителей благоприятными условиями ни для хлебопашества, ни для рыболовства, ни для садоводства. Но «Поволжье... давало широкий простор для самой разнообразной деятельности»¹⁴⁵ — так как река позволяет развивать свои промыслы и активно торговать. И в этом видится одно из существенных отличий Волги от Днепра: «Промышленное население волжского бассейна предприимчиво и срав-

¹⁴³ *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 193.

¹⁴⁴ *Овсянников А.* Указ. соч. С. 2.

¹⁴⁵ *Валуева М.* Указ. соч. С. 15.

нительно более зажиточно, днепровского — разорено и загнано... лениво и недейтельно вследствие самих климатических условий»¹⁴⁶.

В контексте размышлений о значении Волги задаются авторы вопросом о «будущности» Поволжского края. В.П. Семенов полагал, что она зависит от двух условий, связанных исключительно с экономическим благосостоянием края, «счастливое географическое положение которого на перепутье» должно быть дополнено модернизированной инфраструктурой. Во-первых, «от улучшения судоходства по Волге в смысле поддержания в ней глубоких вод и охранения естественных рыбных богатств» и, во-вторых, от «количества перпендикулярных Волге железных путей»¹⁴⁷.

В. Рагозин связывал будущее региона с полным обрусением инородцев в регионе, мечтая, по сути, о создании нового метисного этнического («расового») типа с великорусской доминантой; перспективы такой полной «антропологической победы» видятся автору вполне радужными: «не слишком уж далеко то будущее, когда... Поволжье будет представлять сплошное русское население (разве только татары долее прочих инородцев сохранят свои национальные отличия), и не посвященному в тонкости антропологической науки нельзя будет признать в этих русских потомков мордвы, черемисов и чуваш»¹⁴⁸.

Интересно, что почти за 40 лет до Рагозина автор военно-статистического обозрения Нижегородской губернии в качестве показателя успешности обрусения тамошней мордвы и черемисов (исповедующих православие и забывающих свой язык) указывал принятие

православия, что «приведет» к тому, что они, «вероятно, скоро будут говорить языком чисто русским. Одни татары остаются еще последовательными магометанами»¹⁴⁹. В. Рагозин, много рассуждавший об антропологической метисации, считал, что «физиологическое смешение» имеет значение благотворного обновления и оживления породы»¹⁵⁰. «Физическое смешение» рассматривалось им как способ «благотворного обновления и факт прогрессивного характера»¹⁵¹.

Далее автор последовательно разбирает благоприятные и неблагоприятные факторы на пути полного слияния неславянских племен с русскими, подчеркивая, однако, что оно должно носить исключительно органичный, постепенный характер и служить залогом его привлекательности с нравственной и цивилизационной точек зрения. Особенно подробно излагаются аргументы в пользу необходимости «положительного русского примера» для татар, которым может стать «развитие» и «свобода» самого молодого русского народа¹⁵². Следует отметить, что данный процесс трактуется Рагозиным как естественный способ формирования русской нации, а не только собственно русского этноса: ведь аналогичный процесс обрусения происходит и с представителями других, «цивилизованных наций» в Российской империи (французами, немцами, шведами и поляками)¹⁵³.

Этнограф Н.Н. Харузин, рассуждая о проблеме «ассимиляционной способности русского народа», полагал, что причину следует искать в ком-

¹⁴⁶ Могилевский А.Д. Волга и Днепр // Овчинников А. Очерки и картины Поволжья. С. 4.

¹⁴⁷ Предисловие // Россия. Полное географическое описание. Т. 6. С. III.

¹⁴⁸ Рагозин В. Указ. соч. Т. 2. С. 147.

¹⁴⁹ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Генерального Штаба: В 18 т. СПб., 1837–1854. Т. IV. Ч. 4. С. 3.

¹⁵⁰ Рагозин В. Указ. соч. Т. 2. С. 192.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

плексе факторов, причем главным он считал «культурный уровень сталкивающихся народностей»¹⁵⁴. Именно превосходство в культуре, особенно схожей по типу (определения которой нет, но вполне очевидно, что имеется в виду известная классификация эволюционистов), с его точки зрения, определяет «устойчивость» к значительным (вплоть до утраты идентичности) чужеродным воздействиям в области быта, языка, образа жизни и, напротив, тенденцию к ассимиляции других этнических групп.

В этнографических описаниях Российской империи второй половины столетия большое место уделялось выявлению этнических и региональных «расовых» (т.е. антропологических) типов и их вариаций в границах одного этноса. Великороссы, в силу весьма обширного ареала своего обитания, в этом отношении демонстрировали большое разнообразие. Некоторые авторы высказывают убеждение, что к концу XIX в. можно говорить о формировании отдельного «волжского» типа великоруса — применительно к территории Среднего и Нижнего Поволжья, поскольку Верхняя Волга считалась колыбелью и ареалом формирования этнического ядра и господства «коренного», истинного великоруса¹⁵⁵: «разновременной наплыв переселенцев произвел в приволжском великорусе тип, несколько отличный от

типа великорусов двух соседних, более коренных великорусских областей. Не осталось бесследным для этого типа и продолжительное соседство его с финско-тюркскими племенами. Если само великорусское племя представляется не чисто славянским, а смешанным, то здесь, в Среднем и Нижнем Поволжье, славяно-финская основа была еще раз видоизменена новым притоком инородческой стихии, не только финской, но и татарской»¹⁵⁶.

«Русский Нил»

В 1907 г. В.В. Розанов отправляется в путешествие по Волге речным путем. Поволжье — его малая родина, детство и юность писателя связаны с Ветлугой, Симбирском и Нижним Новгородом. Его путевые заметки¹⁵⁷ свидетельствуют о том, что к началу XX в. уже сложился своеобразный канон волжских описаний: в них мы встретим все неприменные компоненты волжского научно-популярного травелога, рассмотренные выше.

В очерке отразились все сформировавшиеся во второй половине XIX века метафоры, образы и интерпретации «волжской темы». Волга предстает олицетворением благодатной природы и неиссякаемого изобилия, основой торгово-экономического процветания Поволжья и России в целом, выступает как символ «русскости» (в значениях этничности и «имперскости»). Ее пейзажи определяются как типично национальные, исторический и природный ландшафт — как воплощающие основные приметы российской

¹⁵⁴ Харузин Н. Об ассимиляционной способности. С. 69.

¹⁵⁵ «По своему этнографическому составу население Московской промышленной области и Верхнего Поволжья представляет большое однообразие. Это решительно великорусская страна, в которой количество инородцев не превышает 3%» (Распределение населения Московской промышленной области и Верхнего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание. Т. 1. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. СПб., 1899. С. 94).

¹⁵⁶ Сырнев И.И. Глава V. Распределение населения Среднего и Нижнего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание. Т. 6. С. 157.

¹⁵⁷ Розанов В.В. Русский Нил. Впечатления на Волге (1907) // Новый мир. 1989. № 7 / Подг. текста, вступ. статья и комм. В. Сукача. С. 188–231. Цит. по: www.kuchaknig.ru/show_book.php

государственности в пространственно-временных координатах. Очень сильна и эмоционально-аффирмативная составляющая описания великой реки — поэтические образы Отечества.

Но при этом Розанов как бы подводит некую черту под почти вековым волжским дискурсом. Он называет Волгу «русским Нилом». Обосновывая такое сопоставление, он перечисляет все характерные концепты: «Волга-матушка», «Волга-кормилица»: «мы — дети ее, мы кормимся ею. Она — наша матушка и кормилица»¹⁵⁸. Причины такого наименования Розанов, как и его предшественники, приписывает тому, что она «родит из себя какое-то неизмеримое хозяйство», в котором «есть приложение» и нищему старику, и богачу. Поэтому русский народ, условия работы которого «столь тяжки», и назвал реку священными именами — «за ту помощь в работе, какую она дает ему, и за неисчислимые источники пропитания, какие она открыла ему в разнообразных промыслах, с нею связанных»; «Волжский хлеб» — в смысле источников труда питателен, здоров, свеж и есть воистину «Божий дар».

Помимо экономической, указывает писателем и эстетическая составляющая волжского образа, связанная с завершением складывания концепции «Волга — русская река», национального символа России: «Все на Волге мягко, широко, хорошо»; «...И все на Волге, и сама Волга точно не движется, не суетится, а только “дышит” ровным, хорошим, вековым дыханием».

Так же как и путешественники XIX в., много Розанов пишет о проблемах, с которыми сталкивается турист. Они все те же: недостаточно хороших книг в судовой библиотеке: научных, путеводителей и художественной литературы (В. Рагозин кажется ему слишком трудным для чтения); все так же «неподвижна» и скучна провинциальная жизнь маленьких городов; не

самые комфортабельные условия путешествия для пассажира «среднего класса». Однако именно это путешествие, на его взгляд, дает возможность увидеть жизнь настоящей России и русских людей в ее живом, реальном и неприукрашенном виде. Патриотической настрой пронизывает очерк Розанова: несмотря на горькие воспоминания и грустные впечатления, сама волжская жизнь завораживает, притягивает, восхищает и рождает надежду на будущее.

Отождествление Волги с Россией в целом, сакрализация главной русской реки приводит писателя к рассуждениям о принятом регионально-ландшафтном и административном членении государства, которое он считает неудачным. Он убежден, что более приемлемо разделение на историко-культурные зоны или ареалы: «“Мир Волги” — как это идет! Свой особый, замкнутый, отдельный и самостоятельный мир. Как давно следовало бы не разделять на губернии этот мир, до того связанный и единый, до того общий и нераздельный, а слить его в одно! Россия, разделенная на совершенно нелепые “губернии”... на самом деле представляет группу стран, совершенно иного в каждом случае характера, иной природы и со своим у каждой страны средоточием... Не надо противиться природе вещей. Не нужно трепетать за единство империи или, вернее, России, которая тем меньше будет иметь тенденцию рассыпаться, чем более каждая часть будет чувствовать удобнее себя, поместится удобнее для себя географически, хозяйственно и этнографически. Искусственное разделение на “губернии” с отношением каждой губернии только к Петербургу, а не соседним губерниям или вот не к “матушке-Волге” в ее целом — это не может не вредить тысяче местных интересов... Очевидно, “Приволжье”, “Приуралье”, “Черноморье”, “Кавказ”, “Туркестан”, “Балтика”, “Литва”, “Польша” — вот есте-

¹⁵⁸ Там же.

ственные “края” и “земли”, вот великие “землячества”, из которых состоит Великая Русь». С точки зрения писателя, «Великая Русь» — это вся Российская империя.

В тексте Розанова — вновь по «канону» — упоминается и контактная зона пограничья двух религий и цивилизаций: «На Волге в самом деле сливаются Великороссия, славянщина с обширным мусульманско-монгольским миром, который здесь начинается, уходя средоточиями своими в далекую Азию».

Метафора Волги как животворящего и священного Нила особенно близка и понятна современным исследователям «национальных / имперских рек», которые давно и плодотворно изучают образы и символику крупнейших водных артерий Европы, Азии и Америки в рамках «водного дискурса»¹⁵⁹. Но для начала XX в. Волга как Нил понималась Розановым как «кровь» Импе-

рии, без которой и государство, и русский народ непредставимы ни в истории, ни в современности.

* * *

Концепт «Волга — русская река», сформировавшись в период складывания русской этнокультурной и российской национальной идентичности, обретал значения и образные воплощения в вербальных и визуальных описаниях Российской империи и Отечества. Его структура и эволюция свидетельствуют о том, что на определенном этапе поисков типа / типичного, великорусского / русского, символики и идеологического обоснования основных элементов народа / нации обоснование «русскости» Волги вписывалось в общеевропейскую «схему» поиска национального ландшафта, региона, диалекта, этнической группы. Особенностью этого «проекта» можно считать тенденцию соединения аргументов в пользу волжского идеала общеимперского (наднационального) единства, взаимодействия разных народов с освоением этнонационалистических стремлений к обрусению как залогоу утверждения «русскости». Можно предполагать, что это свидетельствует о своеобразной конкуренции или одновременном приложении двух ныне типологически различающихся в науке типов национализма: политического и этнического.

¹⁵⁹ *ElyCb*. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. Northern Illinois University Press, 2002; *Mc Noese T*. The Volga river. Chelser House Publisher, 2005; *Vater Rhein und Mutter Wolga*. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland (Identitäten und Alteritäten. Band 20). Ergon-Verlag, Würzburg, 2005; *Cusack T*. Riverscapes and national identities.; тематический номер ж. «Родина», посвященный Дунаю // Родина. 2010. № 11.

МАКСИМ ЖИХ

«БЕГСТВО ИЗ РУССКИХ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Явление забытых народов

Жило-было когда-то в районе современного Ростова Великого и его окрестностей финно-угорское «племя» *меря*. Оно мелькает в «Повести временных лет» при описании событий второй половины IX — начала X в. и в последний раз упоминается в перечне участников похода Олега на Константинополь в 907 г.¹ После этой даты летописи *мери*, увы, не знают, в т.ч. и летописание Северо-Восточной Руси, равно как не знает её ни один иностранный источник, из чего напрашивается вывод, что *меря* очень рано утратила свою субъектность и самосознание, была ассимилирована славянами. Это совершенно не удивительно: экономика и быт финно-угорских этносов северо-востока Европы, живших в лесной зоне и в отдалении от средиземноморской и восточной цивилизаций, были весьма примитивными, соответственно численность населения была небольшой. Продвинувшиеся в этот лесной регион из провинциально-римского мира Центральной Европы² славяне

принесли с собой гораздо более «продвинутые» формы хозяйственной жизни и общественного устройства, соответственно их демографический потенциал был существенно выше, чем у местных финно-угров, которые были в такой ситуации обречены на быструю ассимиляцию.

Исчезновение *мери* со страниц источников после 907 г. ясно говорит, что уже в домонгольское время этот финский этнос исчез без остатка, растворившись в среде более многочисленных и более активных демографически, социально и политически славян. Современные антропология и популяционная генетика неопровержимо показывают крайне незначительную роль финнов в формировании великороссов, видимо, те были весьма малочисленны относительно мигрантов-славян.

И вот на рубеже XX–XXI вв. появились люди, которые утверждают, что эта самая финская *меря*, исчезнувшая, о чём ясно говорит красноречивое молчание источников, не позднее X–XI вв., дожила благополучно до наших дней, а огромное количество современных русских, живущих в Центральной России, — это никакие вовсе и не русские, а финская *меря*, просто перешедшая на славянский язык, а саму Центральную Россию следует именовать «Мерянией» и т.д.³

Аналогичную картину мы наблюда-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРА). Т. I. Стб. 29; Т. II. Стб. 21.

² Современные данные языкознания и археологии позволяют надёжно локализовать прародину славян в пределах центрально-европейской культурной провинции, где они соседствовали с италиками, кельтами, германцами и балтами: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002; Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 39–125.

³ См., например, сайт «Merjamaa — Мерянское наследие России»: <http://merjamaa.ru/>

ем в тех регионах, где предшественниками славян и их субстратом являются балты: в Беларуси и в ряде областей России (Смоленская, Тверская и т.д.) появились люди, утверждающие, что здесь продолжают жить балты, которые просто перешли на славянский язык, что упоминаемый летописью этнополитический союз *кривичей*⁴, на основе которого сформировались белорусы, представляет собой не славянское, а балтское «племя»⁵. Применительно к собственно Беларуси это является средством противопоставить себя великороссам⁶, применительно к областям РФ — тем же, что и описанное выше «омеряние» — стремлением «убежать из русских».

Типологически сходные попытки «бегства из русских» заметны и в других регионах. Например, явно нездоровое «германофильство», наблю-

⁴ Равно как и некоторые другие летописные «племена», традиционно относимые к славянам: *радимичи*, *дреговичи* и т.д.

⁵ См., например сайты Tverzha: <http://tverzha.ru/>

⁶ Надо подчеркнуть, что для обоснования собственной этнографической субъектности белорусам совсем не обязательно насиловать историю и вопреки фактам «превращать» себя в балтов. Кривичи, ставшие основой формирования белорусов, были славянской группировкой с особой материальной культурой, отличавшей их от соседей, история и культура кривичей с момента их появления на севере Восточной Европы в середине I тыс. н.э. несла выраженное своеобразие, что хорошо показано в работах В.В. Седова. О том же говорит и О.Н. Трубачев — предпосылки формирования белорусов как особой этнографической группы восточного славянства были заложены уже в период славянского расселения по Восточной Европе (*Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С. 57–92*), причём связаны они отнюдь не с балтским субстратом, а именно с тем, что пришедшие в регион славяне имели соответствующие особенности.

даемое среди части калининградской общественности⁷. Особенно примечательное тем, что, в отличие от мерян и балтов, германцев к нынешнему населению Калининградчины совсем уж никак не приплетёшь — его смена после 1945 г. была тотальной. При этом калининградские «германofilы» как-то забывают, что самому факту своего проживания на этой земле они обязаны Победе в Великой Отечественной войне, а в случае пересмотра её итогов и возвращения региона Германии их тут же объявят оккупантами и попросят с вещами (и то не факт) на выход. Ну, часть, может быть, оставят в качестве прислуги... Сюда же относятся и разговоры об особом народе «казачков», а ведь уже и слова об особом народе «сибиряков» звучат...

Одним словом, явно обозначилась тенденция на «бегство из русских». Где-то ещё очень робкая, а где-то уже и весьма отчётливая. Данный феномен, представляющий безусловную и в перспективе очень серьёзную опасность для судьбы русской нации и российского государства и даже для самого их существования, нуждается в изучении и осмыслении, чему и должна послужить данная статья. Не имея возможности разобрать в её рамках все сюжеты «бегства из русских», остановлюсь на той проблематике, которая связана с моими профессиональными интересами как историка Древней Руси — на феноменах «омеряния» и «обалтения».

Рассмотрим сначала научный аспект соответствующей проблемы, ведь современные «балты» и «меряне» апеллируют к древней истории Восточно-Европейской равнины и к определён-

⁷ Шульгин В. Тевтонские видения // Литературная газета. 2011. № 8 (<http://old.lgz.ru/article/15413/>). Следует отметить и то, что в Калининграде подобные настроения в определённой степени стимулируются бедностью этого региона, особенно заметной на фоне его соседей.

ной научной традиции, а потом попробуем сделать некоторые выводы о социально-психологической природе «записи» наших современников в ряды давно забытых народов.

Финно-угры и славяне

Вопрос о вкладе финно-угорского субстрата в сложение населения Северо-Восточной Руси долгое время — до появления массового антропологического материала и начала исследований в области популяционной генетики — был весьма загадочным и в силу своей загадочности давал почву для допущений того, что фактической основой формирования средневекового населения региона были финны, а отсюда уже легко выводятся спекуляции на тему того, что соответственно и современные русские — это не кто иные, как ослабяившиеся финны.

С одной стороны, археологическая культура второй половины I тыс. н.э., существовавшая в междуречье Волги и Клязьмы, перерастает в древнерусскую культуру без заметных следов притока какого-то иноэтничного населения⁸. С другой — такие вполне точные науки, как антропология⁹, а с недавнего времени и популяционная генетика¹⁰, говорят о незначительном вкладе финно-угров в сложение населения Северо-Восточной Руси, равно как и лингвистика не фиксирует значительного пласта финских заимствований в русском языке. Собственно, данные антропологии и генетики ста-

вят в вопросе о том, сыграли ли финны какую-либо серьёзную роль в формировании великороссов, жирную точку. И после накопления массы антропологического и генетического материала в науке этот вопрос всерьёз не поднимается.

Но как же быть с данными археологии? Это кажущееся противоречие недавно разрешилось благодаря наблюдениям В.В. Седова, показавшего, что культура Волго-Клязьминского междуречья второй половины I тыс. н.э., которую принято было называть «мерянской» и относить к финно-угорскому миру, на самом деле связана с продвижением в регион переселенцев из Центральной Европы, родственных тем, которые создали культуру длинных курганов¹¹, о которой речь пойдёт ниже. Среднеевропейские мигранты-славяне, пришедшие в середине I тыс. н.э. на территорию будущей Ростово-Суздальской земли, создали здесь культуру, характерным атрибутом которой стали браслетообразные височные кольца — украшения, отсутствующие в финно-угорском мире, ассимилируя постепенно аборигенное финское население края. Таким образом, приход славян в будущую Северо-Восточную Русь и ассимиляция ими местных финнов относятся ко времени существенно более раннему, чем считалось, а те памятники, предшествующие древнерусским, которые раньше считались финскими, на самом деле являются славянскими или смешанными славяно-финскими.

Имя славянского «племени», заселившего междуречье Волги и Клязьмы, в летописях не сохранилось, вероятно, именно оно и фигурирует там под именем *мери*. Возможно, славяне переняли этноним ассимилированных фин-

⁸ Леонтьев А.Е. Археология мери: К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996. См. также, к примеру, работы Н.А. Макарова.

⁹ Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969; Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973.

¹⁰ Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007; Малярчук Б.А., Деренко М.В. Структура русского генофонда // Природа. 2007. № 4.

¹¹ Седов В.В. 1) Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 218–229; 2) Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 145–158; 3) Славяне. С. 388–397.

нов, как считает В.В. Седов, но, на мой взгляд, более логично полагать, что *мерей* это славянское «племя», дальше всего продвинувшееся на восток, в земли финнов (*мери*)¹², стали называть его западные соседи, то есть это экзоэтноним, а настоящее имя этой славянской группировки нам неизвестно.

Проблема этнической принадлежности кривичей в научном аспекте

По данным генетики и антропологии славян от балтов, в отличие от финнов, отделить очень сложно, поэтому вопрос об этносе этнополитического союза *кривичей*, равно как и *радимичей* с *дреговичами*, и роли балтского субстрата в формировании белорусов и великороссов более запутан, в связи с чем на нём мы остановимся несколько подробнее.

В последнее время как в российской, так и в белорусской историографии¹³ и публицистике стала набирать популярность идея о неславянской, а точнее — балтской этнической атрибуции упоминаемого в древнерусских летописях этнополитического союза *кривичей*. В этой связи имеет смысл вернуться к вопросу об этнической принадлежности летописных *кривичей* и попытаться верифицировать аргументацию сторонников «балтской» гипотезы.

Первым аргументом в её пользу

¹² Название *меря*, впрочем, как и названия ещё целого ряда финно-угорских этносов, имеет, по всей видимости, индоевропейское происхождение: Кулешов В.С. О происхождении этнонима мурома и о топонимах Муромской округи // Уваровские чтения-V. Муром. 14–16 мая 2002 г. / Под ред. Т.Б. Куряшиной и Ю.М. Смирнова. Муром, 2003.

¹³ Последняя по времени и наиболее обстоятельная в научной литературе попытка обосновать балтскую атрибуцию *кривичей* принадлежит Е.А. Шмидту: Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.

с подачи Д.А. Мачинского¹⁴ обычно называется то обстоятельство, что летописцами *кривичи* ни разу не отнесены прямо к *словенам*. Из этого учёный и его последователи заключают, что под именем *кривичей* в летописях выступает какая-то протославянская или балто-славянская группировка, оставшаяся на территории «лесной прародины» и ассимилированная «настоящими» славянами, кристаллизовавшись при продвижении на юг, в Подунавье, а затем расселявшимися оттуда, согласно «Повести временных лет». Не всё, однако, так просто. Да, прямо «славянами» *кривичи* в летописях не названы, но точно так же не названы ими там, к примеру, *вятичи* и *радимичи*. Значит ли это, что их тоже можно не считать славянами? Сам Д.А. Мачинский по этому поводу констатирует, что согласно «Повести временных лет» (далее ПВЛ) *радимичи* и *вятичи* происходят «от ляхов»¹⁵, а *ляхи* «по ПВЛ тоже потомки дунайских славян»¹⁶, соответственно, в представлении летописца эти два «племени» также являлись славянскими.

ПВЛ, рассказывая о расселении сла-

¹⁴ Мачинский Д.А. 1) Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 39–51; 2) О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; 3) Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период «зарождения» древнерусской народности // Русский Север. Л., 1986; Давидан О.И., Мачинская А.Д., Мачинский Д.А. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII–IX вв. (по данным летописей и археологии) // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985.

¹⁵ ПСРА. Т. I. Стб. 12; Т. II. Стб. 9.

¹⁶ Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. С. 44.

вян с Дуная, однозначно причисляет *полочан* и *северян* к славянам и упоминает их в числе разных расселившихся с Дуная славянских «племён»¹⁷. Далее же в ПВЛ говорится, что «по сеи братьи [после смерти Кия, Щека и Хорива] почаша держати родъ ихъ княжение в Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дрьговичи свое, а Словене свое въ Новегороде, а *другое на Полоте, иже и Полочане, от сихъ же и Кривичи, иже седают на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо седают Кривичи, таже Северо от них* (курсив мой. — М.Ж.)»¹⁸.

Как видим, согласно летописцу, *кривичи* происходят от *полочан*, а *северяне* происходят от *кривичей*. Данное обстоятельство не оставляет никаких сомнений в том, что в представлении летописца *кривичи* — это, безусловно, одно из славянских «племён», часть обширной славянской ойкумены. К сожалению, Д.А. Мачинский, хотя и отмечал, что *полочане* летописцем причислены к «собственно славянам»¹⁹, проигнорировал принципиально важное летописное свидетельство, согласно которому *кривичи* происходят от *полочан*. В летописном повествовании о расселении славян предлог «от» имеет однозначное значение происхождения.

Что касается происхождения *северян* от *кривичей*, то оно, судя по совокупности всех данных, которыми располагает наука, не является достоверным²⁰, однако это никоим образом

не умаляет его значения для понимания этнокультурной карты летописца, в рамках которой *северяне*, чётко отнесённые им к славянам, происходят от *кривичей*, которые в этом случае также являются в его представлении славянами. Тожество же *полочан* и *кривичей* подтверждается и другими летописными известиями:

— в процитированном фрагменте ПВЛ сказано, что *кривичи* живут в верховьях Западной Двины, то есть там, где находится Полоцк;

— в легенде о призвании варягов сказано, что «перви наследници... въ Полотъске Кривичи»²¹;

— В Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.) летописях полоцкие князья названы кривичскими, на что справедливо обращал внимание В.В. Седов²². По всей видимости, *полочане* представляли собой одну из локальных кривичских группировок.

Из сказанного очевидно, что для древнерусских летописцев *кривичи* представляли собой не что иное, как часть славянского мира. Это же подтверждается и «от противного» — в ПВЛ содержится перечень неславянских народов, платящих Руси дань: «се суть инии языце, иже дань дають Руси: Чюдь, Весь, Меря, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Емь, Литва, Зимегола, Корсь, Нерома, Либь. Си суть свои языкъ имуще от колена Афетова». Здесь последовательно перечислены сначала 9 финно-угорских

тех реалий, которые могли стоять за этим летописным известием, см.: Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2011 года. Пенза — Белосток — Прага, 2011. С. 27–28.

²¹ ПСРА. Т. I. Стб. 20; Т. II. Стб. 14.

²² Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. С. 36.

¹⁷ ПСРА. Т. I. Стб. 5–6; Т. II. Стб. 5.

¹⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 10; Т. II. Стб. 8.

¹⁹ Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. С. 44. В рассказе о славянских языческих обычаях летописец тоже чётко причисляет *кривичей* к славянам, упоминая их в одном смысловом ряду с другими «племенами», о которых он писал в связи с расселением славян с Дуная (ПСРА. Т. I. Стб. 14; Т. II. Стб. 10).

²⁰ Некоторые соображения относительно

«племен», а затем 4 балтских, которые чётко сгруппированы летописцем, что говорит о том, что его представления об этногеографии Восточной Европы имели отнюдь не произвольный характер (после балтских «племен» в конце списка названа финская либь, несколько выпадающая из общей системы; очевидно, это связано с тем, что жила она в балтском окружении). Среди последних *кривичи* не названы.

О славянской принадлежности *кривичей* ясно говорит и сам их этноним, имеющий чисто славянскую природу и стоящий в ряду других славянских этнонимов с суффиксом *-ичи*: *вятичи*, *радимичи*, *дреговичи*, *лютичи* и т.д. Балтская этнонимия не знает патронимических этнонимов и подобного суффикса²³. Типологически этноним «кривичи», имеющий очевидный патронимический характер (потомки Крива), аналогичен таким славянским «племенным» названиям как «радимичи» (потомки Радима) и «вятичи» (потомки Вятко), которые соответствующим образом осмыслены уже в ПВЛ.

На Пелопоннесском полуострове зафиксирован топоним *Kryvitsani*, который со всей очевидностью связан со славянским этнонимом *кривичи* (не случайно Константин Багрянородный практически тождественной пелопоннесскому *Kryvitsani* формой именуется восточноевропейских кривичей)²⁴. Соответствующая пелопоннесская параллель не оставляет никаких сомнений в славянской принадлежности рассматриваемого этнонима. По всей видимости, в ходе бурных событий эпохи великого славянского расселения одна часть праславянского «племени»

кривичей оказалась в Восточной Европе, а другая — далеко на юге Греции. В этой связи немаловажно, что латыши и поныне называют русских *krievi*, а Россию — *Krievija* — именами, производными от названия «кривичи»²⁵.

Теперь рассмотрим археологические данные о *кривичах* и их этнической принадлежности. Ныне большинство археологов согласно с тем, что *кривичи* археологически представлены культурой длинных курганов VI–IX вв., чего не отрицают и сторонники балтской их атрибуции, «отдавая» *кривичам*, как минимум, культуру смоленско-полоцких длинных курганов²⁶.

Кривичская культура (или культуры, если разделять псковские и смоленско-полоцкие длинные курганы) длинных курганов занимает одно из ключевых мест в работах В.В. Седова. Все её материалы, имевшиеся в распоряжении науки на начало 1970-х гг., были им монографически опубликованы²⁷. Эта сводка сохраняет своё значение по сей день, так как, несмотря на то что впоследствии был раскопан ряд новых памятников, качественных сдвигов в наших знаниях об этой культуре не произошло и новая, более полная сводка её материалов пока никем не составлена.

В период своего расцвета в VIII–IX вв. культура длинных курганов занимала огромную территорию: Псковщину, часть Новгородчины, Верхнее Поднепровье и Подвинье с сопредель-

²⁵ Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 426.

²⁶ Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья. С. 60–63. Периодически выдвигается и предположение о финно-угорской принадлежности культуры длинных курганов или, как минимум, псковских длинных курганов (см. например: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 61–85).

²⁷ Седов В.В. Длинные курганы кривичей.

²³ Трубочёв О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 55.

²⁴ Там же. С. 62. Важно и то, что Константин Багрянородный в середине X в. также относил восточноевропейских *кривичей* именно к славянам (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51).

ными регионами. Имя своё культура получила по характерному типу погребальных памятников — удлинённым курганам от 10 до 100 и более метров длиной, в которых содержится иногда весьма значительное число захоронений (от одного-двух до двадцати с лишним) по обряду трупосожжения, которые в большинстве своём являются безурновыми и безынварными или содержат весьма незначительный инвентарь (бронзовые бляшки, пряжки, ножи, кресала, глиняные пряслица, стеклянные бусы и т.д.). Жили носители культуры длинных курганов преимущественно на открытых селищах, хотя постепенно появляются и городища (например, Изборск), дома строили преимущественно наземные, посуду делали вручную, без гончарного круга. В развитии культуры длинных курганов наблюдается два этапа: на первом (V–VII вв.) она охватывала преимущественно современную Псковщину и значительную часть Новгородчины (псковские длинные курганы), а с конца VII в. начала распространяться на юг, охватив будущие Полоцкую и Смоленскую земли (смоленско-полоцкие длинные курганы), что, очевидно, отражало процесс расселения её носителей. При этом культура длинных курганов в Смоленско-Полоцких землях имеет ряд отличий от Псковщины, в частности, там нет очень длинных курганов, превышающих 30 метров. В IX–X вв. длинные курганы постепенно сменяются полусферическими, культура длинных курганов исчезает и занятый ею регион становится частью древнерусской культуры.

В.В. Седов убедительно обосновал принадлежность культуры длинных курганов известному по летописям восточнославянскому этнополитическому союзу *кривичей*, приведя в её пользу следующие аргументы:

— сопоставление длинных курганов с пришедшими им на смену полусферическими, славянская принадлежность которых уже вне всяких сомнений,

показывает, что они совершенно идентичны в устройстве и в особенностях погребального ритуала;

— длинные курганы и полусферические обычно находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их населения. На каком-то этапе длинные курганы сосуществуют с полусферическими, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда;

— керамические материалы IX–X вв. генетически связаны с керамикой культуры длинных курганов;

— никакого притока нового населения в конце I — начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера, не фиксируется. Некоторые предметы материальной культуры выходят в этот период из обращения, но, во-первых, происходит это постепенно, а во-вторых, далеко не только на территории культуры длинных курганов, поэтому говорить о каком-либо сломе культурной традиции невозможно;

— ранние памятники культуры длинных курганов на Псковщине, занятой до этого финно-угорской культурой текстильной керамики, не обнаруживают с ней никакой преемственности, свидетельствуя о приходе в регион крупных масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры;

— ареал культуры длинных курганов полностью совпадает с тем ареалом, который летописи отводят *кривичам*: в «Повести временных лет» в легенде о призвании варягов среди призывающих названы *кривичи* и один из братьев Рюрика Трувор садится на княжение в Изборске²⁸, а в Устюжском (Архангелогородском) летописном своде Изборск прямо назван городом кривичей²⁹;

²⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 19–20; Т. II. Стб. 14.

²⁹ ПСРА. Т. 37. С. 18, 57.

— лингвистические материалы показывают родственность смоленско-полоцких и псковских говоров³⁰. Единственный период, когда эти два региона были охвачены единой культурой, — это время культуры длинных курганов;

— лингвистически древнейшие контакты славян с предками эстонцев относятся ко времени до образования древнерусского языка и датируются временем начиная с VI в. (Э.Н. Сетяля), что полностью соответствует археологически фиксируемым контактам носителей культуры длинных курганов с предками эстонцев;

— культура длинных курганов не имеет местных корней и генетически никак не связана с предшествующими балтскими и финно-угорскими культурами. Отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для неё основными и носят региональный характер. Они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения.

Все эти аргументы³¹ никем не опровергнуты, но несмотря на это периоди-

чески выдвигаются гипотезы о неславянской этнической атрибуции культуры длинных курганов и её балтской либо даже финно-угорской принадлежности (С.К. Лаул, Г.С. Лебедев, А.Н. Башенькин, В.Я. Конецкий, Е.А. Шмидт и др.)³². Однако все эти предположения не имеют серьёзной комплексной аргументации. Они, в отличие от концепции В.В. Седова, основаны не на всём комплексе археологических, исторических и лингвистических данных, а только на каких-то отдельных частях его, которые абсолютизируются, а все остальные моменты при этом игнорируются. Добавим несколько исторических аргументов в пользу правоты В.В. Седова и кривичской принадлежности культуры длинных курганов:

— если предположить финское происхождение культуры длинных курганов, то это означает, что накануне формирования Древнерусского государства имела место мощная экспансия финского населения в Верхнее Поднепровье и Подвинье. Никаких исторических, лингвистических или топонимических подтверждений этому нет;

— если предположить балтское происхождение культуры длинных курганов, то непонятно, почему возникла она вне балтского культурного и гидронимического ареала на Псковщине и Новгородчине. Балтская экспансия в этот регион неизбежно оставила бы сильные следы в гидронимии, но их практически нет;

— если предположить любое неславянское происхождение культуры длинных курганов, то неясным станет вопрос, с какими археологическими реалиями связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз *кривичей* (летопис-

³⁰ *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230–234; *Николаев С.А.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.

³¹ *Седов В.В.* 1) Кривичи // Советская археология. 1960. № 1; 2) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 91–124; 3) Длинные курганы кривичей. С. 36–41; 4) Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166; 5) Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; С. 46–58; 6) Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 211–217, 229–238; 7) Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 117–128; 140–145; 8) Славяне. С. 354–364. К этому можно добавить, что женщины культуры длинных курганов носили височные кольца — типично славянские украшения (*Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 89–100). Балтские и финские женщины не носили височных колец.

³² Историографию см.: *Буров В.А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // Российская археология. 1996. № 1.

ная локализация которого идеально совпадает с ареалом распространения рассматриваемой культуры), так как на смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Предположение о разном происхождении и разной этнической сущности культур псковских и смоленско-полоцких длинных курганов не имеет достаточного обоснования, так как в этом случае непонятен механизм распространения единого специфического погребального обряда на соответствующей территории. Тезис Е.Р. Михайловой, согласно которому «сложный комплекс погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов, распространившийся по огромной территории, следует трактовать скорее как явление духовной жизни и религиозных практик древнего населения, чем как отражение неких социальных или этнических структур»³³, ничего не проясняет, а только запутывает проблему. Каким образом единый «сложный комплекс погребальной обрядности» мог распространиться среди разноэтничного населения на огромных территориях в условиях отсутствия государственных институтов и социально-политического единства, если не было тех, кто его распространял в ходе своей миграции?

По мнению этой исследовательницы, постепенная смена культуры длинных курганов древнерусской культурой означала смену населения соответствующих регионов³⁴, с чем невоз-

можно согласиться, так как процесс нивелировки культур отдельных славянских этнополитий охватил в то время всю Восточную Европу, что, однако, не говорит о том, что там произошла смена населения. Просто в условиях становления древнерусской народности и формирования Древнерусского государства стирались локальные различия между культурами вошедших в его состав «племён», выработывалась единая древнерусская культура. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то — позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» восточнославянских культур как смену этнического лица соответствующих регионов.

К этому можно добавить то, что именно ареал **всей** культуры длинных курганов (как псковских, так и смоленско-полоцких) соответствует территории *кривичей*, как очерчивают её летописи и данные языкознания.

Таким образом, тезис В.В. Седова о кривичской принадлежности культуры длинных курганов является наиболее фундированным и учитывающим всю совокупность фактов, а не какие-то отдельные из них, как это имеет место быть у его оппонентов. На данный момент нет никаких серьёзных оснований сомневаться в правоте В.В. Седова в этом вопросе.

Подводя итоги³⁵, можно сказать, что никаких серьёзных оснований сомневаться в славянской этнической принадлежности летописных *кривичей* нет, что, разумеется, не отменяет того, что определённую роль в становлении и развитии этого славянского этнополитического объединения сыграло и автохтонное балтское население региона³⁶, постепенно ассимилирован-

³³ Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. С. 15.

³⁴ Там же.

³⁵ Всё сказанное здесь относительно *кривичей* может быть экстраполировано также на *радимичей* и *дреговичей*.

³⁶ О вкладе балтского субстрата в культу-

ное пришедшими в Среднерусские земли из Центральной Европы в середине I тыс. н.э. славянами-кривичами³⁷.

Разрушение исторической памяти народа как предвестник его дезинтеграции

Как видим, серьёзных научных оснований считать современных русских и белорусов балтами и финнами нет, но фокус в том, что подавляющее число современных «балтов» и «мерян» не имеет исторического, археологического или лингвистического образования, стало быть, и не может объективно оценить научную сторону проблемы. Соответственно, причины, побудившие их «убежать из русских» и отождествить себя с давно исчезнувшими народами, лежат вовсе не в плоскости науки, их надо искать в социально-политической и психологической сферах.

В чём же могут состоять эти причины? Я бы выделил несколько моментов.

С одной стороны, это, безусловно, общий фон национальной политики Российской империи, СССР и Российской Федерации, так или иначе ущемляющей интересы русского народа, ведь в её рамках он рассматривается не как субъект, а фактически как некое «клейкое вещество» для полиэтничной империи, о чём пишется и говорится в последнее время немало. Такая политика государства по отношению к государствообразующему народу явно не способствует укреплению его национального самосознания и национальной гордости. Однако сам по себе данный фактор не стоит абсолютизировать: в Беларуси, скажем, где люди, как и в Смоленске и в Твери, воображают себя «балтами», ущемления белорусов нет.

ру славян Верхнего Поднепровья и Подвинья см.: *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 162–190.

³⁷ Подробнее см.: *Жих М.И.* К вопросу об этнической принадлежности кривичей // <http://suzhdenia.ruspole.info/node/3403>

В качестве главной причины обозначившихся проблесков дезинтеграции русского народа я бы назвал ту истине титаническую работу по разрушению национальной исторической памяти, которую проделала западно-ориентированная часть интеллигенции за последние два с лишним десятилетия, что было прямо спровоцировано «перестроечной» и ельцинской властью. «Эта страна», представление о русских как носителях имперского начала, оккупантах и т.п., поощрение сепаратизма и местных национализмов, заступничество их от «великорусского шовинизма» при полном закрытии глаз на их собственный шовинизм и т.д. — подобные вещи стали одной из основ её идеологии и практической деятельности. Фактически это был перенос в Россию тех представлений о ней, которые были сформированы западной пропагандой периода холодной войны, своеобразная «внутренняя колонизация» страны — «западническая» интеллигенция отождествила себя с Западом и стала смотреть на Россию и русский народ не с точки зрения их национальных интересов, а с точки зрения национальных интересов западных стран.

В соответствии с этим буквально все традиционно значимые для народа символы и образы — «места памяти» — оказались, так или иначе, под беспощадным ударом, исковеркавшим самосознание народа. Желая «перевоспитать» «неправильный» народ по неким существующим в их головах образам, начали крайне произвольно обращаться с прошлым, перекраивая его каждый по своим лекалам: варианты «развенчания» того или иного «места памяти» предлагаются самые разные, на любой вкус и цвет. При этом произошла своеобразная цепная реакция и вслед за «либералами» задействованы в данном процессе оказались интеллектуалы всех направлений. Как это ни покажется странным на первый взгляд, но свой вклад внесли в разгром

национальной исторической памяти русского народа и «патриоты», хотя как бы в «другую сторону», предлагая взамен либеральной русофобии урапатриотическую историю, также не имеющую отношения к науке. Думается, что такая (зачастую неадекватная) реакция «патриотов» была своеобразным следствием и ответом на действия «демократической» власти и общест-венности.

В итоге легко может возникнуть ситуация, при которой историй у нас будет столько, сколько людей. У каждого будет своя история со своими условными «мерянами», которые оказываются не более чем одной из форм бегства от реальности.

Кстати, возвращаясь к калининградскому «бегству из русских», о котором говорилось в начале статьи. Есть основания полагать, что основной его причиной в ментальной сфере стали именно попытки «развенчания» Великой Отечественной войны, ведь если та война — это не великая национально-освободительная война русского народа, а «схватка двух тоталитарных монстров», если были изнасилованы миллионы немцев, а германское население было незаконно изгнано со своих земель и т.д., то у калининградцев по факту развивается «комплекс вины» с неизбежным стремлением убежать от него.

Значительная часть интеллигенции искренне думает, что, избавив народ от «неправильного» прошлого, она даст ему «правильное» прошлое и «правильное» же настоящее, и все будут счастливы. Но вместо этого происходит совсем иной процесс: люди оказываются дезориентированы, они утрачивают чувство общности, чувство принадлежности к одной национально-исторической семье. Плоды этого калейдоскопического «исправления прошлого» уже полезли изо всех щелей — началась дезинтеграция русского народа, его распад.

Сказанное, по моему мнению, позволяет поставить вопрос о некоей моральной ответственности интеллектуальной элиты перед народом за свои действия, которую она, по моему мнению, в массе своей совершенно не чувствует, играя с прошлым и складывая его в разные пазлы всеми возможными способами на глазах изумлённого и оторопевшего народа, который начинает, глядя на всё это, разбегаться по своим «меряниям». Никакой протест против режима не может ни в коей степени оправдать, к примеру, обливание грязью Великой Отечественной войны.

С наступлением «путинской стабильности» никакого улучшения в «политике памяти» не наступило. Формально государство как будто отвергло откровенно русофобскую идеологию 90-х и начало пропагандировать традиционный государственный и даже временами откровенно квасной патриотизм. Вот только эта «патриотическая» пропаганда происходит на фоне сложной социально-экономической обстановки в стране («патриотическое» государство последовательно сбрасывает с себя все социальные обязательства) и, соответственно, не приносит желаемого результата, скорее наоборот, вызывает обратную реакцию в обществе. Бессмысленно взывать к патриотизму там, где становятся платными школы и детские сады, а в больницах из лекарств бесплатно предоставляют только градусники. Бессмысленно говорить о «величии России» в ситуации, когда реальный вес России на международной арене не слишком высок.

Подобное расхождение государственной риторики с реальным положением дел в стране ожидаемо вызывает недоверие к государству и стремление к бегству от действительности, одним из основных вариантов которого и является «конструирование» прошлого. Не случайно, что никакого спада в наплыве псевдоисторических те-

орий в сравнении с 90-ми гг. ныне отнюдь не наблюдается.

В то же время путинский режим держит западно-ориентированную интеллигенцию в качестве своеобразного пугала для сплочения «патриотической» части общества: мол, либо мы со всеми нашими минусами, либо они, сравнивающие нашу военную контрразведку с гитлеровским СС. Таким образом, недовольство «патриотической» части общества купируется и направляется в нужное режиму русло: пусть «патриоты» не социальные обязательства государства отстаивают и прочими подобными вещами занимаются, а воюют с «либералами», Путин же будет третейским судьёй, стоящим над схваткой.

Для самой же интеллигенции отход от официальной государственной идеологии становится вновь, как и в советское время, формой протеста против режима. Равно как и ассоциация себя с Западом, а не с «этой страной». И получается замкнутый круг: западно-ориентированная интеллигенция, не любимая народом, но имеющая серьёзный информационный ресурс, который режим не перекрывает, держа её в качестве пугала, «патриотическая» интеллигенция, которая борется с западниками-руссофобами и, чтобы не допустить их к власти, готова терпеть нынешний режим, и собственно сам режим, которому такая «борьба у трона» помогает держаться у власти.

Таким образом, в путинской России по-прежнему действуют все социально-политические и идеологические предпосылки к дальнейшей дезинтеграции русского народа.

Крайне важен и ещё один момент. Если мы посмотрим на людей, занятых «развенчанием» истории России, то с удивлением обнаружим, что профессиональных историков среди них практически нет. Сплошь журналисты,

публицисты, политики и т.д. Для профессионального историка нетрудно провести чёткую грань между фоменковщиной и «Велесовой книгой», с одной стороны, и политически ангажированной фальсификацией истории — с другой. Да и есть ли она? Полагаю, что это две стороны одной медали, порождённые общим упадком научной культуры в постсоветское время.

Известный историк Древней Руси А.Г. Кузьмин очень метко назвал людей, разрушающих национальное историческое сознание, «мародёрами на дорогах истории» и хорошо определил конечную цель этого разрушения: «цель очевидна — превратить человека (именно русского) в обезьяну. А далее — тех, кто выживет — в клетку»³⁸. И он же обозначил необходимость борьбы с ней профессионального сообщества историков, которое должно, с одной стороны, последовательно разоблачать ложь «мародёров», а с другой — активно заниматься просветительской деятельностью. И, естественно, в обществе должно быть восстановлено понимание того, что история — это наука, ничуть не менее сложная, чем физика. Политики и журналисты должны не болтать безграмотно «за историю», а слушать профессиональных историков. Но это невозможно без общей смены курса страны, который сейчас ориентирован отнюдь не на укрепление позиций науки в обществе, особенно исторической. Долг историка же — быть честным. Говорить правду, а не обслуживать власть, и последовательно разоблачать деятельность «мародёров на дорогах истории».

Исторические знания общество должно получать из рук профессионалов, а не дилетантов или политиканов.

³⁸ Кузьмин А.Г. Мародёры на дорогах истории. М., 2005. С. 187.

СЕМЁН РЕЗНИЧЕНКО

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ОН ЕСТЬ

Славяне — это европейцы «старого образца». Европейцы доримской и догерманской традиции. Свободолюбивые индивидуалисты, какими были античные греки и древние кельты. В их среде многое определял личный произвол. В их социальной организации не хватало рациональных принципов и незыблемых институций. Поэтому традиционные европейские свободы сменил более твёрдый и рациональный германо-романский порядок.

Были «рационализированы» и «стандартизированы» и большинство славянских народов. В основном — в ходе многовековой борьбы с каким-либо иноземным игом.

Русские отразили все попытки непосредственной иноземной оккупации (монголо-татарское иго таковой не являлось). Для этого они создали деспотическое государственное устройство, по формальным признакам напоминающее азиатское. То есть государство, противоречащее славянскому мировоззрению. И с этим государством у русских произошёл неизбежный хронический конфликт.

Но под панцирем «своего — чужого» государства русские сохранили ядро традиционного менталитета. В гораздо большей степени, чем другие славяне. Хотя ментальная периферия и претерпела значительные изменения.

Составляющие ядра русского менталитета: индивидуализм, иррационализм, анархизм, авторитаризм. Вследствие этого русские весьма отличаются друг от друга. Среди русских очень много людей, не соответствующих основному ментальному облику. То есть рациональных коллективистов, не склонных ни к анархизму, ни к авто-

ритаризму. Разброс индивидуальной ментальности в рамках одного народа наблюдается практически всегда. Но у русских он, скорее всего, выше среднего показателя.

Наблюдаются существенные различия в ментальности различных групп русских. Например, этнотерриториальных групп крестьян, иногда живущих на разных территориях, а иногда — на одной и той же. В частности, на территории Центрально-Чернозёмного региона прослеживается ярко выраженное различие ментальности крестьян и казаков. Хотя во всех случаях речь идёт о русских земледельцах-общинниках. О представителях разных сословий и социальных групп говорить не приходится — уже говорилось слишком часто.

Как образно написал публицист Игорь Васильев в журнале «Голос эпохи», одни русские крестьяне походили по своему менталитету скорее на швейцарцев, а другие — скорее на негров.

На многие важные вопросы русские давали совершенно разные ответы. Идёт хронический спор националистов, с одной стороны, и либералов и евразийцев — с другой. Одни утверждают, что русские рьяно хранили свою национальную чистоту и в смешанные браки не вступали. Другие — что на чистоту нации русским было плевать, и они только и делали, что смешивались со всеми.

На практике разные группы, например, сибирских крестьян вели себя совершенно по-разному. Одни долгое время женились исключительно на туземках и создали практически метисные группы, антропологически и культурно чрезвычайно близкие к несла-

вянскому населению, но сохраняющие русское самосознание. А иногда — даже былинный эпос.

Другие смешивались с местным населением, но незначительно.

Третьи жили чуть ли не по нюрнбергским расовым законам.

Но всё же думается, очень плодотворна идея Константина Крылова о том, что в старой России смешивались с другими народами преимущественно «социально продвинутые» категории населения — аристократия, интеллигенция и пр. Основная масса населения — крестьяне — смешивалась с представителями других этносов незначительно. В том числе и потому, что социальный статус и экономические возможности крестьян были низки. И они не казались привлекательными брачными партнёрами как для представителей других народов, так и других социальных групп. Исключение среди русских земледельцев являли собой достаточно зажиточные и высоко-статусные казаки и сибирские крестьяне. С ними было немало желающих породниться. И они могли выбирать, стоит ли их общине разрешать смешанные браки или нет.

Для русского человека в большей степени значимы не какие-либо общенациональные идеологемы. А «понятия». Правила, регулирующие жизнь в некоей узкой, замкнутой группе, зачастую противопоставляющей себя «большому» обществу. Если русский — член такой группы, она значит для него весьма много. Гораздо больше «народа» и «общества». Эта группа может быть воровской малиной, старообрядческой или казачьей общиной, обществом либеральных интеллигентов, полицейских или националистов. И так далее.

Этот элемент менталитета возник в период, когда Русская земля делилась на независимые общины — земли, которые были и государственными субъектами, и субэтносами. Они никому долгое время не подчинялись. Отли-

чались обычаями, говором. В принадлежности к такой самодостаточной общине заключалась самоидентификация русского, его статус и достоинство. Такую теорию блестяще обосновали выдающиеся историки И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко.

Разделение на подобные группы способствовало появлению упомянутой выше дробности и неоднородности менталитета.

После исчезновения среди русских значимых культурных различий эта неоднородность не исчезла. Исчезли коллективы выживания, но сохранялось желание иметь свою общность, отличную от других. И таковые стали создаваться среди русских искусственно. Во многом через противопоставление другим группам. Отсюда возникли все «онтологические» споры «почвенников» и «западников», «совков» и «антисовков».

Внутренняя неоднородность, стремление повысить роль придавать внутринациональным различиям не способствовало созданию у русских национального государства и сохранению имперского порядка, когда над «независимыми» группами должна быть независимая же надстройка — медиатор и организатор. Причём за редким исключением (вроде опасности нашествия Наполеона или Гитлера) субъектом отношения с государством или другим этносом выступал не русский народ как таковой. А некая отдельная группа, претендующая на независимость и статусность. Показательно, что некий партийный пропагандист начала 1930-х годов призывал «крепить союз коммунистов и украинцев».

Вот поэтому-то при коммунистах отдельной самостоятельной общественно-политической субъектности русский народ не имел. А другие народы имели. Коммунисты просто исходили из наличного положения дел.

Олег Неменский в своей статье об охранительстве (Вопросы национа-

лизма. № 10) выразил недоумение по поводу специфики русской государственности. Попробуем его развеять. Государственный аппарат во главе с государем (назывался по-разному) — это независимая община-гегемон, которая осуществляет власть над другими общинами в своих собственных целях. Для других она делает минимум того, что должна, дабы продлить гегемонию, которая осуществляется диктаторскими средствами. Практически ситуация аннексии Москвой Твери и Новгорода продолжается и в настоящее время. Общины покорены, но не слиты с господствующей.

Эта диктатура держится на жесткой вертикали соподчинённости внутри господствующей «общины» начальников. Которая, благодаря лучшей организации, господствует над всеми остальными, более аморфными. Вообще, в России более организованная община побеждает менее организованные. Так, в 1917 г. в результате двух переворотов власть перешла от восставших против ослабевшей верхушки иерархии дворян, чиновников и интеллигентов к организованным и авторитарным большевикам, которых возглавляли жесткие лидеры, подавлявшие любое недовольство. Об отношениях власти-подчинения в среде русских будет сказано ниже.

Сугубо гипотетический приход к власти националистов был бы не созданием единой русской нации. А приходом к власти «общины националистов».

Так что русофобская идея о том, что русских вообще нет, имеет под собой определённый базис. Однако она не верна. Есть и другие народы с серьёзными внутренними этнографическими и/или ментальными различиями. Например, китайцы или швейцарцы, в существовании которых никто не сомневается. В появлении этих народов, как и русского, большую роль сыграло долговременное политическое единство.

Практически экспериментальным доказательством существования русских является сохранение русской идентичности некоторыми группами старообрядцев, веками живших вдали от России (например, казаками-некрасовцами).

Можно согласиться со Светланой Лурье, что конфликт господствующей общины и всех остальных имел и функциональный характер. Для удержания господства «начальству» нужно было сильное государство. А жизнеспособные «низовые общины» могли поддерживать начальство в трудную минуту.

Индивидуализм в сочетании с иррационализмом резко понизил в среде русских действие внеличных социальных регуляторов. Таких, как законы и обычаи, религиозные установки. Регулятором выступает авторитет конкретных личностей и групп.

Этим-то русские отличаются и от «классических» европейцев. И от носителей восточной ментальности. Европейцы, рациональные индивидуалисты, большое значение придавали законодательным нормам и формально закреплённым договорным отношениям. И стабильно существующим легитимным институтам — источникам права.

На Востоке большое значение придавалось обычаю, традиции, религиозной норме, мнению большинства.

В русской среде тоже очень важную роль играли и законы, и обычаи, и религиозные установления. Однако большую роль, чем на Востоке или на Западе, имел произвол отдельной личности или групп личностей.

Произвол не обязательно «негативный» или «позитивный». Но порождающий изменчивость и нестабильность.

Отсюда — масштабные революционные сломы национальной жизни (петровские реформы, большевистская революция, распад СССР). Отсюда — недостаток традиционности в культуре, вольное отношение к соблюдению законов.

Отсюда — широко растиражированная склонность русских к крайностям. И негативные, и позитивные стремления русских в меньшей степени ограничивались рамками и правилами.

* * *

В каких условиях сформировался русский национальный характер? Ответом на какие вызовы он стал? Прежде всего — на нестабильность, изменчивость и разнообразие. Разнообразие природного ландшафта, непохожесть друг на друга окружающих народов, врагов и союзников. Их периодическая смена. Изменчивость политической, геополитической, экономической ситуации. Что иллюстрируется древней пословицей «Рать стоит до мира, а мир — до рати». То есть длительные периоды военной опасности могли сменяться столь же относительно длинными периодами спокойствия. Тогда как у других народов последовательно преобладало что-то одно.

Ситуация не только постоянно менялась, но и для разных групп русских менялась по-разному. От разных русских людей и в разное время требовалось очень разное поведение.

* * *

Русские — это европейцы, которым пришлось построить себе псевдоазиатское государство.

Которое на деле является гегемонией одной из земель или заменяющей её социальной группой (начальство), которая имеет свои собственные интересы и не сливается с другими землями (социальными группами). Такой была и гегемония Киева, и Москвы, и дворян, и коммунистов. Недаром историки утверждают, что становление московской военно-служилой системы началось ещё до возникновения Османской империи, которая считается одним из «примеров для подражания».

Подобная гегемония появилась из славянского наступательно-оборонительного союза, как у скла-

винов и антов. Которые помогли объединить разрозненные усилия славяний для достижения серьёзных политических целей. Хотя это объединение и стеснило их свободу.

Подобные союзы оказались слишком непрочными. И на их место пришли гегемонии в формате известных раннеславянских государств, которые превратились в европейскую государственность у чехов, более масштабную славинию у поляков. И гегемонию под видом восточной деспотии у русских.

Но менталитет наступательно-оборонительного союза продолжал сохраняться и под оболочкой деспотии. Взять постоянную грызню различных категорий русских и дружный внешний отпор супостату. Идеология союза оказалась для русских чрезвычайно важной. Однако так и осталась идеологией союза разных славиний, а не монолитного этноса.

Государство (в своих восточно-деспотических проявлениях) во многом не соответствует русской же ментальности. Отсюда — раздвоенность русского существования. Внутреннее неприятие того, что самим кажется вроде нужным и полезным. Огромная роль фасадов, потёмкинских деревень и «парадных», декларативных ценностей, за которыми скрывается нечто совершенно противоположное декларируемому. Вместе со склонностью к произволу, анархизму это привело к тому, что внутри имперского порядка всегда сидела его смерть.

Но в изменённом виде империя с азиатским фасадом возрождалась после петровских, большевистских и постбольшевистских потрясений. И причина тут чисто русская. Просто одних русских очень вдохновляет перспектива собственной свободы (анархизм) и неограниченной власти над другими (авторитаризм). Одна часть русских получала возможность быть действительно русскими. За счёт другой, большей, которую использовали как инструмент и полноценно русски-

ми быть не давали. То есть не давали возможности реализовывать свой менталитет.

Жизнь в мире личностей и отношений, а не в мире правил специфически влияет на отношение русских к нарушителям этих правил. Иногда к ним чрезмерно терпимы. Но нередко где-то и кто-то (или во всей стране на определённый период) пытаются «навести порядок». Заменить благодушничество и чужой произвол «правилами», также являющиеся плодом чьего-либо индивидуального или группового произвола. Тогда воцаряются относительно строгий порядок, соблюдение правил и «хождение по струнке». На определённое время. В случае уничтожения диктата личности или группы он может легко исчезнуть.

Когда русские протестуют против произвола и/или отсутствия порядка — наш протест обоснован. Но есть ещё (а раньше особенно процветал) и протест против «косности» и «отживших условностей». Это при том, что опутывающих человека правил у русских было меньше, чем у других народов. Этот протест объясняет только наличие чрезмерного свободолюбия, переходящего в анархизм и нарушение чужих прав.

Есть мнение, что в появлении различных «свободолюбивых» течений Россия обогнала Запад. Взять хотя бы наших нигилистов. Или «толерантность и политкорректность» ко всякого рода меньшинствам в 1920-е годы.

* * *

О русской покорности. Покорны и жители Востока, и жители Запада. Над ними тяготеют всевозможные обычаи, законы, стандарты и принципы. То, чему покоряются западные и восточные люди, они считают верным и законным. Какими бы чудовищными, нелепыми и вредными не были эти принципы.

Русский человек слишком часто покоряется тому, что не считает ни вер-

ным, ни законным. Пусть даже это неверное и незаконное не так уж чудовищно и жутко. Русский человек покоряется тому, что не приемлет. Потому, что иначе «будет ещё хуже» — хоть какой-то порядок сменится развалом и хаосом. Но это понимание и покорность всё же не позволяет русскому искренне смириться с тем, чему он «логически» или вынужденно покоряется.

В Европе революции происходили, когда представления властей о мире и своём месте в нём переставали соответствовать изменившейся реальности. На Востоке революции происходили тогда, когда власти нарушали правила и устои.

В России революции происходят тогда, когда власть недостаточно доминантна и недостаточно подавляет нижестоящих. Это признак слабости. Власть не считается с нижестоящими, когда сильна и доминантна. (О феномене т.н. «русской власти» писал историк А.И. Фурсов.) Когда власть не подавляет — перестают считаться с нею. Пусть даже она компетентна, проводит необходимые мероприятия.

Талантливый правитель Борис Годунов недостаточно «возвышался» над другими боярами. И за это был уничтожен ими. В отмене крепостного права тоже почувствовали слабость. Хотя эта мера в целом была нужной и полезной. Сначала был убит государь-освободитель Александр II. А через несколько десятилетий пало самодержавие. Генсек Брежнев уже никого не пугал. Поэтому вскоре после его смерти началась перестройка... Ельцин и Путин держались за счёт того, что оседлали и возглавили процесс всеобщего растаскивания — процесс самоликвидации государства. Плюс Путин имитировал некоторую «грозность». В условиях всеобщей слабости и трусости имитация неплохо работала. Но сейчас ВВП уже раскусили. Сильные мира сего ничего не опасаются. Вот и гадают политологи, кто президента «съест»...

К вопросу о том, почему многие русские «сильные мира сего» так куражатся над более слабыми. Они знают, что слабые, если что, сожрут и не поперхнутся.

Специфическая русская покорность — не часть ментального ядра. А элемент периферии, сформировавшийся под воздействием государства и политической эволюции общества. Именно к периферии относятся многие качества, традиционно приписываемые современным русским. Например, слабая склонность к общественной активности и самоорганизации. Такие черты национального поведения появились под давлением государства сравнительно недавно.

Точно так же неприятие русскими пафоса и риторических красот — следствие разочарования в саморазрушающемся государстве.

* * *

Внеличные социальные регуляторы — важнейшая часть любой культуры. И при их слабости обществу существовать весьма трудно. И достойно удивления, как Россия и русский народ просуществовали более тысячи лет. Причём с блеском и огромными достижениями.

Основное объяснение этому — среди русских раньше было много сильных людей. В самых разных смыслах этого слова. Сильных физически и интеллектуально. Людей с большими способностями к чему-либо — от военного дела и политики до симфонической музыки. Благодаря сильному личностному, индивидуальному началу русские отличались повышенной же личностной одарённостью. По сравнению с более организованными и «правильными» соседями и соперниками.

Слабость правил и стандартов имела и свою положительную сторону. В сочетании с повышенными интеллектуальными, волевыми и физическими данными она помогала давать самый верный и адекватный ответ на возника-

ющие вызовы. Ответ, продиктованный необходимостью, а не предрассудками и шаблонами или недостатком способностей. И поэтому зачастую гораздо более действенный.

Поэтому долгое время русские достойно справлялись с трудностями. В том числе теми, что наши предки создали сами для себя.

Вспомним банальные рассуждения о традиционной русской сообразительности и смекалке.

Или взять заимствование принципов деспотического государства. В русской политической традиции его не было. Но деспотия соответствовала геополитическим интересам. И она появилась.

Плюс к этому — очень многие русские имеют не слишком русский менталитет. Они традиционны, рациональны, склонны следовать правилам. И не склонны нарушать чужие права. Такие русские очень способствовали сохранению стабильности и закреплению успехов.

Уже упомянутый Игорь Васильев верно писал в своей статье об огромной роли русской культуры в ограничении негативных сторон менталитета. Особенно это касается православия. И пока культура (прежде всего традиционная, народная) была сильна, на пути индивидуализма и произвола стояла пусть и не идеальная, но достаточно действенная система защиты. Взять хотя бы воспетые славянофилами и почвенниками идеалы крестьянского мира. Они не всегда реализовывались в полной мере на практике. Но и не были пустым звуком.

Русский человек не жил в мире бескомпромиссных догм, которые он был обязан выполнять в обязательном порядке. Но культура заключала его свободу в рамки, внутри которых существовали разные варианты выбора. Но за рамки выходить было нельзя. Есть такие выражения — «видеть берега», «не видеть берегов».

В рамках традиционной русской

культуры русский человек как носитель определённого менталитета мог минимизировать конфликты и достаточно эффективно взаимодействовать с соотечественниками.

Соборность, коллективизм, общинность, которыми так восхищались консерваторы и народники, были ценностями культуры. А такие ценности часто не вытекают из менталитета, но противостоят ему. Ценностями культуры нередко становится то, чего нелегко достичь. Об этом весьма тонко написал ещё Фридрих Ницше.

Американский индивидуализм — такая же ценность культуры, как и русский коллективизм. И реализовывать на практике этот принцип зачастую нелегко. В быту американец гораздо менее свободен и зависим от мнения окружающих, чем русский. И от соседей, которые бдительно за ним наблюдают, и от принципов политкорректности, и от чего угодно.

Американское общество, в отличие от русского, тяготеет не к анархии, а к технократическому фашизму, в чём-то сходному с муравейником, где человек — всего лишь производственная функция. От окончательной фашизации США спасают культурные герои-индивидуалисты. Ярко выраженные свобододолюбцы. Такие, как Сноуден.

Подобные индивидуалисты в Америке относительно редки, но очень важны для сохранения стабильности культуры, избавления её от перекосов. Так же, как для русской культуры важны коллективисты и альтруисты.

Неудивительно, что в старину немало количество представителей нерусских народов делали выбор в пользу русской национальной идентичности. Можно было более свободно выразить свою индивидуальность и реализовать заложенный потенциал. И одновременно быть защищённым традициями и правилами.

Особенно когда речь идёт о представителях «продвинутых» социальных групп (аристократов, интеллектуалов,

предпринимателей). Такой выбор был нередок среди представителей как европейских народов, так и восточных.

* * *

В чём исток европейской (и не только европейской) русофобии? Во-первых, в конкретных геополитических мотивах. Россия — сильная страна с чрезмерными ресурсами, опасно нависающая с востока и ресурсами не делящаяся.

Плюс отторжение того, что европейцы-русские живут в азиатском государстве. И что трудности жизни в таком государстве могут гипотетически угрожать и им.

Но прежде всего — неприятие рационализированными индивидуалистами индивидуалистов иррациональных. Европейцы видят в русских отнюдь не чужаков. Но самих себя. Но в более откровенном, не отлакированном виде. Они видят то, что скрывают от себя и друг от друга. Они видят то, что есть и никуда не денется. Но о чём хотелось бы забыть.

Большое значение имела и имеет зависть к русским, совмещённая с ценностным неприятием наших успехов. Считалось и считается, что люди, не опирающиеся на внеличностные принципы социальной регуляции, должны были потерпеть фиаско ещё в древности и исчезнуть без следа. Поэтому достижения русских воспринимались и воспринимаются и западными, и восточными людьми как «дурной пример», могущий подорвать принципы и устои «своего» общества.

Из-за слабости внеличностных социальных регуляторов в истории России гораздо резче проявляются многие явления общеевропейской истории. К примеру, в Европе появились коммунисты. А в России произошла Октябрьская революция.

Произошёл распад СССР. Его крайне наивно объявили триумфом западной цивилизации. На деле это был первый серьёзный признак скорого кру-

шения всей европейской цивилизации, резкого ослабления западного человека. По причине слабости внеличностных социальных регуляторов слабость западной цивилизации в России проявилась гораздо резче и раньше.

Есть и ещё один момент, за который некоторую часть русских не любят и не уважают. Как другие русские, так и не русские. За специфическое русское лицемерие. Лицемерие и лживость — неотъемлемый признак разумного существа. Но у разных представителей рода хомо сапиенс оно разное. Как и все люди, русские много лгали и лицемерили. Чаще всего — перед другими и ради очевидной выгоды. Как и все люди.

Но определённая часть русских, хотя и не большинство, активно занимается самообманом. Приверженность парадным и абсолютно незначимым на практике ценностям приводит к тому, что такие русские изо всех сил убеждают себя, что они совсем не то, что есть на самом деле.

Таких русских, которых достаточно много, презирают как соплеменники, не занимающиеся самообманом, так и иноплеменники. Одновременно вовсю используя комплексы «самообманщиков» в своих целях. Взять хотя бы полуискреннюю любовь многих русских к «державности». Она позволяет ими манипулировать политикам определённого сорта. Но даже эти манипулируемые не станут ничего предпринимать ради спасения любимой державы.

* * *

Помогло бы нам то, если бы мы имели другую историю? Без деспотической империи. Альтернатива — судьба родственного народа — поляков, которых вместо имперского бремени подавляло иностранное господство, которые от борьбы с ним многое приобрели. И многое потеряли. Например, не смогли построить мировую империю вместо

русских, чего они нам до сих пор не могут простить. Или, скажем, судьба крайне вольнолюбивых ирландцев, которых на три четверти вырезали и уморили голодом. А потом ещё половину изгнали с родной земли.

Такой вариант предпочтительней?

Либералы советуют вступить России на «европейский путь развития». Но Россия никогда с него по-настоящему и не сходила. Несмотря на азиатское государственное устройство и иррациональность, русские всегда приходили к тому же, что и западноевропейцы. Только другим путём.

Когда страны Европы переживали экономический и культурный подъём — переживала его и Россия. Может, лишь с небольшим опозданием. Когда Европа вступила в фазу деградации — вступила и Россия. Со времён падения СССР имело место системное разложение России и русских. Но русские не стали от этого ни ближе к западноевропейцам, ни дальше от них.

Но одно верно. Дальше русские уже не могут жить по-прежнему. Сохранять прежний менталитет. Прежде всего потому, что ослабел и испортился человеческий материал вследствие репрессий и военных потерь в среде сильных и выживания и социального роста заведомо слабых. Вследствие развития советской медицины, позднего партийного выдвиженчества с «отрицательным отбором» и пр. Русские больше не могут выдерживать прежних нагрузок. Потерявшие былую «личную силу» русские теперь мало способны на масштабное историческое творчество.

Приход к власти большевиков стал переломным в судьбе русских. Большевики разрушили низовые, потенциально претендующие на независимость и господство общины. Вместе с ними — мелкие коллективы выживания. (Общины — идейно-социальные группы. Коллективы выживания — сельские миры, семьи — элементарные ячейки.) Большевики хотели сделать из русских

полностью лояльных конформистов и объединить их в единой «общине» советских граждан. (Обычные люди — низшая часть общины, которая теперь — едина.) Так они хотели в корне изменить русский менталитет.

Но одновременно сами большевики оказались чрезмерно свободолюбивыми. Они сильно ослабили «удерживающего» — традиционную русскую культуру.

Русские остались теми же русскими. Но без духовных ориентиров и ограничений, которые ранее базировались на общинах и коллективах выживания.

Сама советская элита (политическая, культурная и пр.) не пожелала объединяться со всеми остальными. Она сохранила свои «города-государства». «Остальные» оказались разгромленными и лишёнными самоорганизации. «Простые русские» никуда не влились. Они просто оказались атомизированными безродными чужаками и маргиналами, с которыми и обращаются соответственно.

Но и сохранившаяся «община господ» деградирует. Господа, лишившись подпирющих снизу конкурентов, стали стремиться к анархической свободе и вседозволенности. Стали разрушать «вертикаль власти» в собственном сообществе. И тем самым разрушать российское государство. Этим во многом и обусловлены крушение СССР и вся эволюция нашей постсоветской жизни.

Трагичность ситуации во многом в том, что российская государственность после веков борьбы наконец-то воспитала из русских относительно покорных конформистов. Внутренняя оппозиционность и конфликтность сгладилась. И тут же государство само стало разваливаться. И ситуация опять требует от русских резкого изменения национального характера.

Наша элита рубит сук, на котором сидит. И собственно русского «пре-

емника» у неё не видно. Начавшаяся с XV столетия эволюция российской деспотии подошла к концу. А русские не творят никакого нового «креатива». Наши соотечественники хотят стабильной и понятной системы. Чтоб на века. И чтоб меньше индивидуализма и произвола. То есть стремятся к смене своей ментальной основы, которая «выработала ресурс».

Сейчас же русский человек «свободен» от традиционных русских же культурных стандартов. И теперь может всю демонстрировать свою неприкрытую индивидуальность. Поэтому русский человек уже и не знает, чего ждать от своего соотечественника. И справедливо не ждёт ничего хорошего. Такая непредсказуемая жизнь среди непредсказуемых и непонятных людей ничем не отличается от жизни в эмиграции. Среди представителей другого народа. С иноплеменниками иногда даже проще. Поэтому русские очень часто выбирают эмиграцию. Например, на относительно сытый Запад.

Но сомнительно, что в качестве образца надо принять западноевропейцев, ситуация у которых, как известно, не лучше, чем у нас.

Чтобы создать национальное государство эпохи модерна, нужно иметь «фундамент» в виде «живых» элементов традиционного уклада. С рудиментами откровенного феодализма. Именно они нужны прежде всего для построения этнической солидарности, твёрдых ориентиров «свой — чужой» и пр. Нужен «живой» коллективизм. Который и был в Европе в эпоху создания национальной современной государственности. А где он при нашем постмодерне?

Фактически новый русский народ можно начинать строить только на фундаменте жизнеспособных коллективистских сообществ. С мощной солидарностью и системой ориентации «свой — чужой».

КЕВИН МАКДОНАЛЬД

ЧТО ДЕЛАЕТ ЗАПАДНУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ УНИКАЛЬНОЙ?

Культурная уникальность, если говорить в общем, может быть обусловлена двумя факторами: природой и воспитанием. Споры о том, что из них первично, велись с незапамятных времен, и, как мне представляется, сегодня нам гораздо проще, нежели раньше, найти подход к данной проблеме. В своей статье я постараюсь показать, что на самом деле оба фактора играют здесь ключевую роль. Западные культуры пережили уникальные трансформации, которые не могли быть спрогнозированы в рамках биологической или эволюционной теории, однако вместе с тем каждая из них имеет уникальный опыт собственной эволюции. Западная культура создавалась людьми, отличавшимися генетически от представителей других цивилизаций и культур земного шара. Ниже я попытаюсь продемонстрировать, что общества Запада обладают рядом уникальных отличительных характеристик, выделяющих их среди других цивилизаций. Вот их перечень:

1. Христианство и христианская церковь.

2. Выраженная склонность к моногамии.

3. Склонность к созданию простой семейной структуры, основанной на нуклеарной модели.

4. Стремление к заключению брачных союзов, основанных на искренних взаимных чувствах между партнерами¹.

5. Низкая значимость родственных связей в «расширенной семье» (клановых отношений), относительно слабо выраженный этноцентризм.

6. Склонность к индивидуализму и порожденным им феноменам: права личности как антипод государственных интересов, представительная власть, моральный универсализм и наука.

Я всю жизнь занимался эволюционной биологией, и когда в центре моего внимания оказалась эволюционная теория пола, то меня заставил крепко задуматься один вопрос: почему, собственно, для Западной цивилизации столь характерна моногамия? Ведь данная теория весьма проста: женщинам приходится делать значительные вложения в процессы воспроизводства — беременность, кормление, а зачастую и уход за детьми требуют больших временных издержек. В результате репродуктивные способности женщины оказываются сильно ограниченными. Даже в идеальных условиях женщина может родить примерно 20 детей. Что касается мужчин, то воспроизводство само по себе не требует от него никаких особых затрат, поэтому они могут иметь связь со многи-

¹ Здесь К. Макдональд использует понятие «companionate marriage» (букв. «дружеский брак») — семейный союз, где психологическая совместимость, способность к эмоциональной близости и взаимной поддержке считаются первичными по сравнению с материальными аспектами (*Прим. пер.*).

ми партнершами — особенно это касается людей, обладающих богатством и властью. Говоря коротко, интенсивные полигамные отношения, практикуемые такими мужчинами, представляются оптимальной стратегией, так как именно такая модель способствует репродуктивному успеху² на индивидуальном уровне.

Данная теория базируется на прочной эмпирической основе. В традиционных обществах по всему миру существует выраженная связь между богатством и способностью к воспроизводству. Состоятельные и влиятельные мужчины могут добиваться власти над большим, даже огромным числом женщин. В самых разных цивилизациях — от Китая, Индии и мусульманских стран до Нового света, древних Египта и Израиля — мужчины, происходившие из элитной среды, позволяли себе содержать сотни, а иногда и тысячи наложниц. В Африке южнее Сахары женщины могли растить детей без поддержки со стороны противоположного пола, поэтому там отмечался низкий уровень многоженства и менее активная борьба между мужчинами за обладание как можно большим числом женщин. Во всех перечисленных регионах дети, рождавшиеся от таких отношений, считались законными. Они обладали правом наследовать имущество, а их самих не презирало общество. Китайский император мог иметь тысячи наложниц, а у одного из султанов Марокко, как сообщает Книга рекордов Гиннеса, было 888 детей.

Справедливости ради надо отметить, что моногамия была нормой не только в западных обществах. Однако здесь следует различать моногамию, обусловленную внешними, природными факторами, от моногамии как императива, продиктованного ценностями самого социума. В целом «природная» моногамия встречается в сообществах,

которым приходится выживать в суровых природных условиях, например в полярном или пустынном климате. Суть в том, что в неблагоприятной среде женщина не может в одиночку растить детей без мужчины, способного ее обеспечивать. Если бы такие природные условия сохранялись на протяжении длительного в контексте эволюционных перспектив периода, то с определенной долей вероятности можно было бы ожидать, что проживающее в них общество выработает устойчивую склонность к моногамии. В самом деле, несложно предположить, что склонность к моногамии может стать настолько сильной, что она породит психологические и культурные процессы, ведущие к ее полному триумфу независимо от меняющихся особенностей окружающей среды. Впоследствии я покажу, что именно это и произошло с европейцами.

Ричард Александер использовал термин «социально обусловленная моногамия» для описания случаев, когда моногамия господствует даже при отсутствии суровых природных условий³. Последние вынуждают мужчину обеспечивать детей непосредственно, но при более благоприятных обстоятельствах, как показывает опыт, мужчины начинают соревнование за обладание как можно большим количеством жен.

Первый пример уникальности Запада

Пока во всех экономически развитых цивилизациях процветала полигамия, практиковавшаяся успешными мужчинами, западные общества, начиная с эпохи античных Греции и Рима до наших дней, отличались повышенной склонностью к моногамии.

В Древнем Риме этому способствовали различные политические институты и идеологические системы.

² Количество копий генов, переданных следующему поколению (*Прим. пер.*).

³ *Alexander R.D. Darwinism and Human Affairs. Seattle: University of Washington Press, 1979.*

Истоки происхождения социально обусловленной моногамии теряются в глубине веков, но мы можем достоверно утверждать, что ее существование обеспечивали сразу несколько механизмов. В число последних входили законы, понижавшие статус детей, рожденных вне моногамных союзов, традиции, осуждавшие развод, общественное порицание отступлений от нормативной сексуальной этики, а также поощрение моногамной модели со стороны религии. Система подобных сдержек в разных формах встречается на всем протяжении истории Запада.

В эпоху Римской республики функционировали также механизмы, которые ограничивали политический деспотизм аристократических семей — к ним относятся, например, ограниченный срок нахождения на консульской должности и одновременное пребывание в ней двух человек сразу. Формальные требования к политическим представителям низших классов — народным трибунам — постепенно увеличивались. Помимо этого, действовала система законов, запрещавших браки между близкими родственниками. Таким образом, законодательство препятствовало концентрации богатства в руках кланов, объединенных по родовому признаку, и, следовательно, не позволяло той или иной аристократической группировке добиться монопольного доминирования над остальными.

Впрочем, торжество моногамии у римлян было отнюдь не полным. Ее упадок начался в эпоху империи, когда произошел слом устоявшейся в республиканский период семейной модели вследствие роста числа разводов и ослабления санкции на моногамию со стороны религии. Тем не менее с юридической точки зрения (и как минимум в теории) римская культура оставалась моногамной до самого конца. Многоженство никогда не дозволялось законом, дети, рожденные вне моногамной семьи, поражались в правах на насле-

дование имущества, а статус их самих определялся социальным положением матери.

В Средние века церковь попыталась сделать моногамию обязательной нормой для знатных мужчин, и вокруг брачного вопроса развернулась целая битва. Важно отметить, что христианская церковь в принципе являлась интегральным элементом в структуре Западной цивилизации. Когда в XIII в. Марко Поло совершил путешествие в Китай, а в 1519 г. Кортес прибыл в Ацтекское государство, то оба первопроездца обнаружили в этих странах множество черт, напоминавших им о Европе: и там, и там выделялись потомственная знать, служители культа, воины, ремесленники и крестьяне, объединенные в одно общество, жившее за счет аграрной экономики. Но, несмотря на близкие сходства, они не встретили там социальных систем, где религиозная элита претендовала бы на привилегированное положение по сравнению со светскими властями и успешно диктовала репродуктивные модели ее представителям. Точно так же путешественники не видели в новых землях королей типа Людовика IX (св. Людовик), который, находясь на французском троне, вел монашеский образ жизни, жил с единственной женой и неоднократно ходил в военные походы ради освобождения Святой земли.

Христианская церковь стала наследницей римской цивилизации, где моногамия была укоренена в законе и обычаях, поэтому в Средневековье именно она взяла на себя миссию привить эту концепцию брака нарождавшейся европейской аристократии. Вне всяких сомнений, распространение многоженства в среде европейской знати в раннее Средневековье было сравнительно небольшим, принимая во внимание гаремы Китая и мусульманского мира, однако следует учитывать и то обстоятельство, что свойственный той эпохе низкий уровень развития экономики также мог выступать

дополнительным фактором, который препятствовал росту полигамных связей. В Китае же, например, император правил обширной и населенной страной, обладавшей большими избытками экономической продукции. Он был несоизмеримо богаче племенных вождей раннесредневековой Европы и направлял свою власть и деньги на обладание как можно большим числом женщин.

Как бы то ни было, полигамия встречалась на территории Европейского континента, и в Средние века она стала предметом конфликта между церковью и аристократией. В Средневековье церковь была «наиболее влиятельным и важным институтом», и один из ключевых аспектов ее влияния в светской аристократической среде состоял в возможности регулировать вопросы сексуальных отношений и воспроизводства. В результате одни и те же правила взаимоотношений между полами были приняты и богатыми, и бедными. Программа церкви «помимо прочего, предполагала, что все миряне, в особенности наиболее влиятельные, должны признать ее высший авторитет в вопросах морали, особенно касающейся половых отношений. Институт брака позволял клирикам пользоваться этим авторитетом на практике. Все вопросы семейно-брачных отношений следовало передавать на рассмотрение духовенству, и только они одни могла выносить по ним решение»⁴.

Уникальная особенность церкви состоит в том, что ее популярности способствовала репутация альтруистической организации. Средневековая церковь в лице своих представителей успешно демонстрировала незаинтересованность в обладании женщинами или собственном репродуктивном успехе. Так дела обстояли, однако, далеко не всегда. До реформ, осуществленных в Средние века, у многих свя-

щенников были жены и наложницы. В 742 г. св. Бонифаций в письме Папе жаловался на французских христиан: «...так называемые диаконы прожигают жизнь, начиная с ранней молодости, в распутстве, изменах и всякого рода нечестии, и с такой-то репутацией они получают сан. А теперь, разделяя ложе с четырьмя-пятью наложницами, имеет дерзновение читать Евангелие»⁵.

Невзирая ни на что, реформа в среде духовенства была не показной, нет никаких данных о том, чтобы английские прелаты XIII в. имели супругу или семью. Браки среди даже низших слоев духовенства были выраженным исключением в тот период в Англии, а воздержание от половой жизни являлось абсолютной нормой до самой Реформации.

Благодаря этому церковь могла собственным примером утверждать в обществе целомудрие и альтруизм. В течение XIII в. монахи нищенствующих орденов (доминиканцы, францисканцы) играли ключевую роль в преобразованиях, позволивших усилить власть Папы в церкви, укрепить celibат среди клириков, выработать механизмы противодействия nepотизму и симонии (покупка и продажа церковных должностей) и увеличить влияние духовенства на светскую власть, в том числе в вопросах сексуальных отношений. «Добровольная бедность нищенствующих монахов и самостоятельно избранный ими путь аскезы отождествили их с наиболее обезделенными слоями населения. Их образ жизни, который резко контрастировал с карьеризмом и показной роскошью погруженного в светскость высшего духовенства, а также богатствами монастырей, пробуждал совесть и щедрость коммерсантов»⁶.

⁴ *Duby, G. The Knight, the Lady, and the Priest* (trans. Barbara Bray). London: Penguin Books, 1983. P. 162.

⁵ *Lynch, J.E. Marriage and celibacy of the clergy: The discipline of the Western Church: An historical-canonical synopsis // Jurist 23:14–38; 189–212, 1972a. P. 33.*

⁶ *Lawrence, C.H. The Friars: The Impact*

В XIII в. нищенствующими монахами обычно становились выходцы из аристократии, средних землевладельцев и других состоятельных слоев. Родители часто осуждали такой выбор детей — вероятно потому, что им, как и большинству родителей, хотелось иметь внуков. «Мысль о том, что дети могут стать странствующими монахами, была настоящим кошмаром для обеспеченных семей»⁷. Последние стали избегать посылать своих детей на обучение в университеты по причине вполне обоснованных опасений, что они будут вовлечены в религиозную жизнь.

Центральное место в социальной структуре занимал институт, идеология которого побуждала людей быть альтруистами и вести целомудренный образ жизни, даже если при рождении им посчастливилось стать обладателями больших материальных благ. Данное обстоятельство объясняет, почему широкими слоями общества был принят авторитет церкви в вопросах брака и сексуальной морали, однако оно одно не в состоянии дать ответ на вопрос о том, почему состоятельные люди уходили в монастыри и принимали обет безбрачия.

Средневековая церковь являлась уникальным компонентом Западной цивилизации, однако, как нам представляется, во многих важных аспектах она была наиболее «незападной». Дело в том, что для Европы того времени было характерно коллективистское общество с сильным чувством групповой идентичности и преданности. В дальнейшем я покажу, что, невзирая на это, именно в западных обществах развилась наиболее сильная приверженность индивидуализму, который

стал интегральной чертой западной цивилизации.

Коллективизм западноевропейских обществ в эпоху позднего Средневековья носил вполне реальный характер. Во всех слоях общества царила коллективная преданность христианским идеалам, что выражалось, например, в массах паломников и вспышках религиозного рвения в период Крестовых походов во имя освобождения Святой земли от мусульманского владычества. Средневековая церковь являлась носителем сильного чувства христианской групповой солидарности в противовес евреям и весьма часто прилагала усилия, направленные на минимизацию их влияния в политической и экономической сфере и предупреждение социального взаимодействия между христианами и евреями.

Безусловно, способность элиты к целомудренному образу жизни не всегда благоприятствовал реализации идеала монолитного христианского общества, сплоченного под омофором могущественной церкви. Однако подобные изъяны может извинить тот факт, что в Средние века многие верующие, и в особенности ключевые игроки тогдашнего социума (монашеские движения, нищенствующие братства, папы-реформаторы, пассионарные крестоносцы, благочестивые паломники и даже некоторые аристократы из элиты) видели себя частью высокоорганизованной наднациональной общности. Именно такого рода коллективизм — столь нетипичный для современного западного общества — способен объяснить групповую солидарность и альтруизм в Средневековье с психологической точки зрения.

Управленческие и идеологические механизмы поддержания социально обусловленной моногамии в Западной Европе

В Западной Европе усилиями церкви утвердилась проистекавшая из ее

of the Early Mendicant Movement on Western Culture. London: Longman, 1994. P. 126.

⁷ *Tellenbach, G.* The Church in Western Europe from the Tenth to the Early Twelfth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 103.

доктрины модель брака, которая находилась в прямой оппозиции репродуктивным интересам аристократии. Прямым следствием ее стараний стало преобразование структуры семьи и утверждение моногамии к концу XII в. Для сохранения господства последней следующие факторы оказались наиболее значимыми.

Запрет разводов. Богатые мужчины могут позволить себе легко расторгнуть брачные узы, поскольку могут запросто жениться повторно. В то время как развод был обычным делом у других евразийских обществ, одновременно будучи легальным актом у племен дохристианской Европы, точка зрения церкви состояла в том, что брак должен быть нерасторжимым и моногамным. Условия разводов стали еще более ужесточенными в эпоху римских христианских императоров, а с IX по XII в. церковь одержала несколько крупных побед над аристократией в процессах, где рассматривались бракоразводные дела. Так, в XIV в. французский король Филипп не смог получить разрешение на развод с нелюбимой женой, которая была к тому же неспособна к деторождению. Более того, ему пришлось извиняться перед клириками в парижском аббатстве.

Периодически развод разрешался, однако основанием для него могло послужить желание родить наследника мужского пола, когда это не удавалось в первом браке (случай Людовика VII и Алиеноры Аквитанской во Франции). В Англии развод был практически невозможным ни для кого (за исключением отдельных очень богатых людей) до реформы 1857 г. Но и тогда уровень разводов остался очень низким: на 10 000 браков приходилось не более одного развода, к 1943 г. эта цифра выросла до одного на 1000. В 1910 г. ни в одной европейской стране число разводов не превышало пяти на 1000 жителей. Насколько я могу судить, столь явная тенденция к про-

тивоедействию расторжению семейных союзов является уникальной особенностью среди всех мировых цивилизаций.

Санкции за внебрачные связи. С эволюционной точки зрения, самым важным аспектом регулирования репродуктивных процессов является политика в отношении внебрачного сожительства. Жесткая позиция касательно этого явления находилась в противоречии с репродуктивными интересами состоятельных мужчин: заводить любовницу было проблематично ввиду тяжелых последствий для детей, могущих родиться от такой связи: они попросту не могли наследовать собственность.

Церковь активно боролась с внебрачными связями, в особенности если они являлись формой супружеской измены. Представляется обоснованным думать, что ей удавалось налаживать эффективные механизмы, препятствовавшие незаконнорожденным детям получать наследство. церковь считала, что законный брак приводил к рождению законных же детей, внебрачные же дети не обладали равным с ними статусом, хотя некоторые исключения и случались. Недвижимое имущество таких детей подвергалось конфискации в пользу церкви или государства. Из завещаний, составленных в Англии в пуританскую эру, внебрачные наследники исчезают совсем.

Помимо прямых санкций со стороны церкви, существовали и другие формы наказаний, связанных с рождением внебрачных детей. Они были связаны с позицией светских властей и общественным мнением. Отцы и матери незаконнорожденных детей могли подвергнуться остракизму и тюремному заключению. Женщины стремились скрыть свою беременность, даже ценой переезда в отдаленную местность. Все это в совокупности приводило к более высокой смертности среди внебрачных детей, которых матери часто вовсе оставляли после рождения. За-

частую нежелательная беременность становилась причиной аборт и даже детоубийства.

Санкции за внебрачные связи в элитных слоях общества. Запретительная политика в отношении внебрачного сожительства, практиковавшегося мужчинами из высшего общества, становилась все более эффективной в средневековую эпоху. Последняя, впрочем, оставила нам ряд примеров, когда представителям аристократии удавалось игнорировать социальные и идеологические барьеры, обеспечивавшие незыблемость моногамии (при этом обратная картина встречается не реже). Общую картину можно понять, посмотрев на матримониальные модели, практиковавшиеся английскими королями. 10 из 18 королей, правивших Англией с 1066 по 1485 г., имели любовниц, от которых родился, с высокой степенью вероятности, 41 внебрачный ребенок. 20 из них приходится на Генриха I (1100–1135). Ни у одного из остальных королей не было более трех внебрачных детей, а в случае восьми правителей источники указывают на их полное отсутствие. Генрих I стоит особняком в этом ряду, так как за его плодовитостью стоял рациональный расчет, направленный на удовлетворение территориальных амбиций. Однако Генрих относился к своим незаконнорожденным отпрыскам значительно хуже, чем к их собратьям от законных жен.

Официальный надзор за поведением в сексуальной сфере в Средние века и в более позднее время. Одну из своих ключевых задач средневековая церковь видела в регулировании сексуального поведения путем назначения наказаний от принятых норм. Церковные суды, разбиравшие дела о блуде, прелюбодеянии, инцесте и незаконном сожительство, действовали до конца XVII в. Эффективность подобных инстанций варьировалась в зависимости от конкретной эпохи и региона, однако зачастую преследования наруши-

телей принимали тотальный характер: над жертвой издевались соседи, местное население устраивало ему коллективный бойкот, с ним обращались как с изгоем. Светские суды аналогичным образом выносили приговоры за преступления сексуального характера. Например, в соответствии со Статутом Елизаветы, в XVI–XVII вв. мировые судьи обычно приговаривали нарушителей обоих полов к публичной порке.

Поощрявшие моногамию идеологии. Хотя в деле поддержания норм сексуального поведения церковь опиралась прежде всего на реальные властные механизмы, ею же параллельно разрабатывалась специальная идеология, поощрявшая моногамию и половое воздержание. В работах, проповедовавших эти идеи, обосновывалось моральное превосходство безбрачия и греховность любых связей вне законного супружества. Вплоть до наступления современной эпохи все виды сексуальных отношений, за исключением моногамного брака, безусловно осуждались религиозными авторитетами.

Даже интимные отношения между мужем и женой воспринимались как некая неизбежная печальная необходимость, отмеченная печатью порока, а чрезмерная страсть к законной супруге считалась изменой. Хотя в XVIII в. отношение к сексуальной сфере несколько смягчилось, в следующем столетии на общественную авансцену вышла мощная религиозная идеология сексуального антигедонизма.

Заключение. В Средние века функционирование продуманной системы социального контроля и идеологий привела к практически полному утверждению моногамии на большей части Европейского континента. «Выдающимся социальным достижением раннего Средневековья стало воцарение одних и тех же правил сексуального поведения как для богатых, так и для бедных. Ни король в своем дворце, ни крестьянин в хижине не могли стать

исключением»⁸. Тем не менее всю систему сложно назвать чисто эгалитарной. В доиндустриальной Европе существовала определенная корреляция между богатством и репродуктивным успехом.

В Западной Европе наблюдается удивительная преемственность между разнообразными институтами, которые наказывали за полигамию и лишали легитимной репродуктивной составляющей все виды половых отношений за пределами моногамного брака (или же подавляли их вовсе). Несмотря на эволюцию этих институтов и на кардинальные изменения в политических и экономических структурах, европейские семейные институты, берущие начало в древнеримской эпохе, были нацелены на введение моногамии. В целом их усилия оказались успешными.

Последствия торжества моногамии

Моногамия является ключевым фактором неповторимости европейской цивилизации, действие которого привело к далеко идущим последствиям. Этот феномен, вполне вероятно, стал необходимой предпосылкой для уникальной европейской модели низкого демографического давления. Такая модель функционирует за счет позднего замужества и безбрачия большого числа женщин в периоды экономического неблагополучия. Доминирование моногамных браков приводит к тому, что бедные представители обоих полов оказываются неспособными создать семью, в то время как в условиях полигамного общества избыток малообеспеченных женщин просто снижает размеры затрат богатых мужчин на содержание любовниц. Например, в конце XVII в. около 23% мужчин и столько же женщин в воз-

расте 40–44 лет не состояли в браке. Однако в результате улучшения экономической ситуации эта доля упала до 9% — соответственно снизился и средний брачный возраст. Как и в случае с моногамией, такая демографическая модель не имела прецедентов среди минимально развитых обществ Евразии.

В свою очередь модель низкого демографического давления также возымела серьезные последствия. Описанный матримониальный механизм не только стал барьером для роста населения, но и послужил предпосылкой для благоприятных экономических изменений: в периоды экономического процветания шло накопление капиталов, а не рост напряжения из-за нехватки продовольствия для бесконтрольно увеличивавшегося населения (здесь особенно показателен пример Англии).

Гармоничная взаимосвязь экономических и демографических тенденций, которые вели к повышению заработной платы, предоставляла возможность вырваться из ловушки низких доходов, которую часто считают одним из ключевых препятствий для развития доиндустриальных стран. Длительный период роста заработной платы, сопровождаемый изменением структуры спроса, способен привести к увеличению потребности в товарах, не являющихся жизненно необходимыми, и тем самым стимулировать развитие тех секторов экономики, процветание которых особенно необходимо для начала промышленной революции.

Таким образом, у нас есть некоторые основания считать, что моногамия, став предпосылкой к утверждению модели низкого демографического давления, была необходимым условием для индустриализации. Общая закономерность заключается не в том, что существует некая устойчивая тенденция именно к позднему браку и/или безбрачию у женщин. В действительности брачное поведение во многом

⁸ Herlihy, D. *Medieval Households*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 157.

определяется экономическими факторами. В благополучные периоды возраст вступления в брак для обоих полов и численность бездетных женщин снижались. В итоге система матримонимальных отношений оказывалась зависимой от уровня доступа к ресурсам: «Гибкий механизм брачного поведения был важной отличительной особенностью Европы, или, иными словами, служил осью, на которой вращалась вся система. Именно он позволял населению приспособиваться к сдвигам в экономике»⁹. Данный тезис дает возможность предположить, что моногамия в действительности являлась центральным элементом в архитектуре западной модернизации.

Моногамия и инвестирование в детей. Доминирование полигамных отношений обычно приводит к перераспределению инвестиций: основные средства идут на репродуктивную активность, но не вкладываются в детей. В обществе, где практикуется многоженство, для мужчины представляется более привлекательным содержать еще одну жену или любовницу, дети от которых не требуют больших затрат на себя. В таком социуме потомки от любовниц получали довольно скромное наследство и легко опускались по социальной лестнице вниз. У отцов не было особой необходимости вкладывать время, силы и деньги в потомство от других своих женщин.

Моногамия уменьшает возможность отдельного мужчины вкладываться в потомство, ограниченное кругом детей от единственной женщины. По мере снижения значимости отношений в расширенной семье (см. ниже) и утверждения моногамии во всех слоях социума воспитание детей стало обязанностью исключительно независимой нуклеарной семьи. Как будет сказано ниже, подобная «простая» семья

стала основным двигателем западной модернизации.

Упадок расширенной семьи и расцвет «простых» домохозяйств

Как и в истории с моногамией, церковь сыграла значительную роль в снижении роли связей в «расширенной семье». Стоит, правда, отметить, что здесь на руку церкви играло усиление могущественного централизованного государства, которое работало на ослабление таких связей, вместо которых акцент ставился на гарантии соблюдения интересов отдельной личности.

С точки зрения эволюционного подхода невозможно переоценить потенциальную важность родственных отношений. Наличие биологического родства порождает у людей общие интересы, создает максимально благоприятные стартовые условия для взаимодействия и даже самопожертвования ради ближнего. Германские племена, заселившие Западную Европу на закате античности, представляли собой сообщества родов, основу которых составляли мужчины, объединенные кровными узами. Эти племена обладали сильной групповой солидарностью именно благодаря кровнородственным связям. «Поскольку древние германцы не могли рассчитывать на защиту со стороны государства в период нападения врагов или голода, каждый мужчина и каждая женщина несли обязанность быть верным базовому принципу — социально-биологическому принципу коллективного выживания, секрет которого заключался в семейных узах и внутриобщинной солидарности»¹⁰. Впоследствии церковь и королевская власть приложили немало усилий для искоренения родоплеменной парадигмы.

Силы, противостоявшие расши-

⁹ MacFarlane, A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300–1840*. London: Basil Blackwell, 1986. P. 33.

¹⁰ Russell, J.C. *The Germanization of Early Medieval Christianity*. N. Y.: Oxford University Press, 1994. P. 120.

ренной семье. Ликвидация больших и сильных родоплеменных групп отвечала интересам как церкви, так и аристократии. Более высокая степень централизации государственной власти сама по себе имела тенденцию уменьшать значимость расширенной семьи, тем более если такая власть апеллирует к интересам отдельных индивидуумов. Если смотреть сквозь призму эволюционного подхода, расширенная семья как дает преимущества, так и порождает издержки. Выгода от таких отношений состоит в защите со стороны широкого круга родственников, но одновременно с этим 1) возрастает уровень требований родственников об ответной защите и поддержке; 2) возрастают препятствия со стороны рода к выделению отдельного его представителя из общей массы; 3) структура рода находится в радикальном противоречии с принципами эгалитаризма. В результате, как правило, люди склонны искать поддержку у расширенной семьи только в случае деградации централизованного государственного аппарата, и наоборот: в период устойчивости последнего отождествление себя с кровнородственными структурами утрачивает практический смысл (польза от связи с ней исчезает, а издержки остаются).

Постепенно в Европе формируется аристократия, базовой ячейкой которой является простая семья, лишенная обязательств по отношению к отдельным частям расширенной фамилии. Окружение, с которым она взаимодействует, состоит прежде всего из друзей и соседей, а не разнообразных родственников. Такая социальная структура утверждается в позднем Средневековье. Следует отметить, что в Англии и Франции крестьянство существовало в рамках той же самой модели.

Политика церкви. Церковь внесла большой вклад в дело преодоления влияния расширенной семьи посредством противодействия близкородственным

бракам и поддержки семейных союзов, основанных исключительно на взаимном согласии жениха и невесты. Для достижения своей цели церковь поэтапно вводила запреты на брак между родственниками более широкого круга. Так, если в VI в. оказались запрещены семейные союзы между троюродными братьями и сестрами, то к XI в. эта норма распространилась аж на шестюродных. Совершенно очевидно, что глубина подобных запретов стала уникальной и не могла быть спрогнозирована теорией эволюции. Более того, биологическое родство не являлось единственным препятствием для брака, который являлся столь же недоступным не только для родственников по свойству, но и для лиц, объединенных духовным родством (напр., родственники крестных родителей). В результате этой политики была подорвана система взаимоотношений в расширенной семье и создана аристократия, представители которой были свободны от обязательств за пределами собственной семьи. Все слои благородного сословия, включая королевские роды, состояли в относительно тесных родственных связях. Властная верхушка не имела возможности к самоизоляции за счет браков только между собственными членами. Выгодополучателями этой системы становились дети конкретной семейной пары, а не ее близкие или дальние родственники: «Мужчины, занимавшие высокое положение в обществе, стремились рационально использовать свое богатство максимально во благо прямых потомков, а не членов расширенной семьи»¹¹.

Помимо этого, церковная доктрина брака по обоюдному согласию выступала как дополнительный фактор в противодействии расширенной семье. Брак возникал как результат обоюдного желания жениха и невесты и под-

¹¹ *Leyser, K.J.* Rule and Conflict in Early Medieval Society. London: E. Arnold, 1979. P. 50.

тверждался актом супружеской любви. Лишив семью и светские власти авторитета в семейно-брачных вопросах, церковь выступила против основ тогдашних традиций. В Новое время в Англии абсолютное большинство браков заключалось на основе добровольного выбора, воля родителей имела значение только в верхней страте, составлявшей 1% населения.

Этнический базис западного индивидуализма

Магический (Восточный) человек является частью духовного начала «мы». Будучи ниспослано свыше, оно является одним и тем же для всех его членов. Душа и тело, конечно, принадлежат только человеку. Внутри него, однако, существует еще «нечто», относящееся к иному измерению. Это «нечто» превращает человека со всем его опытом и убеждениями в часть глобального консенсуса, который, являясь эманацией Бога, исключает всякую возможность самоутверждения для Эго. В глазах носителя такой ментальности понятие правды будет отличаться от того, как его видит представитель европейской цивилизации. Все наши эпистемологические методы, основанные на индивидуальном суждении, кажутся ему сумасшествием и безрассудством, а полученные благодаря им научные открытия — работой лукавого, который возмутил и обманул дух, лишив его способности к осознанию истинной реальности и настоящих целей. Тут мы подошли к главному: непостижимый секрет магического мышления в его пещерном мире — невозможность мышления, веры и познания Эго является основным принципом всех соответствующих религий.

Фаустов мир: «У Вольфрама фон Эшенбаха, Сервантеса, Шекспира, Гёте трагическое разбивается из внутреннего к внешнему, динамически, функционально... стремясь поставить под сомнение самого Бога, если маска, которую он показывает (или

якобы показывает), отдает во время прикосновения пустым звуком» (Освальд Шпенглер)¹².

Можно было бы предположить, что торжество индивидуалистичной нуклеарной семьи, основанной на любви и согласии, моногамия и падение значимости расширенной семьи является прямым следствием описанных мною социальных процессов. Однако дело в том, что эти изменения оказались гораздо более быстрыми и основательными, чем в остальных частях планеты. Западный мир является единственной цивилизацией, которой присущи все маркеры индивидуализма: моногамия, нуклеарная семья, представительная власть, обеспечивающая реализацию прав личности в государстве, моральный универсализм и наука. Далее, эта культура была создана на основе динамичной матрицы цивилизации Древнего Рима, где уже были представлены некоторые из этих феноменов. Поэтому я утверждаю, что эти тенденции в комплексе присущи только Западной цивилизации и под ними лежит этническая основа.

По моему мнению, в ходе последнего этапа своей эволюции европейцы оказались менее подверженными межгрупповому естественному отбору, нежели евреи и другие ближневосточные общества. Первым такое предположение высказал Фриц Ленц. Он выдвинул гипотезу о том, что из-за тяжелых условий ледникового периода нордические народы стали жить небольшими группами и приобрели склонность к социальной изоляции. Из такой концепции не следует, что северные европейцы лишены коллективистских механизмов, необходимых для межгрупповой конкуренции. Однако эти механизмы выражены более слабо, а для их запуска требуется более интенсивный уровень конфликта, чем обычно.

¹² Campbell, J. *The Masks of God* (4 Vols.). N. Y.: Viking, 1959. Vol. 3. P. 234 & Vol. 4. P. 554.

Описанный подход вполне гармонирует с экологической теорией. Суровая окружающая среда способствует развитию таких адаптаций, которые направлены больше на борьбу с вызовами природы, нежели с другими группами. Кроме того, в таких условиях обнаруживается меньше стимулов для интеграции в систему обширных родоплеменных связей и сообщества с ярко выраженными коллективистскими установками. Концепции этноцентризма с эволюционной точки зрения подчеркивают значение этого феномена для межгрупповой конкуренции, который в процессе борьбы за выживание в сложных естественных условиях не имеет практического смысла. К тому же окружающая среда не благоприятствует жизни в больших группах в принципе.

Европейские народы являются частью культурного ареала Северной Евразии и Приполярной зоны, где издревле жили охотники и собиратели, адаптировавшиеся к холодным и неблагоприятным для жизни климатическим поясам. Суровый климат вынуждает мужчину больше заботиться об обеспечении своей семьи и способствует развитию моногамных тенденций, поскольку природа не позволяет существовать многоженству и объединениям больших групп людей в течение периода, значимого с точки зрения эволюционных циклов. В таких культурах господствуют относительно равноправные отношения между полами. Все указанные особенности противоположны ситуации, которую мы находим в Ближневосточном культурном ареале, где исторически проживали евреи и другие родственные им народы.

Подобный сценарий вполне объясняет, почему народы Северной Европы имеют большую склонность к индивидуализму. На протяжении долгого времени они проживали в таких природных условиях, которые не располагали к образованию крупных племенных сообществ. Исследования ДНК показы-

вают, что около 80% генов европейцев унаследованы от популяций, мигрировавших в Европу с Ближнего Востока 30–40 тысяч лет назад и сумевших пережить ледниковый период. За это время европейцы, по всей видимости, не только сумели приспособиться к холодной и пасмурной погоде, но и приобрести фенотипические изменения: светлые волосы и голубые глаза. Вероятно, внешняя среда повлияла также и на их темперамент и образ жизни.

Упомянутые популяции были не земледельцами, а охотниками и собирателями. Занятия охотой способствовали укреплению семейных пар, формируя психологический фундамент моногамии: они были невозможны без тесного сотрудничества между мужчиной-добытчиком и женщиной — хранительницей очага (история его уходит вглубь на 500 тысяч лет). Помимо этого, охота требовала «значительного опыта, качественного обучения и регулярной практики» — все это стимулировало вкладывать в детей как можно больше¹³. Она также развивала интеллект, поскольку человек мог в ней опираться больше на свои когнитивные способности, нежели на скорость бега или физическую силу.

Исторические сведения указывают на то, что европейцы, прежде всего проживавшие на северо-западе Европы, сравнительно быстро отказались от культивирования расширенной семьи и коллективистских социальных структур, когда их интересы оказались под защитой усиливавшегося централизованного государства. Строго говоря, по всему миру клановые отношения ослабевают по мере возрастания роли государственной власти. Однако в случае Западной Европы эта тенденция возобладала очень быстро: по всей вероятности, к позднему Средневековью она привела к появлению уникаль-

¹³ Roebroeks, W. Hominid behaviour and the earliest occupation of Europe: An exploration // Journal of Human Evolution 41, 2001. P. 450.

ного западноевропейского вида «простого домохозяйства». В его основе лежит супружеская пара и их дети. Такая модель была обычным явлением в Скандинавии (кроме Финляндии), на Британских островах, немецкоязычных землях и в Северной Франции. Она не похожа на совместные семейные структуры, распространенные в остальной части Евразии, где домохозяйство состояло из двух или более семейных пар (как правило, в него входили братья и их жены). До промышленной революции системы простых домохозяйств отличалась поздним возрастом вступления в брак, а также частным переходом неженатых молодых людей из одного богатого семейства в другое, где они трудились в качестве слуг. В совместных домохозяйствах мужчины и женщины рано женились, а уровень рождаемости был выше. В таких коллективных структурах функционировали специфические механизмы распада на два и более домохозяйства, если возникала такая необходимость.

Система простых домохозяйств является фундаментальным свойством индивидуализма как культурного феномена. В ее рамках семья могла преследовать собственные интересы, будучи свободной от обязательств и ограничений, возникающих в условиях родоплеменных отношений, и удушающего коллективизма, принятого в социальных структурах остального мира. Брак, основанный на индивидуальном согласии и взаимной эмоциональной привязанности, быстро вытеснил семейные союзы, порождаемые клановыми интересами или откровенным расчетом.

Другим моментом, обуславливающим уникальность Запада, стала традиция, когда молодые люди из крестьянских семей шли работать слугами в домохозяйства Северо-Западной Европы, где возобладала модель простой семьи. От 30 до 40% молодежи в доиндустриальной Англии состояло на та-

кой службе, что является самым высоким показателем занятости того или иного класса до XX в. Обычай брать слуг был обусловлен не только необходимостью выполнять нужную работу чужими руками. Иногда человек мог отправить своих детей работать чьими-нибудь слугами и при этом нанять работников себе. В XVII и XVIII вв. некоторые пары нанимали слуг сразу после свадьбы и держали их до тех пор, пока дети не выросли и сами не начинали оказывать помощь (впоследствии они могли пойти служить другим господам).

Таким образом, мы имеем дело с глубоко укорененной культурной практикой, которая приводила к высокому уровню взаимодействия между людьми, не связанными родственными отношениями. Эта традиция также обуславливает сравнительно низкий уровень этноцентризма, снижавшегося благодаря постоянному контакту главы домохозяйства с его членами, не имевшими с ним родственных связей. Доиндустриальные общества европейцев не объединяются в структуры расширенной семьи, что, естественно, создавало хорошие предпосылки для их вхождения в стадию промышленной революции и современного этапа развития в целом. В остальной Евразии в то же время господствовала кровнородственная модель функционирования домохозяйств.

Интересно отметить, что, например, в таком обществе с высокой сексуальной конкуренцией, как классический Китай, служанки становились наложницами главы семейства, вследствие чего ресурсы домохозяйства шли непосредственно на покрытие репродуктивных расходов. В западноевропейской модели богатые мужчины оказывали поддержку намного большему числу лиц, не являвшихся их родственниками, по сравнению с другими народами Евразии. Любопытно, что в обществах охотников и собирателей, живущих в условиях сурового климата, на-

блюдаются развитые системы взаимобмена, в которых одни делятся ресурсами с другими — например, мясом. Я предполагаю, что данная система, столь характерная для доиндустриальной Западной Европы, была еще одним свидетельством продолжения описанных выше эволюционных процессов в холодных северных широтах.

Вслед за образованием простого домохозяйства, где отсутствует связь с расширенной кровнородственной общиной, возникли и все остальные маркеры западной модернизации: ограниченная государственная власть, чья сфера полномочий оставляла пространство для широких индивидуальных прав, капиталистическое предпринимательство, основанное на индивидуальных экономических правах, а также наука как инструмент личного познания истины. Индивидуалистское общество порождает республиканские политические и научно-исследовательские институты, которые способствуют делегитимации верховной власти в случае пренебрежения ею правами личности.

Брак в индивидуалистском социуме: обоюдное согласие, любовь и привичность эмоциональной привязанности как основа семейного союза

Развитие простого домохозяйства, базирующегося на принципе согласия между партнерами, привело к тому, что личные качества потенциального супруга приобретали намного большую важность по сравнению с популяциями, где доминируют кровнородственные связи. Для последних совершенно обычны близкородственные браки, отвечающие стратегии конкретного рода. В условиях же простых домохозяйств качества «второй половинки», такие как интеллект, человеческая порядочность, психологическая совместимость и социально-экономический статус, оказываются решающими в матримонильной парадигме.

В то время как в коллективистских сообществах генеалогическое родство и генетическая близость воспринимаются как ключевые преимущества при заключении брака, в индивидуалистских обществах ценят романтическую любовь и общие интересы, благодаря которым усиливается привлекательность друг для друга. Джон Муни в своих исследованиях отмечает весьма устойчивую склонность северо-европейских народов к восприятию романтической любви как состояния, из которого рождается супружеский союз¹⁴. Фрэнк Салтер выдвинул тезис, что те же народы обладают рядом специальных адаптаций в области сексуального поведения, включая выраженную склонность к романтической любви в противовес механизмам социального контроля как средству профилактики возможных измен¹⁵. Эволюционная составляющая индивидуализма означает имплицитное восприятие романтической любви как особого адаптивного психологического механизма, успешно работающего вместо таких распространенных в коллективистских цивилизациях императивных норм, как родовая стратегия или выбор партнера по воле родителей или иных родственников. Вообще, сложно не увидеть разницу между двумя следующими ситуациями. В первом случае два более-менее равных партнера самостоятельно начинают отношения и взаимные ухаживания, в другом же особые институты как, например, «пурда», характерные для средневосточных регионов, позволяют мужчинам изолировать своих родственников женского пола и осуществлять контроль над ними до тех пор, пока они не

¹⁴ Money, J. Love, and Love Sickness: The Science of Sex, Gender Differences, and Pair Bonding. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.

¹⁵ Salter, F.K. Does female beauty increase male confidence of paternity? A blank slate hypothesis // Ethology and Sociobiology 1994.

будут выданы замуж по воле и в интересах семьи.

Начиная со Средних веков развивалась традиция «дружеского брака» (семейного союза, где психологическая совместимость, способность к эмоциональной близости и взаимной поддержке считаются первичными по сравнению с материальными аспектами), в конечном итоге ставшего нормой и в среде высшей аристократии. В то время как эмоциональная взаимосвязь между мужчиной и женщиной является само собой разумеющейся вещью на Западе, для социальных структур большей части земного шара она не является существенным элементом. В самом деле, это различие и порождает контраст между иерархичными обществами Востока и Запада. Для интеллектуальной традиции Европы характерна идеализация романтической любви как основы моногамного союза, что особенно заметно на примерах античного стоицизма и романтизма XIX в. Не следует думать, что любовь и эмоциональная привязанность мужчины и женщины друг к другу вообще отсутствовали за пределами европейской цивилизации, однако именно там эти феномены приобрели фундаментальную важность.

Признание мужчины и женщины равноправными сторонами в matrimониальных отношениях обусловило относительный паритет в возрасте жениха и невесты. Среднестатистическая европейка в момент выхода замуж была старше невест, проживавших где-либо в Евразии или Африке. Эта закономерность оказывалась верной и для крестьянской среды. Например, как показывает статистика за 1550–1675 гг., англичанки вступали в брак в возрасте около 26 лет. К 1800 г. этот показатель несколько снизился, составив 24 года.

Эмоциональная привязанность между мужем и женой стала культурной нормой, утвердившейся одновременно с расцветом простых домохозяйств.

Европейский феномен благородного ухаживания (уникальное явление среди культур Евразии и Африки) позволял потенциальным жениху и невесте общаться в течение определенного периода, дабы самим оценить, насколько они подходят друг другу. По словам Мальтуса, «обоим полам была дарована возможность развить сильное и прочное эмоциональное влечение, без которого совместная жизнь приносит более бедствий, нежели счастья»¹⁶.

Индивидуализм и снижение уровня этнического самосознания европейцев

В предыдущих частях данной работы я изложил сценарий, который можно было бы сформулировать вкратце таким образом. Этноцентризм европейцев находится на сравнительно низком уровне по причине того, что они прошли через длительный период существования в неблагоприятных условиях, где родоплеменные связи в рамках расширенной семьи не имели особого значения. Это позволило им успешно адаптировать все маркеры, сопутствующие модернизации: «дружеский брак», права личности как противовес государственному произволу, представительную власть, моральный универсализм и науку. Этот вектор развития породил невиданную ранее в мировой истории эпоху творческих достижений, завоеваний и создания материальных благ, которая продолжается и по сей день. Тем не менее, как я уже писал в одной из своих книг об иудаизме, индивидуализм служит весьма слабым стратегическим инструментом по сравнению с методами сплоченных групп. На Западе большие кланы, основанные на кровнородственных связях, были ликвидированы в целях проведения успешной модернизации, однако

¹⁶ MacFarlane, A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300–1840*. London: Basil Blackwell, 1986. P. 294.

Таблица различий между европейской и еврейской культурными формами*

Параметр	Культурный базис европейцев	Культурный базис евреев
Эволюционный бэкграунд	Охотники и собиратели Севера	Скотоводы Ближнего Востока
Родовая система	Двусторонняя; Слабая патрилокальность	Однолинейная; Сильная патрилокальность
Семейная система	Простое домохозяйство	Расширенная семья; Совместное домохозяйство
Формы брака	Экзогамный Моногамный	Эндогамный; Кровнородственный; Полигамный
Брачная психология	Эмоциональная привязанность; Акцент на взаимном согласии и расположении друг к другу	Утилитарность; Акцент на родовой стратегии и контроле со стороны клана
Положение женщины	Сравнительно высокое	Сравнительно низкое
Социальная структура	Индивидуалистическая; Республиканская; Демократическая	Коллективистская; Авторитарная; Харизматические лидеры
Этноцентризм	Сравнительно низкий	Сравнительно высокий; «гиперэтноцентризм»
Ксенофобия	Выражена слабо	Выражена сильно; «Гиперксенофобия»
Социализация	Независимость, опора на собственные силы	Отождествление себя с группой, обязательства перед кровнородственной общностью
Интеллектуальная парадигма	Разум; Наука	Догматизм; Преклонение перед значимыми для группы авторитетами и харизматическими лидерами
Моральная парадигма	Моральный универсализм; Мораль независима от групповых интересов	Моральный релятивизм; Различия между внутри- и внегрупповой моралью; «А хорошо ли это для евреев?»

* *MacDonald, K.B. Separation and Its Discontents: Toward an Evolutionary Theory of Anti-Semitism. Westport, CT: Praeger, 1998.*

межгрупповая конкуренция как таковая отнюдь не ушла в прошлое. В XIX в. начинается соревнование между евреями как коллективистской группой с развитым этническим самосознанием и западными элитами, верными идеалам индивидуализма.

С антропологической точки зрения евреи происходят из ближневосточного культурного ареала, который по своим параметрам являет противоположность европейской социальной организации. Как показано в таблице,

для иудаизма¹⁷ характерны коллективизм, сильная склонность к этноцентризму, ксенофобия и моральный релятивизм.

В моих книгах об иудаизме неоднократно появляется тезис, в соответствии с которым индивидуалистическое общество очень уязвимо перед вторжением сплоченных групп извне, в

¹⁷ Как эволюционной стратегии, в терминологии К. Макдональда (*Прим. пер.*).

том числе и отождествляющих себя с иудаизмом. Недавние исследования, проведенные специалистами в области экономической эволюции, блестяще продемонстрировали глубинные различия между индивидуалистскими и коллективистскими культурами¹⁸.

Важный компонент этого исследования состоял в построении модели эволюции способов взаимодействия в индивидуалистских социумах. Их представители будут из альтруистических побуждений наказывать отступников во время «статической игры»¹⁹, участники которой взаимодействуют только однажды, благодаря чему на них не отражается репутация человека, с которым ему или ей довелось вступить в контакт. Следовательно, описанная ситуация моделирует индивидуалистскую культуру, поскольку ее акторы являются друг для друга незнакомцами, не объединенными какими-либо кровнородственными связями. В рамках исследования было неожиданно обнаружено еще и то, что лица, сделавшие большие пожертвования на общее благо, оказались склонными наказывать тех «эгоистов», кто не поступал аналогичным образом, даже если для них самих это могло повлечь серьезные издержки (отсюда термин «альтруистическое наказание»). Более того, наказанные игроки в следующих раундах меняли поведение и выделяли больше средств на пожертвования в будущем, невзирая на имевшуюся у них заранее осведомленность о смене состава игроков после каждой игры.

Европейцы действуют именно таким образом, как показано в описанной модели. Их сообщества осуществляют взаимодействие с посторонними людьми более интенсивно, нежели с члена-

ми собственной расширенной семьи, проявляя выраженную склонность к рыночным отношениям и индивидуализму.

Исходя из приведенной схемы, можно сделать предположение, что группа, желающая заставить европейцев заняться самоуничтожением, должна стимулировать заложенную в них способность к альтруистическому наказанию посредством убеждения их в моральной ущербности собственного общества. Поскольку европейцы являются глубокими индивидуалистами, то они с легкостью входят в состояние морального гнева против представителей своего же народа, если они воспринимают последних как социальных паразитов. Это является проявлением склонности европейцев к альтруистическому наказанию, происходящей из той стадии их эволюции, когда они были охотниками и собирателями. При принятии решения применить альтруистическое наказание относительное генетическое расстояние не имеет значения. Паразиты воспринимаются подобно незнакомцам в рыночной ситуации, т.е. они не имеют семейных или племенных связей с наказывающим индивидуумом.

Одним из европейских сообществ, которые активно применяли альтруистическое наказание, были пуритане. Отличительная черта пуританства заключалась в стремлении преследовать утопические цели, представляемые в качестве морального императива. Последователи этого учения считали поддержание морали высшей целью государства. Новая Англия стала почвой для «совершенствования веры человека» и «родиной десятка «измов»²⁰. Всякая политическая альтернатива воспринималась там как чуждая форма морали, являвшаяся воплощением зла, вдохновленного самим дьяволом.

¹⁸ Febr, E. & Gchter, S. Altruistic punishment in humans // Nature 415: 137–140, 2002.

¹⁹ Здесь К. Макдональд использует термин «one-shot game» — игра с одним периодом, т.е. игра, в которой игроки выбирают свои стратегии только один раз (*Прим. пер.*).

²⁰ Fischer, D.H. Albion's Seed: Four British Folkways in America. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 357.

Пуритане вели священную войну за торжество истинной морали против собственных генетических собратьев. Из этого можно сделать вывод, что альтруистическое наказание чаще встречается у взаимодействующих групп охотников и собирателей, чем у групп, объединенных кровнородственными связями. Так, невзирая на весь клубок сложных политических и экономических причин, приведших к Гражданской войне 1861–1865 гг. (самый кровавый и разрушительный конфликт в истории США), именно моральное осуждение рабства со стороны янки стимулировало радикальную риторику и впоследствии помогло представить в сознании пуритан резню близкородственных англо-американцев во имя блага рабов из Африки морально оправданным актом. Воинствующий морализм последних, наряду с желанием оправдать драконовское наказание для преступников, ярко проявился в высказываниях священника-конгрегациониста Генри Уорда Бичера (1813–1887), призывавшего к «уничтожению немецкого народа... стерилизации 10 миллионов германских солдат и сегрегации женщин»²¹.

Таким образом, альтруистическое наказание является интегральным компонентом современной Западной цивилизации: как только европейцы убеждаются, что представители их собственного народа стали морально ущербными, они немедленно начинают использовать против них всевозможные санкции. В этой ситуации другие европейцы рассматривались не как часть целостного этноплеменного сообщества, а неизбежная мишень для поражения. Для европейцев мораль индивидуалистична, поэтому нарушения паразитами общественных норм

наказывается альтруистической агрессией.

С другой стороны, групповые стратегии, существующие в коллективистских культурах, таких как еврейские, защищены от подобных атак, поскольку родственные и групповые связи имеют приоритет над всем остальным. Мораль является относительной: моральным считается то, что хорошо для данной конкретной группы. В таких социумах отсутствует традиция альтруистического наказания, потому что их эволюционное развитие строилось вокруг взаимодействия родственников, а не незнакомцев.

Само собой, наилучшая стратегия для разгрома европейцев силами такой коллективистской группы, как евреи, заключалась в том, чтобы заставить их уверовать в собственную моральную несостоятельность. Основной темой моей книги *«Культура критики: эволюционный анализ еврейского участия в интеллектуальных и политических движениях XX в.»* является история о том, как еврейским интеллектуальным движениям удалось достичь своей цели²². Они представляли иудаизм как систему ценностей, морально превосходящую европейскую цивилизацию, а европейскую цивилизацию как, наоборот, несостоятельную и потому ставшую хорошей мишенью для альтруистического наказания.

Как только европейцы окончательно усвоят убежденность в собственной моральной порочности, они уничтожат сами себя в приступе альтруистического наказания. Общий демонтаж культуры Запада и последующая утрата им всех признаков некогда единой этнической общности произойдет в результате психологической атаки, обостряющей пароксизм альтруистического наказания в форме самоубий-

²¹ *Vaughn, A.T.* The Puritan Tradition in America, 1620–1730 (revised ed.). Hanover and London: University Press of New England, 1997. P. 20.

²² *MacDonald, K.B.* The Culture of Critique: An Evolutionary Analysis of Jewish Involvement in Twentieth-Century Intellectual and Political Movements. Westport, CT: Praeger, 1998.

ства. Именно отсюда проистекают непрестанные усилия еврейских интеллектуалов по поддержанию идеологии морального превосходства иудаизма и его исторической роли как невинной жертвы с одновременными нападками на моральную легитимность основ Западной цивилизации.

Индивидуалистские сообщества представляют собой идеальную среду для действия иудаизма как ярко выраженной коллективистской стратегии в защиту групповых интересов. Важно отметить, что проблема иммиграции неевропейских народов не только не ограничивается США, но и становится опасным и все более острым вопросом для всей Западной цивилизации: только народы европейского происхождения открыли двери своих стран для выходцев из других концов планеты и теперь оказались перед лицом угрозы утраты земель, на которых жили сотни лет. Во многом это произошло вследствие работы собственного неотрефлексированного морального императива, чем поспешили воспользоваться выступающие за иммиграцию активисты из нацменьшинств ради достижения целей собственных этнических групп.

В западных обществах давно существует традиция индивидуалистического гуманизма, который усложняет введение иммиграционных ограничений. Например, в XIX в. Верховный суд США дважды отменял законы о прекращении иммиграции китайцев на том основании, что их действие было направлено против групп, но не против отдельных индивидов. Работа по созданию интеллектуального базиса для введения иммиграционных ограничений сталкивалась с колоссальными препятствиями; к 1920 г. он основывался на декларировании этнических интересов северо-западных европейцев и имплицитно апеллировал к расовому мышлению. Однако было крайне сложно примирить оба этих принципа с официально провозглашавшей-

ся политической, моральной и гуманитарной идеологией республиканского и демократического общества, где, как подчеркивали выступавшие за неограниченную иммиграцию еврейские активисты типа Исраэля Зангвилла, принадлежность к расовой или этнической группе не имела общепризнанного интеллектуального статуса. Когда аргумент в пользу защиты этнических интересов уступил место теории «ассимиляционного потенциала» в ходе обсуждения закона Маккаррена–Уолтера (1952 г.), то и она воспринималась оппонентами лишь как завуалированный «расизм». Потом эта интеллектуальная традиция погибла окончательно; вместе с ней рухнула и центральная несущая колонна, защищавшая этнические интересы народов европейского происхождения.

Важный элемент стратегии еврейских интеллектуалов состоял в пропаганде крайних форм радикального индивидуализма и морального универсализма, ставивших под удар этническую идентичность общества. С их помощью им удалось подорвать остававшиеся источники групповой солидарности среди европейцев, не затронув при этом иудаизм как очень сплоченное движение, отстаивающее коллективные интересы. Такая стратегия может быть прекрасно проиллюстрирована на примере Франкфуртской школы социальных исследований, а также левых политических идеологий и школы психоанализа. Если грубо упростить, то в описанной парадигме групповые идентичности нееврейских обществ рассматриваются как симптом психического расстройства.

Несмотря на снижение значимости кровнородственных связей и рост индивидуализма, европейцы до самого последнего времени не утрачивали чувства принадлежности к одному большому сообществу. До XX в. включительно американцы европейского происхождения сохраняли ощущение «народности» («peoplehood») как про-

изводной от расы. Это отождествление себя с народностью и расой подкреплялось дарвиновской академической традицией, которая не только провозглашала расовые различия научным фактом, но и рассматривала белую расу как особенно одаренную. Однако в долгосрочной перспективе попытки подвести биологический базис под концепт народности окончились неудачей. Теперь они и вовсе вызывают ужас в академических кругах — в основном благодаря тем самым интеллектуальным движениям, ставшим предметом моего анализа в «*Культуре критики*»²³.

Заключение

Вопрос о том, сумеют ли западные индивидуалистские общества встать на защиту законных интересов народов европейского происхождения, остается открытым. Существующие тенденции побуждают сделать прогноз, что если индивидуалистское начало в них не ослабнет, то в конечном

итоге все закончится сильным падением генетического, политического и культурного влияния этих народов. Это событие станет беспрецедентным отказом от былого могущества, к тому же совершённым в одностороннем порядке. Ученый-эволюционист не может представить, что этот процесс не будет сопровождаться хотя бы ограниченным сопротивлением со стороны некоторой части населения, вероятно, наиболее этноцентричной его части. По иронии судьбы, такая реакция, вероятно, приведет к адаптации некоторых аспектов иудаизма в части усвоения коллективистских идеологий и социальных организаций, направленных на защиту групповых интересов. Но независимо от того, будет ли упадок европейских народов продолжаться и дальше или все-таки прекратится, он в любом случае войдет в историю как результат глубокого воздействия иудаизма как групповой эволюционной стратегии на общества Запада.

Перевод с английского
Дмитрия Павлова

²³ Ibid.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКИМЕНЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Владимир Близнеков

ШВЕЙЦАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСПЕХА

Краткая история ШНП

Швейцарская народная партия (ШНП) (*нем.* Schweizerische Volkspartei — SVP, *франц.* L'Union démocratique du centre — UDC) официально была основана в 1971 г. путем слияния общешвейцарской партии Крестьян-Ремесленников и Горожан (*нем.* BGB), сокращенно называвшейся в Швейцарии просто Крестьянской партией, и двух региональных демократических партий кантонов Гларус и Граубюнден. В Швейцарии издавна существует традиция зарождения новых политических партий сначала на региональном уровне одного кантона с дальнейшим ростом данной политической организации до общенационального, т.е. в случае Швейцарии — федерального уровня. Также и Крестьянская партия, трансформировавшаяся впоследствии в ШНП, возникла вначале в 1918 г. в качестве «кантональной» партии столичного кантона Берна, а затем «выросла» в 1936 г. до уровня общешвейцарской.

Уже в самом начале своего пути бернская Крестьянская партия имела большой политический успех, поскольку стала позиционировать себя в качестве политического полюса по отношению к Либерально-демократической партии (ШЛДП) (*нем.* Freisinnig-Demokratische Partei der Schweiz — FDP, *франц.* Parti radical-démocratique suisse — PRD), безраздельно господствовавшей в стране более ста лет со времени окончания наполеоновской оккупации. ШЛДП традиционно являлась и является до сих пор классической либеральной пар-

тией политического центра, позиция которой на политическом ландшафте Швейцарии даже сдвинута немного вправо. ШНП же, по мнению швейцарских политологов, — радикальная правая партия, позиционирующая себя на самом краю легального политического спектра страны. Это проявляется как в ее опоре на политический традиционализм и консерватизм, в отличие от идеологии «интегративного и открытого общества», в разной степени разделяемой швейцарскими либералами и левыми, так и в опоре на ценность частного капитала и рынка в противовес ориентации на государственное регулирование и социальную солидарность левых партий.

ШНП изначально отстаивала приоритет национальных ценностей, в чем и заключалось ее концептуальное отличие от ШЛДП, признававшей национальные ценности в лучшем случае только в качестве инструмента для осуществления политических и экономических свобод индивидуума. Поэтому целью образования ШНП было объединение всех демократических партий страны, ориентированных на национальные, а не на либеральные ценности, в единую демократическую партию на основе национальной идеологии.

Политический успех партии в условиях кризиса правого лагеря Европы

Образование Крестьянской партии — предшественницы ШНП — уже в самые первые годы ее существования

уничтожило политическую монополию власти ШЛДП в стране. Популярность ШЛДП неуклонно падала в период с 1918 г. вплоть до конца Второй мировой войны. Реально это выглядело так, что несколько мелких национально ориентированных демократических партий, функционирующих на региональном уровне, во главе с Крестьянской партией отрывали для себя у ШЛДП все большие куски электората по мере роста недовольства населения страны неспособностью либералов решить их экономические и социальные проблемы в кризисные годы между концом Первой и концом Второй мировых войн.

После же окончания Второй мировой войны и особенно в период экономического расцвета страны в 50–70-е гг. прошлого века мелкие региональные политические структуры швейцарских националистов, не имея единого руководства и управления, становились все менее конкурентоспособными по отношению к функционально централизованным и структурно хорошо организованным партиям швейцарских либералов, левых и христианских демократов. Такая ситуация вынудила национально ориентированных швейцарских политиков приложить все усилия к созданию единой партии швейцарских националистов. Причем даже будущее название данной партии не должно было больше содержать в себе признаков социальной стратификации общества типа бывшей партии Крестьян-Ремесленников и Горожан, поскольку дифференциация народа по социальному признаку противоречит идеологии национализма.

Процесс слияния национально-демократических партий страны длился почти тридцать лет и привел к рождению 22 сентября 1971 г. Швейцарской народной партии. Далекое не все бывшие избиратели мелких кантональных национально-демократических партий приняли новую партию в качестве своей. Поэтому в 70-е и 80-е гг. ШНП

имела хотя и стабильную, но не слишком высокую долю общешвейцарского политического электората, в среднем от 10 до 12%, но это позволяло ей путем создания политических коалиций в парламенте не допустить доминирования в политике страны ее политических конкурентов, в первую очередь ШЛДП.

В этот период ШНП в своей внешнеполитической конъюнктуре всецело ориентировалась на идеологию холодной войны Запада против «коммунистического блока» и пропагандировала усиление милитаризации страны и постоянное увеличение расходов на оборону перед лицом реальной угрозы войны со стороны «BöFei» (аббревиатуры швейцарских военных от немецкого «Böser Feind», что в переводе означает «злой враг», под которым подразумевались в первую очередь СССР и ГДР). Основной внешнеполитической «заслугой» ШНП в этот период стало массовое строительство почти в каждой швейцарской деревне добротных и весьма дорогостоящих бункеров с целью спасения всего населения страны от последствий ядерного удара со стороны государств — членов Варшавского договора, и в первую очередь СССР. Пиар ШНП представлял советских коммунистов из Москвы и Восточного Берлина в качестве пропагандистского жупела «злого врага» швейцарского народа.

Причем этот пропагандистский трюк использовался ШНП не только для завоевания швейцарского электората, но и для подавления оппозиции к руководству ШНП внутри собственной партии. Перед лицом «благородной миссии» ШНП, состоявшей как в глобальном, так и в региональном противостоянии абсолютному злу мирового коммунизма, в швейцарском обществе должны были быть сняты все сомнения в целесообразности резкого увеличения военных расходов государства и следования внешней политике страны в фарватере ценностей

англосаксонского неоконсервантизма, а внутри партии должны были прекратиться все междоусобные стычки и интриги, ослаблявшие ее изнутри. Несмотря на свою демократическую ориентацию во внутривнутрипартийной политике в 70–80-е гг., ШНП являлась скорее авторитарной структурой, требовавшей безусловной лояльности своих рядовых членов как к руководству партии, так и друг к другу. Объектом издевательств и насмешек для членов ШНП не должны были быть их коллеги и единомышленники, поскольку имелся прекрасный внешнеполитический объект для остракизма: политический аппарат власти злых коммунистов из стран советского блока. «Езжай в Москву, если тебе не нравится в Швейцарии» — этим слоганом руководство ШНП отбивало любые сомнения и скепсис своих рядовых членов в правильности партийной политической стратегии и тактики.

Но неожиданно в конце 80-х — начале 90-х гг. на политическом ландшафте Европы возникают две радикальные новации, существенно трансформировавшие всю европейскую политическую конъюнктуру того времени: окончание холодной войны и подписание Маастрихтского договора, положившего начало созданию Европейского союза (ЕС) как нового политического союза европейских государств. Эйфория от этих двух событий, охватившая тогдашних европейцев, нанесла серьезный удар по позициям европейских правых, поскольку, с одной стороны, исчез образ внешнего врага в лице советского блока, к противостоянию с которым призывали в первую очередь представители правых партий Европы, в том числе и ШНП, а с другой стороны, либерально-глобалистский и антинациональный проект ЕС соблазнил огромное количество европейского электората, в том числе и бывших сторонников европейских правых, поверивших в новое «светлое» глобалистское будущее европейского континента

и новую супранациональную идентичность: европейцы.

В подобных условиях ШНП должна была дать достойный политический ответ на оба этих вызова и в первую очередь определиться со своим отношением к проекту Европейского союза и производных от него политических и экономических проектов, направленных на глобальную интеграцию бывших суверенных государств европейского континента. Часть правых политических партий и движений Европы смирилось с проектом ЕС, а некоторые, как Австрийская партия Свободы Хайдера, даже попытались поиметь от европейской глобализации собственную политическую выгоду, пропагандируя антитезу европейскость–неевропейскость в качестве новой национально-культурной идентичности бывших европейских народов в противовес нашествию на европейский континент мусульманских, азиатских, африканских, а также южно- и восточнославянских мигрантов, борьбу с которыми ЕС, по мысли Хайдера, мог бы вести гораздо эффективнее, чем, например, маломощная Австрийская республика.

Но ШНП с самого начала 90-х гг. прошлого века узрела смертельную опасность для Швейцарии и собственного будущего в хайдеровском «национал-глобализме» и стратегически сделала все, чтобы, выражаясь языком знаменитого психолога Дейла Карнеги, «превратить лимон в лимонад».

Когда в 1992 г. политическое лобби ЕС попыталось поймать Швейцарию в сеть структур Европейского союза, предложив швейцарским политикам вступление в Европейскую экономическую зону (ЕЭЗ) (*нем.* Europäische Wirtschaftsraum — EWR) — один из важных субсидиарных интеграционных проектов в рамках Европейского союза, в том числе и для нечленов ЕС, — ШНП приложила все усилия, чтобы воспрепятствовать вступлению Швейцарии в ЕЭЗ.

С этой целью ШНП пошла на трансформацию собственной внешнеполитической доктрины, причем идеологически эта трансформация носила достаточно радикальный характер, сразу же превратив ШНП в политического маргинала и недруга в глазах архитекторов и лоббистов Европейского союза. Суть этой радикальной идеологической трансформации ШНП состояла в том, что образ врага для швейцарского народа был перенесен с жупела злых советских коммунистов из Москвы на интернациональную орду «паразитов-иностранцев», собираемую и политически организуемую вокруг Швейцарии глобалистами из ЕС, цель которой состоит в политическом порабощении суверенитета Швейцарии и экономическом грабеже ее финансовых ресурсов. Таким образом, ШНП объявила соседей глобалистов-европейцев из ЕС своим новым внешнеполитическим врагом номер один.

По отношению к швейцарскому электорату такой стратегический выбор был обоснован при помощи нового идеологического понятия — «Особый случай Швейцарии» (*нем.* Sonderfall Schweiz). Речь идет об особости швейцарского народа и «особом швейцарском пути».

Исторически идеология особого пути Швейцарии восходит к перманентным военным победам швейцарских крестьян над габсбургскими и бургундскими рыцарями XIV–XV вв. и осуществлению первого европейского политического проекта создания нового государства демократическим путем и «снизу». Уже в XV в. на основе такого политического базиса стала распространяться квазирелигиозная идея «богоизбранности» швейцарского народа, усиленная впоследствии религиозно-политическими проектами швейцарских реформаторов Кальвина и Цвинги. Дело в том, что швейцарский буржуазно-демократический проект прямой народной демократии

как в политическом, так и в экономическом отношении неизменно оказывался прогрессивнее средневропейского политического процесса и экономического развития и не знал таких европейских политических и экономических потрясений, как войны, революции и экономические кризисы. К тому же швейцарский проект был всегда имманентно направлен, он, в отличие от крупных европейских идеологических политических проектов Нового и Новейшего времени, таких как английский либерализм, французский социализм, немецкий национал-социализм, итальянский фашизм или советский коммунизм, никогда не претендовал на «экспортное» применение.

В результате швейцарский проект прямой демократии с точки зрения политического и экономического процветания государства оказался наиболее успешным в сравнении практически со всеми континентальными европейскими государствами ко времени начала европейской интеграции в рамках ЕС. Данный результат и был назван с подачи ШНП «Особым случаем Швейцарии».

По сути, ШНП объявила в 1992 г. своему электорату, что общеевропейский глобалистский проект ЕС призван уничтожить не только швейцарскую национальную идентичность, но и свети на нет результат швейцарского национального политического проекта, на протяжении нескольких столетий неизменно демонстрировавшего свою политическую успешность и экономическую эффективность.

ШНП довела тогда до народа следующее идеологическое послание: «Мы, швейцарцы, должны быть умнее остальных европейцев, радующихся глобализации на континенте в эйфории от падения коммунизма и не понимающих при этом, что европейская глобализация несет смерть европейским нациям и их политическое и экономическое порабоще-

ние структурами мирового глобализма. Пусть проект ЕС будет уделом наших соседей-европейцев, мы не хотим в этом участвовать и посмотрим, кто окажется прав. Но более того, мы не ощущаем духовной близости с остальными европейцами и не видим политической целесообразности в процессе интеграции с нашими соседями. Они для нас остаются такими же иностранцами, как и все неевропейцы. Мы не хотим терять нашу национальную швейцарскую идентичность ради новой европейской идентичности и не хотим хоронить наш национальный швейцарский проект прямой демократии ради сомнительного в наших глазах неподлинно демократического политического проекта ЕС. Проект Европейского союза не наш, но иностранный проект, и поэтому враждебен нам».

Естественно, что данное идеологическое послание стоило ШНП репутации в глазах функционеров и лоббистов ЕС. Но в Швейцарии ШНП одержала тогда политический триумф, буквально вырвав победу из рук многочисленных сторонников интеграции с ЕС — 50,3% швейцарских избирателей сказали на референдуме 6 декабря 1992 г. «Нет» вступлению Швейцарии в Европейскую экономическую зону.

Для самой ШНП развитие и пропаганда идеологии «Особого случая Швейцарии» начиная с начала 90-х гг. прошлого века неожиданно принесла огромный политический успех. Партия сумела с того времени увеличить свой электорат с 10–12% в конце 80-х гг. прошлого века до 26–30% в начале 10-х гг. нашего столетия, в немалой степени за счет своей ярко выраженной «антиэзовской» политики и полному замораживанию процесса интеграции Швейцарии в структуры Евросоюза. Так ШНП смогла сделать из «лимона» в виде угрозы со стороны ЕС «лимонад» собственного политического успеха.

Функциональная модель ШНП глазами ее критиков и политических конкурентов

В рамках своей национал-демократической идеологии с ярко выраженным политическим традиционализмом и консерватизмом ШНП остается единственной влиятельной политической силой страны. Ее политические конкуренты являются представителями совершенно других идеологических направлений, основанных на иных ценностях — либеральных, социал-демократических, христианско-демократических (в Швейцарии христианские демократы представлены католическими народниками). Поэтому ШНП практически в одиночку вынуждена отстаивать интересы швейцарского национализма и идеологию «Особого случая Швейцарии». По этим вопросам остальные политические силы страны чаще всего единым фронтом выступают против ШНП, а швейцарские политологи и эксперты по политическому процессу страны, если они не являются сторонниками и симпатизантами ШНП, представляют политическую ситуацию в стране таким образом, что одна политически чрезвычайно активная, популистская и праворадикальная партия, по сути, борется со всеми остальными «нормальными» и умеренно-активными политическими силами, не гнушаясь откровенно манипулировать своим электоратом.

По мнению оппозиционных ШНП швейцарских политиков и политологов, популизм ШНП приносит хорошие политические дивиденды, поскольку строится на особой функциональной модели, которую одни называют бизнес-моделью, а другие — сектантской моделью. Данная модель состоит, по мнению скептиков ШНП, из четырех основных составляющих: эсхатологический сценарий, образ врага, обещание спасения, лидер-гуру. Первые два компонента данной модели несут ярко выраженную негативную

интенцию, в то время как два последних ее компонента являются залогом будущего «хеппи-энда» для электората ШНП.

Цель эсхатологического сценария в пиаре ШНП, по мнению ее критиков, — психологическое воздействие на сферу подсознательных страхов электората, в первую очередь на сферу страхов потери чего-либо — например работы, имущества, безопасности и т.д. По утверждению психологов и психотерапевтов, чувство страха — мощнейший фактор в мотивации принятия важных личных решений. Европейцам же вообще и швейцарцам в частности особенно присущи страхи потери, поскольку им есть что терять. Швейцария, согласно мировому рейтингу процветания этого года, занимает второе место в мире после Норвегии, которая также не является членом ЕС. В этом государстве подавляющее большинство граждан имеет высокооплачиваемую работу, обладает значительным по европейским меркам имуществом, для населения обеспечен чрезвычайно высокий уровень безопасности, общество достигло высоких социальных стандартов качества жизни, в частности в сферах здравоохранения и экологии, гражданское общество страны также высоко развито, уровень политической свободы граждан и реального народовластия, пожалуй, самый высокий в мире. Все это было достигнуто исключительно благодаря швейцарскому проекту прямой народной демократии, результатом которой стала идеология «Особого случая Швейцарии». При этом даже самые развитые европейские государства — соседи Швейцарии из ЕС далеко отстали от ее уровня, не говоря уже о слаборазвитых странах Европы.

Понятно, что большинство швейцарского электората боится потерять достигнутое и понизить уровень своего развития. Опасность этого может исходить только от иностранцев, которые не могут быть раз и навсегда разде-

лены на хороших и плохих. Вернее, такое разделение, с точки зрения ШНП, имеет место, но не должно строиться на каком-либо идеологическом фундаменте, а может обосновываться только текущей политической конъюнктурой. Сегодня одни иностранцы — это наш враг номер один, а завтра — другие. Вчера мы должны были сотрудничать с США и Европой против злых коммунистов с Востока, а сегодня должны обратиться против самой Европы, потому что стратеги из ЕС представляют для нас сейчас главную опасность. Так или иначе, но все иностранцы хотят только одного — устроить для нас, швейцарцев, апокалипсис в том или ином отношении по мере их сил и возможностей. Поэтому ШНП в диалоге со своим электоратом всегда имеет под рукой готовый эсхатологический сценарий, который естественно корректируется в зависимости от текущей политической конъюнктуры, но в черновом варианте содержит примерно следующее послание к своему электорату: «Швейцария стоит на краю пропасти, Особый случай Швейцарии находится в сильнейшей опасности. Это касается всех вас прямо и непосредственно. Вы будете невообразимо страдать, и все уже поставлено на карту: наша Родина, наш суверенитет, наши традиции, наши рабочие места и наша безопасность, ваша личная свобода и т.д.».

Естественно, что критики ШНП существенно преувеличивают пропагандистское значение эсхатологического сценария в функциональной модели ШНП, но в целом такой подход в работе партии со своим электоратом безусловно имеет место. Для ШНП весьма характерна разоблачительная конспиративная риторика как в отношении «иностраннных врагов» швейцарского народа, так и в отношении собственных политических конкурентов из швейцарского политического бомонда.

ШНП также уделяет в своем пиаре большое внимание созданию и поддержке актуальности образа врага

швейцарского народа. Идеологи ШНП представляют Швейцарию в качестве некоего благодатного острова в океане мирового зла, со всех сторон окруженного врагами. Этот океан мирового зла, «аки зверь рыкающий», ищет только одного — как бы поглотить все ее достижения, созданные трудом десятков поколений предков швейцарцев, и уничтожить успешный швейцарский политический проект под названием «Особый случай Швейцарии». В этом отношении ШНП уделяет примерно равное внимание популяризации как безличного внешнего врага страны под названием «заграница и иностранцы», так и личных внутренних врагов из пятой колонны швейцарского народа, ранее иронически именовавшихся оптом «левые и милые», а теперь называемых уже лично по именам и фамилиям. ШНП открыто признает, что понимает политическую деятельность в качестве функциональной разновидности ведения войны, а на войне народ должен знать своих как внешних, так и внутренних врагов в лицо.

«Швейцария нуждается в нас», — провозгласил президент ШНП Тони Бруннер на партийном съезде ШНП в 2008 г. Этот лозунг был, естественно, прежде всего адресован швейцарскому электорату в качестве важного политического сигнала, а по своей сути он представляет собой сердцевину концепта «обещание спасения», являющегося, по мнению критиков ШНП, третьим компонентом функциональной модели данной партии. В концентрированном виде в устах идеологов ШНП, обращающихся к своему электорату, он звучит приблизительно так: «ШНП — это единственная политическая сила страны, способная воспрепятствовать эсхатологическому сценарию будущего Швейцарии и спасти народ». При этом ШНП не требует от народа многого, например, финансирование партии осуществляется практически без участия большинства членов партии и ее электората, почти исклю-

чительно на добровольные пожертвования крупного бизнеса из числа руководства и активных членов ШНП. Посылая народу мессидж «обещания спасения», идеологи ШНП ожидают прежде всего увеличения электората партии, что возможно только на основе доверия к ее программе и методам осуществления последней. Этот компонент функциональной модели ШНП носит квазирелигиозный характер и затрагивает сердце и душу избирателя, поскольку нельзя спасти никого, кому не нужно спасение, равно как и никого, кто не верит в собственное спасение.

Последний компонент функциональной модели ШНП, также имеющий квазирелигиозный характер, по мнению ее оппонентов, — личность неформального лидера партии, называемого ее противниками «гуру». Бессменным гуру ШНП с момента ее официального основания в 1971 г. вплоть до конца 2007-го был Кристоф Блохер. В 2007 г. 67-летний Блохер не был переизбран членом Федерального совета Швейцарии — федерального правительства страны, являющегося коллективным главой государства, из членов которого на один год избирается президент этой страны. Членство в Федеральном совете Швейцарии — высший политический Олимп страны, хотя Блохер никогда не был избран собственно президентом Швейцарии. Этот политик являлся одним из основателей партии и на протяжении почти четырех десятилетий — также ее основным идеологом, стратегом и даже личным олицетворением самой ШНП в глазах избирателей, хотя при этом он никогда не был официальным президентом ШНП. С 1977 г. он занимал важный пост регионального председателя ШНП во влиятельнейшем кантоне Цюрих, в 1979 г. стал депутатом Национального совета (нижней палаты парламента Швейцарии), в 2003 г. был избран членом Федерального совета страны.

В качестве «гуру» ШНП Блохер яв-

лялся центром или харизматической головой всей функциональной модели ШНП. Свое особое положение в ШНП Блохер подкреплял солидным финансированием партии из собственного кармана, поскольку был одновременно успешным бизнесменом-миллиардером в сфере химической промышленности. Харизматический гуру Блохер не устанно позиционировал себя как неустрашимого героя, борца против образов врага швейцарского народа, абсолютно убежденного, что все проблемы страны, особенно в отношении миграции и международных отношений, можно и нужно решать исключительно политическим путем, опираясь на инструмент прямой демократии граждан стран в форме референдума. По убеждению Блохера, никакие юридические ограничения, международные договоры Швейцарии, конвенции по правам человека, концепты гуманизма и т.п. не могут иметь приоритета над прямым и свободным политическим волеизъявлением швейцарского народа. Демократия по Блохеру направлена только на политическое решение проблем народа большинством, имеющим право голоса. При этом сам Блохер в качестве «гуру» имеет полное право как угодно пиарить инициативы своей партии в отношении электората, но в конечном счете склоняется перед выбором народа.

Несмотря на то что данная функциональная модель ШНП раскручивается ее критиками и конкурентами и поэтому не может во всех отношениях являться объективным фактом, все-таки такого рода политологический анализ позволяет многое понять в функциональной стороне деятельности ШНП.

Неофициальная идеологическая программа ШНП, или Десять заповедей швейцарского националиста

Интересным является вопрос об официальной идеологии ШНП. Несомненно, что столь радикальная партия националистов может успешно

функционировать только при условии идеологического единства, принятого путем консенсуса. Но оказывается, что официальная идеология партии содержит только рамочные понятия, такие как отстаивание национальных интересов государства, отрицание приоритета международного права над государственным правом страны, борьба с ее интеграцией в глобальные политические структуры и т.д. Содержание данных понятий обычно не расшифровывается и поэтому малопонятно простому обывателю, имеющему право голосовать.

Но критики ШНП утверждают, что швейцарские националисты имеют также неофициальную идеологическую программу партии, иронически называемую «десять заповедей ШНП».

Разумеется, эти «заповеди» нигде письменно не зафиксированы, а транслируются только в рамках «устной традиции» ШНП. Но любой политик от ШНП, а также большинство ее членов твердо знают или интуитивно чувствуют, что именно данные ценности и нормы поведения образуют идеологию и менталитет представителей этой партии. Данные «заповеди» — это своеобразная идеологическая визитная карточка швейцарского националиста из ШНП. Они могут быть приблизительно реконструированы следующим образом.

1. Мы не позволим иностранцам, проживающим в нашей стране, экономически паразитировать на нас, а тем более политически нами управлять.

2. Любой иностранец для нас чужой, он нужен нашей стране только в той степени, в какой приносит для нее пользу.

3. Любой бедный и плохой швейцарец для нас лучше любого богатого и хорошего иностранца, поскольку первый является частью нашего народа и мы должны о нем заботиться, а по отношению ко второму мы не имеем никаких обязательств. Зато каждый иностранец имеет обязательства перед

нашим народом, если желает прожить в нашей стране.

4. Дискриминация иностранцев допустима в той мере, в какой она служит интересам швейцарского народа и выражена в швейцарском законодательстве. Мы, как законопослушные граждане и цивилизованные европейцы, не поддерживаем произвольную дискриминацию иностранцев, особенно унижение их человеческого достоинства, а тем более преступления в их отношении на расовой и национальной почве. В то же время, если такие случаи в нашей стране имеют место, защита прав и интересов иностранцев не является целями и задачами нашей партии. Это дело партий с другой политической ориентацией — поддерживать иностранцев и защищать их права и свободы.

5. Любой швейцарец в любом конфликте или споре с иностранцем для нас априори прав — по той причине, что он является представителем нашего народа.

6. Любой швейцарец — владелец или менеджер предприятия, разделяющий ценности нашей партии, имея в своем распоряжении подчиненных как швейцарцев, так и иностранцев, должен из национальной солидарности в первую очередь поддерживать своих подчиненных-швейцарцев. В частности, первоочередно брать их на работу, продвигать их по службе при общих равных условиях с иностранцами, меньше загружать их работой и увольнять их с работы в последнюю очередь, если имеется возможность вместо швейцарца уволить иностранца. То же касается требования для всех швейцарских граждан покупать товары только у швейцарских производителей и продавцов.

7. Члены нашей партии должны публично делать пиар всему, что относится к Швейцарии, и скорее критически отзываться обо всем иностранном.

8. Мы должны оказывать сопротивление влиянию в нашей стране любым

иностранным идеологическим, духовным и культурным ценностям, поскольку они во всех без исключения случаях представляют собой попытку духовной диверсии со стороны иностранцев с целью нашего порабощения или какого-то ущемления наших прав. Наши предки раз и навсегда определили духовные ценности для нашего народа. Нас волнует не проблема их «истинности» по сравнению с иностранными ценностями, а то, что эти ценности *наши*, а потому мы будем любой ценой их отстаивать.

9. Мы поддерживаем борьбу нашего государства с криминалом и жестокое наше уголовное законодательство за все неэкономические преступления, а особенно преступления против личности, поскольку такого рода преступления преимущественно совершаются иностранцами. Они, а не мы априори предрасположены к криминалу, и поэтому они не должны в случае их осуждения нашими судами за тяжкие преступления пользоваться нашим гуманным законодательством, которое было предусмотрено для нашего в целом законопослушного народа, а не для иностранных преступников, поселившихся на нашей территории, или иностранных бандитов-гастролеров.

10. Мы всегда и при любых обстоятельствах поддерживаем ужесточения миграционного законодательства и любые законодательные инициативы, направленные на сокращение числа иностранцев в нашей стране. То же самое касается и создания любых правовых и таможенных барьеров, направленных для сдерживания экспансии иностранных товаров и услуг в нашу страну.

Сильные стороны ШНП

ШНП в Швейцарии — немаргинальная партия

В отличие от немецких, английских и большинства других европейских радикальных правых партий, ШНП и его

электорат имеют огромное влияние на принятие политических решений руководством страны.

Политическая борьба исключительно правовыми и легальными методами

ШНП уже имеет достаточно власти в стране, поэтому ей не нужно действовать неправовыми методами. К тому же, учитывая законопослушный менталитет швейцарцев, такого рода методы только скомпрометировали бы партию в глазах электората. Естественно, ШНП не может этого допустить. Пропаганда и пиар ШНП часто осуществляются популистскими методами, но только на вербальном уровне. Никаких потасовок, разборок и мордобоя депутатов от ШНП в парламенте даже теоретически не может быть. Но на вербальном уровне партия действует агрессивно, постоянно провоцируя население слоганами своей пропаганды. Плакаты, уличная реклама партии направлены на эмоциональный ответ электората. Многим швейцарским интеллигентам претит ее агрессивный стиль, для них это «рабоче-крестьянский» пиар некультурных низов. Образованные либералы не могут принять ШНП в силу своего воспитания.

ШНП не наживается на труде мигрантов

ШНП делает все, чтобы ограничить миграцию в страну. Таким образом, предприниматели из ШНП не идут по легкому пути наживы на труде мигрантов. В настоящее время ни в одной европейской стране нет проблемы нехватки рабочей силы. Как раз наоборот, есть проблема массовой безработицы. Лейво- и либерально ориентированные предприниматели, массово ввозя мигрантов в страну, тем самым не только лишают работы своих граждан, но и с точки зрения рыночной экономики воруют у своих граждан — потенциальных работников — разницу между рыночной зарплатой своего гражданина и мигранта. Таким

образом, зарплата на неквалифицированной должности рыночным путем опускается до мигрантского уровня, и целые социальные группы собственных граждан остаются без работы или для выживания довольствуются нищенской зарплатой, в то время как мигранты получают доступ к финансовым ресурсам чужого для них государства. В этом заключаются экономические аспекты современного глобалистского интернационала.

ШНП отлично понимает данную угрозу и делает все для ее устранения. Миграция — это единственное исключение, когда ШНП не идет ни на какие политические компромиссы в угоду желанию швейцарских предпринимателей увеличить собственные прибыли и желанию государства решить социально-экономические проблемы страны легким путем завоза в страну иностранной рабочей силы. В шкале ценностей ШНП социальный мир и безопасность своей страны стоят неизмеримо выше конъюнктурной экономической прибыли.

ШНП против насаждения новой европейской идентичности

Сначала европейское гражданство для граждан государств — членов ЕС, а затем и принятие европейцами европейской идентичности вместо утраченной национальной означает смерть национальной идентичности европейских народов и является мечтой современных глобализаторов.

Например, большинство немцев в настоящее время не против смены своей идентичности на европейскую. Звание «европеец» для немцев звучит гордо, а «немец» ассоциируется с чувством вины за холокост и другие преступления национал-социализма.

Пока еще для большинства швейцарцев такой подход — безумие. Бренд «швейцарец» в их глазах ничем плохим себя не скомпрометировал. Они понимают опасность глобализма для их национальной идентичности. Естественно-

но, что основную пропагандистскую работу в этом направлении взяла на себя ШНП. И эта деятельность ШНП по защите национальной идентичности швейцарцев от духовной и цивилизационной агрессии глобалистов в настоящее время еще находит полное понимание у большинства швейцарцев.

Слабые стороны ШНП

Пренебрежение экологией ради экономической выгоды. Поддержка эксплуатации старых и опасных АЭС

Борьба за экологию — не тема для швейцарских правых. Ибо для них эта тематика направлена на ослабление государства и его экономической мощи. Истинный националист, по мнению ШНП, стремится к богатству для своей нации. Мировые экологические проблемы не должны его волновать. Пусть другие народы инвестируют в экологию и оплачивают риски выработавших свой ресурс швейцарских АЭС (большинство из них по настоянию ШНП построены на границе с Германией).

Отсутствие связи с трансцендентными духовными ценностями, ярко выраженный секуляризм и имманентизм швейцарского политического проекта

Швейцарская национальная идентичность для идеологов из ШНП имеет приоритетом только политические и экономические ценности, более глубокий пласт религиозных и духовных ценностей задвинут на задний план. Духовное воспринимается как ценность лишь в смысле традиционности своего народа и его утилитарного характера для развития культуры швейцарского народа без привязки к идее истинности или духовной миссии народа по отношению к другим народам.

Успешный политический проект «Особый случай Швейцарии» создан только для внутреннего употребления. Отсутствует желание его распростра-

нять и получать от идеологической экспансии политическое влияние и экономическую выгоду. В этом состоит имманентизм и почвенничество швейцарского политического проекта, получившего свое идеологическое оформление при активном влиянии идеологии ШНП. Швейцарцы создали свой политический проект, чтобы политически и экономически конкурировать с другими народами, а не идеологически и культурно миссионировать их. При таком имманентистском подходе ШНП не ощущает солидарности с правыми политическими силами других стран, они, как и все иностранцы, скорее потенциальные политические враги, чем друзья ШНП.

ШНП и иностранцы

Проблема ассимиляции иностранцев и разрыва между национальной и гражданской идентичностью швейцарцев

ШНП выступает за «тотальную ассимиляцию» иностранцев в случае, если нет возможности воспрепятствовать получению ими швейцарского гражданства или их жесткого отказа от добровольного возвращения на родину. Швейцарское законодательство о принятии в гражданство иностранцев — самое жесткое в Европе. «Новые швейцарцы» должны впитать в себя ценности швейцарского патриотизма и швейцарской культуры, в противном случае, приняв швейцарское гражданство, они останутся в глазах ШНП легализованными врагами швейцарского народа. Таким образом, ШНП верит в то, что «тотальная ассимиляция» обезвреживает «врага народа» и превращает новоиспеченного швейцарца по паспорту если и не в настоящего швейцарца, то по крайней мере в «друга швейцарского народа». Некоторые идеи «тотальной ассимиляции» вызывают улыбку.

Претендент на швейцарское гражданство должен потерять интерес к

общению со своими сородичами и общаться только с его новыми согражданами. Дома он должен иметь швейцарскую, а не свою национальную еду, оставить свою веру и принять веру одной из швейцарских церквей. В идеале он должен мечтать о том, чтобы быть похороненным не на своей исконной родине, а в Швейцарии.

На практике никто из иностранцев, получивших во взрослом возрасте швейцарский паспорт, не является членом ШНП. Эти люди просто не смогли бы стать своими в данной среде. Но многие из них активно разделяют взгляды ШНП, тем самым доказывая другим иностранцам свою успешную «интеграцию» в швейцарское общество и свой более высокий социальный статус по сравнению с ними. Такое поведение, естественно, поощряется ШНП. В свою очередь уже их дети, на швейцарском диалекте «secondo» (*итал. второй*, в смысле принадлежности ко второму поколению эмигрантов), получившие с детства воспитание в швейцарской культуре, особенно в случае их европейского происхождения, почти в той же степени, что и дети швейцарских родителей, становятся убежденными сторонниками и даже членами ШНП.

Внутренняя модель взаимоотношения ШНП с иностранцами

Успешность римского принципа «разделяй и властвуй» в политике пока еще никто не опроверг. ШНП старается не идти на конфронтацию со всеми категориями иностранцев, при условии, если они понимают, «кто в доме хозяин». Настроить против себя всех многочисленных иностранцев и «новых» швейцарцев, объединив их при этом вместе, означало бы политическую глупость и неизбежное политическое поражение. ШНП знает, что их политические конкуренты в лице либералов, левых, христианских демократов, а также более умеренных, чем они, национал-консерваторов не дремлют.

Поэтому делается все, чтобы дифференцировать огромную массу иностранцев в стране, объявив одни их группы, в частности по признакам происхождения и социального статуса, желательными, а другие — нежелательными категориями иностранцев.

Социальная и трудовая политика ШНП

Другим концептом ШНП в обращении с иностранцами является идея, что мигранты должны конкурировать на рынке труда между собой, а не с местным населением. Поэтому проблемы мусорщиков-гастарбайтеров и уличных уборщиков-мигрантов в Швейцарии нет. Данные ниши зарезервированы на 100% для приезжей рабочей силы, причем в первую очередь из бедных стран мира. По мере возрастания социального статуса той или иной профессии работодателями-швейцарцами чаще всего интуитивно, а иногда даже вполне бюрократически определяется, представитель какой категории иностранцев или же швейцарский гражданин должен оптимально претендовать на данную вакансию, чтобы при этом он имел максимально высокую мотивацию для данной работы.

Естественно, что бывают исключения, и швейцарец из низов, не имеющий образования или квалификации, может занимать место, в принципе, предназначенное для гастарбайтеров, но такие исключения скорее подтверждают правило. Например, иногда встречаются уборщицы-швейцарки, работающие в качестве индивидуальных предпринимателей частным образом в домах богатых хозяев, но практически невероятно, чтобы швейцарцы заключали трудовой контракт на уборку производственных помещений или тяжелую неквалифицированную работу на производстве с частной фирмой-посредником, которая в свою очередь перепродает затем их услуги своим клиентам. Такой рабский труд в Швейцарии предназначен только для

мигрантов и в глазах представителей ШНП не может быть уделом швейцарского гражданина.

В этом смысле ШНП внесла большой вклад в формирование менталитета народа. В XIX в. в швейцарском политическом бомонде правили бал либералы, нещадно эксплуатируя на фабриках и заводах своих же соплеменников. Для работодателей-либералов не было никакой моральной проблемой наживаться на униженном и бесправном положении своего же швейцарского рабочего, пресмыкаясь при этом перед богатыми иностранцами.

Заслугой ШНП по отношению к собственному народу является то, что своей пропагандой величия швейцарского народа и его культурных ценностей, национальной солидарности, а также своими многочисленными политическими кампаниями, направленными на лоббизм и протекционизм всего швейцарского перед иностранным, они смогли добиться определенного социального единства швейцарцев как народа и высокого социального статуса многих швейцарцев по сравнению с большинством проживающих в стране иностранцев.

* * *

ШНП хорошо усвоила ключ к политическому успеху в демократической стране: политик должен в первую очередь делать реальные дела для народа, а не инвестировать в самопиар, а тем более использовать властные механизмы для подавления протеста народа, чтобы затем иметь моральное право рассчитывать на реальное доверие электората.

Политическому пиару ШНП, как было показано выше, безусловно, уделяет огромное внимание. Но политическая пропаганда ШНП предполагает веру руководства этой партии в то, что она реально служит народу, а не манипулирует им в своих интересах. Таким образом, пиар ШНП нацелен на убеждение электората в правильности пути ШНП, целью которого является защита интересов народа, а не его обман.

Настоящая политическая демократия — это неизменно власть большинства, осуществляемая в интересах данного большинства, и ни одна самая прекрасная идея или идеология не может отменить данной аксиомы. Любой политический лоббизм в интересах каких-либо «самых замечательных в мире» меньшинств, а также узурпация народного характера власти политиками, любого рода манипуляции и насилие с целью удержания власти является смертью демократии и переходом к иным формам политической системы общества. Власть не может строиться на лжи, мошенничестве и насилии над собственным народом, иначе этой власти грош цена, а для народа она становится не благодетелем, а страшным тираном и бичом, паразитирующим на народном горе и бесправии. Основное моральное достоинство ШНП, при всех ее идеологических и политических недостатках, состоит в том, что эта партия никогда не ставила данную истину под сомнение, а наоборот, всегда исходила в своей политической борьбе за интересы швейцарского народа из ее абсолютной ценности.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

Конституция русского национального государства: к постановке проблемы

Статья вторая

Ничего удивительного нет в том, что крах изжившего свою «несущую идею» советского социалистического государства породил некий вакуум в умах отечественных цивилистов, который требовал своего заполнения. Старое государство ушло и не вернется, это более или менее понимали все. Но каким же должно быть новое государство? Это всем представлялось совершенно смутно — и ельцинская конституция, содранная с австрийского образца, эту смуту отразила, послужив лишь затычкой на скорую руку для зияющей дыры в представлениях о родной державе.

СССР, хороший или плохой, но он представлял собой достаточно цельный концепт, сложившийся на весьма солидном теоретическом фундаменте, на по-своему стройной и всеобъемлющей парадигме марксизма-ленинизма (включая теорию государства, которой марксисты от Энгельса до Ленина и Сталина недаром придавали большое значение).

Никакой теории, сравнимой по цельности и законченности с марксизмом, у новой власти не было, чтобы создать свой новый и самобытный концепт. Были лишь общие либерально-демократические мечтания да идейки, надерганные из книжек Хайека, Фридмана или Сороса и тому подобных

столпов современной западной политэкономии. Максимум, на что были способны бездарные, но самоуверенные разрушители-ельциноиды, — позаимствовать у «умных» и «развитых» народов их типовую модель жизнеустройства, не задумываясь о том, насколько она подходит для России.

Для того чтобы сделать шаг вперед по сравнению с западным обществом, чтобы вместо «пустого, рабского, слепого подражания» (Грибоедов) создать государство передовое, отвечающее запросам будущего, следовало предварительно создать новое, победное общественное учение на смену марксизму и либерализму. И уже на основе этой новой разработки, новой общественной парадигмы предложить обществу новый концепт будущей России.

Таким учением, как это уже становится ясно, мог стать только русский национализм, вытесняющий в наши дни из людских умов как обветшалые идеалы коммунизма, так и быстро обанкротившиеся идеалы либерализма. Не случайно тема «Русского национального государства» сегодня активно разрабатывается не только нами, но и наиболее продвинутыми умами из противного, либерального лагеря¹. Но тогда, в начале 1990-х, до

Статью первую см.: «ВН», № 15.

¹ Подробнее см. мои статьи: 1) Учиться, учиться и учиться... Национализму! // Во-

этого было еще далеко, поскольку русские националисты начала XX в. были советской властью репрессированы и напрочь вытерты из общественного сознания, а новые теоретики еще только оттачивали свои перья. Национализм начала 1990-х был еще практически неотличим от патриотизма и нес на себе все мыслимые родимые пятна советизма и антисоветизма — полный диалектический набор мифологем оставшейся в прошлом эпохи.

Как бы там ни было, но необходимость создать новые мехи для нового вина (сиречь — новый основной закон для государства, оформляющего новое общественное устройство на смену советскому) оказалась осознана не только горе-реформаторами ельцинского призыва. Разговоры о конституционной реформе довольно активно повелись в российских СМИ начала 1990-х.

И вот, одновременно с проектом ельцинистов (и даже несколько ранее, в марте 1993 г.) возник конституционный «Проект С.П. Пыхтина». Это, насколько мне известно, была первая попытка национал-патриотов высказаться профессиональным юридическим языком на тему обустройства новой России.

Конституция патриота

Сергей Петрович Пыхтин (1946–2011), своеобразный политолог-самоучка, родился в Москве. К тридцати годам он наконец заочно получил юридическое образование, после чего работал в местных профсоюзных организациях разных проектных и научно-исследовательских институтов. В апреле 1990 г. был избран депутатом Моссовета и депутатом районного Совета, с этого началась его политическая карьера. С мая 1990 г.

он — председатель Черёмушкинского райсовета Москвы; в 1993 — главный специалист Высшего экономического совета Верховного Совета РФ, в 1996–2003 — сотрудник Счётной палаты РФ.

В 1992 г. Пыхтин вошел в оргкомитет Союза возрождения России (СВР) и был одним из инициаторов создания Международного Конгресса русских общин. Личная дружба с А.Н. Савельевым (в 2003–2007 состоял при нем как помощник депутата ГД РФ) превратила их творческий тандем в своеобразный идеологический двигатель КРО, благо сам Д.О. Рогозин чурался любых теоретических разработок, отдав идеологию на откуп Савельеву и Пыхтину.

Едва ли не первым памятником идеологического доминирования Сергея Пыхтина в КРО как раз явился «Основной закон России. Проект С.П. Пыхтина. Одобрен Политсоветом Союза возрождения России 26.03.93 и Конгрессом русских общин 30.03.93»². Надо отдать должное автору, раньше многих других понявшему необходимость выразить свой концепт новой России на языке строгих юридических формул. Однако что же представлял собою сам концепт как таковой?

Оценивая этот и последующие проекты, я исходил из того, что любая конституция сходна с уставом любой общественной организации: наряду с обязательными и более-менее у всех одинаковыми нормами, она должна содержать четыре наиважнейшие договоренности: 1) о целях и задачах организации (государства), 2) о создателях и участниках организации (членах, гражданах — носителях суверенитета), 3) о правах и обязанностях членов (граждан), 4) о принципах руководства и руководящих органах. Вся суть дела в этом. Когда речь идет о государстве, первостепенное значение имеют также вопросы о границах и об

просы национализма. 2010. № 4; 2) Проект «Национал-либерализм» // Литературная газета. 2012. № 34; 3) Разбалансировка дискурса. Национал-демократия или национал-либерализм? // Вопросы национализма. 2013. № 13; 4) Полюбил либерал националиста... // Наш современник. 2013. № 9.

² Выпущен отдельным изданием формата А-4 на газетной бумаге с такими выходными данными: «Политика №2. 1993».

административно-территориальном устройстве. Всё остальное — «слова, слова, слова».

Соответственно, необходимо любой конституционный проект анализировать в первую очередь по этим четырём направлениям.

1. Итак, кто и для кого создаёт Россию? Проект Пыхтина начинается словами: «Мы, народ России...» Как видим, создателем и сувереном государства «Россия» объявляется народ. Поскольку никаких расшифровок не предлагается, под этим словом следует понимать всех полноправных граждан страны, каковые найдутся на момент голосования по данному проекту. Безотносительно к их национальности и другим характеристикам. Это подтверждается в пп. 1 и 2 ст. 1 (Государственный уклад): «Суверенитет принадлежит всем гражданам России»; «Источником власти являются граждане России».

Таким образом, подчеркну: сувереном России, по Пыхтину, является ее народ, понимаемый как согражданство, в духе французской или американской модели нации. Что противоречит, скажем, немецкому или русскому пониманию, опирающемуся на национальную принадлежность государствообразующего народа (нации), которому оный суверенитет и должен принадлежать.

Естественно, при такой постановке вопроса особое значение принимает вопрос о гражданстве. И тут нас ожидает первая важная новация: «Гражданами России являются подданные Российской Империи, граждане Российской Республики и граждане Союза Советских Социалистических республик и их дети, добровольно не отказавшиеся от гражданства и не принявшие гражданства других государств, а также и места проживания, если они не приняли гражданство других государств, а равно, если они приняли такое гражданство по принуждению».

Таким образом, правом на гражданство люди изначально наделяются

не по национальности (не по происхождению, не по принадлежности к одному из коренных народов России), а исключительно по сохранению ими верности различным формам российской имперской государственности всех времен. Оригинальный подход!

Ниже, в статье о правах и свободах человека и гражданина, вновь подчеркивалось, что право на гражданство не зависит от национальности, от происхождения самого претендента или его родителей: «Каждый (!) ребенок, родившийся под юрисдикцией России, вправе быть немедленно после рождения зарегистрирован и наречен, приобретая тем самым гражданство России» (п. 22 ст. 2). Как видно, миграционная проблема в начале 1990-х еще не стояла перед законодателем с сегодняшней остротой.

Почему был выбран такой необычный принцип раздачи гражданства? Секрет прост: Пыхтин не признавал распада Советского Союза, для него было важно «оставить дверь открытой», сохранить мысленное единство страны, закрепить в конституционном устройстве России возможность реставрации Империи.

Его проект говорил об этом вполне недвусмысленно.

2. Об имперских амбициях автора свидетельствовали не только символы государства (с. 12), им предложенные: «Государственный герб России представляет собой изображение черного двуглавого орла, увенчанного тремя коронами... а на крыльях — гербы исторических царств и великих княжеств России» (п. 1 ст. 12), «Государственный флаг России представляет собой прямоугольное полотнище с равновеликими горизонтальными полосами: верхняя полоса чёрного цвета, средняя — золотого цвета, нижняя — белого цвета» (п. 2 ст. 12). Иными словами, в государственной символике повторялись герб и флаг Российской империи, какими они утвердились при Николае Первом в ходе геральдиче-

ской реформы под руководством барона Б. Кене, поклонника германской традиции.

В преамбуле утверждалось: «...провозглашая правопреемство Российской империи, установленной в 1721 г., Российской Республики, установленной в 1917 г., и Союза Советских Социалистических Республик, установленного в 1922 г.». Но этого мало.

Тем самым подчеркивалось, что правопреемство ведется не от варяжской империи (Киевская Русь) и не от русского национального государства (Московская Русь), а исключительно от более поздних имперских форм, что соответствовало яркому имперскому патриотизму Пыхтина, не принимавшего идею русского национального государства ни в каком виде. Вопреки совершившемуся факту необратимого распада СССР, проект утверждал:

«Государственный суверенитет России распространяется на все территории, водное и воздушное пространство, континентальный шельф и иные объекты, принадлежащие ей по праву (по какому? Об этом проект умалчивал. — А.С.)... Россия не признает никакие ограничения или умаления суверенитета, в том числе и в отношении правопреемства, принятого Россией согласно Основному Закону» (п. 4 ст. 1). Поскольку правопреемство устанавливалось в том числе от СССР, трактовать данный пункт можно было однозначно: рано или поздно Россия будет восстановлена как минимум в границах Советского Союза. Венчающий первую главу пункт это подтверждал: «Основной Закон распространяется на территорию первоначальных губерний, на которые распространяется суверенитет России на момент вступления его в силу. В остальных частях России он вступает в силу по их присоединении» (п. 18 ст. 1). А п. 6 ст. 1 подчеркивал: «Ничто в Основном Законе не может толковаться в ущерб законным притязаниям России».

Как далеко должны были прости-

раться права и законные притязания России? Прямо в тексте проекта Пыхтин об этом не говорил, но в частном разговоре с автором этих строк, году этак в 1996-м, декларировал: Россия-де должна простираться повсюду, где только ступала нога российского солдата и развевался российский флаг. То есть как минимум в рамках Варшавского договора. Я в ответ улыбался, но Пыхтин был настроен весьма серьезно и решительно.

3. Управление Россией, по Пыхтину, должно осуществляться в рамках модели парламентской республики. Президент из экстренных полномочий сохраняет лишь пост верховного главнокомандующего и право объявлять чрезвычайную ситуацию (п. 3.5). Вся же реальная власть, собственно управление страной, сосредоточена в Земском Собрании, вплоть до «решения вопросов войны и мира» (п. 4.4). Правда, есть еще Кабинет Министров во главе с Премьер-министром, но весь этот орган полностью зависит от Земского Собора вплоть до того, что и премьер, и канцлер, и министры назначаются из числа его членов.

Земский Собор состоит (внимание!) из трех палат: Государственной Думы, Сената и Государственного Совета. В первой — 500 депутатов, избираемых по партийным спискам; во второй — сенаторы, по двое от каждой губернии; в третьей — председатели палат губернских земских собраний, что усиливает приоритет законодательной ветви власти на всем пространстве России. Национальное представительство этим проектом не предусмотрено.

Из новаций Пыхтина можно отметить следующее: «Самоуправление осуществляется в городах, уездах, волостях и районах в крупных городах» (п. 8.1).

Но самое интересное состоит в том, что права всех госслужащих — сверху донизу — существенно ограничены в одном важном пункте:

«2.19. Не могут быть членами партий

и участниками движений Президент, должностные люди и служащие рабочих органов Президента, Контрольной палаты и Ревизионной палаты, рабочих органов Земского Собора, рабочих органов Премьер-министра, Кабинета министров и министров...» и т.д., то есть служащие вообще.

Помимо того, что этим пунктом грубо попираются элементарные гражданские права огромного и весьма важного сектора российского общества, он вызывает также нарекания и по своему смыслу. На мой лично взгляд, если не беда, то большая проблема нашего общества как раз состоит в том, что наши президенты, начиная с Ельцина, — беспартийны. Об этой проблеме я писал еще в середине 2000-х гг. в статье «Solo partia — partia solo»:

«В цивилизованном мире нет и не может быть президентов... беспартийных! Все правители наиболее уважаемых стран имеют партийную принадлежность: Блэр — лейборист, Буш — республиканец и т.п. Только партии выдвигают на пост президентов и премьер-министров в Германии, Франции, Японии, Испании и т.д. Выдвигают тех, кто в своей деятельности, в своих выступлениях наиболее убедительно воплощает программные установки партии, кто наиболее внятно их артикулирует (или создает) и наиболее последовательно проводит в жизнь. И предварительный отбор кандидата проводит именно партия, организуя вначале внутренние выборы, на которых соревнуются кандидаты-однопартийцы.

В этом колоссальная разница между выборами президента в Европе и Америке — и российскими выборами.

Голосуя за того или иного президента, граждане Европы и Америки голосуют за платформу, за политическую программу партии, которая не может быть изменена по прихоти одиночки. Эта программа публична, она принята как руководство к действию всех ее членов вплоть до президента,

она масштабна, долгосрочна и касается, как минимум, всей страны. За выполнение этой программы президент отвечает перед выдвинувшей его партией и перед всей страной. А партия — многомиллионная рука и разум — его контролирует. И избиратель это знает.

За что голосует гражданин России, избирая президента? За красивые глаза? Или за красивые слова? (Нас недавно призывают «голосовать сердцем», не включая мозги! Как это точно! Как это тошно! Как по-русски!)

Нет, российский гражданин голосует лишь за свои смутные, ничем не обеспеченные надежды, забывая поговорку о том, что надежда есть отложенное разочарование. Зато дальнейший ход событий ему об этом неизбежно напоминает.

...Президент вовсе не торопится в партийные сети. Плохо ли ему? Да, не опираясь на партию, он не может эффективно управлять страной. Ну и что?! Плевать! Зато и партия не может им управлять! Ведь его личная власть полностью бесконтрольна и полностью безответственна, как у римских императоров эпохи упадка. Зачем же ему на себя одевать хомут партийных обязательств? Зачем связывать себя партийной ответственностью и дисциплиной, которым подчинялся даже Сталин, а вот он — не подчиняется? Зачем подписываться под обязательствами, выполнять которые он не собирается?

Президент России — невменяем. Не в психологическом, конечно, а в политическом и юридическом смысле. Ну, а если он и в самом деле вдруг рехнётся? Это сильно скажется на нашей жизни и судьбе страны, но, как ни странно, никак не скажется на его собственном положении.

Скорее всего, следующий претендент в президенты, учитывая ельцинско-путинский опыт, тоже не захочет быть партийным, предпочтет остаться «общенародным». И вновь российские избиратели проголосуют неизвестно за

что. И вновь у них не будет никаких гарантий, что предвыборные обещания будут выполняться. Ведь обещания гражданина — это не партийная программа. «Обещать — не жениться».

У нас не только неуправляемая страна.

У нас еще и неуправляемый, невменяемый президент.

О чем это говорит?

Выборы беспартийного президента в такой стране, как Россия, есть политический нонсенс и проявление позорного неуважения к самим себе. Они должны быть запрещены законом! Мы не Монако и не Лихтенштейн.

Мне нечего добавить к сказанному, кроме того, что чиновники любого ранга, лишённые партийного контроля, хуже чиновников, такому контролю подверженных.

4. Права и свободы граждан выделены Пыхтиным в статью вторую. Понятно, что в обстановке продолжавшегося «демократического угара», вспыхнувшего с приходом Горбачева и еще не остывшего, данная тема разрабатывалась Пыхтиным вдохновенно и заняла аж 58 пунктов. Первый же из которых провозглашал равенство всех граждан «перед законом, властью и правосудием независимо от какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, этнического и социального происхождения, имущественного, сословного положения или иного обстоятельства».

Важно отметить, что данное равноправие распространено законодателем лишь на граждан, а не на всех подпадающих под российскую юрисдикцию лиц. Такая избирательность — принципиальна, она устанавливает необходимое, на мой взгляд, неравенство в пользу граждан России по сравнению с прочими пребывающими на ее территории людьми.

В дальнейшем эта избирательность устанавливается Пыхтиным в отношении таких прав и свобод, как «свободное передвижение и свобода выбора

местожительства», «право покидать и право въезжать в Россию», «право на признание его правосубъектности» (не очень вразумительная формулировка, означающая, по-видимому, гражданскую полноправность), «право беспрепятственно придерживаться своих мнений, а равно право на свободное выражение своего мнения», «право на свободу ассоциаций с другими гражданами», «право... на мирные собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикетирование», «право на свободу ассоциаций с другими гражданами», «право на объединение в политические партии», «на забастовки», «на свободу от голода», «на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», альтернативную воинскую службу и т.д.

Что касается граждан других государств, находящихся на территории России, они наделены правами лишь в той мере, в какой граждане России наделены ими на территории соответствующих государств.

В целом набор гражданских прав и свобод стандартен и хорошо известен. Не останавливаясь на их перечислении, отмечу только некоторые особенности.

Важным и новаторским пунктом является следующий:

«2.24. (2) Никто не может быть принуждаем к определению и указанию на принадлежность к меньшинству, а равно никто не может требовать особых прав на основании такой принадлежности».

Данный пункт написан в противовес не только западной модели демократии, давно превратившейся в диктатуру меньшинств всех сортов, но и российскому закону «О коренных малочисленных народах Российской Федерации», нарушающему статью 19 действующей Конституции России и грубо попирающему принцип равноправия этносов. Он, несомненно, достоин переноса в будущую нашу конституцию.

Таким же представляется следующий пункт:

«2.25. Законом обеспечиваются права, привилегии и традиции, исторически принадлежащие казачеству как особому сословию России».

Здесь все верно и справедливо: и признание казачества сословием, а не отдельным народом, как хотелось бы некоторым горячим до безрассудности казачьим головам, и признание его особых прав, привилегий и традиций.

Отмечу также, что:

«2.38. Гражданство России пожизненно и неотчуждаемо.

Гражданин не может быть выслан за пределы России, а равно не может быть выдан другому государству или объявлен вне защиты или юрисдикции России или лишен ее покровительства, где бы он ни находился».

Здесь, на мой взгляд, есть как позитив (невыдача и защита граждан), так и негатив (неотчуждаемость гражданства). Хотя в качестве альтернативы лишению гражданства Пыхтин сохраняет смертную казнь, что позволяет в принципе решить проблему очищения нации, хотя и менее гуманным способом.

Наряду с институтом смертной казни «за самые тяжкие преступления», проект Пыхтина сохраняет некоторые другие важные достижения всем еще хорошо памятного социалистического строя: право граждан на труд и на его «справедливые и благоприятные условия», на бесплатную медицинскую помощь, на бесплатное среднее (но не высшее) образование, на жилище.

Вместе с тем контуры нового, капиталистического бытия также просматриваются в пыхтинском проекте, в виде права гражданина «быть собственником» и вести предпринимательскую деятельность.

5. Интересно и важно остановиться на проекте административно-территориального устройства будущей России по Пыхтину.

Обращу сразу внимание читателя: слово «федерация» в официальном названии государства отсутствует, однако ст. 1.8 гласит: «Административно-

территориальное устройство России представляет собой федерацию равноправных территорий, именуемых губерниями». Таким образом, в текст вкрадывается противоречие между идеей «единого, неделимого», с одной стороны, — и федеративного, т.е. договорного, государства. По-видимому, автор пытался найти компромисс, пытаясь заменить асимметричную федерацию — симметричной, отменив принцип национальных республик и иных образований, но при этом всё же не решаясь провозгласить унитарное государство.

Понятно, что такое предложение вызвало бы резкое сопротивление у титульных народов, но при этом не укрепило бы единства страны, поскольку не придало бы цельности основной скрепе государства — русскому народу, закрепив, напротив, его раздробленное состояние. Ибо федеративное устройство страны предполагает наличие федеративного договора, в котором, в том числе, одни равноправные русские губернии будут договариваться с другими такими же (скажем, Вологодская с Архангельской и т.д.) о создании единого государства. При этом единый суверенитет русского народа на всем пространстве России окажется разрушен непоправимо. И мы, вместо единого русского народа, получим «вологодских русских», «архангельских русских», «тверских русских», «новгородских русских», «ростовских русских» и проч. Повторив модель феодальной раздробленности Руси.

В проекте конституции Пыхтина нет подробностей относительно количества и наименований губерний, но есть глава, посвященная «Правлению губерний», где прописано существование для каждой из губерний трех ветвей власти: «представительной, административной и судебной». Иными словами, суд из федерального органа власти превращается в местный, губернский. Понятно, что такое установление будет способствовать обособлению губерний, ослаблению позиций центральной власти, приведет к усиле-

нию сепаратизма, в том числе, что особенно страшно, русского.

Таким образом, сохраняя противозестественное федеративное устройство России, с одной стороны, и претендуя на восстановление ее имперского величия, с другой стороны, Конституция Пыхтина несет в себе неразрешимое противоречие. Радикальный патриотизм, лишенный националистического запала, оказывается разрушительным для нашей страны. Наглядный пример опасности полумер и идейной непоследовательности.

Конституция национал-демократа

В середине 1990-х гг. в национал-патриотических кругах прошла дискуссия, размежевавшая патриотов, отдающих приоритет государству перед нацией, и националистов, поступающих ровно наоборот. Одним из следствий этого явилась попытка создания националистической русской конституции.

В 1998 г. коллектив молодых русских юристов-националистов (студентов и аспирантов юрфака МГУ и Института государства и права РАН), объединившихся в Лигу защиты национального достояния под моим руководством, подготовила проект новой конституции России как национального русского государства. В разработке проекта приняли участие профессора, пожелавшие остаться неназванными, у которых учились участники Лиги.

Что же предлагает этот проект (далее: ПК)?

* * *

Первое. Преамбула «Мы — Русский Народ³... создаём свое независи-

³ Со временем появилась новая редакция проекта, в которой данная формула была расширена: «Мы, Русский Народ и все граждане России...». Это было сделано для того, чтобы придать новой Конституции легитимность в глазах не только русских, но и всех будущих граждан России, не допустить их отчуждения от государства. Но суть формулы, манифести-

мое национальное государство Россия и принимаем его Конституцию», возвращает русским как суверенность, так и субъектность, естественно соответствующие действительному положению вещей в нашей мононациональной стране России. Она же устанавливает и закрепляет де-юре существующую де-факто роль русских как государствообразующей нации.

Эти положения закреплены также в главе 1-й «Основы конституционного строя Русского Государства» в следующих статьях:

статья 1: «Россия (Русское Государство) является национальной, демократической, социальной, правовой республикой...»;

статья 2 п. 1: «Россия — национальное государство. Основной задачей Русского государства является защита безопасности и содействие всестороннему развитию Русской Нации и каждого гражданина России».

Второе. ПК не допускает возможности нарушения общегражданских прав русских людей в областях, где они представляют меньшинство. Такое положение закреплено в главе 2-й «Права и свободы человека и гражданина», устанавливающей полное равенство всех граждан России в отношении прав и свобод, а также в главе 3-й «Административно-территориальное устройство», согласно статьям 79, 82, 87, 88 которой в автономиях помимо выборного Главы и Автономного Совета существует также Наместник, назначаемый Президентом России, представляющий Президента в автономии и имеющий своей задачей защиту и представительство интересов «русского населения и национальных меньшинств»,

рующей суверенность и правосубъектность русских, от этого не изменилась. Пришлось лишь поделить ее — но не с другими народами (что существенно: суверенный народ, хозяин страны, может быть лишь один!), а лишь с отдельными гражданами нерусского происхождения.

для чего Наместник обладает рядом существенных полномочий.

Третье. Все коренные народы России получают преимущества перед иностранцами и лицами без гражданства. Это отчетливо выражено в главе 2-й, где наряду с общечеловеческими правами, закреплёнными от рождения за любым человеком (что грамматически выражается в соответствующих статьях простым подлежащим «каждый»), закрепляются также права, относящиеся исключительно к гражданам (что выражается сложным подлежащим «каждый гражданин России»). Ряд таких исключительных прав содержится и в действующей Конституции (далее: ДК), но ПК существенно расширяет этот список. Это относится к таким правам: определять и указывать свою национальную принадлежность; свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; на участие в объединении, включая право создавать союзы, в том числе профессиональные, для защиты своих интересов; на труд и вознаграждение за него не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы; на отдых; на социальное обеспечение; на жилище; на образование, в том числе бесплатное высшее.

При этом все иные права и свободы, установленные ДК только для граждан России, никак не ограничиваются, за следующими исключениями:

— право на равный доступ к государственной службе (ст. 32 ДК п. 4) отнесено авторами Проекта к компетенции будущего закона о гражданстве, ввиду необходимости ограничить доступ к ряду должностей лицам с двойным гражданством в зависимости от страны второго подданства;

— право на замену военной службы на альтернативную гражданскую, если первая противоречит убеждениям или вероисповеданию гражданина (ст. 62 ДК п. 3), отнесено авторами Проекта к компетенции соответствующего за-

кона ввиду неразъясненности выражения «противоречит убеждениям»;

— введено положение (ст. 62 ПК п. 3), согласно которому гражданин России может быть лишён своего гражданства Верховным Судом (имея в виду продвижение России к отмене смертной казни и необходимость адекватной защиты граждан от несправедливо антиобщественных элементов).

Более подробное разграничение прав граждан и неграждан будет проведено в рамках закона о гражданстве.

Четвёртое. Гражданами России априори «признаются все лица, принадлежащие к русской национальности и другим коренным народам России, независимо от места проживания» (гл. 1, ст. 11 ПК). Подобный принцип гражданства «по крови» имеет аналогии в конституционном устройстве ряда стран, в частности Германии и Израиля, но особенно актуален он в сегодняшней России, в мгновение ока потерявшей 25 млн. своих сограждан, многие из которых сегодня нуждаются в дополнительном (российском) гражданстве для защиты своих прав. Поэтому, хотя в целом «гражданство России приобретается и прекращается в соответствии с... конституционным законом» (там же), но этот принцип выделен специально и конституционно закреплён. Статья 16 ПК развивает эту тему так: «1. Россия стремится к воссоединению Русской Нации, оказавшейся в разделённом положении. 2. Россия стремится к свободному объединению со своими историческими территориями, населёнными преимущественно русскими людьми и представителями коренных народов России. 3. Русское государство стремится к добровольному государственному союзу народов общерусского корня: русских, украинцев и белорусов». Естественно, что Проектом «запрещается политическая и общественная деятельность, направленная против независимости, единства, общественной и национальной солидарности Русской Нации, прав и сво-

бод граждан России» (ст. 9). Наконец, надо упомянуть, что репатриантам из числа коренных народов России, наряду с многодетными и малообеспеченными, Проект обеспечивает право на жильё бесплатное или за доступную плату (ст. 41 п. 3).

Проводя определённое различие в правовом отношении между гражданами и негражданами, ПК предполагает создание нового, отвечающего русским интересам и потребностям Закона «О гражданстве».

Пятое. Упразднение нынешнего национально-территориального деления России и замена Совета Федерации как верхней палаты высшего законодательного органа на президентский Совет губернаторов, глав автономий и заместителей (с совещательными функциями), — всё это исключает несправедливую в отношении русских и невыгодную для них диспропорцию национального представительства в высшем представительном органе власти. Кремль попытался сделать шаги в данном направлении, но не рискнул менять Конституцию и пришёл к половинчатому, паллиативному решению, не отменившему проблему.

Итак, Проект, это очевидно, исправляет те недостатки, закреплённые и усугублённые ДК, которые, с русской точки зрения, содержатся в сегодняшней российской общественной жизни.

Но это еще не все, что делает ПК националистическим.

* * *

Понимая всю щепетильность национальной темы даже в мононациональной стране, где наряду с государствообразующей нацией присутствуют, всё же, и малые народы, и национальные меньшинства, авторы проекта учли это обстоятельство и конституционно закрепили всеобщее гражданское равенство и защиту прав этих народов и меньшинств. Цитирую ПК:

«Статья 2: Основной задачей Русского Государства является защита

безопасности и содействие всестороннему развитию Русской Нации и каждого гражданина России...

Статья 3: Россия признает право на национальное самоопределение за крупными коренными народами России, составляющими устойчивое большинство в местах своего исторического проживания, в форме автономии либо отделения на основании... конституционного закона.

Россия гарантирует права малочисленных коренных народов в местах их исторического проживания в соответствии с... законом.

Русское Государство признаёт полную свободу национальной жизни и культурную автономию всех этнических общин и групп, проживающих на его территории.

Статья 4: Россия — демократическая республика. Все граждане России независимо от национальности, вероисповедания, пола, расы, социального положения и политических убеждений являются в совокупности единственным источником суверенитета России...

Статья 27 п. 1: Каждый гражданин России вправе определять и указывать свою национальную принадлежность посредством проставления специальной отметки в паспорте.

Статья 30 п. 2: Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду...

Статья 139 п. 4: Судопроизводство по вопросам семейного и уголовного права в отношении представителей титульной национальности автономий с взаимного согласия сторон может быть осуществлено с применением уголовного и семейного законодательства национальных областей. В этом случае приоритет получает законодательство национальной области».

Итак, несмотря на унитарный характер будущей России, во всех нынешних республиках РФ, где титульный народ представляет собой устойчивое

большинство (естественное, понятное и справедливое обязательное условие), предполагается сохранение автономии. Таких автономий ПК сегодня предполагает девять: Дагестанская, Чеченская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Осетинская, Татарская, Тувинская, Чувашская. К ведению автономии («национальной области») относятся (ст. 81 ПК): «...а) установление, наряду с государственным, иного официального языка автономии; б) поддержка и содействие развитию этнической культуры титульной национальности; в) система национального образования автономии; г) автономное уголовное и семейное законодательство, применяемое... судами к местным жителям — представителям титульной национальности при их добровольном согласии; д) бюджет автономии; е) установление автономных налогов и сборов; ж) собственность автономии; з) управление социальной инфраструктурой автономии, социальная политика автономии; и) природные парки, экология автономной области». Органами государственной власти в автономиях являются (ст. 79 ПК): Автономный Совет, выборный Глава автономии и Наместник, что вполне обеспечивает самостоятельность автономий в пределах очерченной выше компетенции. При этом, как уже говорилось выше, назначенный Президентом Наместник следит, чтобы в автономии не нарушались права и свободы национальных меньшинств и русских людей.

Таким образом, восстановление суверенитета русского народа на территории всей России (где он повсеместно является, между прочим, не только коренным, но и титульным) не ущемляет прав других народов. Вместе с тем ПК не позволяет титульным народам в тех нынешних субъектах федерации, где они устойчивым большинством не являются, навязывать свою волю людям другой национальности. В регионах же, где титульные народы представлены в большинстве, ПК гарантирует со-

блюдение общегражданских прав всем иным народам. Этим обеспечивается баланс интересов для всех.

Нельзя исключить вариант, при котором коренные титульные народы, составляющие в ряде автономий устойчивое большинство, выразят желание идти в будущее своим путем, отдельно от России, и примут соответствующее решение на референдуме. Задача новой Конституции в том, чтобы, предоставляя им данное право, не ущемить при этом прав и интересов иных народов, народностей и племен, проживающих на данной территории, в том числе русских. Для этого устанавливается пятилетний переходный период для уточнения взаимных задолженностей, взаиморасчетов, делимитации и демаркации границ (что может быть весьма существенно в ряде случаев), обоюдной (!) репатриации населения и определения порядка дальнейших взаимоотношений.

ПК исходит из абсолютного примата принципа единства и целостности русской нации над принципом единства и неделимости российской территории. Ибо нация первична, а государство вторично. Угроза этнической целостности и статусу национального большинства для русских должна поэтому учитываться в первую очередь, а угроза территориальной целостности России — лишь во вторую. Именно такой подход и такая логика позволяют, с одной стороны, ставить вопрос о воссоединении русской нации и о праве русских, компактно проживающих на территориях сопредельных государств, на самоопределение. А с другой стороны, исключают насильственное удержание в составе России территорий, коренное титульное население в которых составляет устойчивое большинство.

* * *

Изложенные выше приоритеты и задачи, вдохновлявшие авторов ПК, обусловили предлагаемую модель

административно-территориального устройства России.

Авторы исходили из того, что федерализация России, исторически ей несвойственная, — есть величайшее преступление власти тоталитарного интернационализма, установившейся в 1917 г.

Федеративное устройство страны есть необходимое условие и безусловное благо, когда речь идет об объединении многих земель в единое государство. Как это, к примеру, было в США или Германии. Но Россию не нужно было объединять, она и так в течение многих веков была едина.

В том же случае, если федерализация есть результат дробления единой страны, — она безусловное, несомненное зло, и закреплять это зло посредством Конституции (а именно так поступает ДК) — это безумие и государственное преступление. При этом попирается неоспоримое право русских на самоопределение на всей территории компактного проживания (а такой территорией является почти вся Россия), нарушается национальное единство русской нации и создается угроза её дальнейшего разделения (пример чему мы уже видели при распаде СССР), наконец, грубо нарушается историческая традиция русского народа, создавшего единую могучую державу в соответствии со своими внутренними интенциями и потребностями.

Мы не можем мириться с подобным извращением и пресечением нашего исторического пути.

Есть и другие соображения, требующие отмены федерального и введения унитарного государственного устройства. Скажем о них.

В общей сложности число лиц титульных национальностей, постоянно проживавших, по данным последней советской переписи 1989 г., в соответствующих республиках — субъектах федерации (без учета Чечни), равно 8,89 млн. человек, что составляет примерно 6% в составе населения России (148,8 млн. человек). Иными слова-

ми, 6% населения получили в составе России свою государственность, свои республики, свои конституции, своих президентов и т.д., в то время как остальные 94% населения были лишены всего этого. Не абсурдно ли, не противоестественно ли такое положение?! Не есть ли это грубейшее, демонстративное нарушение прав абсолютного большинства? Не требует ли такое положение дел немедленного исправления?

Далее, эти же 6%, располагающиеся в 20 (!) республиках, получили, соответственно, 40 (!) представителей в Совете Федерации (напомню, что ПК создан в 1998 г.), в то время, как на 94% остального населения пришлось всего 138 «сенаторов», то есть в четыре с половиной раза меньше, чем предполагает справедливая пропорция! Допустимо ли такое в демократической республике?! Не есть ли это грубое попрание гражданского равноправия?

Нельзя упустить из внимания и такое обстоятельство. Согласно ст. 9 п. 1 ДК, «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Такая постановка вопроса с точки зрения русского человека совершенно неприемлема. Ибо тем самым игнорируется суверенность русского народа, единого на всей территории России, а следовательно, нарушаются его права на природные ресурсы страны его проживания, то есть России в целом. Но при этом нарушаются и аналогичные права других коренных народов, не обязательно компактно проживающих на территории своей исторической родины. Так, 36% башкир на тот момент жило вне Башкирии, 49% марийцев — вне Марий-Эл, 70% мордвы — вне Мордовии: почему же их надо лишать их доли от башкирских, марийских, мордовских недр?

Не подлежит сомнению: недра, природные ресурсы — это общее достояние страны, источник общегосудар-

ственного бюджета. Они не должны быть ни в частной, ни в областной или республиканской, ни в «иной» (как то предписывает ДК) собственности, но только в государственной. Иначе экономическое неравенство регионов создаст географические зоны бедности и богатства, породит перераспределение масс населения, обезлюдение и захирение одних регионов и перенаселённость других, вообще нарушит принцип справедливости, а главное — лишит бюджет возможности формировать полноценные фонды развития обороны страны, культуры, науки, здравоохранения, образования, социальных гарантий и т.д.

Встают и другие вопросы, непосредственно затрагивающие судьбу русского народа. Например, как поддержать исторические русские земли от западных границ до Урала? Они совсем не богаты ископаемыми, зато богаты людьми, традициями, историей. Это, собственно, и есть историческая родина русских. Кто и на каких условиях будет снабжать её природными ресурсами, если они перейдут целиком в ведение автохтонов? А ведь это и есть та самая «Россия», могущество которой должно было «прирастать Сибирью», а не наоборот. Эти земли до сих пор плотнее всего заселены (в то время как от Урала до Тихого океана проживает всего 30 млн. человек — лишь одна пятая населения России!), наиболее индустриально развиты, поставляют основную часть высококвалифицированного контингента. Передача недр в собственность субъектов федерации даёт экономические преимущества этносам, проживающим на территории этих субъектов, но ничего не даёт основной массе русского народа, что не согласуется с нашим главным принципом.

Нет татарских русских, нет якутских русских, нет ханты-мансийских русских: есть просто русские. Создание Российской державы — это итог их общей истории. Это деяние всего русского народа, и плоды этого деяния

должны принадлежать всему русскому народу.

Какое-либо ограничение прав любого русского человека на недра любого уголка России никак не согласуется с теми историческими задачами, которые ставили себе и осуществляли русские в процессе колонизации Сибири, Поволжья, Дальнего Востока и т.д. Разве для того только покоряли и обустроивали мы эти земли, чтобы поднять к цивилизации из исторического небытия местные народы?

Итак, все перечисленные выше противоречия, начиная с отсутствия русской государственности и суверенности и кончая изъятием у большей части русских прав на природные ресурсы страны их проживания, требуют преодоления. Способ такого преодоления есть только один: преобразование России в унитарное государство (что и декларирует ст. 1 ПК), в сочетании с госмонополией на эфир, недра и другие природные ресурсы (ст. 13 ПК).

Принцип унитарности вполне сочетается с правом народов на самоопределение, свободу национальной жизни и культурную автономию. Глава 3 ПК подробно излагает принципы такого сочетания, наиболее важные из которых уже рассматривались выше.

Раздел, посвящённый местному самоуправлению, полностью сохранён в редакции ДК, поскольку, с точки зрения авторов ПК, составлен хорошо и не нуждается в пересмотре.

* * *

В целом глава 2 ПК «Права и свободы человека и гражданина» немногим отличается от соответствующей главы ДК, которая написана достаточно подробно и современно. Некоторые отличия, ограничивающие права неграждан по сравнению с гражданами России, перечислены выше.

Вместе с тем авторы ПК решительно не согласны с положением, при котором революционно-романтический тезис «человек, его права и свободы яв-

ляются высшей ценностью» (ст. 2 ДК), заявленный либерал-реформаторами как некий правовой императив, не уравновешен подобным тезисом о ценности прав общества, народа, нации в целом. Получается, что исключительно только «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (там же). Но разве общество, народ, нация — менее высокая ценность? Разве они не нуждаются в государственной защите, разве защита их — менее достойная задача? Разве можно вот так, безоглядно превознести личность, с её подчас опасным, разрушительным потенциалом эгоизма, — над обществом? Разве право общества не складывается из совокупных прав составляющих его личностей и не должно уже в силу этого обладать хотя бы равной приоритетностью с правом отдельной личности?

Нет, нужен, по крайней мере, правовой паритет, защищающий не только личность от общества, но также и общество от личности!

Авторы ПК полагают, что защитить большинство, общество как таковое — это значит в масштабах всей Земли, без всяких скидок, защитить самоё человечество. В масштабах же России это значит — защитить не только всё гражданское сообщество страны, не только население вообще, но и русский народ в частности.

В этой связи:

а) из ПК исключена упомянутая статья 2 ДК как философски и политически ложная, демагогически-популистская и вредная для общества;

б) ввиду всеобщего движения цивилизованного мира к отмене смертной казни в условиях сохраняющихся задач защиты и санации общества вводится такая конституционная норма, как лишение гражданства и принудительная высылка из страны по решению Верховного Суда (ст. 62 ПК).

На этом наиболее существенные различия главы 2 ПК и главы 2 ДК заканчиваются.

* * *

Сегодняшняя система разделения и компетенции властей, предусмотренная ДК, успела показать себя во всём блеске. Ничем не ограниченная, бесконтрольная и безнаказанная (по закону!) власть нашего Президента — весомейшая причина всех бед России и хаоса российской жизни.

Сторонники президентской республики считают, что она хорошо подходит России, поскольку страна привыкла-де к царизму и вождизму. Но царизм и вождизм — это не просто единоличная неограниченная власть некоего лица. За царём — помазанником Бога — стоит непререкаемый авторитет религии. За вождём — организующая общество сила партии, любовь и доверие масс. За российским президентом нет ни того, ни другого.

Мало того: светский характер современного государства Россия исключает восстановление монархии. Ведь даже в начале XX в. божественного авторитета уже не хватало, чтобы сделать Россию управляемой, подчинённой монарху. Кризис эффективного управления страной развивался стремительно; он закономерно привел к падению Дома Романовых и к замене отжившей самодержавной системы — самой эффективной системой управления, какую только знало человечество: партokratией.

К сожалению, ряд исторических обстоятельств (в том числе именно неизжитые рудименты монархизма) послужил излишней концентрации власти в руках коммунистических вождей, что привело к краху всю страну, когда на самой верхушке политической пирамиды оказался Горбачёв: неумный, недальновидный, тщеславный, склонный к предательству, податливый на манипуляции извне, но притом облечённый колоссальной неограниченной властью.

Так или иначе, факт налицо: замена монарха на вождя оказалась в первой половине XX в. суперэффективной мерой для управления Россией.

Замена вождя на президента во второй половине того же столетия ярко демонстрирует полную и сугубую неэффективность. Это карикатура даже не на монархию, какой она была в России в XVIII–XIX вв., а на институт выборных императоров эпохи упадка Рима. Во всяком случае, аналогии между Ельциным и Нероном, спалившим отечество, или Калигулой, введшим коня в сенат, просматриваются отчётливо.

Секрет этого прост: никакой президент, ни монарх, не опирающийся на партию (напомню, что президенты таких стран, как США, Германия, Франция и др. — ставленники своих партий), не в состоянии управлять такой огромной страной. Он ничего не может по двум, по крайней мере, причинам.

Во-первых, он ничего не может *субъективно*, ибо неизбежно попадает в зависимость от окружения, от экспертов, поскольку оценить внутреннюю убедительность специальных аргументов по многим аспектам экономики и политики президент не в состоянии по определению. Не связанный выверенной, согласованной и утверждённой партийной программой, он обречен под видом якобы обоснованных действий творить произвол. Придворная камарилья как феномен, непременно сопутствующий автократу, сложилась у нас на глазах. Провальный эффект от этого — налицо во всех сферах, требующих этнополитических подходов, да и в экономике тоже.

Во-вторых, он ничего не может *объективно*, ибо президентский произвол обязательно оборачивается своей диалектической противоположностью: утратой возможности управлять. Президент не имеет реальных рычагов власти в регионах, кроме шкурного интереса и административного страха губернаторов. Ни один мало-мальски уважающий себя руководитель региона не станет исполнять его распоряжения, если посчитает их абсурдными или невыгодными для себя. По сведе-

ниям покойного претендента на российский престол г-на Лебеда, уже к осени 1996 г. накопилось аж 447 указов президента Ельцина, которые никто не выполнял и не собирался выполнять. Больше того, кризис управления только усугубляется с ходом времени; лейтмотив едва ли не всех правительственных заседаний один: распоряжения Путина (в бытность премьером или президентом — все равно) не выполняются!

Аналогичным образом, к сожалению, обстоит дело и в субъектах федерации, где имеются свои законные правители, но реально правят олигархи либо бандиты, что создаёт опасность не только произвола на уровне регионов, но и произвола на уровне всероссийском, чреватого полной неуправляемостью единого государства и катастрофическим ростом сепаратизма.

Нет, не поменяв принципиально конституционные основы нынешней системы властного устройства в России, нечего и думать о возвращении страны к сколько-нибудь разумно организованной жизни. И первое, что следует сделать, — это покончить на всех уровнях с подменой, благодаря которой исполнительная власть разных уровней превратилась во власть «распорядительную». Необходимо вернуть страну к подлинной демократии, исключающей как произвол, так и неуправляемость.

Если глядеть в корень, то решение этой задачи предполагает следующее.

Во-первых, отмену всенародных выборов Президента, ибо именно в них — главный источник его самодержавности и неподконтрольности. ПК предлагает избирать его на заседании Государственной Думы из числа кандидатов, выдвинутых фракциями и депутатскими группами.

Во-вторых, ответственность исполнительной власти. Согласно ПК, Президент возглавляет Правительство и руководит, в качестве Председа-

ля, его деятельностью. Он же и формирует Правительство, представляя при этом на утверждение Думы министров: обороны, внутренних дел, государственной безопасности и иностранных дел. Также на утверждение Думы Президентом представляются внешнеполитическая и военная доктрины. Президент несёт ответственность перед Думой за деятельность Правительства. Президент не может распустить Думу, но Дума, в случае недолжного исполнения им своих обязанностей, может отрешить Президента от должности квалифицированным большинством в соответствии со специальной процедурой.

В-третьих, выборность губернаторов отменяется. Губернаторы назначаются Президентом из числа кандидатов, предложенных им Областной Думе и избранных Областной Думой, и могут быть смещены Президентом либо самостоятельно, либо в случае выражения Губернатору недоверия квалифицированным большинством Областной Думы. (Интересно, что Путин, ища пути оптимизации управления, и сам пришёл примерно к той модели, которую мы предложили ещё в 1997 г., осталось закрепить её в Конституции.) В автономии Президентом назначаются Наместники помимо выбранных Глав автономий.

Таким образом, обеспечивается согласованность действий законодательной и исполнительной властей, снимается самая возможность пагубного противостояния между ними, а также восстанавливается управляемость регионов, ставится препона сепаратизму и произволу.

Почему ПК отдаёт приоритет законодательной власти? Помимо всего, что уже было сказано, добавлю:

1) только Дума как представительный орган, формируемый политическими партиями, выражает волю значимого большинства населения. Считая партократию оптимальной формой управления Россией, мы полагали, что

русский народ ради выживания своего и ради будущего своих детей сумеет создать партию, образующую квалифицированное думское большинство. Таким образом, реальная власть в России перейдет к русским, чьи права и интересы будет выражать единая партия, как бы она ни называлась;

2) как мы не раз убеждались, по сравнению с президентскими указами и законопроектами законы, принимаемые Думой, имеют более солидное экспертное обеспечение. Разрабатывая и принимая законы, Дума тем самым намечает и наиболее выверенное стратегическое направление развития страны. Кто же, как не она, должен контролировать ход этого развития, контролируя ход исполнения законов?

3) в правовом государстве, которым стремится стать Россия, перекося в пользу исполнительной власти при распределении полномочий особенно опасен и недопустим, поскольку открывает путь к произволу, к появлению неконституционной ветви власти — распорядительной. Именно в неё имеет тенденцию трансформироваться власть исполнительная. Законодательная же власть по самой своей природе несовместима с произволом, поэтому и не может служить источником общественной опасности и нестабильности.

Что же собой представляет Государственная Дума, согласно ПК? Поскольку двухпалатный парламент — это отличительный признак государств федеративных, необходимость в нём при унитарном устройстве новой России отпадает. Чтобы сохранить представительство региональных властей, представляющих за свои регионы перед высшими властными инстанциями России, вместо Совета Федерации создаётся Совет губернаторов, глав автономий и наместников при Президенте России (с совещательными полномочиями). Таким образом, Госдума становится однопалатным парламентом, состоящим из 450 человек, избирающихся по партийным спискам по

пропорциональной системе. Именно и только так может быть обеспечена реальная власть значимого большинства населения страны — русского народа. Примером здесь служит израильский кнессет, также избирающийся лишь по партийным спискам, чем обеспечивается и поддерживается национальный характер этого государства.

Дума избирает и отрешает от должности Президента, назначает на должность судей Конституционного Суда, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда России, назначает на должность и освобождает от должности Председателя Счётной палаты, его заместителя и состав аудиторов, министров внутренних дел, государственной безопасности, обороны и иностранных дел, Председателя Центрального банка России, Уполномоченного по правам человека, утверждает указы Президента о введении чрезвычайного и военного положений, утверждает внешнеполитическую и военную доктрины, утверждает изменения границ между административно-территориальными единицами России, назначает всенародный референдум, ратифицирует международные договоры в соответствии с законом, объявляет амнистию, принимает постановления и законы. Именно таким представляется наиболее полное и адекватное воплощение принципа народовластия.

Правительство России в лице Председателя (он же Президент России), согласно ПК, ответственно перед Думой, являясь в полном смысле слова исполнительной властью. (Интересно, что и этот пункт ПК осуществился в правление президента Медведева как вполне разумный.) Его функции, основательно прописанные в ДК, оставлены в ПК почти без изменений. Из новаций можно отметить ответственность перед Президентом всех министров, кроме так называемых «силовиков» и министра иностранных дел, ответственных перед Думой.

Глава, посвящённая судебной власти, в ПК практически аналогична соответствующей главе в ДК. Изменения, внесенные в неё, вытекают только из новаций предыдущих глав.

Таким образом, в отличие от сегодняшней реальности, будущее государственное устройство России, соблюдая принцип разделения властей, ставит его на службу единству России.

* * *

Принцип приоритета нации (государствообразующего народа) над государством определил и механизм преобразования Российской Федерации в Русское национальное государство. Он предусматривает пять последовательных действий.

Первое. Проект выносится на рассмотрение Общенационального Съезда Русского Народа (Русского Народного Собрания), регламент которого определяется специальным законом. Принятый Съездом (Собранием) безусловно или с поправками, Проект Конституции становится документом, окончательную судьбу которого определит референдум.

Второе. В соответствии с процедурой, определённой федеральным законодательством РФ, созывается Конституционное Собрание. В случае его отказа подтвердить неизменность Конституции РФ, Собрание выносит на референдум Проект Конституции.

Третье. Проект становится новой Конституцией России, если за него проголосует более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нём приняло участие более половины избирателей — граждан РФ. В этом случае Российская Федерация как суверенное государство и субъект международного права ликвидируется, а вместо неё возникает новое суверенное государство Россия (Русское Государство), устроенное в соответствии с новой Конституцией.

Четвёртое. Во вновь образованных областях и национальных областях

проходят выборы в Государственную Думу, которая избирает Президента и в течение трёх месяцев принимает ряд важнейших законов (в том числе закон о гражданстве), работа над которыми ведётся в настоящее время.

Пятое. Если в какой-либо из республик РФ во время референдума проект новой Конституции будет отклонён, в этой республике в течение трех месяцев проводится дополнительный референдум по вопросу о самоопределении её народа. Если большинство населения выскажется за автономию в составе России, то данная республика превращается в автономию (национальную область). В противном случае она имеет право на отделение в соответствии с законом.

Конституция «национал-демократа»

Через два года после публикации националистического варианта проекта новой Конституции я получил по почте из Петербурга только что кустарно изданную там брошюру «Конституция России», автором которой, судя по титульному листу, был некто А. Гагарин из организации «Русское ополчение». Об авторе мне не известно ничего. Видимо, он прочитал наш проект и направил мне как главному редактору «Национальной газеты» свой вариант. Датой опубликования автор называет 17 марта 2000 г. Пояснительная статья к проекту отсутствует.

Данный вариант Основного закона носил скорее общедемократический характер, хотя и содержал некоторые экивоки в национальную (в т.ч. русскую) сторону, несколько пародийного свойства. Поэтому я закавычил этого своеобразного «национал-демократа».

Об этом проекте можно судить уже по преамбуле: «Мы, великий Русский народ — Великороссы, Малороссы и Белороссы, в союзе с другими народами, соединёнными общей судьбой на своей земле... сознавая свою передо-

вую роль в борьбе с фашизмом в любом его проявлении (?!), сознавая себя частью мирового сообщества (?!), принимаем Конституцию России».

Понятно, что сувереном в таком варианте является, несмотря на красивые слова в адрес русского народа, вовсе не он, а некий «союз народов».

Статья 1 раскрывает и уточняет это представление с максимальным прекраснодушием и наивностью: «Россия — союз свободных нравственных граждан, соединившихся между собой, жертвующих частью своей свободы для охраны и утверждения общими силами Закона нравственности, который составляет необходимость нашего бытия». Куда при этом должны деваться не очень нравственные граждане — загадка.

Однако ограничения по гражданству вводятся-таки, причем именно такие, какие мог бы предложить начинающий националист: «Гражданством России обладают все этнические русские (Великороссы, Малороссы и Белороссы) и другие народности, исконно проживающие на территории России». Замечу, что в националистическом дискурсе выработалось понятие «коренные народы», которое близко по смыслу приведенной формуле. Но оно подразумевает не «исконное проживание» (этак сюда и евреи запишутся с армянами), а отсутствие своего суверенитета и государственности вне границ России. Однако само предложение наделять гражданством по факту национального происхождения — несомненно националистическое, прогрессивное, хотя и поданное в наивной трактовке.

То же можно сказать и о заключительных словах проекта (раздел 2, ст. 12, п. 2): «Все граждане данных республик (бывших советских. — А.С.), а также все граждане иностранных государств, приехавшие на территорию России после 1 января 1986 года и получившие гражданство России, с момента принятия Конституции России лишаются гражданства России. Все полу-

чившие политическое убежище в России после 17 марта 1991 года должны получить подтверждение данного решения...». Здесь напрашивается аналогия с Эстонией и Латвией, но, конечно, вызывает вопросы дата, после которой аннулируется гражданство (почему с 1986-го, а не, скажем, с 1917 года?).

Наивность, утопизм отличают представленный проект и далее. Вот, например, п. 5 ст. 3: «Если русский народ убеждается, что правящая власть ставит своей задачей геноцид русского народа и (или) постоянное его обнищание, то не только правом, но и священной обязанностью народа является уничтожение этой власти и установление власти, достойно отражающей его потребности». Занятно, что эта обязанность возлагается почему-то только на русских, а не на союз народов. Видимо, здесь отразилось подспудное осознание исключительной роли русского народа в экзистенции России.

К националистическим признакам я отношу также такие положения проекта:

«1. В России основной религией является Православие...

3. Запрещается пропаганда и культовые обряды иудаизма как основной религии фашистско-сионистского толка, разжигающей национальную и религиозную рознь, враждебной всему человечеству» (ст. 14); данный пункт проливает некоторый свет на загадку внезапного антифашистского пафоса преамбулы;

«В России аборты производятся русскими женщинами только в случаях, предусмотренных законом» (ст. 37, п. 2) (интересно было бы взглянуть на тот важный закон);

Ст. 62 п. 2 предписывает, как и в проекте Пыхтина: «Государственный флаг — черно-желто-белый. Государственный герб — Двуглавый орел». Гимном при этом предлагается сделать великую песнь военной эпохи «Вставай, страна огромная...». Очевидно, здесь отразилось понимание автором

современности в духе вечной борьбы с «фашистской силой темною», контуры которой обозначены, для начала, выше, в ст. 14, а полная расшифровка предложена во втором разделе, о чем ниже.

Коннотации с Российской империей возникают не только по поводу герба и флага, но и в ст. 63, где автор перечисляет «субъекты России»: в этом перечислении исчезают всякие упоминания о национально-территориальных образованиях, а все субъекты одинаково именуется губерниями. Формально вопрос об устройстве России — федеративном или унитарном — вообще обходится, но по умолчанию ясно, что для федерации здесь места нет. На мой взгляд, это краеугольный камень националистического этатизма.

До своего логического завершения данная идея доводится во втором разделе, где говорится (ст. 11): «Все территориальное устройство Русского государства должно быть приведено в соответствие со статьей 63 Конституции России. При этом упраздняются названия: республики, края, области, автономные округа и автономные области». Предполагается, что Адыгея войдет в состав Краснодарской губернии, Алтай и Алтайский край — в состав Барнаульской, Башкортостан и Бурятия — Читинской, Дагестан — Махачкалинской, Ингушская и Чеченская республики — в состав Грозненской и Терской губерний, Кабардино-Балкарская — Ставропольской, Калмыкия — Волгоградской, Карачаево-Черкесия — Краснодарской, Карелия — Петрозаводской, Коми — Воркутинской, Марий Эл и Удмуртия — Вятской, Мордовия и Чувашия — Нижегородской, Татарстан — Ульяновской, Тыва — Красноярской, Хакасия — Кемеровской, Саха (Якутия) преобразуется в Якутскую губернию, Северная Осетия — во Владикавказскую. Автономные округа и области также входят в состав соответствующих губерний.

Наконец, национализм автора откровенно выражается в п. 2 ст. 77: «Президентом России может быть избран гражданин России не моложе 35 лет, русский, родившийся на территории России, постоянно проживающий в России не менее 10 лет...». Учитывая, что автор видит будущую Россию как президентскую республику, этот пункт приобретает сугубое значение.

Беда данного проекта Основного закона в том, что худо понятый национализм сочетается в нем с худо понятым демократизмом. Автор предлагает, к примеру (ст. 3, п. 6): «Поскольку для безопасности России необходимо хорошо организованный народ, право русского народа на хранение и ношение оружия в целях самообороны не может быть ограничено». У меня данное требование, свойственное, увы, многим лицам, относящим себя к национал-демократам, вызывает искреннее возмущение своей недалекостью и/или бесстыжестью лоббизма. Понятно, к чему его выполнение приведет в России, где статистически абсолютное большинство убийств совершается по пьяному делу. Вместо того чтобы разоружить и подавить бандитов и преступников, нам предлагают весь народ, по сути, превратить в таковы: пусть-де сами защищаются!

Дурной демократизм достигает своей вершины во взятом из ДК положении, представляющем собой главное достижение ельцинско-гайдаровской эпохи. Оно даже сохраняет ту же нумерацию, ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Понятно, что того, кто исповедует данный максималистский принцип демократии, настоящим националистом уже никогда не сделаешь. Поскольку воплощенный в нем триумф бунтующего индивидуализма в принципе несовместим с требованием приоритета прав и интересов нации.

Я позволю себе опустить изложение большей части первого раздела конституционного проекта А. Гагарина, поскольку он во многом списан с ДК и не отличается какой-то принципиальной оригинальностью. Эта неоригинальность с лихвой искупается, однако, во втором разделе, который я хотел бы частично процитировать:

«1. Исходя из того, что 8 декабря 1991 года был совершен государственный переворот, который, вопреки воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 года, привел к распаду Союза Советских Социалистических Республик, расчленению Государства Российского на отдельные территории, отданные на поругание иудеям и их холоум, Русский народ считает, что необходимо:

а) объявить действующий в настоящее время режим самозванным, оккупационным, преступным, проводящим политику геноцида Русского народа;

б) виновных в самовольном захвате власти, развале Союза Советских Социалистических Республик, геноциде Русского народа представить перед судом Русского народа и других братских народов, населяющих Россию.

2. ...любой гражданин вправе, в соответствии со статьей 3 Конституции России, добиваться любыми средствами свержения оккупационного режима и установления власти, достойно отражающей потребности Русского народа».

Как видим, веяние времени на исходе 1990-х неумолимо привело автора проекта к национализму, но — поверхностному, доморощенному, «непрофессиональному». В котором максимализм, утопизм и гипертрофированный демократизм идут рука об руку, свидетельствуя о своего рода болезни роста и о глубоком посттравматическом синдроме советского человека.

Увы, эти болезни и синдромы слишком часто встречаются и сегодня...

НАСТАСЬЯ ИВАНОВА

Между Кондопогой и Манежкой: Когда мигрантов слишком много

После трех громких этнических конфликтов 2006 года¹ властям стало очевидно, что лояльность журналистского сообщества слишком поверхностна и ее нужно закрепить, дабы избежать повторения кондопожской медиасенсации. Однако несмотря на усиливавшуюся начиная с конца «года Кондопоги» цензуру в области национального вопроса, запретная тема становилась все более привлекательной для журналистов. Она гарантировала интерес читателей. Так в поле зрения журналистов попадали сюжеты, которые до сих пор работников пера не слишком интересовали — например, касающиеся плачевной ситуации на Ставрополье и в Подмосковье, перенасыщенных мигрантами.

Ставропольский феномен

Ставрополье с февраля до июня 2007 г. сотрясла вереница происшествий, которые скорее всего изменили бы этнический баланс в любой другой точке России, но никак не сказались на миграционной ситуации в столице края, страдающего от бесконтрольного притока приезжих с Северного Кавказа.

13 февраля в Новоалександровске под Ставрополем был обстрелян атаман нижнекубанского казачьего общества Терского казачьего войска Андрей Ханин, конфликтовавший с владельцем

местного мясокомбината, грузином по национальности. Вскоре Ханин скончался в реанимации, а в городе была разгромлена часть кавказских магазинов. Более 100 грузин вынуждены были временно покинуть Новоалександровск².

24 мая в Ставрополе произошла массовая драка между местной молодежью и выходцами из Чечни, Дагестана и Карачаево-Черкесии; в ней приняли участие несколько сот человек. Конфликт предположительно начался в игровом клубе (по некоторым данным, принадлежавшем уроженцам Чечни) и продолжился за его пределами, когда конфликтующие стороны (чеченец и русский) вызвали подмогу. В результате драки получил смертельные травмы один из ее участников, студент Гелани Атаев. По версии близких кавказца, виновниками смерти стали задержавшие молодого человека милиционеры³.

3 июня в центре Ставрополя были обнаружены тела двух студентов краевого госуниверситета — Виктора Чагина

² Губернатор Ставрополья призвал муниципалитеты принять меры против экстремизма // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. 1.06.2007. URL: <http://www.regnum.ru/news/837366.html>

³ Вновь об убийстве ставропольского студента Гелани Атаева // За права человека. Общероссийское общественное движение. 4.06.2007 [Электронный ресурс]. URL <http://zaprava.ru/content/view/915>

¹ См. об этом: *Иванова Настасья*. В режиме ручного управления // ВН. 2013. № 15.

и Павла Блохина. Обоим молодым людям перерезали горло.

Расследование убийства студентов было передано в прокуратуру Ставропольского края, при этом в краевом ГУВД предположили, что преступление «может быть косвенно связано» с дракой 24 мая⁴. В тот же день, когда стало ясно, что обстановка накаляется, ГУВД изменило точку зрения, заявив, что студентов убили ради того, чтобы похитить их сотовые телефоны⁵. Тем временем в городе прошел стихийный сход. Около 300–400 молодых русских жителей собрались в центре города у памятника генералу Ермолову для обсуждения произошедшего. К митингующим присоединились казаки⁶. Участники схода потребовали отставки сотрудников краевой администрации, отвечающих за безопасность жителей⁷.

5 июня напротив здания краевого правительства прошел еще один сход, собравший до тысячи человек. Его участники настаивали на том, чтобы «власти сообщили им правду» о происходящем, «а не то, что говорят СМИ». К ним вышли мэр Дмитрий Кузьмин, исполняющий обязанности вице-губернатора края Анатолий Воропаев и руководство комитета по делам национальностей при краевом правительстве.

⁴ На пороге Медакадемии зарезали двух студентов // Новые известия. 3.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newizv.ru/lenta/70292>

⁵ ГУВД отрицает национальный мотив убийства студентов в Ставрополе // Кавказский узел. 3.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/115726>

⁶ В Ставрополе найдены тела двух убитых студентов // Кавказский узел. 3.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/115706>

⁷ ГУВД отрицает национальный мотив убийства студентов в Ставрополе // Кавказский узел. 3.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/115726>

Воропаев предложил организаторам митинга назначить место и время для переговоров. Кузьмин предложил продолжить переговоры в администрации⁸.

Лишь 5 июня власти решили напрямую поговорить с жителями. Еще во время событий в Новоалександровске факт беспорядков отрицался⁹. Но уже 1 июня, когда беспорядки произошли в краевой столице, губернатор Александр Черногоров признал, что «Новоалександровск будоражило несколько недель». Тогда же Черногоров потребовал от глав муниципалитетов принять меры по противодействию экстремизму, поскольку в Ставропольском крае «подобные происшествия», «возникающие на бытовой основе», «нередко перерастают в массовые столкновения людей разных национальностей». Местные власти теперь должны были докладывать ему о взрывоопасных ситуациях для того, чтобы можно было принять «упреждающие меры»¹⁰.

3 июня на экстренном заседании городского Совета по общественной безопасности Ставрополя его участники пришли к выводу, что обстановка требует принятия экстренных мер с целью «недопущения экстремистских проявлений». Было решено проверить весь город для поиска подозрительных лиц и предметов, взять под контроль иногородних студентов, проверять подозрительный автотранспорт, въезжающий в город, установить в гостиницах пропускной режим, ограничить время

⁸ В центре Ставрополя проходит несанкционированный «славянский сход» // Lenta.ru. 6.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2007/06/05/stavropol>

⁹ *Кашин О.* Почему Новоалександровск не стал Кондопогой // Эксперт. № 549 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2007/08/novoalexandrovsk>

¹⁰ Губернатор Ставрополя призвал муниципалитеты принять меры против экстремизма // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. 1.06.2007. URL: <http://www.regnum.ru/news/837366.html>

работы развлекательных учреждений и парков, а в администрации установить круглосуточное дежурство. По всей видимости, руководство Ставрополя опасалось прибытия националистов из других городов¹¹. 5 июня, когда в городе проходил многолюдный сход, появилась информация, что Ставрополь намерены посетить директор ФСБ России Николай Патрушев и министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев¹².

Тем не менее краевая милиция отнеслась к участникам митингов относительно лояльно. По словам главы милиции общественной безопасности ГУВД Виктора Янина, молодые люди устали от слухов о межнациональных драках и убийствах, и одобрительно отозвался о желании молодежи вступить в народную дружину. Наконец, к изумлению московских корреспондентов, Янин заметил, что лозунг «Слава России!», который выкрикивали участники схода, «националистического характера не имеет»¹³. Впрочем, 51 участник акции все же был задержан.

Ни Патрушев, ни Нургалиев до Ставрополя, ситуацию в котором местные власти, как было уже очевидно, уверенно контролировали, так и не доехали, хотя министр внутренних дел и оказался в непосредственной близости от угрожающего взорваться, с точки зрения Москвы, региона. 6 июня глава МВД заявил в Махачкале, что он исключает этническую версию убийства русских студентов.

8 июня 2007 г. власти города заявили, что убийца студентов-ставропольцев

найден, и это один из задержанных участников схода 5 июня Андрей Кейлин. Однако уже 16 сентября молодой человек был полностью оправдан и освобожден. Убийца Виктора Чагина и Павла Блохина так и не нашли — как и виновников смерти Гелани Атаева.

Гастарбайтеры исчезают и возвращаются

Благодаря меняющейся конъюнктуре в поле зрения общества также попали два конфликта в Московской области, случившиеся в 2008 и 2010 гг. Свою роль здесь, очевидно, сыграла и географическая близость Подмосковья к столичным редакциям. Однако эти случаи также продемонстрировали, что миграция из Средней Азии грозит принести Кондопогу к самым стенам Москвы.

В поселке Лунево Солнечногорского района Подмосковья в ночь на 14 сентября 2008 г. двое узбекских строителей зашли в местный магазин, где поссорились с местной продавщицей. За женщину вступились трое местных жителей, конфликт перерос в драку. Мигранты на подмогу вызвали около 20 своих земляков, драка продолжилась, ее итогом стали две смерти — 29-летнего Сергея Катышева и 28-летнего Владимира Сошенко. Один из местных жителей, 20-летний молодой человек, попал в реанимацию. СМИ сообщали о том, что всего были ранены семеро луневцев¹⁴.

26 октября 2010 г. конфликт с гастарбайтерами произошел в Хотьково Сергиево-Посадского района. Два таджика, гулявшие в сквере, начали оскорблять группу молодых жителей поселка, называя их «русскими свиньями» и «русскими чурками» (именно эту версию поддержало следствие). Потом мигранты набросились на хотьковцев с но-

¹¹ В Ставрополе принимаются экстренные меры безопасности // Информационное агентство REGNUM. 4.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/837831.html>

¹² В центре Ставрополя проходит несанкционированный «славянский сход»...

¹³ Лафинцева А. Ставропольский ОМОН защитил кавказцев // Коммерсантъ. 5.06.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/771882>

¹⁴ Швафев А. Лунево: в ожидании взрыва // Информационное агентство «Росбалт». 16.09.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2008/09/16/524338.html>

жами. 27-летний Павел Капралов погиб на месте, его 30-летний друг с ножевым ранением поясничной области был доставлен в больницу. Еще один молодой человек получил незначительные телесные повреждения.

В обоих поселках ко времени конфликтов сложилась неблагоприятная обстановка с миграцией. Лунево Солнечногорского района Московской области в 2000-х гг. наводнили нелегальные мигранты из Узбекистана. Основным центром притяжения гастарбайтеров стала местная птицефабрика (66 рабочих мест к 2008 г.)¹⁵, граждане Узбекистана работали также на стройках и других предприятиях. Конечно, невозможно сказать, сколько точно нелегалов ко времени конфликта проживало в Лунево, однако сколько-нибудь значительный их приток должен был вызвать серьезное напряжение, учитывая крохотные размеры поселка — 3288 жителей в 2008 г.

В Хотьково (21 678 человек на 2013 г.) в 2010 г. официально было лишь 280 приезжих из Таджикистана и Узбекистана¹⁶, однако рейды ФМС с завидной регулярностью выявляли и продолжают выявлять нелегальных мигрантов. Лишь на сходе жителей в 2010 г. начальник ГУВД Владимир Кузьминов озвучил более правдоподобные данные, заявив, что в поселке приезжих — не меньше полутора тысяч. Но и это число вызвало скепсис у хотьковцев. По их словам, только в каждом из двух обще-

житий в центре поселка проживали по 200 человек¹⁷.

О своих претензиях к мигрантам жители Хотькова заявили в сентябре 2010 г. на народном сходе. Гастарбайтерам поставили в вину демпинг на рынке труда, криминал и вызывающее поведение¹⁸. Возможно, выдавливание трудоспособного населения с местного рынка труда имело место и в Лунево — к 2006 г. лишь 69% трудоспособного населения имело работу на территории Луневского сельского поселения¹⁹. Луневцы также жаловались на конфликтное поведение приезжих (с ними происходили регулярные драки) и нарушение порядка. Эта информация не попала в официальные СМИ, но была распространена на ресурсах националистов²⁰.

Жители поселков отреагировали на произошедшее по-разному. В ответ на двойное убийство луневцы решили самостоятельно выселить азиатов с территории Солнечногорского района и даже успели разгромить одно из мест компактного проживания нескольких десятков узбеков, которое находилось рядом с поселком. Для усмирения сельчан в Лунево был переброшен ОМОН, однако ни один из местных жителей задержан не был²¹.

Хотя милиция задержала около

¹⁵ Программа социально-экономического развития муниципального образования сельского поселения Луневского Солнечногорского муниципального района Московской области на 2008–2010 гг. и на период до 2012 года // Официальный сайт администрации муниципального образования сельское поселение Луневское [Электронный ресурс].

¹⁶ Демченко В. После изгнания мигрантов из Хотькова их стало там вдвое больше // Комсомольская правда. 31.07.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26113.1/3008161>

¹⁷ Туманов Г. В Подмосковье выросла Кондопога // Газета.ru. 16.11.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2010/11/15/3437954.shtml>

¹⁸ Митинг в Хотькове 4 ноября // Хотьково в сети. 6.11.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://hotkovo.net.ru/main.php?id=446>

¹⁹ Программа социально-экономического развития муниципального образования сельского поселения Луневского...

²⁰ См., напр.: Подмосковье, Лунево: иногородцы убивают 2 русских парней // <http://man-with-dogs.livejournal.com/447792.html>

²¹ Шварев А. Лунево: в ожидании взрыва // Информационное агентство «Росбалт». 16.09.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2008/09/16/524338.html>

20 участвовавших в драке гастарбайтеров, изъяв у них ножи и металлическую арматуру, арестован был лишь один мигрант, которому и было предъявлено обвинение в убийстве по статье 105 части 2 УК РФ. В сентябре 2009 г. этот единственный обвиняемый был приговорен к 7 годам лишения свободы в колонии строгого режима²².

В Хотьково спустя неделю после убийства, 4 ноября 2010 г., прошел митинг, который закончился перекрытием автомобильной дороги. Участники акции требовали выселить мигрантов, угрожая в противном случае устроить самосуд. На следующий день созданная на митинге инициативная группа встретила администрацию города и главой местной полиции, которому передала список адресов, где живут уроженцы Таджикистана и Узбекистана. Тем временем практически все гастарбайтеры были вывезены из города. 15 ноября прошел еще один народный сход, на котором руководство города отчиталось о выполнении требований жителей поселка. Мэр Рита Тихомирова пообещала жителям сохранять курс на «самоочищение города». Ситуацией в городе заинтересовались члены Общественной палаты.

Следственный комитет России по Московской области уже 2 ноября заявил об аресте подозреваемых и предъявлении им обвинения по п. «л» ч. 2 ст. 105 (убийство), ч. 3 ст. 30 «а», «л», ч. 2 ст. 105 (покушение на убийство), п. «б» ч. 2 ст. 116 (побои) УК РФ. В декабре 2011 г. один из обвиняемых был приговорен к 9,5 года колонии строгого режима. О приговоре другому подсудимому так и не сообщалось²³.

²² Виновника беспорядков в Лунево отправили за решетку // Солнечногорск.com. 23.09.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.solnechnogorsk.com/main/340-vinovnika-besporjadkov-v-lunevo-otpravili-za.html>

²³ Уроженца Таджикистана, убившего в Хотьково Павла Капралова, суд приговорил

Несмотря на обещания властей, мигранты из Хотькова не исчезли. Их официальное число к 2011 г. даже увеличилось до 320²⁴. Более того, 15 ноября 2011 г. жители собирались провести новый сход, чтобы потребовать повторного выселения нелегалов, а также наказать виновных прошлогодного убийства²⁵. Но акция не состоялась — поселок весь день митинга усиленно патрулировался полицией, и хотьковцы не решились на еще одно протестное собрание²⁶.

* * *

Ставрополь и два поселка Московской области, как ни странно, оказались похожи. Ни в одном из этих мест не удалось добиться даже видимости адекватного наказания для преступников. На Ставрополье виновных в убийстве русских студентов (как и чеченского учащегося) не нашли вообще. Сомнительно, чтобы только один человек был виновен в луневском преступлении, и вызывает подозрение отсутствие информации о втором обвиняемом в хотьковском убийстве. И ни сходы, ни даже погромы не смогли серьезно снизить этническую напряженность там, где число мигрантов оказалось слишком большим.

к 9,5 года лишения свободы // Информационное агентство Сергиева Посада. 17.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://iaposad.info/urozhenca-tadzhikistana-ubivshego-v-hotkovovo-pavla-kapralova-sud-prigovoril-k-9-5-godam-lisheniya-svobody>

²⁴ Демченко В. Указ. соч.

²⁵ Жители Хотькова опять митингуют против нелегальных мигрантов // Информационное агентство Сергиева Посада. 7.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://iaposad.info/zhiteli-hotkovovo-opyat-mitinguyut-protiv-nelegalnyx-migrantov>

²⁶ «На митинг не пойду — я жить хочу» // Информационное агентство Сергиева Посада. 16.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://iaposad.info/na-miting-ne-pojdu-ya-zhit-xochu/>

СТАНИСЛАВ СМАГИН

ВИНОВНЫЕ НАЦИИ

КОНЦЕПТ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ВИНЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Вряд ли в мировой истории существует большое количество сюжетов, изученных тщательнее, чем перипетии российско-германских отношений и поразительное сходство судеб двух великих (на наш взгляд, самых великих) европейских наций. Однако даже в самой, казалось бы, основательно разработанной теме всегда можно найти «белые пятна», причём такие, исследование которых на поверку может принести заметную пользу в формировании теоретической и практической базы конкретной дисциплины. В нашем случае речь идёт о так называемом «чувстве национальной вины».

Сопоставив значительное количество фактов, мы пришли к выводу о заметном сходстве между теориями о «России — тюрьме народов», «России — жандарме Европы», «вековой неполноценности и отсталости русского народа», которые идеологи ВКП(б) проповедовали в 20–30-е годы прошлого века, и догматом так называемой «немецкой вины», культивируемым в Германии как на официальном, так и на неофициальном уровне на протяжении уже сорока с лишним лет.

Период прагматического подхода большевиков к русскому национальному дискурсу (1917–1922)

Нужно сказать, что к моменту появления в конце XIX в. на российской политической сцене В.И. Ульянова-Ленина «чувство вины» в разных его проявлениях и тезис о необходимо-

сти поражения царского правительства в войне ради прогресса страны уже вполне закрепились в умах многих представителей интеллигенции и были апробированы событиями 1853–1856 и 1863–1864 гг.

Сам Ленин относился к русскому народу весьма скептически и приписывал ему ряд коренных недостатков («истинно русский человек, великоросс-шовинист, в сущности же шовинист и насильник», «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями» и так далее), но в целом считал национальный вопрос второстепенным по сравнению с классовым. Яркий образчик ленинской позиции — знаменитая статья «О национальной гордости великороссов», в которой защита Отечества приравнивается к «защите капиталистов и помещиков этого Отечества», а лучшим проявлением истинной национальной гордости объявляется как раз борьба с ними¹.

В годы Первой мировой войны подобные взгляды были маргинальны не только в среде европейской социал-демократии, но и среди бывших единомышленников Ленина. Тем не менее хоть сколько-нибудь значимой помехой для победы большевистского переворота в октябре 1917 г. этот факт не стал, невзирая на использование антибольшевистской пропагандой факта их «пораженчества» как одного из

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1973. С. 106–108.

свидетельств связей с германским Генеральным штабом.

Однако уже довольно скоро большевики смогли понять, что глобальная их цель, на достижение которой они планировали потратить минимум времени, — а именно всеевропейская, а дальше всемирная коммунистическая революция не является привлекательной для подавляющего большинства русского народа, волей-неволей оказавшегося в авангарде этой революции (причём оказавшегося вопреки мнению самих большевиков, ещё недавно полагавших, что европейский революционный костер первым делом вспыхнет в более развитых и «сознательных» Германии и Австро-Венгрии). Если борьба за свои социальные права, землю, безбедное будущее для себя и своей семьи, за то, чтобы больше винтовку в руки брать точно не приходилось, могла быть признана простым человеком целью, за которую не грех пожертвовать здоровьем, а то и жизнью, то абстрактная «земшарная республика Советов» была абсолютно чужда и непонятна, ещё более чужда, чем «черноморские проливы и славянское единство», за которые под царскими знамёнами воевали предыдущие три с лишним года.

Встал вопрос об обращении, пусть даже временном и вынужденном, к иным идеологическим лозунгам и приоритетам, особенно обострившийся после срыва Брест-Литовских мирных переговоров и начала нового наступления кайзеровской армии. При этом сыграть на патриотических чувствах народа пытались как левые коммунисты, ратовавшие за «революционную войну с Германией» с дальнейшим её перерастанием во всю ту же пресловутую революционную войну уже в масштабах всей Европы, так и умеренные прагматики во главе с Лениным, стремившиеся сохранить путём мира с немцами для начала хотя бы завоевания российской революции; естественно, делали они это по-разному.

Например, один из лидеров «левых»

Н.И. Бухарин утверждал, что массы, почувствовав на личном опыте всю тяжесть немецкой оккупации, начнут настоящую «священную войну» против захватчиков². Ему вторил А.С. Бубнов, призывавший сделать ставку на партизанское движение крестьян и «приобщать эту крестьянскую полупролетарскую массу к рабочим, борющимся против мирового империализма»³. Несмотря на всё ещё декларируемый приоритет «борьбы с германским и мировым империализмом», завуалированное признание неполной состоятельности предыдущих интернационалистских заявлений о том, что вражеские солдаты — такие же рабочие и крестьяне и стрелять в них негоже, налицо.

Сторонники Ленина же обращали внимание на несоответствие войны коренным интересам русской революции и русского народа. В заявлении Совнаркома от 24 ноября 1917 г. говорилось о недопустимом вмешательстве Антанты во внутреннюю жизнь страны, а также попытке путём угроз заставить русский народ продолжить войну во исполнение старых договоров, отвергнутых революцией, поскольку они были заключены за его спиной в угоду эксплуататорам России и союзным странам⁴, а резолюция III Всероссийского съезда Советов (23–31 января 1918 г.) провозглашала «снова перед лицом всего мира стремление русского народа к немедленному прекращению войны», поручая своей делегации на брест-литовских переговорах «отстаивать принципы мира на основе программы русской революции»⁵. И.В. Сталин же и вовсе почти за год

² Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчёт. М., 1962. С. 107.

³ Там же. С. 52.

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1957. С. 23–24.

⁵ Блинов С. Внешняя политика Советской России: первый год пролетарской диктатуры. М., 1973. С. 131.

до этого в статье «О Советах рабочих и солдатских депутатов» писал: «Солдаты! Организуйтесь в свои союзы и собирайтесь вокруг русского народа, единственного верного союзника русской революционной армии!»⁶.

В соответствии с моментом менялся и общий смысл лозунгов — декрет-воззвание от 22 февраля 1918 г. был озаглавлен «Социалистическое Отечество в опасности!», и содержание наглядной агитации — так, на одном из плакатов Л.Д. Троцкий был изображен в образе Георгия Победоносца, поражающего копьём змея, символизирующего врагов советской России. Патриотическая фразеология использовалась и позже, когда на смену германским интервентам пришла Антанта. Дадим слово Михаилу Агурскому — видному и, пожалуй, самому авторитетному исследователю феномена симбиоза большевистских и национал-патриотических идей, получившего название национал-большевизма:

«Один из организаторов партизанской борьбы на Дальнем Востоке, Петр Парфенов, впоследствии председатель Госплана РСФСР, утверждал, что “военные действия партизан на Дальнем Востоке носили характер «русско-японской» войны!”

Давление национальной среды, узость социальной базы привели к тому, что большевики стали довольно рано использовать русские национальные настроения в политических целях. В марте 1919 г. в Одессе, например, расклеивались прокламации, призывающие русских бороться с французами. “Как вам не стыдно идти вместе с французами? — говорилось в одной из таких прокламаций. — Разве вы забыли 12-й год?”⁷.

Подобное обращение к патриотическим идеям играло немалую роль в ре-

шении большевиками проблемы привлечения на свою сторону кадрового офицерства и генералитета русской армии (наряду, безусловно, с материальным стимулированием и грубым принуждением). Генерал М.Д. Бонч-Бруевич, один из первых перешедший на сторону новой власти, вспоминал в своих записках о том, как ему удалось привлечь к сотрудничеству многих бывших коллег, совершенно не разделявших большевистских взглядов, но тем не менее считавших необходимым организовать отпор агрессивным поползновениям Германии и её союзниц⁸.

Большинство из новоиспечённых «военспецов» воспринимали советскую власть как меньшее зло по сравнению с белым движением, проповедовавшим либо принцип «непредрешенчества» (выявления принципов общественно-государственного устройства России только после победы в Гражданской войне), либо и вовсе ненавистные либеральные идеи образца Февральской революции; многие из них в душе оставались убеждёнными монархистами. К числу таковых можно было отнести А.Н. Одинцова, В.М. Альтфатера, Н.Н. Петина, А.А. Свечина, который в свою очередь полагал, что другой перешедший на службу к большевикам генерал — А.М. Зайончковский «по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х гг., восьмидесятника с головы до ног, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»⁹.

Высшая точка патриотического подъёма пришлось на время советско-польской войны 1920 г., которая не без основания рассматривалась зна-

⁸ Бонч-Бруевич М. Вся власть Советам. М., 1958. С. 228, 273.

⁹ Вегасов Ф. Россия и Запад. Советская военная элита 20–30-х и Запад // www.pseudology.org/information/Russia_and_West/gl03–3.htm

⁶ Сталин И. О Советах рабочих и солдатских депутатов // Правда. 14 марта 1917.

⁷ Агурский М. Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 20.

чительной частью общества как война отечественная и к тому же против многовекового исторического соперника России (от себя замечу, что, на мой взгляд, она была таковой ровно до перехода «линии Керзона» и провозглашения целью кампании советизацию Польши, а лозунгом — «даёшь Варшаву, даёшь Берлин!»). Даже великий князь Александр Михайлович написал позже в своих мемуарах, что в те дни сочувствовал Красной армии и желал Будённому разбить «исконных врагов России» — поляков под руководством Пилсудского¹⁰.

18 мая 1920 г. в редакционной статье возглавляемых им «Известий» Ю.М. Стеклов-Нахамкес, до той поры не замеченный в апелляциях к национальным чувствам русского народа, написал: *«Народ, на который нападают, начинает защищаться. Когда посягают на его святая святых, он чувствует, что в нём просыпается национальное сознание. Даже у черносотенца дрогнет преступная рука, когда ему придётся направить её против своей страны».*

За две недели до этого было опубликовано воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», составленное одним из самых авторитетных русских военачальников А.А. Брусиловым и подписанное генералами А.А. Поливановым, А.М. Зайончковским, В.Н. Клембовским, Д.П. Парским, А.Е. Гутором, в котором предлагалось «забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогу нам Россию».

Процесс этот продолжился и позднее, уже после войны с поляками — достаточно вспомнить эпопею с возвращением из эмиграции бывшего начальника штаба П.Н. Врангеля генерала Я.А. Слащева, ранее считавшегося одной из самых одиозных фигур белого движения и характеризовавшегося советской пропагандой исключительно как «вешатель».

Конечно, было бы неверно ограничивать рамки нашего рассказа исключительно взаимоотношениями большевиков с офицерством и генералитетом — представители гражданской элиты шли на компромисс с новой властью ничуть не реже. Так, из тридцати пяти министров трёх созывов Временного правительства шестнадцать — то есть почти половина — в 20-е годы в том или ином статусе служили в советских учреждениях в России либо за её пределами (например, бывший министр продовольствия А.В. Пешехонов, проживая в Риге, работал консультантом советского торгпредства), что уж говорить о чиновниках и специалистах среднего и низшего звена. Все эти факты не были *прямыми следствиями* нового, «красного» этапа русского патриотизма, однако являлись важными *причинами* его дальнейшего развития и в целом свидетельствовали о вынужденном обращении большевиков ко многому из того, что составляло основу старой России.

Не было ничего удивительного в том, что «старорежимные настроения» в таких условиях проникали и в среду самих большевиков, заставив на X съезде партии делегата от Украины В.П. Затонского жаловаться: «Национальное движение выросло также и в Центральной России, и именно тот факт, что Россия стала первой на путь революции, что Россия из колонии, фактической колонии Западной Европы превратилась в центр мирового движения, этот факт исполнил гордостью сердца всех тех, кто был связан с этой русской революцией, и создался свое-

¹⁰ Романов А. Мемуары великого князя. М., 2004. С. 177.

го рода русский красный патриотизм. И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских»¹¹.

Порой красный патриотизм даже перерастал в красный шовинизм — так, во время подавления крестьянского восстания в Башкирии в 1920 г. каратели действовали под лозунгом «смерть башкирам»¹², а в ходе гражданской войны на Украине красноармейцы не раз организовывали еврейские погромы (пусть и реже, чем их оппоненты из белого лагеря)¹³.

Подводя итоги анализа событий 1918–1922 гг., можно сказать, что именно тогда, а не в 30-х годах, как считает большинство исследователей, состоялся первый опыт использования большевиками идей русского патриотизма в своих политических целях.

Формирование культа русской «национальной вины» (1920–1930-е гг.)

Резкая смена ориентиров в политике ВКП(б) относительно «русского вопроса» начинает проследиваться со второй половины 1922 г., когда темой номер один повестки дня становится форма государственного устройства будущего союза России, Белоруссии, Украины и закавказских республик. В итоге ленинский проект объединения на паритетных началах, в котором Россия являлась всего лишь одной из равноправных составляющих частей,

взял верх над предложением Сталина о включении в РСФСР прочих субъектов на правах автономий. Это во многом определило ход дискуссии о роли национальностей в новом Союзе и борьбе с разного рода проявлениями национализма на XII съезде партии, прошедшем в Москве в 1923 г.

Не то что о национализме, но просто о русском патриотизме с трибуны съезда не было произнесено практически ни одного доброго слова, но радикализм ораторов несколько различался. Сталин, например, высказавшись за беспощадную борьбу против национализма русского, предлагал не забывать, что аналогичные явления существуют и в других республиках и что «если бы великорусского шовинизма не было, то, может быть, и шовинизм местный, как ответ на шовинизм великорусский, существовал бы, так сказать, в минимальном, в миниатюрном виде»¹⁴. Более воинственно был настроен Г.Е. Зиновьев: «У нас есть шовинизм великорусский с самым опасным значением, имеющим за собой 300 лет монархии и империалистическую политику, то есть всю ту иностранную политику царизма, о которой ещё Энгельс в 1890 году писал, что “всякий, кто в этом отношении сделает хоть малейшую уступку шовинизму, неизбежно подаст руку царизму”»¹⁵.

Наиболее же знаковым стало выступление Бухарина, провозгласившего: «Нельзя даже подходить здесь с точки зрения равенства наций, и т. Ленин неоднократно это доказывал. Наоборот, мы должны сказать, что мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой

¹¹ Агурский М. Указ. соч. С. 157.

¹² Кульшарипов М. Этнодемография башкир в XX столетии: проблемы и суждения // Демография башкирского народа: прошлое и настоящее. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной II Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2002. С. 27.

¹³ Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 438–494.

¹⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 494–495.

¹⁵ Там же. С. 602–603.

политике, идя наперерез, только при такой политике, когда мы себя [то есть русских] искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»¹⁶.

Таким образом, Ленин и Бухарин с полным правом могут считаться если не единственными, то, по крайней мере, наиболее заметными отцами-основателями новой вариации доктрины о «русской вине» — вине русского народа за политику царизма в отношении других народов Российской империи и подавление свобод в других европейских странах (тут, правда, вину с русским народом уже разделяли его предыдущие «жертвы»), а также о необходимости эти грехи денно и нощно искупать; на долгие годы эта доктрина фактически становится государственной.

В первую очередь новые веяния сказались на топонимическом облике страны — в национальных автономиях началось переименование городов, носивших русские названия: так, город Верный стал Алма-Атой, Петровск — Порт-Махачкалой, Верхнеудинск — Улан-Удэ, Усть-Сысольск — Сыктывкар, а Царевкококшайск — Йошкар-Олой. Изменение же названий менее значимых населённых пунктов, равно как и улиц, проспектов, дорог, предприятий и культурных учреждений, имело и вовсе массовый характер.

Активно идёт борьба с любыми проявлениями русских национальных мотивов или даже слабых намёков на них в литературе и искусстве. В речи на XXIV ленинградской губпартконференции Бухарин заявил, что сменовеховское влияние «ясно сказалось в нашей литературе. Очень значительная ее часть в настоящее время прямо вопит на “истинно русский” лад... Когда наша активность на этом фрон-

те недостаточна, когда маленькая сменовеховско-российская фигурка начинает кричать излишне громким голосом, тогда, извините, не обратитесь на это внимание мы не можем. Тут нам надо подтянуться. Я, может быть, взяв это в слишком резких чертах, но перехлестывание таких националистических мотивов в литературе, несомненно, налицо»¹⁷.

В январе 1927 г. на страницах «Правды» в материале под названием «Злые заметки» он же подверг резкой критике следующие строки поэта Павла Дружинина о «Руси чудесной», где «в каждой хате есть царевна и в каждой улице дурак». Бухарин язвительно отметил, что правоту автора можно признать лишь в части изобилия дураков, но вовсе не царевен, «которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век».

Объектом же особого возмущения Бухарина стала поэзия уже покойного на тот момент Сергея Есенина: «Это уже не только “национальная ограниченность”, это просто-напросто шовинистическое “свинство” и “юродство”, которое входит как составная часть в совокупную идеологию новейшего национализма “а ля мужик русс”... *Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”*... обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще». Раздражение Бухарина вызвал тот факт, что идеологи буржуазной национальной гордости, идеологи «квасного патриотизма» гнут свою линию, «национализируя» советскую литературу, а «некоторые простачки им подсвистывают»¹⁸.

Аналогичные обвинения выдвигались в адрес друга и единомышленника Есенина Николая Клюева — он, наряду с некоторыми другими поэтами,

¹⁶ Там же. С. 613.

¹⁷ Агурский М. Указ. соч. С. 177.

¹⁸ Бухарин Н. Злые заметки // Правда. 12 января 1927.

определялся как проповедник «бесклассового национал-патриотизма и противопоставление интернационалистским пролетарским течениям»¹⁹. С подобных позиций был раскритикован и выход альманаха «Русский современник»: «Самое название журнала подчеркивает его националистический уклон. “Русский современник”! Не говоря уже о термине “пролетарский” (этого никто и не требует!) Хотя бы поставили “Советский”, наконец “Российский”. Нет, именно русский!»²⁰.

В ещё более резких выражениях оценивали деятелей дореволюционной русской культуры — вот что говорил на одной из армейских партконференций (причём ещё в июле 1921 г., то есть в пору более-менее лояльного отношения к русской национальной идее) Всеволод Вишневский: «Старая культура была фактически насквозь пропитана буржуазным духом». Свою точку зрения он мотивировал тем, что «Пушкин был камер-юнкером, гордившимся своим дворянством, не признавал никаких революций и, следовательно, являлся контрреволюционером; Лермонтов — аристократ в полном смысле этого слова; Некрасов — помещик; Толстой — граф, писавший неплохо, но в основном о дворянах, для которых слово народ было ругательным; Чехов — певец мещанского упадничества, а Кольцов — кулачества; Глинка — помещик и обладатель собственного оркестра из крепостных; Римский-Корсаков — придворный капельмейстер; музыка Чайковского полна пессимизма и безысходности, непонятна и чужда рабочему классу»²¹.

Историческая наука также не избежала участи заложницы новых тенденций. Ведущим её теоретиком в СССР тех лет был М.Н. Покровский, автор учебника «Русская история в самом сжатом очерке», на страни-

цах которого он заявлял: «В прошлом мы, русские — я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, — в прошлом мы, русские, были величайшие из грабителей, каких можно себе представить». На I конференции историков-марксистов он назвал термин «русская история» контрреволюционным термином «одного издания с трёхцветным флагом и “единой неделимой”»²². В этом же выступлении прозвучал призыв отказаться от термина «русская история» вообще: «У нас была секция “народов СССР”. С равным правом можно организовать и секцию “народов РСФСР”, ибо история казанских и крымских татар, казаков или якутов не есть “русская” история или часть последней — как история Индии, Южной Африки или Австралии не есть часть истории Англии. История угнетённых народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя, но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей»²³.

В статье, написанной за несколько лет до этого и приуроченной к десятилетию Октябрьской революции, Покровский утверждал, что в СССР «болезнью патриотизма» «вместо миллионов, как это было в Западной Европе» и «вместо сотен тысяч», как в России до октября 1917 г., «хворают только единицы». Доказательством этого было объявлено полное равнодушие пролетариата к потере значительных территорий бывшей Российской империи по условиям Брестского мира; пролетариат не стал проливать свою кровь для защиты «географического отечества», а поставил классовые интересы выше «национальной географии»²⁴.

Вся история страны до 1917 г. рисо-

²² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. 9.

²³ Там же.

²⁴ Вдовин А. Подлинная история русских. XX век. М., 2010. С. 21.

¹⁹ Национальная книга. 1931. № 5. С. 45.

²⁰ Большевик. 1924. № 5–6.

²¹ Литературная Россия. 7 июля 1995.

валась в самых чёрных красках и представлялась исключительно угнетением народов России и подавлением восставших европейских свободолюбцев. Соответственно, все русские национальные герои (даже выходцы из народа, такие как Сусанин), полководцы и флотоводцы, не говоря уже о царях, объявлялись персонажами исключительно отрицательными, равно как и дружественные России деятели других народов империи — так, Богдана Хмельницкого Большая советская энциклопедия первого издания наградила ярлыком «Предатель и ярый враг восставшего украинского крестьянства... Переговоры с Москвой тянулись три года и завершились в 1654 году известным Переяславским договором, который знаменовал собою союз украинских феодалов с русскими и по существу юридически оформил начало колониального господства России над Украиной».

Из названия Отечественной войны 1812 г. теоретики школы Покровского предлагали изъять термин «отечественная», так как это «русское националистическое название войны», а «затяжали её русские помещики», «вооруженные же чем попало русские мужики» исключительно защищали собственное имущество безо всяких патриотических помыслов. Победа России явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции, привела к укреплению крепостничества и отлучила Россию от европейской жизни, планы же Наполеона оказались слишком прогрессивными для своего времени²⁵; впрочем, эти мысли не были абсолютно новым явлением, в роли их глашатая в частности выступал Смердяков в «Братьях Карамазовых».

В штыки была воспринята и достаточно мягкая попытка выдающегося историка Е.В. Тарле в своих трудах возложить основную ответственность за развязывание Первой мировой

(или «империалистической», как тогда было принято говорить) войны на Германию и её союзников — главным и едва ли не единственным виновником надлежало считать даже не Антанту в целом, но исключительно Россию.

Известный советский философ М.А. Лифшиц с горечью писал о тех годах: «Одной из распространенных социологических банальностей этого времени было абстрактное отрицание национальной традиции во имя классовой борьбы. В своем стремлении перевернуть вверх дном официальную историю старого времени *sociologus vulgaris* строил фальшивые исторические конструкции. Князь Курбский, Лжедмитрий, Мазепа — всякий, кто воевал против Москвы и Петербурга в союзе с иностранцами, стал для него предшественником русской революции»²⁶.

Соответствующим образом обращались и с памятниками — были превращены в фундамент для компрессоров могилы героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, взорваны вместе с нижегородским храмом останки Кузьмы Минина, демонтированы надгробия Дмитрия Пожарского и генерала Раевского на Бородинском поле, переплавлена Колонна Славы, составленная из 140 стволов пушек в честь победы под Плевной; на стену монастыря, построенного на месте гибели одного из героев 1812 г. генерала А.А. Тучкова, была нанесена огромная надпись: «Довольно хранить остатки рабского прошлого»²⁷. Высказывалось мнение о необходимости переименования Русского музея, так как данное название является «пережитком великодержавной эпохи»²⁸.

Самой же наглядной иллюстраци-

²⁶ Лифшиц М. Собр. соч. Т. 1. М., 1984. С. 33.

²⁷ Вдовин А. Указ. соч. С. 25.

²⁸ Маторин Н. Современный этап и задачи этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2.

²⁵ Там же. С. 23.

ей тогдашних настроений стоит, наверное, признать разработывавшийся в течение нескольких лет под патронажем А.В. Луначарского — на тот момент наркома просвещения — проект перехода русского письменного языка с кириллицы на латинский алфавит, ввиду якобы большей прогрессивности последнего (при этом алфавиты малых народов страны, доселе своей письменности не имевших, и так создавались на основе латиницы).

Изучение политики большевиков в «русском вопросе» с момента образования СССР и до конца 20-х гг. наводит нас на мысль о том, что произошло не просто локальное переключение кнопок на пульте управления идеологией, но, в своём роде, понятийно — феноменологическая революция, пусть во многом и уходящая корнями в события XVIII–XIX вв. Если в годы Гражданской войны большевикам было выгодно представлять понятие «царский режим» исключительно как синоним прежней правящей элиты, интересы которой не имели решительно ничего общего с интересами простого русского народа, то теперь, напротив, «русский народ» стал де-факто олицетворением «царского режима» со всеми вытекающими отсюда последствиями — и подобное сопоставление было уже не уделом маргиналов, а официальной позицией государства. Это привело к внесению на длительный срок самого слова «русский» в список если не запретных, то уж точно крайне предосудительных и несущих отрицательную смысловую нагрузку.

В середине 30-х гг. произошел новый поворот государства к созданию позитивного образа русского народа, его истории, традиций и культуры. Затем, с 50-х и до самого распада СССР, русская тематика была не то чтобы запрещена, но вытеснена на второй план, предпочтение в идеологическом строительстве оказывалось советской или же и вовсе общечеловеческой идентичности. Все эти процессы, включая

знаменитое противоборство почвеннических и либеральных журналов, уже не раз были исследованы авторами «Вопросов национализма». Поэтому перейдем ко второй части нашего анализа и обратимся к германскому опыту.

Концепт «национальной вины» в Восточной Германии в 1945–1990 гг. (политика «нулевого варианта»)

После окончания Второй мировой войны Компартия Германии, переименованная к тому моменту в Социалистическую единую партию Германии, начала в советской оккупационной зоне осуществлять идею «немецкого национального государства». Это было вполне закономерно в условиях образовавшегося вакуума идей: антинацизм был популярен, но сам по себе не созидателен, социализм безусловной поддержкой населения не пользовался, здоровый же национал-патриотизм вполне мог вдохновить широкие людские массы.

Руководство СЕПГ решило объявить Восточную Германию своеобразной *tabula rasa*, и лозунг о «первом на немецкой земле государстве рабочих и крестьян» был не случаен, так как декларировал полный разрыв преемственности с реакционными традициями прежних режимов и отсутствие ответственности за их деяния. При этом даже денацификация не мешала привлекать к сотрудничеству значительное количество бывших гитлеровских военных и гражданских функционеров, обладавших серьёзным опытом, необходимым для организации нового административно-политического аппарата. В статье, помещённой в газете «*Neues Deutschland*» 28 февраля 1948 г., Вальтер Ульбрихт прямо заявлял: кто и чем занимался в эпоху правления НСДАП — неважно, важно лишь то, на чьей стороне он сейчас и участвует ли в демократическом строительстве.

Подобная политика проводилась

при полном одобрении Сталина, считавшего её проявлением рационального прагматизма, более того — он сам стал одним из главных её инициаторов. Так, на встрече с В. Пиком, О. Гротеволем и Ульбрихтом 31 января 1947 г. Сталин сам спросил, нельзя ли организовать из бывших нацистов, находящихся в Восточной Германии, новую партию, чтобы «не толкать их к американцам». При этом последовало уточнение: «...Он не имел в виду привлечь бывших фашистов на сторону СЕПГ. Они на это не пойдут. Он, тов. Сталин, говорил о том, чтобы дать им поощрение, позволить организовать свою партию с тем, чтобы эта партия работала в блоке с СЕПГ... Её можно назвать “национал-демократической партией” или как-нибудь иначе, дело не в названии. Но старое название давать не стоит»²⁹.

Партия была основана через год и получила название Национал-демократической партии Германии, причём в первом номере партийной газеты «National Zeitung» сообщалось: «В то время как в других зонах Германии царит атмосфера денацификации, в восточной зоне глаза людей снова озарены светом. Простым партийным товарищам более не приходится быть робкими и пугливо озираться, словно они парии». Как и планировалось, НДПГ была верным сателлитом СЕПГ, объединявшим в своих рядах лояльных новой власти экс-нацистов низшего и среднего ранга и бывших офицеров вермахта.

Впрочем, были бывшие нацисты и в самой СЕПГ — так, унтершарфюрер СС Эрнст Гроссманн, служивший в лагере Заксенхаузен, стал членом ЦК партии, один из руководителей геббельсовской радиопропаганды Хорст Дреслер-Андерс работал там в отделе агитации и пропаганды, а штурмфюрер

СА Вернер Гаст состоял в руководстве Союза журналистов ГДР. При создании в середине 50-х годов восточно-германских вооружённых сил также оказались востребованы военные деятели нацистского режима, пусть и прошедшие через «Свободную Германию»: фельдмаршал Паулюс, генерал-лейтенанты Мюллер и фон Ленски, генерал-майор Корфес, полковник Адам, майор Бехлер; в форме новорожденной Национальной народной армии нашли отражение многие элементы экипировки вермахта, в частности знаки различия и экспериментальные каски образца 1944 г.

Возвращаясь же к теме поощрения Сталиным национальных чувств немцев, отметим, что инициативой по созданию НДПГ дело не ограничилось. Так, в сталинском письме Пику³⁰ по случаю образования ГДР были и такие слова: «*Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения.* Если эти два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным». Как мы видим, Германия признавалась Сталиным достойным уважения соперником, на несправедливый характер войны с её стороны нет и намёка, да и вообще сложно понять, кто же в итоге был победителем, а кто побеждённым.

Умеренный национал-патриотизм, сочетающий в себе социалистическую риторику с традиционным германским консерватизмом и даже элементами пруссачества, на долгие годы стал одной из основных идей в общественной жизни, истории, литературе и культуре ГДР. В список главных положительных событий германской

²⁹ СССР и Германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 2003. С. 244–253.

³⁰ Письмо Сталина президенту ГДР В. Пику // Правда. 14 октября 1949.

истории входили крестьянская война 1524–1526 гг., антинаполеоновское сопротивление, ноябрьская революция 1918 г. и крах Третьего рейха, но в то же время в пантеон славы в компанию к Шарнхорсту, Гнейзенау, Блюхеру, Либкнехту, Люксембург и Тельману постепенно, пусть и с рядом оговорок, были возвращены такие персонажи как Бисмарк и Фридрих II — памятник последнему в середине 80-х был торжественно восстановлен в Берлине на Унтер-ден-Линден.

Нацизм трактовался исключительно как инструмент в руках крупного монополистического капитала и милитаристов, созданный с целью установления выгодного данным кругам реакционного режима и подавления левого движения. Практически не рассматривался вопрос о массовой социальной базе нацистов (за исключением постулата о мелкой буржуазии как главной их электоральной опоре), небольшие масштабы сопротивления Гитлеру в 1933–1945 гг. объяснялись, как правило, массовым террором. Проблему поддержки Гитлера немецким народом поднял Юрген Кучинский в своей монографии «История повседневной жизни немецкого народа, 1918–1945», проследивший связь между массовой безработицей 20-х гг. и приходом к власти НСДАП, обещавшей разрешить существующие в стране социально-экономические проблемы и поначалу действительно эффективно это делавшей; однако в целом эта тема исследовалась мало и неохотно³¹.

Произошёл и отход от тезиса о роли прусских традиций в зарождении нацизма, изложенного историком-коммунистом Абушем в книге «Ложный путь одной нации» (1946) — теперь акцент делался на южно- и западногерманских — в частности баварских —

корнях движения (генезис, происхождение ряда лидеров, региональная принадлежность сочувствующих капиталистов), восточногерманские же земли как бы выводились из-под удара. Это, помимо всего прочего, позволяло лишний раз использовать в пропагандистско-идеологической работе утверждение о том, что ФРГ построена на базе не до конца изжитых нацистских традиций, усугубляемых перенасыщенностью государственных структур бывшими их носителями.

Чтобы подчеркнуть коренную разницу в общественно-политической природе двух Германий, на VIII съезде СЕПГ в июне 1971 г. было объявлено о построении в ГДР «социалистической немецкой нации» как противоположности аналогичной капиталистической по другую сторону Эльбы; это положение было позже зафиксировано в конституции страны образца 1974 г. В таком ключе решался и вопрос об отношении к нацистским репрессиям, направленным против евреев, в Германии и на оккупированных в годы войны территории — ГДР как государство, не имеющее с нацизмом ничего общего ни настоящим, ни историческими традициями, не имел к этой проблеме никакого отношения. Лишь перед самым объединением Германии в 1990 г. было сделано заявление об извинениях восточногерманского правительства перед еврейским народом.

Естественно, что подобный подход распространялся и на культуру и искусство. Главенствующей была тема массового неприятия немецким народом национал-социалистического тоталитаризма, едва ли не всеобщего сопротивления ему и всеобщей же радости после триумфального завершения этой борьбы. Появлялись и произведения, более разносторонне рассказывавшие о бытовой, повседневной жизни в годы гитлеровской диктатуры и о вкладе, внесённом простыми обывателями в её появление (такой, например, была книга Кристи Вольф «Обра-

³¹ Корнева А. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы). Кемерово, 1998. С. 52

зы детства»), но их количество было не слишком велико³².

Как мы видим, для общества и государства в ГДР было характерно отношение к нацизму, выражавшееся в: а) постулировании полной неактуальности его проблематики для республики и её граждан; б) желании представить данное явление как в принципе нехарактерное для немецкого народа, чуждое ему; в) готовности списать все его прегрешения на узкий круг людей и тем самым обосновать готовность к сотрудничеству с нацистами низшего и среднего звена.

Отношение к феномену «национальной вины» в ФРГ 1945–1968 гг.

На протяжении определённого отрезка времени политика западных держав (Англии, США и Франции) в отведённых им зонах оккупации Германии не шла вразрез с буквой и духом принятых в августе 1945 г. на Потсдамской конференции решений, согласно которым немецкий народ должен был в полной мере осознать свой статус побеждённой стороны и нести бремя соответствующих издержек³³. Однако логика приобретающей всё более глубокий характер «холодной войны» постепенно начала диктовать другие правила игры, заставив, в частности, более лояльно относиться к тем, кто верой и правдой служил канувшей в Лету диктатуре. Это вполне совпадало и с чаяниями руководителей нарождавшихся западногерманских государственных структур, озабоченных, как и их коллеги из ГДР, кадровой проблемой, и с желанием простых граждан поскорее забыть о войне и обо всём, что с ней связано.

Наиболее известными из тех, кто

сделал в ФРГ не менее успешную карьеру, чем в Рейхе, были юрист Ханс Глобке, принимавший активнейшее участие в разработке Нюрнбергских «законов» 1935 г., а в Боннской республике в течение десяти лет работавший статс-секретарём в ведомстве федерального канцлера, и бывший командир батальона «Нахтигаль» Теодор Оберлендер, в 1953–1960 гг. возглавлявший министерство по делам изгнанных и покинувший свой пост лишь после того, как суд ГДР заочно приговорил его к смертной казни. Число же чиновников рангом ниже, послужной список которых был отмечен аналогичным дуализмом, исчислялось тысячами, если не десятками тысяч.

В создании западногерманской армии, получившей название «бундесвер», ключевую роль опять-таки сыграли представители офицерского корпуса и генералитета вермахта — Треттнер, Ферч, Хойзингер, фон Шверин, Шпейдель и другие. Надо сказать, что практически сразу после окончания войны у большинства германского общества выработался консенсус относительно места и роли в ней собственных вооружённых сил: немецкие солдаты сражались храбро, в поражении не виноваты, преступлениями себя не запятнали и посему достойны уважения.

Подобного мнения придерживался и федеральный канцлер Конрад Аденауэр, заявивший 3 декабря 1952 г. в бундестаге: «Перед лицом этого высокого собрания я хотел бы от имени федерального правительства заявить, что мы признаем всех носителей оружия нашего народа, достойно боровшихся под знаком высоких солдатских традиций на земле, на воде и в воздухе. Мы убеждены, что хорошая репутация и большие достижения немецкого солдата живут в нашем народе и сохранятся впредь, несмотря на все оскорбления прошлых лет. Нашей общей задачей должно стать — и я уверен, что мы решим ее — соединение мо-

³² ГДР. Из мрака к звёздам: государство в духе антифашизма // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fla7-pr.html>

³³ Тегеран. Ялта. Потсдам: Сборник документов. М., 1971. С. 386–389.

ральных ценностей немецкого солдата с демократией»³⁴.

Такой подход вполне способствовал легитимизации определённого рода преемственности бундесвера по отношению к вермахту. Любого рода возражениям и недоумениям на этот счёт всегда можно было противопоставить доводы, основанные на прагматизме — так, когда Аденауэра на одной из пресс-конференций спросили, действительно ли формирование новой армии будет поручено бывшим гитлеровскими военачальникам, он не без иронии ответил: «Боюсь, что с восемнадцатилетними генералами нас в НАТО не пустят»³⁵.

Большинство из новых союзников по НАТО были противниками Германии в годы войны: так, Шпейделю во время визита в Париж не подал руку де Голль, мотивируя это его неблагоприятной деятельностью во Франции в годы её оккупации, а Ферч, будучи в Норвегии, не смог посетить пострадавший в годы войны от налётов люфтваффе город Буде из-за протестов местных жителей; с другой стороны, Треттнер стал кавалером ордена Почётного легиона и рыцарем-командором Королевского Викторианского ордена, присваиваемого за личными заслуги перед британским монархом.

Безусловно, были и своеобразные ритуалы, призванные подчеркнуть, что нельзя ставить знак равенства между вермахтом и нацизмом — об этом, к примеру, рассказывает в своих мемуарах бывший глава службы военной контрразведки ФРГ Герд-Хельмут Комосса: «Перед набором на офицерскую вакансию каждого соискателя экзаменовали на профпригодность. Принципиальный вопрос, ставившийся каждому кандидату, гласил: “Каково ваше отношение к участникам акции

20 июля 1944 года?” Мнения на этот счёт в моём поколении были ещё очень разными — от измены Родине до осознания необходимости действий после Сталинграда и прежде всего после сражения под Курском в июле 1943 года. Кто не считал, что действия фрондеров 20 июля 1944 года заслуживают безусловного одобрения или по меньшей мере уважения или признания, тому поступление в бундесвер было заказано»³⁶. Впрочем, уже из этого отрывка видно, что даже при наличии официальных инструкций отношение офицерства к памяти о военном антигитлеровском заговоре было отнюдь не однозначным.

Статус ФРГ как правопреемницы довоенной Германии декларировался и по ряду других вопросов, в частности о государственных границах — официальный Бонн не признавал передачу Польше и СССР Силезии и Восточной Пруссии и считал единственно законными границу по состоянию на 1937 г. Не была официально признана и германо-чехословацкая граница — нередко озвучивались претензии на возвращение Судет, причём такие мысли высказывались и некоторыми влиятельными политиками, вроде министра транспорта и по совместительству спикера Судетского немецкого землячества Ганса-Кристофа Зеебома, называвшего Мюнхенское соглашение «юридически безупречным».

Ещё одной характерной иллюстрацией преемственности ранней ФРГ к Третьему рейху стал арест в ноябре 1961 г. в Мюнхене югославского гражданина Лазо Врачарича по обвинению в партизанской борьбе против немецких войск в годы войны; решительные протесты по этому поводу были высказаны как самой Югославией, так и СССР и другими социалистическими странами³⁷.

³⁴ Платошкин Н. Жаркое лето 1953 года в Берлине. М., 2004. С. 112.

³⁵ Безыменский А. Германские генералы: с Гитлером и без него. М., 1964. С. 454.

³⁶ Комосса Х. Немецкая карта. М., 2009. С. 37.

³⁷ Неслыханно! // Правда. 7 ноября 1961.

Большую часть жителей страны вполне устраивал подобный подход, позволявший рассматривать в положительном свете многие аспекты политики Рейха, отрицательные списывать лишь на Гитлера и его сподвижников, а свою собственную жизнь в те годы представлять абсолютно не связанной с происходившими в стране событиями, протекавшей как бы параллельно им. ФРГ, по словам писателя Роберта Кемпнера, охватила «лихорадка пощады» как на бытовом, так и на законодательном уровне — за первое послевоенное десятилетие были проведены две масштабные амнистии в отношении бывших нацистов³⁸. Подобные меры были поддержаны практически всеми заметными политическими силами, включая социал-демократов. Нет ничего удивительного, что в подобных условиях в ходе социологического опроса, проведённого в 1954 г., 42% респондентов не стали скрывать, что наилучшие годы их жизни пришлись как раз на время правления Гитлера³⁹.

Исследования феномена нацизма философами и политологами тех лет тоже, как правило, носили достаточно поверхностный характер, причём определённая половинчатость, неготовность до конца раскрыть табуированные темы присутствовала даже в трудах наиболее антинацистски настроенных авторов. Так, уже в 1946 г. вышли книги «Немецкая катастрофа» Фридриха Майнеке и «Вопрос вины» Карла Ясперса. В них вполне явно прослеживалось искреннее желание найти истинные истоки роковых для Германии событий, но в итоге фактически единственной их первопричиной авторы вслед за Абушем объявляют традиции прусского милитаризма, что вряд ли соответствует действительности.

³⁸ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).

³⁹ Платошкин Н. Указ. соч. С. 37.

Тем не менее даже такой, явно упрощённый подход не нашёл понимания в обществе — осенью 1946 г. Ясперс писал Ханне Арендт о реакции на его лекции (ставшие основой «Вопроса вины») в Гейдельбергском университете: «Мне трудно находиться за кафедрой, когда я вижу перед собой враждебные лица. Лишь после 1937 года я ощущал такой настрой в аудитории, как сегодня»⁴⁰.

Вообще, тема прусских корней нацизма было в те годы достаточно популярна в стране, что вполне объясняет такое нередко встречавшееся явление, как чувство облегчения от раздельного существования Западной Германии и экс-пруссских земель (сам Аденауэр, руководствуясь аналогичными соображениями, ещё в бытность свою бургомистром Кёльна вскоре после Первой мировой войны вынашивал планы создания Рейнской республики).

Популярна была и точка зрения, согласно которой нацизм был лишь ответной реакцией на коммунизм, а несостоявшийся антинацистский альянс социал-демократов и коммунистов и вовсе делает последних едва ли не главными виновниками прихода Гитлера к власти. Личность самого фюрера такими исследователями как Дехио и Хофер объявлялась «демонической», что позволяло отнести все его деяния и вовсе на счёт потусторонних сил. Справедливости ради стоит отметить, что, скажем, известный историк-консерватор Риттер называл нацизм «народной революцией» и считал, что Гитлера «призывали массы», не углубляясь, однако, в причины подобного «призыва»⁴¹.

Не пользовался популярностью вопрос вины и в художественной литературе 40–50-х гг. В произведениях Фритца Веса «Собаки, хотите жить

⁴⁰ Борозняк А. ФРГ: волны исторической памяти // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/boro6.html>

⁴¹ Корнева А. Указ. соч. С. 43.

вечно?» и Генриха Бёлля «Где ты был, Адам?» идеализируется образ вермахта, оказавшегося заложником тирании и самодурства политиков. Попытка же Эриха Мария Ремарка в романе «Время жить и время умирать» показать немецкого солдата не только в положительном или, как минимум, в нейтральном свете оказалась неудачной — в первых немецких изданиях эпизоды вроде расстрела партизан были вымараны, дабышний раз не затрагивать щекотливую для общества тему.

В целом при безусловной разнице в идеологии и целеполагании политика ФРГ на протяжении длительного послевоенного периода не слишком отличалась от проводимой ГДР. Оба германских государства рекрутировали в госаппарат бывших нацистов (в ФРГ, безусловно, этот процесс носил более явный характер), оба стремились отмежеваться от нацизма и оградить своих граждан от необходимости испытывать вину за него, оба старались списать его генезис на соседей с другого берега Эльбы, а заодно и объявить именно их наследниками нацистских традиций. Основная разница была в том, что ГДР декларировала полный разрыв с периодом 1933–1945 годов (за исключением движения Сопротивления) в немецкой истории, в ФРГ же официально или полуофициально со знаком «плюс» оценивали ряд событий и явлений того времени, вроде аннексии Судет или героизма солдат вермахта на фронтах войны.

Формирование «культы вины» в ФРГ 1968–1990-х гг.

Постепенно, в 60–70-х гг. в ФРГ происходит переосмысление событий недавней истории. Начатое снизу, находившимся под сильным влиянием левых идей первым поколением родившихся после войны немецких юношей и девушек, оно достигло пика в 1967 (убийство на демонстрации студента Бено Онезорга) — 1968 (общеевропей-

ские студенческие бунты) годах, было закреплено пришедшимися как нельзя кстати идеями леволиберальной «Франкфуртской школы» и, наконец, получило официальное признание при социал-демократическом правительстве Вилли Брандта, признавшего восточные границы Германии и преклонившего колени перед памятником на месте еврейского гетто в Варшаве.

Смена векторов не произошла и после отставки Брандта. В 1979 г. по западногерманскому телевидению был показан документальный сериал «Холокост», способствовавший беспрецедентной волне покаяния немцев перед евреями. В 1985 г. законодательно было закреплена уголовная ответственность за отрицание либо преуменьшение количества жертв Освенцима. Подписывались всё новые соглашения о выплате компенсаций жертвам репрессий, об организации эмиграции евреев из стран Восточной Европы и СССР (потом СНГ) и предоставлении евреям особых условий. Это вполне соответствовало широко распространённому в обществе мнению, что немцы обязаны поставить себя в особое положение по отношению к евреям, дабы компенсировать произошедшее в нацистскую эпоху.

Так, уже в наши дни Ангела Меркель, выступая в кнессете, подчеркнула особую ответственность Германии за существование государства Израиль⁴², а депутат Арье Эльдад, выражая своё отрицательное отношение к тому факту, что Меркель разрешили выступать на немецком языке, заявил: «...Слышать немецкую речь с трибуны Кнессета — не в моих силах. *Израиль вправе требовать от Германии деньги, оружия и подлодок, так как немцы до последнего поколения должны будут оплачивать долг евреям. Тот, кто истреблял еврейский*

⁴² Верхи в Германии могут, низы в Израиле хотят // http://www.evreyskaya.de/archive/artikel_802.html

народ, должен сегодня оплатить его существование»⁴³.

Свой вклад в развитие догмата «немецкой вины» и необходимости практических мер для расплаты по историческим долгам начиная с 60-х гг. внесли многие из тех, без чьих имён не обходится ни один учебник по истории философии и политологии. Прежде всего речь, конечно, о Карле Ясперсе, который в 1963 г. высказал убеждение, что раскол Германии — справедливое возмездие за все исторические грехи, и немцы должны навечно признать его ради собственного же блага; позже, уже в 1990 г. эту идею поддержал известный писатель Гюнтер Грасс, выступая против объединения страны. Отдельные работы посвятили необходимости отказа от общегерманского сознания и общегерманской исторической идентичности Ганс Моммзен и Ганс Веллер.

Веллер считал, что необходим полный разрыв с традициями прошлого, и предостерегал от культивирования национал-патриотических настроений, которые представляли бы угрозу для безопасности соседей; в этом с ним был согласен Карл Брахер. Р. Фирхауз возражал им, что историческое наследие всё же необходимо, но нуждается в кардинальном переосмыслении. Томас Ниппердай в свою очередь предлагал рассматривать объединение Германии прежде всего с интернациональной точки зрения, как событие прежде всего европейское, а не национальное⁴⁴. Это вполне совпадало с настроением всё большего количества простых немцев, которые предпочитали идентифицировать себя, используя слова «человек» или «европеец» и стараясь не

вспоминать о национальной принадлежности.

Попытка пересмотреть уже прочно утвердившуюся концепцию в 1986 г. предпринял Эрнст Нольте, опубликовав статью «Прошлое, которое никогда не уйдёт». В ней он высказал не новую, в принципе, мысль о том, что нацизм был лишь ответной реакцией на коммунизм, творчески развив и доработав её; так, по мнению Нольте, репрессии против евреев были обоснованы тем, что представители этой национальности играли наиболее значимую роль в руководстве СССР, а мировой сионизм первым объявил войну Германии. Немецкие концлагеря были всего лишь копией с советских, а Вторая мировая война представлялась одним из эпизодов так называемой «Европейской Гражданской войны», начатой, опять же, большевиками.

Уже через несколько дней Юрген Хабемас ответил развёрнутым контр-агитационным материалом, в котором обвинил Нольте в ревизионизме и назвал его тезисы несостоятельными, так как опыт СССР в плане создания концлагеря не был широко известен в Европе и в любом случае был намного более скромным из-за разницы в возможностях для технического развития карательной индустрии в аграрной России и промышленно развитой Германии. Историков, поддержавших позицию Хабермаса и тем самым выказавших нежелание иметь что-то общее с ревизионизмом, оказалось заметно больше, чем апологетов Нольте (а входивший в число последних Хильгрубер, считавший, что советские военные преступления по масштабу превосходили немецкие, был подвергнут ещё большей критике, чем сам Нольте).

Короткий, но сильный патриотический ренессанс произошел лишь в период, когда, вопреки мечтам Грасса, Германия все же сумела объединиться. Постепенно, однако, все вернулось на круги своя — и считаться «европейцем» вновь стало безопаснее и удоб-

⁴³ Депутаты кнессета аплодировали канцлеру ФРГ стоя // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,3201450,00.html>

⁴⁴ Русь Э. Историческая преемственность как элемент национальной идентичности в историографии ФРГ и ГДР // rusgermhist.ru/documents

нее, чем «потомком освенцимских палачей».

Сравнительный анализ русского и немецкого дискурса «национальной вины»

Что же общего между русской и немецкой разновидностями феномена национальной вины?

Прежде всего, ясно просматривается сходство хронологии событий после тотального краха царского и нацистского режимов.

Прагматическая инерция (Россия 1917–1922, Восточная Германия 1945–1990, Западная Германия 1945 — начало 60-х) — все деяния режима списываются на узкий круг его руководителей, идёт использование, пусть и с оговорками и вариациями, национал-патриотических настроений, к сотрудничеству привлекаются видные «старорежимные» деятели, особенно военные.

Откат (СССР 20–30-х гг., ФРГ 60-х — конца 80-х). Бремя деяний прежнего режима перелagается на всю нацию. Декларируется необходимость отказа от прежних, «реакционных» исторических и культурных традиций, а также особое отношение к обиженным ранее народам. Широко распространяется желание как можно реже вспоминать о собственной национальной самоидентификации.

Ренессанс (СССР 30–50-х, Германия конца 80-х — начала 90-х). Ощущение приближения исторических событий эпохального масштаба, а затем и сами события становятся причиной национального сплочения. Отрицательный национальный опыт отходит на второй план под воздействием патриотических эмоций.

Отдельно стоит отметить четвёртый этап, который корнями уходит во второй: вытеснение национальной самоидентификации новой, наднациональной (соответственно «советской», плавно переформатированной в «российскую», и «европейской»).

Сходным является и ряд других особенностей. Так, и в России и в Германии в период прагматической инерции считали возможным обращаться к услугам военных специалистов с не самой однозначной репутацией, таких как Слащёв и Шпейдель. Литературные произведения, написанные в этот период, нередко отражают неприязненное отношение авторов к тем, кто одинаково хорошо устраивался при старой и новой власти, особенно по сравнению с людьми, которые в обе эпохи жили в одинаковой нужде.

Характерным примером данного явления в немецкой литературе может служить послесловие к «Чёрному обелиску» Ремарка, где в деталях рассказывается о прекрасной адаптации бывших нацистов и их симпатизантов к реалиям ФРГ — и более чем скромном существовании борцов с гитлеровским режимом. В советской литературе жизнь разного рода «спецов» и «нэпманов» была ярко описана Пантелеймоном Романовым, Михаилом Зощенко и многими другими талантливыми писателями, но я бы остановился на двух примерах из детско-юношеской литературы. В «Выстреле» Анатолия Рыбакова показана фигура инженера Зимина, человека честного, но явно чуждого живущим с ним в одном дворе пролетариям. В «Леньке Пантелееве» Пантелеева полностью сохранившийся с дореволюционных времён персонал школы выживает из неё главного героя за то, что он заступился за портрет Маркса. Аналогичные эпизоды сплошь и рядом встречаются в произведениях, повествующих о тех годах. Наиболее же выразительным образцом конфликта «бывших» и «нынешних» является конфликт профессора Преображенского и управдома Швондера в «Собачем сердце» Булгакова.

На следующем же этапе — «отката» — участь адаптировавшихся служителей павшего режима оказывалась уже не столь завидной (особенно в СССР), во многом благодаря тому,

что государственную политику теперь формировали их прямые идейные и классовые оппоненты.

Примечательно и то, что и в СССР, и в Германии происходила резкая «переадресация» субъектности вины — от небольшой группы людей на всю нацию сразу. Общественной мысли периода отката в обоих случаях явно не хватало взвешенного подхода, критически подходящего к обеим крайностям.

Итак, основными чертами русского и немецкого феноменов «национальной вины», позволяющими характеризовать данные феномены как родственные, являются: 1) сходство хронологии развития этих феноменов, а также конкретных событий и явлений в рамках этого развития; 2) их влияние на культуру и общество; 3) микрофеномен переадресации субъектности вины с небольшой группы людей на всю нацию в целом.

В чём же отличия между русским и немецким образцами концепции вины? Самое главное из них — в России необходимость покаяния хотя, безусловно, и имела глубокие корни в истории и общественной жизни, но как мера обязательная и неизбежная была изначально навязана сверху; в Германии она формировалась самим обществом при изначальном если не сопротивлении, то достаточно пассивном участии государства. В первую очередь именно это обстоятельство позволило чувству вины именно в том виде, о котором мы говорим, занять (и продолжать занимать) в немецких сердцах намного больше места, чем в русских. Здесь можно говорить об очередном микрофеномене в рамках нашего исследования — ведь в России о национальной вине заговорили намного раньше, чем в Германии.

Вторая причина — отсутствие в российском обществе единой исторической легенды касательно событий, приведших к самому формированию феномена, то есть революции и пред-

шествовавшей ей Первой мировой войны. Распространено мнение, что в этой войне русская армия и русский народ сделали всё возможное для победы, а добиться её помешали слабость верховного руководства, гнилость режима и предательство союзников, но часто можно услышать суждения и о вине самого народа, пошедшего на поводу у шпионов и провокаторов и лишившего страну победы, которая была уже близка благодаря мудрости правящей элиты и правильно выбранной ею стратегии. По вопросу же революции и Гражданской войны существующий раскол ещё глубже, а градус полемики выше.

В Германии же поддержка нацистского режима вплоть до мая 1945 г. была массовой, но его крах не вызывает никаких вопросов и споров, в отличие от событий в России 1917–1918 гг. Глубокому российскому расколу по отношению к прошлому противопоставлено печальное немецкое единство в покаянии за него.

Наконец, третьей причиной, тесно связанной с предыдущими двумя, является то, что в России феномен «национальной вины» в качестве элемента политики государства просуществовал достаточно недолго. (Сейчас, правда, активно внедряется в жизнь очередная вариация «сталинской вины», да и все более настойчиво и агрессивно проповедуемые «толерантность» и «многонациональность» наводят на мысли о том, что вскоре русских — которых, впрочем, по мнению Тишкова, Шнирельмана и прочих творцов официальной позиции по этническим вопросам, не существует вовсе — опять заставят публично каяться за Суворова, Ермолова и Муравьева, но этот вопрос опять-таки выходит за рамки нашего исследования.)

В Германии же данный концепт является официальным уже почти полвека, с соответствующей отдачей и информационными возможностями для формирования образа мыслей

граждан. Нельзя забывать и о возможностях законодательных, в частности о существующем в ФРГ законе о наказании за отрицание факта репрессий против евреев в нацистских лагерях. Поэтому сравнивать влияние данных концепций на массовое сознание и искренность отношения к ним порой достаточно проблематично.

Таким образом, основных различий в российском и германском дискурсе «национальной вины» столько же, сколько и сходных черт, а именно три: 1) различные инициаторы появления доктрины «национальной вины» в рассматриваемом нами виде; 2) отсутствие в России общей исторической легенды, закрепляющей влияние доктрины на общество, при наличии таковой в Германии; 3) достаточно быстрое прекращение государственной поддержки доктрины в нашей стране, в отличие от Германии. И сходства, и различия достаточно весомы, но, по нашему мнению, комплекс проведённых исследовательских действий позволяет сде-

лать вывод, что сходства всё же более значимы.

P.S. Уже после того как черновой вариант этой статьи лег на стол редакции «ВН», произошел наделавший много шума инцидент с установкой «памятника чеченским женщинам» в селе Хангиш-Юрт. Риторика чеченского лобби — представленного не только маргинальным Г. Джемалем, но и вполне официальным М. Шевченко — по поводу полного права горцев увековечивать память своих борцов против «русских империалистов и военных преступников», заставляет признать вывод об отказе властей от декларирования (по крайней мере, громкого и недвусмысленного) догмата «русской вины» преждевременным и чересчур оптимистичным. Вполне вероятно, нас ждут смутные времена не только экономической и социальной, но и официально оформленной идеологической зависимости от прихотей «обиженных» народов.

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: «facebook.com/vnatio»; «В контакте»: «vk.com/vnatio».

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии

Сергей Петров

«НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ»

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ

Одним из питательных источников для евразийского псевдоисторического мифотворчества является факт присутствия в Московском государстве в XV–XVII вв. Чингисидов и других знатных выходцев из Орды во главе отрядов служилых татар. Этот факт пытаются истолковывать как свидетельство евразийского характера Московского государства, в котором ордынские элементы якобы играли роль не менее важную, чем русские. Используя доступные исторические материалы, попробуем разобраться, насколько подобные утверждения соответствуют действительности.

Согласно евразийской идеологии, Россия является преемницей Монгольской империи. В духе этого положения евразийцы истолковывают борьбу Москвы в XV–XVII вв. с татарскими ханствами, на которые распался Улус Джучи, как «борьбу за ордынское наследство», в ходе которой русские великие князья и цари якобы вступили в соперничество с татарскими ханами как претенденты на правопреемство от правителей Золотой Орды. В действительности же не существует ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что русские государи воспринимали себя в качестве правопреемников ордынских ханов. Все великие князья и цари Московской Руси возводили свою власть исключительно к своим предкам — древнерусским князьям (а также, в более широком евро-

пейском контексте, к римским и греческим царям). В качестве обоснования для завоевания татарских ханств аргумент «ордынского правопреемства» никогда не использовался.

Примечательное свидетельство в этой связи содержит под 1554 г. Никоновская летопись в рассказе о подготовке похода русского войска на Астрахань: «И царь и великий князь, положи упование на всемогущаго Бога, почаль съветовати з боляры, какъ ему промышляти надъ Емгурчеемъ царемъ Азтороханьскимъ за свою обиду... И въспоминая царь и великий князь древнее свое отечество, яже прежебывшии его родители святопочившии великий князь Владимиръ, просветивый Русскую землю святымъ крещениемъ, разделяя области на части детемъ своимъ, и ту Азторохань, тогда именовалася Тмуторокань, и да ее сыну своему Мстиславу, въ нейже храмъ Пречистые сътворенъ былъ; и многие государи христианские отъ Владимира прежепочившии сродники царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси теми месты обладали, да Богу попущающу, грехъ ради христианскихъ и не за исправление закона Христова и многихъ межъусобныхъ браней Русскихъ государей, обладана бывши нечестивыми цари Ординьскими, иже именовалася Большая Орда»¹.

Территория Астраханского ханства в низовьях Волги представляла собой

¹ Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. С. 236.

домен Джучидов, который сами татары называли Тахт Эли («Престольное Владение»); правившие им ханы являлись формально старшими в иерархии потомков Джучи. Однако московские правящие круги остались полностью безразличны к внутритатарским способам легитимации своей власти над бывшими землями Золотой Орды. Как видно из вышеприведенного текста, для идеологического обоснования готовившегося завоевания Астраханского ханства ими использовалось отождествление Астрахани с древнерусской Тмутараканью.

Аргумент того же порядка приводит «Казанская история» в обоснование завоевания Казани: «Бысть бо убо из начала Руския земли, якоже поведають русь и варвари, все то еди на Руская земля, идеже стоить ныне град Казань... Все же бе держава и область Киевская и Владимирская. Живяху же за Камою в части земли своя болгарския князи и варвари, владующе поганымъ языкомъ черемискимъ, не знающимъ Бога, никоего же закона не имущим. Обои же бяху служаще и дани дающе рускому царству до Батия царя»².

Само существование Улуса Джучи и наследовавших ему татарских ханств воспринималось в Москве как аномалия, нарушение естественного порядка вещей, а уничтожение этих ханств — как восстановление исторической справедливости. Естественно, что подобные взгляды не оставляли русским великим князьям и царям никакой возможности для восприятия себя в качестве правопреемников джучидских ханов.

* * *

Московское Царство не было евразийским государством, не было государством православных русских и мусульманских татар. Оно было ис-

ключительно русским государством, в котором полноправными подданными являлись лишь православные русины: «Иноземцы делились на две категории (в зависимости от наличия собственных земельных владений). Представителей первой можно было бы назвать “внутренними” иноземцами. Мусульмане и язычники бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, официально провозглашенные подданными православного монарха, оставались в России иноземцами... Они не допускались к управлению страной, не занимали государственных постов (не входили в Боярскую думу, не участвовали в Земских соборах, не возглавляли приказов, воеводств и т.д. и не могли даже стать чиновниками любого уровня). Неправославная знать не входила в русское дворянское сословие»³.

Татары и прочие «евразийские» инородцы, проживавшие в пределах Московского Царства, в правовом отношении приравнивались к выходцам из-за границы: «К другой категории иноземцев в России принадлежали “внешние” иноземцы — иммигранты, т.е. подданные других стран (и представители иных церквей). Они не имели в России корней и прав собственности на какие-либо территории... Принадлежность к “чужим” религиозным общинам роднила “внешних” и “внутренних” иноземцев. Не вступив в московскую церковь, иммигранты, как и татары и жители Сибири, оставались иноземцами в структуре русского государства»⁴.

Сказанное выше в полной мере касается и служилых Чингисидов. Об их чуждости в структуре русской государственности свидетельствует уже то, что занимались ими не внутренние русские приказы, а тогдашнее «министерство иностранных дел»: «Все Чингисиды в России XVII в. ведались в По-

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2004. С. 252, 254.

³ Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Книга первая. М., 2007. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

сольском приказе, поэтому для получения той или иной дачи требовалось написать челобитную во внешнеполитическое ведомство»⁵. В правовом отношении они были приравнены к западноевропейским иммигрантам: «Во второй половине XVI в. статус служилых Чингисидов приблизительно сравнялся со статусом знатных выходцев из Западной Европы, волей судеб оказавшихся в России. Таких, например, как бывший магистр Ливонского ордена В. Фюрстенберг, юрьевский епископ Гартман, датский принц Магнус. Даже если они брались в плен, то считались не внешними врагами, а своими “служебниками”, временно находящимися в “опале”. К ним применялась такая модель отношений, будто они были “отъездчиками”, добровольно поступившими на службу к Ивану IV. Формы их содержания также были схожими»⁶.

Впервые Чингисид на русской службе упоминается в связи со сражением у Евфимиева монастыря под Суздалем 7 июля 1445 г. между русскими во главе с московским великим князем Василием II и татарами во главе с сыновьями хана Улуг-Мухаммеда Махмутяком и Якубом. Поражение Василия летописец объясняет малочисленностью русских войск: «толико бяше ихъ съ полторы тысячи, понеже бо всехъ князеи полци не успеха съвъкупитися, ниже царевичю Бердедату не успевшу приити, ту бо ночь въ Юрьеве начеваль»⁷. Бердедат был сыном хана Худайдата, боровшегося за власть над Ордой в 1420-х гг. Об обстоятельствах его поступления на русскую службу нам ничего не известно. В источниках Бердедат упоминается еще только один раз — в феврале 1446 г., когда после

свержения Василия II Дмитрием Шемякой он ушел в Литву вместе с двумя другими служилыми царевичами — Касимом и Якубом.

В конце 1445 г. незадолго до того обосновавшийся в Казани хан Улуг-Мухаммед был убит своим сыном Махмутеком. Младшие братья нового хана Касим и Якуб бежали на Русь и поступили на службу к Василию II. Они со своими отрядами участвовали в нескольких его военных кампаниях против Дмитрия Шемяки, литовцев и татар. Спустя несколько лет (традиционная датировка этого события 1452-м годом является лишь догадкой В.В. Вельяминова-Зернова) Василий II пожаловал Касиму Городец Мещерский на Оке, ставший с тех пор называться Касимовом. Благодаря своему расположению Мещера могла использоваться для оборонительных и наступательных действий как против Большой Орды, так и против Казанского ханства. Кроме того, ее правителей можно было при случае использовать для вмешательства во внутренние татарские смуты.

В связи с пожалованием Касиму Городца Мещерского можно услышать обвинения в адрес Василия II, что он передал под власть татар русское население Мещеры. Чтобы понять, насколько обоснованы такие обвинения, заглянем немного назад в историю. Мещера была в 1392 г. куплена великим князем Василием Дмитриевичем Московским у хана Тохтамыша одновременно с приобретением ярлыков на Нижний Новгород, Муром и Тарусу: «Ходи... князь Василеи в орду къ царю, и онъ ему далъ Новгородчкое княжение Нижняго Новгорода, Моуромъ, Мещеру, Торусоу»⁸. Если Нижний, Муром и Таруса были русскими княжествами, то Мещера до этого входила непосредственно в состав Орды и имела смешанное финско-

⁵ Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 370.

⁶ Там же. С. 383.

⁷ Симеоновская летопись // ПСРА. Т. 18. С. 194.

⁸ Новгородская IV летопись // ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 373.

татарское языческо-мусульманское население. По сути мы имеем здесь дело с уникальным событием — продажей исламским правителем части земель «дар ас-саляма» вместе с ее мусульманским населением правителю-«кяфиру». Пойти на этот шаг Тохтамыша должна была заставить отчаянная потребность в деньгах для продолжения войны с Тимуром, от которого он за год до этого понес тяжелое поражение на Кундурче.

По-видимому, в составе Орды Мещера обладала определенным автономным статусом и управлялась местными мещерскими князьями. Подобный статус она сохранила и после вхождения в состав Руси, о чем свидетельствует докончание великого князя Юрия Дмитриевича Московского с великим князем Иваном Федоровичем Рязанским, заключенное 31 марта — 5 июля 1434 г.: «А порубеж(ь)е Мещерскои земли, как было при великом кн(я)зи Иоанне Ярославич(е) и при кн(я)зи Александре Укович(е)... А кн(я)зи мещерские не имут тебе, великому кн(я)зю, правит(и), и мне их не примат(и), ни в вотчине ми в своеи их не держат(и), ни моим бояром, а добыват(и) ми их тебе без хитрости, по тому целован(ь)ю»⁹.

О том, каким был национальный состав населения Мещеры в XV в., можно узнать из докончания великого князя Ивана Васильевича Московского с великим князем Иваном Васильевичем Рязанским, заключенного 9 июня 1483 г.: «А ясачных людеи от царевича от Даньяра, или кто будет на том месте иныи царевич, и от их князеи тебе, великому князю Ивану, и твоим бояром, и твоим людем не приимати. А которые люди вышли на Резань от царевича и от его князеи после живота деда твоего, великого князя Ивана Федоровича, бесерменин, или морьдвин, или маячиринь, черные люди, которые ясакъ ца-

ревичю дают, и тебе, великому князю Ивану, и твоим бояром тех людеи отпустити добровольно на их места, где кто жил»¹⁰.

Из вышеприведенного текста следует, что подвластное касимовским ханам население Мещеры состояло из бесермен, мордвы и мещеряков. Русского населения тогда в мещерских землях или не было, или оно находилось вне юрисдикции правителей Касимова. Подобного же мнения придерживались Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский, обсуждая возникновение Касимовского ханства: «Местность вокруг Мещерского городка была заселена, главным образом, мордвой и мещерой, племенами отсталыми, пребывающими в большинстве своем в язычестве, частично исповедующими ислам»¹¹.

Касимов жаловался служилым Чингисидам в течение двух столетий, но нет оснований в связи с этим говорить о существовании автономного Касимовского ханства, стоявшего в отношении вассальной зависимости к Москве: «Говоря о возможности существования Касимовского царства в Мещере, археологи отмечают, что его территория, скорее всего, ограничивалась “городом и отдельными поместьями”. Археологическое изучение Мещеры не позволяет говорить о существовании на данной территории татарского постзолотоордынского государства... Мы также склонны рассматривать Касимов только как место проживания Чингисидов, пожалованных титулом “царя” или “царевича” касимовского и получавших доходы с города. По нашему мнению, их положение можно определить как разновидность кормления»¹².

«Касимовское ханство» — чисто виртуальное образование, власть его правителей распространялась лишь

¹⁰ Там же. С. 284.

¹¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 305.

¹² Беляков А.В. Указ. соч. С. 21, 30.

⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 85.

на татар их дворов, они не имели никакой власти над русским населением Мещеры — напротив, сами находились под управлением русских воевод: «В целом перед нами вырисовывается своеобразное ханство или царство. Главной отличительной его особенностью является то, что в документах регулярно говорится о касимовских царях и царевичах, но ни разу о царстве (ханстве). На самом деле это было некоторое эфемерное образование, параллельное общегосударственному административно-территориальному делению. Территория “ханства” ограничивалась исключительно владениями царя или царевича. И даже здесь он был вынужден постоянно оглядываться на местного воеводу, которому предписывалось следить во всем за служилыми Чингисидами»¹³.

* * *

Помимо Касимова, служилым Чингисидам «жаловались» и другие города Московского Царства. Подобные «пожалования» зачастую служат основанием для домыслов о том, что русское население таких городов оказывалось в полной власти татар, которые могли с ним делать все, что им заблагорассудится. В действительности условия подобных пожалований строго оговаривались и оформлялись особыми юридическими документами — «шертными грамотами». Судя по описи русского царского архива, в XVI в. в нем хранились «грамоты шертные городетские Нордоулатова царева, и Салтангаева, и Зенаева, и Шахъавлярова, и сеитов, и князей городетских — а всех грамот 9» (т.е. документы татарских правителей Касимова), а также «грамоты Магмед-Аминева, как на Кошире был, Абдыл-Летифовы, как был на Юрьеве и поручная ево ж, и запись шертная, и новая Абде-Летифова, как ему дал князь велики Коширу»¹⁴. Отсюда можно за-

ключить, что оформление шертной грамоты было обязательным условием пожалования служилого татарского правителя городом на Руси.

До наших дней по воле случая дошел только один из таких документов — шерт, данная в 1508 г. царевичем Абдул-Латифом, сыном казанского хана Ибрагима, которому Василий III пожаловал город Юрьев. Уже В.В. Вельяминов-Зернов установил, что ее основные положения восходят к образцу подобных грамот, которые заключались с касимовскими ханами¹⁵. Из этого следует, что текст шерты Абдул-Латифа является стандартным и свидетельствует о содержании всех остальных подобных грамот, не дошедших до нас.

В предисловии к документу говорится, что «князь великий... даеть царю Абдыль-Летифу городъ Юрьевъ зъ данью и со всеми пошлинами». Собственно, в этом и заключается весь смысл пожалования — служилый татарский царевич получает с города деньги на содержание себя и своих воинов, с которыми он обязуется воевать против врагов Руси. Никакой власти над населением города ему не предоставляется. Особо оговаривается запрет на насилие над жизнью и имуществом русских людей: «..Мне Абдыль-Летифу и моимъ уланомъ и княземъ и казакомъ нашимъ, ходя по вашимъ землямъ, не имать и не грабить своею рукою ничего, ни надъ хрестьяниномъ ни надъ какимъ не учинити никаковы силы; а хто учинитъ надъ хрестьянскимъ богомолствомъ, надъ Божиею церковию, каково поругание, или надъ хрестьянствомъ надъ кемъ ни буди учинитъ какову силу, и мне за того за лихого не стояти, по той роте его выдати»¹⁶. Та-

летия. Опыт реконструкции. М., 1978. Вып. 1. С. 39, 52.

¹⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1. СПб., 1863. С. 207–209, 280, 281.

¹⁶ Сборник Императорского Русского

¹³ Там же. С. 278.

¹⁴ Государственный архив России XVI сто-

тары, которые это условие нарушают, подлежат бессудной казни на месте преступления: «А хто его надъ темъ насилствомъ убъеть, въ томъ вины нетъ, того для мне роты не сложити... Кто почнетъ силою кормъ имати и подводы своею рукою, посоль ли, не посоль ли, а кто его надъ темъ убъеть, в томъ вины нетъ»¹⁷.

А.А. Хорошкевич по этому поводу совершенно справедливо отмечает, что «на Руси регламентировались почти все стороны деятельности и жизни выходцев из Крымского и других ханств и орд. Целью регламентации было сохранение в неприкосновенности основ внутреннего развития страны, сокращение до минимума вмешательства крымских и ордынских выходцев в ее внутреннюю жизнь, гарантия неприкосновенности имущества коренного населения»¹⁸.

Нет оснований считать, что «пожалование» русских городов служилым Чингисидам приводило к росту налогового бремени для населения этих городов. В действительности налогообложение оставалось тем же, а служилые татары получали лишь часть доходов, которая до того шла в казну русских государей: «Вряд ли справедливости утверждения некоторых исследователей, отмечающих, что внедрение татарских выходцев усугубляло эксплуатацию коренного населения, так как на земледельческое население возлагались обязанности по полному содержанию значительных военных отрядов. Чингисидам передавались только права на получение доходов с той или иной территории, причитающиеся ранее великому князю московскому (царю) или его родственникам. В документах ни разу не отмечено, что передача доходов с уезда или во-

лости служилому царю или царевичу означала какие-либо дополнительные сборы»¹⁹.

В «пожалованных» городах оставалась русская администрация, которой продолжало подчиняться русское население. Татарские кормленщики не имели над ним никакой власти, управляя лишь татарами собственных дворов: «...На территориях, переданных Чингисидам, сохраняется великокняжеская (царская) администрация. Право суда ограничивалось только двором того или иного татарского царя или царевича. С суда над православным населением представителям “золотого рода” в лучшем случае могли поступать судебные пошлины. Православные дворяне этих территорий составляли собственную служилую корпорацию... [Чингисиды] были только конечными получателями доходов с пожалованных территорий, а вся полнота управления находилась в руках лиц, назначаемых из Москвы. Максимум, на что могли рассчитывать Чингисиды, это контроль за сбором доходов и, возможно, самостоятельный сбор натуральных и денежных средств с неправославного населения, если такое имелось, пожалованных уездов и волостей»²⁰.

Русское население «пожалованных» городов продолжало жить по русскому праву и судиться в русских судах, при этом служилые татары наряду со своим татарским правом подчинялись и русскому праву: «Права Чингисидов распространялись только на участие их “приказных людей” в сборе причитающихся доходов с определенной территории, в том числе и судебных пошлин, сам же суд над православным населением вершил исключительно представитель Москвы, назначенный управлять данной территорией и надзирать за деятельностью знатного татарина... Суд, по крайней мере, над

исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 50.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Хорошкевич А.А. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М., 2001. С. 295.

¹⁹ Беляков А.В. Указ. соч. С. 297.

²⁰ Там же. С. 379, 294.

русским населением, и, скорее всего, в делах между православными и татарами, осуществлялся представителем великого князя. Чингисид получал только судебные пошлины. О судебных правах Чингисидов мы можем говорить только по касимовской практике начала XVII в. По-видимому, он имел право суда только над своим двором. При этом можно предположить, что на татар распространялось как традиционное степное (яса, шариат) право, так и русское»²¹.

За поведением служилых татар наблюдали русские воеводы и приставы, неотлучно находившиеся при всех знатных выходцах из Орды, включая касимовских «ханов»: «До середины XVII в. одной из главных обязанностей воеводы был надзор за касимовским царевичем и татарами в целом. Служилому татарину достаточно было появиться в ногайском платье, чтобы инициировать судебное разбирательство. В 1621 г. из Касимова в Москву в Посольский приказ на допрос отправили служилого татарина Бейбека Тончурина, ездившего в Астрахань. Здесь его расспрашивали под страхом пытки о том, зачем он ездил на Волгу, кто его посылал, был ли у тетки касимовского царя или ногайских мирз, передавал ли грамотки или устные сообщения. Это показывает, что касимовские Чингисиды и люди их дворов находились под жестким контролем»²².

В 1636 г. голштинский посол Адам Олеарий, проезжая через Касимов, несмотря на взаимное желание, не смог встретиться с тамошним царевичем Сеид-Бурханом из-за запрета русского воеводы: царевич «велел передать поклон, усердную благодарность его и извинения ввиду невозможности для него угостить и почтить господ послов в своем доме, как он бы желал этого. [Посещение его] вызвало бы неудовольствие воеводы, неохотно разре-

шающего кому-либо из иностранцев иметь с ним сношения»²³.

Такую же картину мы наблюдаем в Романове, где был помещен князь Эль, сын ногайского бия Юсуфа, поступивший на русскую службу вместе со своим братом Ибрагимом в 1564 г. В 1606 г. Романов по пути в Москву посетил гонец шведской королевы Станислав Немоевский, оставивший в своем дневнике красноречивое описание своей встречи с князем Элем: «Когда однажды мы послали к нему продать некоторые вещи для съестных припасов, он, мужчина уже лет шестидесяти, с грустью сказал нашим: “Вы еще можете вскоре отсюда выехать по окончании настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына. Но я, прибывши сюда добровольно лет сорок назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну”. Он желал было и далее говорить, но пристав, что был с нами, приказал ему молчать»²⁴.

* * *

За пожалованные им доходы служилые татары обязаны были платить кровью, участвуя практически во всех войнах, которые вело Русское государство в XVI–XVII вв., включая войны с их соплеменниками. Интенсивность использования татарских отрядов даже наводит современных татарских историков на подозрение о том, что русские власти таким образом проводили скрытую политику геноцида: «Кроме названных, существовала еще одна, глубоко завуалированная цель привлечения служилых татар на службу... Выставляемые в качестве

²³ Адам Олеарий. Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию // <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text10.phtml?id=1035>

²⁴ Цит. по: Тренавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 346–347.

²¹ Там же. С. 279, 295.

²² Там же. С. 274.

заслонов, используемые в разведывательных операциях, они, безусловно, были обречены нести тяжелые потери. Таким образом, проводилась линия на скрытое физическое истребление мужского татарского населения»²⁵.

Можно было бы отмахнуться от таких подозрений, как от паранойи, однако бытование сходных мыслей засвидетельствовано у русских властей. Так, в 1735 г. руководитель Оренбургской экспедиции статский советник Иван Кириллович Кирилов, предлагая императрице Анне Иоанновне направить в Оренбург на военную службу татар-мишарей, обосновывал это предложение тем, как он представлял себе традиционную политику русских властей относительно татар: «...Хотя по мало наряжены будут, однако же которое время там пробудут, в то жены без плода останутца, а кого убьют, тот и вовсе не возвратитца. Как исстари сию политику во всем государстве над татарами во время Швецкой и Польской и Турецкой войн делали, везде их перед войска в первых на пропажу посылали, вменяя в службу»²⁶.

При этом не нужно переоценивать роль татарских вспомогательных отрядов в войнах, которые вело Московское Царство. Наибольшей интенсивности их использование достигло во время Ливонской войны. С.М. Середонин подсчитал, что в составе русского войска во второй половине XVI в. было около 75 000 дворян, детей боярских и их слуг, 20 000 стрельцов и казаков, не более 10 000 татар, 4000 иностранцев, всего около 110 000 человек, не считая даточных и посошных²⁷. По данным

²⁵ *Ногманов Айдар*. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII в. Казань, 2002. С. 27.

²⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. III. С. 493–494.

²⁷ *Середонин С.М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891. С. 13.

А.В. Чернова, из 60-тысячного войска Ивана IV в Полоцком походе участвовало дворян и детей боярских — 29%, боярских людей — 29%, стрельцов — 20%, казаков — 12%, татар и мордвы — 8% и сборных людей из городов — 2%²⁸. Таким образом, в общем составе русских вооруженных сил на служилых татар приходились лишь считанные проценты.

Во время военных походов при каждом предводителе служилого татарского отряда неотлучно находились два русских пристава, которые обладали по отношению к нему всей полнотой власти. По сути дела служилые татарские царевичи и князья являлись свадебными генералами, находившимися под полным контролем русских приставов. Впервые такая практика засвидетельствована в 1477 г., когда во время похода на Новгород с сыном Касима царевичем Данияром в качестве приставов шли князья Петр Оболенский и Иван Звенец²⁹. В число задач приставов входило следить за тем, чтобы служилые татары не совершали насилий над русским населением, даже над враждебными великому князю новгородцами, в частности, не захватывали их в плен: «...Все же князи поидоша, кийждо из своей вотчины, розными дорогами со всех рубежов, воююще и секуще, и во пленъ ведяху, татаром же князь велики не повеле людеи пленити»³⁰.

О том, чем могло обернуться для служилых татар неподчинение русским властям, свидетельствует пример Шах-Али (Шигалея), царевича из династии ханов Большой Орды, бывшего в 1516–1519 гг. ханом в Касимове, а в 1519–1521 гг. — в Казани. В сентябре 1532 г. он получил от великого князя Василия III в кормление Серпу-

²⁸ *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 95.

²⁹ Разрядная книга, 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19.

³⁰ Софийская вторая летопись // ПСРА. Т. 6 Вып. 2. Стб. 172.

хов и Каширу. В то же время его младший брат Джан-Али был назначен ханом Казани. Считая себя обойденным и сам желая получить казанский престол, Шах-Али завязал самостоятельные связи с Казанью и другими татарскими государствами, на что не имел права по условиям службы. Когда в январе 1533 г. об этом стало известно Василию III, на Шах-Али обрушилась суровая кара: «Тоя же зимы, генваря, князь велики Василей Иванович всеа Руси положилъ опалу свою на бывшего царя Казанского Шигалеа, что онъ правду свою порушилъ, учаль ссылатися въ Казань и въ иные государьства безъ великого князя ведома; и за то его велель князь велики ж жалования свести съ Коширы и съ Серпухова, да поймавъ съслалъ на Белоозеро и съ царицею и посадилъ за сторожи»³¹.

Татары двора Шах-Али были арестованы вместе с ним и посажены в тюрьмы в Твери, Новгороде, Пскове, Орешке и Кореле, где часть из них умертвили: «...бысть ихъ в Новгороде 80 и боле, и пометаша ихъ въ тюрьму; они же по своей скверно[и] вере во 5 днии вси изомроша; такоже и во Пскове 70 вскоре изомроша»³², «Того же лета, месяца июня въ 26, посадиша Тотар царя Шигалея людеи 73 в тюрьмоу в Среднемъ городе под Боуркским костром от Великие реки, на смерть, и малых деток 7 в том же числе, и те изомроша в день и в ночь, и выкида их вон, а восемь живы остася в тюрьме ни поены ни кормлены на многи дни, а тех прибиша; а катуinei посадиша в ыноую тюрьмоу»³³.

Всего было казнено порядка 200 придворных татар Шах-Али, а их жен и детей спустя некоторое вре-

мя крестили: в Пскове «Тотарок крестиша; а моужей их оуже оутушили в тюрьме 72 человека»³⁴, в Новгороде «онехъ преже реченныхъ Татаръ се же жены же ихъ, видевше мужей своихъ по своей скверней вере скорую нужную смерть и погибшихъ душею и теломъ, они же, яко отъ сна воспрянувшие, и начаша приходяще молитися боголюбивому архиепископу Макарию и просити святаго крещения... А крестившася числомъ въ Новгороде женъ 43, а детеи 36; а крестиша ихъ месяца генваря въ 23 день. А во Пскове крестившася женъ и детеи 51, а в Орешке 12, а в Кореле 30»³⁵. Показательная жестокость этой расправы, по всей видимости, была призвана раз и навсегда отбить у служилых татар охоту к нарушению условий своей службы.

Сам Шах-Али провел в заключении почти три года. В декабре 1535 г. он был доставлен в Москву к юному великому князю Ивану IV и его матери регентше Елене Глинской: «Декабря 12 Шигалей царь на Москву приехали, и князь великий велель царю быти у себя, и Шигалей царь пришель къ великому князю на очи, палъ передъ великимъ княземъ и сталъ на коленехъ и билъ челомъ великому государю Ивану за свою преступку... И... рекъ: "...И вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, таковую мою проступку мне отдали и меня, холопа своего, въ томъ пощадили и очи свои государьские мне, холопу своему, дали видети; а язъ, холопъ вашъ, ныне какъ вамъ учинилъ правду, государемъ своимъ, и на той на своей правде и до смерти своей хочю крепко стояти и умрети за ваше государево жалование"»³⁶.

Историческая в полном смысле это-

³¹ Воскресенская летопись // ПСРА. Т. 8. С. 281.

³² Новгородская 4-я летопись // ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 571.

³³ Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // ПСРА. Т. 5. Вып. 1. С. 106–108.

³⁴ Псковская 3-я летопись. Строевский список // ПСРА. Т. 5. Вып. 2. С. 228.

³⁵ Новгородская 4-я летопись // ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 573–574.

³⁶ Никоновская летопись // ПСРА. Т. 13. С. 100–103.

го слова сцена. Вспомним, что всего лишь за столетия до этого хан Большой Орды Ахмат еще пытался разговаривать с Иваном III на языке угроз: «А вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабелным концемъ. И ты б мою подать въ 40 день собралъ... а на себе бы еси носилъ Ботыево знамение, у колпока верхъ вогнув ходил»³⁷. В ответ на предложение великим князем в 1480 г. мирных переговоров он заносчиво требовал: «...нолны Иван будет сам у него и у царева стремени»³⁸. Теперь же 30-летний внук Ахмата, называя себя холопом, вымаливал себе прощение, стоя на коленях перед 5-летним внуком Ивана III.

Если поведение Шах-Али было следствием нарушения им своих служебных обязанностей, то к XVII в. вставание Чингисидов на колени перед русским государем стало уже формальной частью русского придворного церемониала: «В 1622 г. в России оказался одиннадцатилетний ургенчский царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед. 31 декабря 1622 г. он предстал перед Михаилом Федоровичем... Михаил Федорович позвал царевича и возложил на него руку. После этого царевич Авган встал на колени и стал бить в холоство... Ответное царское слово царевич опять слушал на коленях. Можно предположить, что обряд вставания на колени появился только в XVII в. В XVI в. на колени вставали только послы татарских царей и царевичей... Когда 13 февраля 1623 г. у государя был касимовский царь Арслан б. Али... Арслана объявил окольный Федор Леонтьевич Бутурлин, государь положил на него руку и самолично спросил о здоровье. Далее касимовский царь бил челом, стоя на коленях, после чего ему разрешили сесть... В августе 1653 г. в Москву для принесения

шерти приехали сибирский царевич Алтанай б. Али б. Кучум и его племянник касимовский царевич Сеит-Бурхан б. Арслан б. Али... Алтанай при приеме у царя стоял на коленях. Появление упомянутого протокольного обряда, скорее всего, следует объяснить желанием новой династии подчеркнуть церемонией свое величие. Даже потомки ордынских царей должны вставать на колени перед государем московским. Правда, это несколько противоречило положению служилых Чингисидов в России, и русское дворянство при царской аудиенции не преклоняло колен»³⁹.

Темой для спекуляций евразийцев зачастую служат присутствие татарских царевичей в XVI–XVII вв. при московском дворе и высокое положение, которое они там занимали. Действительно, в дворцовых разрядах потомки ордынских ханов занимали место непосредственно за членами правящей династии, выше всех русских княжеских родов. Евразийцы пытаются представить это положение как свидетельство того, что русские цари испытывали какой-то особый пиетет к династии Чингисидов и даже осознавали себя преемниками ее власти. Но было ли это именно уважением к Чингисидам или лишь формальная дань их титулу?

Обратимся для ответа на этот вопрос к эпизоду, описанному Павлом Алеппским во время возвращения царя Алексея из литовского похода в Москву 10 декабря 1655 г.: «Патриарх поднес царю позолоченную икону Владычицы и на серебряном блюде хлеб, на котором была прекрасная серебряная солонка с солью, и еще кувшин с вином... Вместе с царем стояли четыре царевича, а именно: сыновья сибирского царя справа и слева от него, и сын грузинского (царя), с лицом, блиставшим как солнце, стоял к нему ближе всех; он выезжал к нему навстречу

³⁷ «Ярлык» Ахмата. Цит. по: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 198.

³⁸ Вологодско-пермская летопись // ПСРА. Т. 26. С. 265.

³⁹ Беляков А.В. Указ. соч. С. 404–405.

вместе с новокрещеным касимовским царевичем»⁴⁰.

Как видим, грузинский царевич из династии Багратидов, не имеющий никакого отношения к Чингисидам, исполняет при русском царе такую же роль, что и татарские царевичи, и даже занимает по сравнению с ними более почётное место.

То же самое мы видим в Разрядных книгах: «Год 1656... Того ж месяца Февраля в 12 день... ели у Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца: святейший Никон, патриарх Московский и всеа Великия и Малыя и Белья России, да Антиохийской патриарх Макарей, да Сербской патриарх Гаврило, да царевичи: Грузинский царевич Николай Давыдовичь, да Касимовской царевичь Василей Араслановичь, да Сибирские царевичи Петр да Алексей Алексеевичи»⁴¹.

Отсюда ясно, что при московском дворе почет оказывался выходцам из царских родов на чисто формальных основаниях, безотносительно их конкретного происхождения. Нахождение иностранных царевичей в услужении у русского царя было призвано повысить его престиж внутри страны и за ее пределами.

* * *

Подводя итог вышесказанному, процитируем заключение из наиболее полного на сегодняшний день исследования о служилых Чингисидах в Московском Царстве: «...Чем больше нам становится известно о жизни этих людей, тем отчетливее возникает ощущение, что в целом представители

“золотого рода” в России на протяжении всего рассматриваемого периода оставались неким инородным элементом, который скорее мешал, нежели помогал при достижении тех или иных целей. Точнее сказать — Чингисиды в Московском государстве большей частью оставались ненужными людьми. О них забывали или стремились забыть сразу же после того, как они выполняли очередную задачу, поставленную перед ними. Они раздражали тем фактом, что их так и не удалось вписать в общую среду служилого сословия... Определенная недосказанность постоянно витала в воздухе. Особенно отчетливо она прослеживается в практике назначения номинальными воеводами в полки и в присутствии в “пожалованных” им городах представителей царя с явно надзорными функциями. Данную неопределенность понимали и сами татарские цари и царевичи»⁴².

Показательно сравнение Чингисидов с выходцами из другой правящей династии соседнего государства — Гедиминовичами. Потомки великих князей литовских, массово мигрировавшие в Московскую Русь, воспринимались здесь как свои и интегрировались в местную знать без малейших сложностей. Ими было основано несколько знаменитых княжеских родов (Голицыны, Трубецкие, Хованские, Куракины и др.), доживших до наших дней, в то время как к началу XVIII в. из нескольких десятков Чингисидов, обосновавшихся в предыдущие века в Московском Царстве, остался один лишь род царевичей (с 1718 г. — князей) Сибирских, но и тот окончательно угас в XIX в. Даже по этому примеру можно судить, что «наследие Чингисхана» на русской почве не приживалось. Вопреки домыслам евразийцев, ордынский элемент всегда оставался чуждым для русской государственности.

⁴⁰ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Makarij_2/text112.phtml?id=8174

⁴¹ Цит. по: *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. Т. 3. СПб., 1866. С. 327.

⁴² *Беляков А.В.* Указ. соч. С. 416.

СВЕТЛАНА ВОЛОШИНА

Был ли Владимир Печерин русофобом?

Удивительно, что Владимир Сергеевич Печерин — человек, живший «в коконе», всю жизнь стремившийся к полной личной независимости, «совершенному уединению» — и бежавший как слишком тесных связей, так и конфликтов, становился героем громких слухов скандального характера — причем как среди современников, так и в потомках.

Так, он «умудрился» приобрести славу завзятого и непримиримого ненавистника России и всего русского¹, получив эту сомнительную известность благодаря двум строфам включенного в послание друзьям стихотворения: «Как сладостно — отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья...».

Еще один скандальный эпизод из жизни Печерина — история с якобы сожженными протестантскими Библиями. В конце 1855 г. Печерин (в бытность монахом-редемптористом) по окончании очередной католической миссии в Ирландии призвал прихожан принести и сжечь «безнравствен-

ную литературу». Возможно, по поручению англиканского священника кто-то подложил на груду бульварных романов и иных непристойных изданий несколько томов протестантской Библии, что и привело к скандалу. Суд над Печериным получил огромный резонанс, но присяжные оправдали его, и репутация «наилучшего священника во всей Ирландии»² лишь укрепилась. Зная биографию Печерина, сложно заподозрить этого осторожного и чуждающегося радикальных действий человека в разжигании межконфессиональной розни, однако указанный эпизод также «прославил» Владимира Сергеевича: именно им завершил А.И. Герцен свою главу «Pater V. Petcherine» в седьмой части «Былого и дум»!

Этих двух казусов вполне достаточно для «конструирования» из Печерина одиозной фигуры. Пример, отлично иллюстрирующий, до какой степени вырванные из контекста факты и вольная их интерпретация могут преобразить личность в истории.

Впрочем, стоит признать, что биография Печерина — великолепный субстрат для любых интерпретаций. Он сам часто уходит в своих мемуарных записках от прямых объяснений многих поступков, и сама их прерывистость (как известно, автобиография Печерина — сборник его писем к соотечественникам) оставляет простор

¹ Следует отметить, что более или менее серьезные отсылки на предполагаемое «руссофобство» В.С. Печерина найти не так легко, большинство из таких текстов не выдерживают даже поверхностной проверки фактов. Тем не менее среди публицистических текстов можно назвать «Руссофобию» И.Р. Шафаревича или материалы заседания «Феномен руссофобии: истоки и современность» в Российском институте стратегических исследований (<http://www.russdom.ru/node/5779>).

² Мильчина В.А. Печерин В.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 593.

для читательского понимания и объяснения. («Объясните это, как хотите. Я просто даю вам факты»³, — заметил он в одном из писем-воспоминаний к племяннику С.Ф. Пояркову).

Именно поэтому фигура Печерина нередко соблазняла позднейших исследователей и даже его современников создавать любую «модель» на свой политический вкус и социальный лад.

Так, А.Б. Каменев назвал Печерина «первым политическим эмигрантом»; А.И. Герцен — в полном соответствии с программной установкой «Былого и дум» — приписал все его экстравагантные действия «угорелому самовластию... николаевского царствования»; исследователь Н.М. Первухина-Камышникова и вообще озаглавила свою книгу «Печерин: эмигрант на все времена» — хотя вряд ли эмигранты во все времена уезжали из России, чтобы осуществить великое предчувствие рока и судьбы.

Обобщения и ярлыки необходимы, но только в том случае, если они позволяют сделать структурные выводы, взглянуть на единичное явление с новой точки зрения. В данном же случае они вряд ли уместны, т.к. вместо нового взгляда небрежно трактуют факты и игнорируют существенные нюансы.

Как ни соблазнительно приписывать Печерину сугубо политические причины и побуждения его поступков, серьезных оснований этому не так уж много. Печерин в первую очередь желал личной свободы, неприкосновенности и независимости — недаром именно Англия была для него идеальной страной для проживания. При этом в Англии Печерину прежде всего важны были не политические свободы, парламентаризм, правовая и судебная системы, но максималь-

ная *личная* свобода, индивидуализм, независимость и защищенность от любых институциональных посягательств. Так, описывая свою жизнь в бытность капелланом при больнице в Дублине, он с удовольствием отмечает: «Я чрезвычайно дорожу своим теперешним положением: я живу в совершенном уединении и совершенной независимости»⁴.

Возвращаясь к пресловутому стихотворению — основному «свидетельству обвинения», обеспечившему Печерину неожиданную славу в веках, рассмотрим несколько этапов его биографии, эволюцию его отношения к России, и в частности — в каких обстоятельствах возникло это художественное произведение.

* * *

Прежде всего стоит отметить: Печерин — один из наиболее цельных последователей романтической литературной традиции (возможно, последователь несколько вторичный, не столь демонический, сколь следующий штампам), но оттого не менее истовый и яркий.

Именно романтическая самопрезентация является отличным ключом к большинству его основных поступков, сформировавших личность и биографию Владимира Сергеевича.

Под влиянием Шиллера и других авторов (прежде всего — Жорж Санд), Печерин во многом осознанно выстраивал свою жизнь в соответствии с их литературными моделями. Это увлечение было весьма характерно для юношей поколения 1830-х гг., однако Печерин, по-видимому, до самых преклонных лет так и не вышел из этих рамок. При отборе фактов и построении структуры своих мемуарных записок Печерин сознательно заострял внимание именно на тех, что полностью «вписывались» в романтический ка-

³ Печерин В.С. *Apologia pro vita mea*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим. СПб., 2011. С. 90. В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте статьи с указанием страницы.

⁴ Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 483.

нон — а также объясняли его экстравагантные во многом поступки.

Владимир Печерин родился в 1807 г. в селе Дымерка Киевской губернии в семье офицера (майора) и дочери статского советника — т.е. в семье дворянской, но довольно бедной, вынужденной «скитаться» вместе с полком по югу России.

Idée fixe о бегстве из родного дома (и — экстраполируя это понятие — из родной страны) зародилась у Печерина довольно рано — с самого детства, и хотя бы по этой причине вряд ли имела какое-то отношение к ненависти и «страху России». Довольно тривиальный конфликт в отношениях родителей: жесткий, авторитарный отец, бесправное положение матери — «светлого ангела», почти открытое сожительство отца с любовницей и раннее осознание собственного бесправия и унижения привели к тому, что идеи о счастье и свободе представлялись юноше возможными только вне родного очага — как в узком, так и в широком смысле. Повторимся: все эти «несчастья» и мотив собственного одиночества и непонимания Печерин в воспоминаниях заострял — как из-за выбранной им романтической литературной традиции, так и для более наглядного доказательства невозможности продолжать подобную жизнь.

Любопытно, что сложным семейным обстоятельствам, а именно — изменам отца Печерин приписывает большую значимость и первопричинность своей «ненависти» к отечеству. С почти фрейдистской уверенностью он замечает в позднем письме Пояркову: «При жизни батюшки неловко было писать о тех обстоятельствах, в которых заключается *тайна моей жизни* и без которых она осталась бы необъяснимою загадкою (курсив мой. — С.В.)» (107–108). Такое объяснение сделало бы честь любому современному среднему американцу, однако оно звучит довольно неожиданно из уст эмигранта-провинциала времен нико-

лаевской эпохи. При этом — отметим еще раз — в объяснении причин будущего бегства и невозможности оставаться в России нет ничего национального или социально-политического, но прежде всего — «личное».

«Обида, нанесенная матери», привела к «бессознательному чувству мести» и желанию «отделаться от родительского дома, искать счастья где-нибудь в другом месте» (108), и в 12 лет Печерин делает первую попытку бегства, решив попроситься в экипаж к отъезжающим во Францию знакомым молодоженам. Позже, в 17 лет, Печерин вновь решит бежать из дома из-за отцовского подозрения в краже серебряных ложек, а также — чуть ли не в первую очередь — из-за ужасающей скуки. Кочевая жизнь вместе с полком, отсутствие друзей, интересных занятий и достойного досуга были невыносимо скучны: «...по вечерам повторялась одна и та же скучная история <...> не было ни журналов, ни газет, ни каких-либо книг <...> Сколько тут накопилось скуки, досады, грусти, отчаяния...» (110).

Говоря о нелюбви к России, Печерин явно говорит не о стране, а о непосредственном Доме — семейной жизни, родительской любви и защите, интересном обществе, которых в своем «кочевом» детстве и юности он был лишен. Обездоленность, нелюбовь отца и неприкаянность — вот лейтмотивы его очерков о юности: «Да из-за чего же было мне любить Россию? У меня не было ни кола, ни двора — я был номадом, я кочевал в Херсонской степи, — не было ни семейной жизни, ни приятных родных воспоминаний, родина была для меня просто тюрьмою, без малейшего отверстия, чтобы дышать свежим воздухом» (110). В другом письме: «Что такое отечество? Это — земля, семья, родной кров. У меня ничего этого не было. Нельзя же называть родным кровом какую-нибудь жидовскую квартиру в Новомиргороде или хату, крытую соломою,

в Комиссаровке <...> Да сверх того, я никогда не жил в собственной России, а все шатался по Лифляндии, Белоруссии, Подолии, Вольни... Какое же тут отечество?..» (425) — таким образом проводя прямую параллель между отсутствием семейного гнезда и ощущением отечества.

К чувству одиночества добавилось и романтическое осознание своей избранности и мессианства. Эти чувства добавил воспитатель-немец («но отлично говорил по-французски»), «пламенный бонапартист и вместе с тем отчаянный революционер» (91)⁵.

Гувернер воспитывал молодого человека «по Эмилю» Ж.-Ж.Руссо: с программным «воспитанием чувств», любовью в девочку с программной же ангельской внешностью, а также подогревая веру в его великую судьбу и исключительное призвание.

Параллельно развивалось в воспитаннике и сознание пропасти между ним и «толпой», отчуждение (конечно же, в литературоведческом, но не марксистском понимании этого термина) и осознание собственной избранности. Однако «идеи вольности и христианского равенства», пропагандируемые гувернером, были восприняты Печериним своеобразно. Если тех же Герцена и Огарева 14 декабря «разбудило» и стало одной из ключевых вех в их самосознания и биографии, то Печерин упоминает об этом событии лишь вскользь и довольно нейтрально:

⁵ Воспитатель-республиканец — характерное лицо в воспоминаниях современников Печерина. У А.И. Герцена среди учителей был некий Бушо, участник Французской революции, полностью переменявший мнение о юном шалопае после того, как заметил в том интерес к его республиканским идеям. Грановский описывает свою встречу с французом Жоньо как судьбоносную. Как известно, гувернеры-иностранцы послереволюционной эпохи часто были «рассадниками» республиканских идей, и Печерин здесь не был исключением.

«Приближалось 14 декабря и, как все великие события, бросало тень перед собою. Полковник Пестель был нашим соседом» (93) — однако почти ничего не говорит о своем собственном отношении к этому событию! Вместо этого автор дает описание сугубо личного «применения», буквального исполнения поразивших отрока «идей вольности»: он отказался от услуг прислуги — «мальчика Ониськи», здоровался с солдатами и «сделал попытку революционной пропаганды и политического красноречия» перед мужиками (94) — то есть и вовсе иронизируя над подобными идеями.

В 1825 г. Печерин все же уезжает из родного дома, живет в Петербурге, становится чиновником, а после — студентом филологического отделения Петербургского университета, после окончания курса устраивается на неплохую в общем-то службу в гимназии и университете (помощником библиотекаря и лектором по кафедре латыни). Острота несчастья жизни в неидеальном обществе вроде бы притупляется: кружок друзей «Святая Пятница» прекрасен, «балики», танцы и выпускницы Смольного института — прелестны.

В марте 1833 г. Печерина вместе с некоторыми другими выпускниками университета отправили завершать образование в профессорский институт в Берлине, и с приездом в Европу плюсы добра и зла, идея об идеальном обществе оформляются «географически», а сам он на всю жизнь очарован Европой — от пейзажей до ощущения личной независимости (которую — отметим — пронизательный М.О. Гершензон частично связал с положением вольного туриста).

С этого времени романтическая экзальтация Печерина заметно набирает обороты — судя по его письмам друзьям и художественным наброскам.

«Поколение, увидевшее свет около 1810 года, то есть сверстники Печерина, в молодости своей являет зрелище

столь бурной экзальтации, какой мы не видим ни в одном из предшествовавших или следовавших за ним поколений», — утверждает Гершензон⁶.

«Бурная экзальтация» воплотилась в Печерине если не в крайней, то в весьма значительной степени. Одна из известных тем романтизма — увлечение идеей разрушения, смерти и — главное — собственного мессианства, и он в полной мере отдал ей должное (необходимо добавить: теоретически — увлечение идеей смерти не помешало Печерину успешно и в относительном здравии дожить до глубокой старости).

Больше всего на свете Печерин страшится стать «как все», успокоиться, остепениться, «стеганный халат» становится для него эмблемой и символом всего худшего, что может произойти с человеком. Топика и стиль его произведений 1830-х гг. — до предела экзальтированные и несколько эпигонски-романтические, однако тем ярче дающие представление о его мировоззрении и целях: мессианство, скорая героическая смерть как избранного орудия судьбы.

Поэма «Торжество смерти» (1833), появившаяся в угаре экзальтации, апокалипсическим размахом и действующими лицами (среди них — духи, Немезида, хор ветров, хор сердец, звезд и факелов) несколько напоминала более поздний известный монолог «люди, львы, орлы и куропатки»: «Все народы, настоящие, прошедшие и будущие, соединяются с служебными духами Немезиды и вместе с ними составляют большой балет...»⁷. В поэме Петербург затоплен морскими водами (как известно, не впервой в русской литературе), и, по мнению того же Гершензона, «так родилась в воспаленном мозгу Печерина эта мысль о спасении человечества чрез гибель России, которую

он облек в кошмарные образы своей поэмы» (438).

Впоследствии, вспоминая в письме Чижев (от 26 сентября 1871 г.) свою встречу с Герценом и просьбу последнего напечатать поэму в «Русской потаенной литературе», Печерин — обладатель феноменальной памяти — заявляет: «...я до такой степени об ней (поэме. — С.В.) позабыл, что даже не мог понять, об чем он говорил. Да кроме того, мне никогда и в голову не приходило, чтобы она когда-либо удостоилась печати». Возможно, Печерин «просто стыдился выпренности и нелепостей, которыми изобилует стародавний «бюллетень о состоянии его умственного и психического здоровья»⁸.

Апофеозом этого состояния здоровья было бегство из России и — перед этим — «прославившие» Печерина в веках и бьющие рекорды его цитируемости две строфы стихотворения «Как сладостно — отчизну ненавидеть».

Однако цитирующие эти строфы обычно отчего-то опускают те части письма друзьям, что предшествовали и замыкали отчаянное признание. В письме Печерин — непосредственно перед стихом — упоминал, что читает Байрона, называет себя человеком, «которого занятия и вкусы меняются каждую неделю и каждый день» (447), а после снова переходит к описанию своих чувств и мыслей посредством диалога между Вольдемаром и Софи: там повсюду фигурировали кинжалы, молнии и даже «нечистые духи». «...На бумаге были нарисованы кинжалы во всех возможных направлениях. Уж не думает ли он о цареубийстве? Наивный человек! Разве из такого теста создаются Гармонии и Бруты?» — на всякий случай отговаривает Печерин читателей, которые могут заподозрить его в радикализме (448).

⁶ Гершензон М.О. Избранное. Т. 2. Молодая Россия. М.; Иерусалим, 2000. С. 378.

⁷ Там же. С. 432.

⁸ Первухина-Камышниковна Н.М. В.С. Печерин: эмигрант на все времена. М., 2006. С. 96.

Позже в одном из мемуарных отрывков Печерин прямо называет стихотворение «безумным» и приписывает свой «припадок» увлечению Байроном: «Как я упивался его ненавистью! <...> Неудивительно, что в припадке этого байронизма я написал... эти безумные строки» (110). Цитируя его в письме 1867 г., он с мольбой обращается к адресатам (Пояркову и позже — Чижову) и — имплицитно — ко всем читателям: «Не осуждайте меня, но войдите, взвесьте, почувствуйте в мое положение!» (111).

Таким образом, учитывая обстоятельства, общую романтическую экзальтированность и само письмо, довольно странно делать из двух строк манифест отношения Печерина к России «на все времена».

Кроме того, надо отметить, что финал написанной примерно в одно время с «Как сладостно — отчизну ненавидеть...» поэмы «Торжество смерти» выглядит следующим образом: «...Давно в груди поэта рдеет / России светлая заря — / О! выньте из груди зарю! / Пролейте на небо России! <...> И счастья России / Залог вам — кровь моя!»⁹. Здесь видна та же романтическая жажда смерти, однако с, условно говоря, противоположной целью — *спасения* отечества. Впрочем, эти строфы почти не цитируются — поэма длинная, а «Как сладостно» — куда более заметная и провокационная вещь!

* * *

Вернувшись в Россию, Печерин — после семестра преподавания в Московском университете — берет отпуск и уезжает в Европу — осуществлять свою великую миссию и искать идеального социального устройства.

1836–1840 — годы его скитания по Европе. Печерин искал воплощения тех философских и социальных систем, под впечатлением которых он находился: сен-симонизм, фран-

цузский коммунизм в духе Г. Бабефа, идеи европейского христианского социализма — начиная с трактата Ф.Р. де Ламенне «Слова верующего». Искал идеального общества, лишенного материальных и мелочных забот и распрей, в котором он мог бы жить по образу и подобию первых христиан. Попав «за границу в самый разгар этой идейной оргии»¹⁰, он, однако, не нашел ни достойных приверженцев своих идей, быстро разочаровавших в «апостолах новой религии», ни готового идеального общества.

Над своими бесплодными поисками идеальной страны Владимир Сергеевич впоследствии горько иронизировал. Так например, поселившись в Льеже (1838 г.), он написал письмо аббату, как-то ссудившему его 15 франками. Письмо он «заключил крайним сожалением о том, что мне не позволено было остаться во Франции и — “participer aux grandes destinees d'une noble nation”¹¹. Такова была тогдашняя моя риторика! Мне и в голову не приходило, что Россия-то именно та *свежая* дорога, которой великие судьбы только что начинаются, а Франция, отжившая свой век, нарумяненная маркиза <...> Но таков был дух нашего времени или по крайней мере нашего кружка: совершенное презрение ко всему русскому и рабское преклонение всему французскому...» (225).

Как ни странно, Печерин за все время эмиграции — как во время бродяжничества по Европе, так и после вступления в католический орден — ярко чувствовал свою национальную принадлежность, отождествляя себя с русскими.

Свой биографический путь он настоятельно называл именно *русским*. По его словам, судьба — и записки — «представляют явление самостоятельного русского развития, я говорю рус-

¹⁰ Там же. С. 466.

¹¹ «принять участие в великих судьбах благородной нации» (*фр.*)

⁹ Гершензон М.О. Указ. соч. С. 435–436.

ского, потому что подобное развитие невозможно было бы ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии, где все как-то замкнуто в одной рутинной колее» (273–274). Трудный, мучительный выбор собственной судьбы, незамкнутость в узких рамках традиций и привычек, свобода духа, выходящая за разумные пределы, — в данном случае для Печерина не негативные качества, а залог будущих свершений славян.

Эта идентификация видна — порой несколько одиозно — даже в его репликах. Так, комментируя статью в католической газете об аудиенции Николая I в Риме с папой Григорием XVI, Печерин возмущенно заявляет: «Я готов всему верить и верю, что Николай очень холодно приняли в Риме, но что *наш* (курсив мой. — С.В.) Николай струсил и растерялся перед папою, да еще перед таким невзрачным папою, как Григорий XVI, — этому я никогда не поверю» (360). То есть в борьбе неприязней — к римскому папе и Николаю — все же победил католический лидер, а Николай, каким бы он ни был, — «наш».

Описывая тот же визит в Рим в 1861 г. и негласный конфликт с «начальством», Печерин восклицает: «Я чувствовал себя славянином и ненавидел австрийцев» (80).

В 1840 г. в Льеже Печерин принял католичество, позже стал послушником редемптористского монастыря Сен-Трон в Бельгии, затем, после пострижения и учебы в семинарии, принял священнический сан.

Любопытно, что свой отказ от вступления в орден иезуитов (узнав, что Печерин «любит заниматься науками», священник предложил вступить ему в «ученый орден») (321) Печерин объясняет неминуемым «позором», которым обернется эта новость в России: «мне... пришла в голову мысль: что как в России узнают, что я сделался иезуитом, ведь это будет просто срам и позор!» (322). Интересно, что даже в критический момент, решая свою судь-

бу в эмиграции, Печерин принимал во внимание мнение соотечественников.

Большую часть своей миссионерской деятельности Печерин провел в Англии и Ирландии: в Фалмуте (Южная Англия) в 1845–1848 гг., до 1854 г. — в южном предместье Лондона Клапаме (где и произошла встреча с Герценом), а до 1861 г. — в ирландском Лимерике.

После двадцати лет пребывания в ордене Печерин совершил очередной «побег» — покинув его.

С уходом от редемптористов — и кратким пребыванием в одном из самых строгих и аскетичных орденов (траппистов) — начинается «восстание из мертвых» и воссоединение с Россией, еще один «пик» жизни Печерина, его «виртуальное» возвращение на родину.

* * *

Предполагаемо идеальная модель общества в монастыре и уход от суетности и низких забот оказались обманом. Печерин понемногу разочаровался в иерархии католической церкви, его отказ от проповеди в Риме для русских в 1859 г. настроил против него «начальство», новые братья в ордене были в основном из ирландского простонародья, а отношения внутри церкви оказались в точности как и в миру: «пошлая игра самого мелкого честолюбия, точь-в-точь как русское чиновничество» (314).

Однако интересно, какие аргументы подбирает сам Печерин для объяснения своего выхода из католического ордена и новой «ломки» жизни. Так, в письме Чижову и А.В. Никитенко в 1865 г. он рассказывает о знакомой семье «ирландского джентльмена» и «любезной петербургской девушки», где он гостил в 1861 г. и узнал, «как быстро Россия двинулась вперед после 1855 г.» (84). Ms Foley много говорила о Петербурге, показывала Печерину русские журналы, «разные русские издешия» и пела русские песни. «Эти рус-

ские звуки раздавались в уединенном ирландском коттедже между дикими горами недалеко от монастыря траппистов, в котором я провел три месяца в земледельческих упражнениях и где я видел собственными глазами в настоящей действительности совершенный идеал первобытной христианской республики. Может быть, я бы и навсегда остался у этих добрых траппистов, если бы не песни госпожи Foley! Мне ужасно как хотелось узнать, что делается с Россиею!» (84). «Теперь начинается возрождение России: поднимается заря великого дня; а тебе его не видать, и даже слух о нем не проникает сквозь эти стены» (81). Объяснение несколько лукавое: в жестком уставе траппистов не были предусмотрены так необходимые Печерину интеллектуальные занятия, и он более не мог выдерживать этого «полуживотного» состояния, однако тоска по России вполне правдоподобна.

Свое «пробуждение» Печерин и далее связывает с соотечественниками. Так, в письме от 2 ноября 1870 г. он восклицает: «...пробуждением от богатырского сна я обязан Герцену. Он задел меня за живое, сказавши обо мне в “Полярной Звезде”, что у меня решительно все умерло» (204).

В самом деле, основному «оправдательному документу» Печерина — сборнику его автобиографических отрывков — по-видимому, прежде всего мы обязаны крайне тенденциозному описанию Печерина у Герцена. Помимо апологетики, его «Замогильные записки» явно были средством коммуникации с соотечественниками.

После выхода из ордена (вернее, из орденов) Печерин, вдохновленный новостями из России и жаждущий общения, даже подумывал переселиться в Париж, где, по его сведениям, проживало «не менее 50 000 русских». В письме отцу, С.П. Печерину, от 17 марта 1865 г. он уточняет: «Ведь это маленькая Россия. Года два тому назад отец Гагарин приглашал меня пересе-

литься в Париж. Если найду средства жить там, я бы охотно это сделал. Может быть, я мог бы быть чем-нибудь полезен некоторым из моих молодых соотечественников и таким образом, по крайней мере под конец моей жизни, заплатить священный долг родине» (62–63).

Отдельный интерес представляет переписка Печерина с издателями «Колокола» — Герценом и Н.П. Огаревым в 1862–1863 гг. Герцен, в силу своего характера, был настроен к «пробудившемуся» Печерину довольно скептически, однако Огарев, будучи натурой увлекающейся и «без горизонта», был весьма вдохновлен возвращением того к «русскому народу».

Печерин несколько раз присылал пожертвования для «Колокола». После начала польского восстания 1863 г. Огарев решил привлечь Печерина к делу помощи польской независимости (сочувствие Герцена и Огарева Польше, как известно, резко понизило популярность «Колокола») и предложил тому оставить Ирландию и ехать проповедовать в Литву: «Кто же может внести слово примирения католических племен с некатолическими — во имя общего восстания, во имя свободы церкви, во имя падения аристократии, чиновничества и царизма, во имя земли и воли? — Тот, кто не делит племенной любви к русскому народу и любви к племенам католическим, — это католический священник русской крови... Дело идет только о примирении родственных племен во имя плебейской земли и воли и свободы церкви, свободы веры и знания»¹².

Однако осторожность, спокойствие и любовь к личной свободе и одиночеству не позволили Печерину поддаться на уговоры: «От всей души я готов подписать вашу программу. Я очень хорошо понимаю, как католический священник русской крови может сделаться примирителем враждебных

¹² Литературное наследство. С. 482.

племен <...> Но что я могу делать в России? <...> Я чрезвычайно дорожу своим теперешним положением: я живу в совершенном уединении и совершенной независимости — пополам с наукою и делами христианской любви...»¹³. В этом, пожалуй, и заключалось во многом profession de foi Печерина зрелых лет: вера в возможность идеального общества, личная независимость, интеллектуальные занятия и аскетичный комфорт. Странно было бы предположить, что ценящий более всего свободу Печерин, определивший жизненный «рай» как уединение и интеллектуальные занятия, бросит уже обжитую им страну ради рискованной и чреватой международным скандалом политической аферы.

Пожалуй, в юные годы обремененный идеей собственного мессианства Печерин и принял бы это предложение, однако слишком много событий и лет было за спиной. Скептическая ремарка Герцена Огареву: «...попа-иезуита 55 лет принял за юношу»¹⁴ была, в общем, справедлива.

Тем не менее интерес Печерина к России с тех пор не только не ослабевал, но напротив — составил основной смысл его уединенной жизни. В письмах он не так много сообщает о себе, однако с увлечением пишет и спрашивает о делах в России: обсуждает земскую и судебную реформы, вопросы железнодорожного строительства, банков и торговли, общие новости, новинки литературы, нигилистов, образование.

Основным адресатом писем Печерина был его старый университетский товарищ славянофил Федор Васильевич Чижов (1811–1877)¹⁵, по характеру и биографии — полная противополож-

ность Печерину, активный промышленник, учредитель железнодорожных компаний и бескорыстный трудоголик на пользу отечества. В своей переписке с Чижовым Печерин нередко иронизировал над славянофильскими воззрениями старого друга, впрочем, скорее над формой, чем над их сутью. При этом в своем увлечении русским языком и литературой, а также «славянизмом» Печерин (как всегда) доходил до крайностей: «Я... бросился я в славянщину, — сообщает он Чижову в ноябре 1874 г., — я сгораю сильным желанием возвратить русскому слову первобытное оного величие и благолепие», добавляя, что «заказал себе мурмолку и поддевок, да кабы не запрет начальства, то, наверное, отпустил бы бороду до пояса...» (454) — таким образом составив запоздалую конкуренцию К.С. Аксакову.

Основной источник сведений о Печерине — его мемуарные записки были, конечно же, не только (и не столько) потребностью зафиксировать памятные ему события и душевные порывы. В своих мемуарах он видел не только возможное средство общения с соотечественниками, но и настоящий залог своего «воскрешения», возвращения на родину. «Ты знаешь, что эти записки — мое единственное достояние, единственная память, что останется по мне в России» (308), — признавался он Чижову. Кроме того, интенсивность написания своих отрывков-воспоминаний напрямую зависела у Печерина от возможности их печати в России: так хотелось ему хотя бы виртуального возвращения на родину, апологетики, оправдания перед современниками и потомками.

Но пожалуй, истинной, лучшей и почти не требующей детализации апологией могут быть цитаты из поздних писем Печерина к Чижову. Сообщая о давнем окончании переписки с племянником Поярковым, Печерин неожиданно дает волю страхам и чувствам. Эта его финальная исповедь достойна

¹³ Там же. С. 483.

¹⁴ Там же. С. 468.

¹⁵ Подробнее об отношениях Печерина и Чижова и об их переписке см.: *Симонова Инна*. Федор Чижов. М., 2002 (ЖЗЛ). С. 23–25, 254–268.

обстоятельного цитирования:

«Ты один остался у меня, Чижов. Ради бога, не покидай меня <...> Ты единственная нить, связывающая меня с Россией: когда эта нить порвется, тогда мне останется только вернуться в плащ стоического равнодушия <...> Хорошо тебе: ты живешь одною нераздельною жизнью, т.е. русскою жизнью. А у меня необходимо две жизни: одна здесь, а другая в России. От России я никак отделаться не могу. Я принадлежу ей самой сущностью моего бытия, я принадлежу ей моим человеческим значением. Вот уже 30 лет, как я здесь (в Англии и Ирландии. — С.В.) обжился — а все-таки я здесь чужой. Мой дух, мои мечты витают не здесь... Я нимало не забочусь о том, будет ли кто-нибудь помнить меня *здесь*, когда я умру; но Россия другое дело. Ах! как бы мне хотелось, как бы мне хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память на земле русской! хоть одну печатную страницу, заявляющую о существовании некоего Владимира Сергеева Печерина <...> Ты оставишь по себе памятник — железные дороги и беломорское плавание; а мне нечего завещать, кроме мечтаний, дум и слов...» (481).

Позже, не получив от Чиждова ответ в течение трех месяцев, в одном из самых печальных писем (от 23 января 1878 г.): Печерин просит: «Скажи ради бога, что случилось с тобою, любезный Чижов <...> Не забудь, что ты един-

ственная и последняя нить, связывающая меня с Россией — если она порвется, то все прощай...» (544).

Однако ответа так и не последовало: Чижов умер, «последняя нить» порвалась, и Печерин почти семь лет — до своей смерти в 1885 г. — прожил в «замогильном» одиночестве.

* * *

Печерин посвятил всю жизнь поиску идеального общественного устройства «по примеру первых христиан» — цель, заведомо недостижимая; однако каждый новый провал надежды и мечты оставлял горькое чувство, и он, в полном соответствии с романтическими чертами характера, со всей яростью обличения набрасывался на объект бывших надежд. Не найдя идеального общества в России, Печерин испытал острое разочарование. Однако впоследствии, ощутив не менее горькое разочарование как в доселе идеализируемых странах («накрашенной маркизе» Франции, «скучной» Германии), так и в, казалось бы, идеальных сообществах, основанных на равенстве и братстве (кружках социалистов, монашеских орденах), Печерин вновь в полной мере ощутил свою принадлежность к бывшим соотечественникам, и после «возвращения блудного сына» родина стала для него основным объектом интереса в жизни. Сугубый индивидуализм Печерина не стоит путать с нелюбовью к родине.

Андрей Тесля

ИВАН АКСАКОВ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

К 190-летию со дня рождения

Славянофильство в историческом восприятии обычно ассоциируется с 1840–1850-ми гг. — и это восприятие вполне правомерно, поскольку именно на данное время приходится складывание не только «теоретического ядра» учения (рубежная дата, которой можно датировать возникновение направления, даже чуть более ранняя — 1839 г., когда А.С. Хомяков и И.В. Киреевский обменялись краткими письменными изложениями своих взглядов, обнаруживших существенное сходство), но и образование основного круга участников, который дальше будет редеть (в силу как естественных причин, так и некоторого отдаления от своих взглядов того периода — что будет характерно в первую очередь для А.И. Кошелева).

В указанные годы формируется — усилиями кружка, важнейшую роль в котором играет, после А.С. Хомякова, К.С. Аксаков — достаточно последовательное и проработанное учение. Стоит, впрочем, отметить, что славянофильство этого периода — когда оно в наибольшей степени близко к модели «кружка» — не отличается особенной

внутренней жесткостью и единомыслием. Обращаясь к славянофильской переписке того периода, обнаруживаешь постоянную фиксацию удаления/приближения к славянофильству тех или иных персонажей — как наблюдаемое со стороны других членов кружка, так и в рамках самоанализа. Позволительно будет, видимо, сказать, что некоторые отождествляют учение группы с собой — и, соответственно, определяют отношение других к учению как движение по отношению к своим взглядам (такое видение характерно для Хомякова и К. Аксакова — склонных говорить от некоторой общности, принадлежность к которой для них бесспорна), тогда как для большинства других персонажей — таких как Ю.Ф. Самарин и И.С. Аксаков — принадлежность к некоему «мы» не безоговорочна, и отмечается уже дистанцирование или, напротив, соединение с этим «целым».

Поскольку «славянофильство» не имеет какого-либо внешнего оформления, то подобная динамика включает в себя как идейные разногласия /единомыслие, так и психологические сближения /отдаления. Позиции участников находятся на грани между участием в некоем «движении» и отношениями друзей и соседей — соответственно, в случае разногласий нет необходимости фиксировать, например,

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ № МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

сохраняющееся единство по принципиальным вопросам, равно как в отсутствие жесткого доктринального и организационного ядра граница между «своими» и «чужими» может проводиться в каждом конкретном случае по достаточно разнообразным основаниям.

Аксаковское семейство в рамках славянофильства в эти годы (которые, собственно, совпадают с наиболее ярким временем существования данного семейства как «культурного феномена») сохраняет обособленность, что проявится, например, достаточно ярко в 1856 г., когда отец и сын Аксаковы примут участие в создаваемом «западническом» «Русском Вестнике» и будут заявлены в числе сотрудников в объявлении об издании этого журнала, организуемого параллельно славянофильской «Русской Беседе» (в создании которой основную роль будет играть дуумвират Кошелева и Хомякова с весьма деятельным — учитывая особенности характера — участием И.В. Киреевского).

Весьма традиционным является взгляд о конце славянофильства к началу 1860-х гг.¹: отметим, что он восходит к самим славянофилам, в частности к Ивану Аксакову (1823–1886), мыслившего себя в первую очередь как хранителя доставшегося наследства. Еще более однозначные оценки подобного рода можно встретить у Кошелева в его текстах 1870-х — начала 80-х гг. (сам А.И. скончался в 1883 г.). Основания для подобного взгляда весьма многочисленны и помимо самооценок — поскольку к этому времени за-

канчивается история славянофильства как московского кружка, достаточно определенного круга лиц, объединенных не только общностью идей и воззрений, но и в бытовом плане². С этого времени «славянофильство», с одной стороны, перестанет быть обозначением вполне определенного, «московского» круга, с другой — те из бывших участников данного круга, что продолжат свою общественную и интеллектуальную активность под знаменем славянофильства, окажутся действующими преимущественно личным образом — выражая *de facto* свои воззрения, а не воззрения «кружка» (в лучшем случае это будет общение двух-трех близких людей, обсуждающих и согласующих между собой свои позиции). Славянофильство же трансформируется в идейное течение, принадлежность к которому больше не будет означать вхождение в конкретный круг общения.

* * *

В оформлении славянофильства как идейного направления в русской общественной мысли огромная роль будет принадлежать именно И. Аксакову, претендующему на роль хранителя славянофильского «наследия» и его интерпретатора применительно к текущей ситуации. 12 января 1861 г., девять дней спустя после похорон Константина, Иван пишет Ю. Самарину: «Мне нужно с тобою видеться и поговорить, но не о себе, и не об эмансипации, а о тех обязанностях, которые наложила на нас связь с умершими, о наследстве, ими оставленном, об общественном положении славянофильства, о том, разойтись ли нам, или теснее соединиться, загасить ли последние лучины, довольствуясь тем, что ветер по сторонам разнес несколько искр, или

¹ Обстоятельный историографический обзор дан в статье: *Мотин С.В.* Славянофилы, славяноведы, панслависты, неославянофилы, славянофиловеды... (к истории периодизации славянофильства) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН / Под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 882–893.

² См.: *Тесля А.А.* Славянофильство сквозь призму неформальных отношений // Христианство и русская литература. Вып. 7. СПб.: Наука, 2012.

раздуть их и поддерживать по возможности пламя, создавать ли новый орган литературный, или отказаться от деятельности литературной *in cogroge*»³.

А уже 21 января решение принято и позиция сформулирована, как видно из письма к брату Григорию:

«Я еще не приступал к разбору бумаг Константина, на днях начнется и это дело. Надобно признать, что это занятие очень тяжело. Так свежи следы жизни на них, так сильно говорят эти заметки, эти неоконченные фразы, эти вопросительные знаки и *nota bene* — о внезапно прерванной деятельности, — так живо, наконец, самое сознание, что некому ни ответить на вопросы, ни восстановить полувысказанную мысль. Очень прискорбно чувство собственной недостаточности. Призванный обстоятельствами и постоянно призываемый всеми оставшимися друзьями — заменить Константина, я должен на каждом шагу испытывать, кроме скорби, обидное чувство личной моей несостоятельности, еще сильнее проявляющееся. Между тем приходится по неволе служить им всем хотя внешним центром. Я не только не буду отказываться от общества вообще, но всеми силами буду стараться поддерживать связь и влияние на общество, а через это поддерживать память и влияние Хомякова и Константина. Поэтому должен буду назначить дни, в которые будут у меня собираться все

“Друзья разрозненной Плеяды”, как говорит Боратынский.

О журнале и газете еще не думаю. Т.е. думать-то думаю, да денег нет. О, если бы были деньги, ка-

кие широкие размеры приняла бы моя деятельность»⁴.

Вдова Аксакова, Анна Федоровна, в письме к двоюродному племяннику покойного, В.С. Россоловскому (петербургскому журналисту, сотруднику суворинского «Нового времени»), принимавшему деятельное участие в издании сочинений и писем своего знаменитого родственника, отмечала: «Что касается политических идеалов, наследованных им от брата, то нельзя также сказать, что он их принял только формально, но он после брата жертвовал, может быть, иногда своим собственным взглядом учению брата и других славянофилов, имея глубокое убеждение, что они выше его и что он весьма недостойный представитель их направления. И это убеждение иногда затормозило полет его собственной мысли»⁵.

М.П. Погодин, непосредственно наблюдавший Аксакова в начале 1860-х, так передавал свои впечатления С.П. Шевыреву: «Он сам сделался каким-то душеприказчиком: не смеет проронить ни крошки из вверенного наследства»⁶.

Легко подобрать огромную коллекцию цитат самого Аксакова — в особенности из эпистолярной — где он проговаривает данную позицию «хранительства» (собственно, и в формулировке Погодина звучат аксаковские мотивы, лишь поданные через скептически-осуждающую призму): каждая смерть в славянофильском кругу, вновь и вновь его сужающая, будет вызывать со стороны Аксакова обильный поток подобных суждений.

Подобное «хранительство», по-

³ Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4: В 3 частях. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва» и «Москвич». А.Ф. Аксакова (Тютчева) и И.С. Аксаков. Ч. 1: 1861–1862 / Сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2012. С. 25.

⁴ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 15. Л. 14 об.

⁵ Цит. по: Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 528. Письмо от 8 ноября 1888 г.

⁶ Цит. по: Барсуков. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб., 1904. С. 473. Письмо от 22 ноября 1861 г.

зиция «душеприказчика» выразится отчетливо в двух «личных» газетах, издававшихся Аксаковым. И «День» (1861–1865), и «Русь» (1880–1886) будут в первых номерах помещать на ответственных позициях публикации Хомякова и К. Аксакова — подчеркивая одновременно и актуальность их текстов для текущего момента, и позицию издателя как наследника и продолжателя («недостойного») «основоположников», представляющего свои взгляды как прямое преемство с ними и лишь применение к текущему моменту. То есть претендующего на своеобразие, авторство мысли лишь в публицистическом ключе, начисто дистанцируясь от теоретических «новшеств» (заметим, что эта позиция не только декларировалась, но и принималась публикой как адекватное описание положения вещей)⁷.

Однако, как отмечала Анна Федоровна, «это убеждение», та позиция, что была сознательно и с полной ответственностью занята Аксаковым и сохранялась вплоть до конца жизни, иногда тормозила «полет его собственной мысли», но отнюдь не останавливала ее. Иван Сергеевич (в той или иной степени сознавая это) был склонен затушевывать свое новаторство — а также модифицировал восприятие славянофильства публикой, принимая решение о том, что надлежит опубликовать и/или акцентировать из него, а чему надлежит остаться в архиве. Он стал «лицом» славянофильства в тот момент, когда ушли основоположники, ощущая свой долг, — и для этого во многом изменил самого себя (Аксаков вообще был человеком «самовыстраивающим», постоянно работающим над собой, делающим себя вполне созна-

тельным и целенаправленным образом).

Но при этом он если и не изменит славянофильскую доктрину сильно (по крайней мере, сознательно), то сместит акценты: 1) в силу самого времени, необходимости действовать в новых условиях и 2) и в силу своих концептуальных установок. (Характерный сюжет с редактированием собрания сочинений Хомякова⁸, которое задает тот образ Хомякова, который ему нужен.) Поэтому в дальнейшем мы постараемся дать тот образ славянофиль-

⁸ В 1861 г., подготавливая «Собрание сочинений» А.С. Хомякова, Аксаков обнаружил в архиве последнего работу «Об общественном воспитании в России», в которой в частности утверждалось, что «положительное вмешательство правительства в дело общественного образования так же законно, как и отрицательное его влияние, а все то, что составляет право правительства, составляет в то же время часть его обязанности» (Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1900. С. 353). В связи с этой находкой Аксаков обратился к Ю. Самарину с вопросом, стоит ли печатать эту статью, а «если печатать, то с выпусками или без выпусков», тут же проговаривая суть затруднения: «Нужно ли говорить, как опасен такой совет в настоящую минуту, когда правительство положительно неспособно к разумному вмешательству, а между тем вмешивается самым уродливым, самым безобразным образом, и когда зло настоящей минуты заключается именно в неуместном вмешательстве государства» (Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы... Вып. 4. Ч. 1. С. 83). В результате работа оставалась не опубликованной вплоть до 1900 г.; отметим также, что хотя Аксаков оговаривается тактическими соображениями «настоящего момента», но мотивом к исключению статьи из подготавливаемого собрания служит позиция самого Аксакова, наиболее нетерпимо из числа всех славянофилов того времени настроенного по отношению ко всякому вмешательству государства в то, что для него выступало в качестве сферы «общественной» (см. подробнее ниже).

⁷ О перипетиях восприятия славянофильства сквозь призму И.С. Аксакова см. краткие замечания: Тесля А.А. Концепция общества, народа и государства И.С. Аксакова: первая половина 1860-х годов // Полития. 2013. № 1. С. 65–66.

ской доктрины — в аспекте национализма, — который создал Иван Аксаков, обращая преимущественное внимание на внесенные им новые положения или смещенные акценты.

* * *

Формулируя предельно кратко, суть славянофильского проекта нации заключалась в формировании национальной идентичности на основе конфессиональной, за счет переключения второй в первую. «Русскость» отождествлялась с «православием», позволяя создать оборачиваемую формулу: «русский значит православный, православный значит русский». На тот момент это представлялось довольно эффективным и перспективным решением по целому ряду причин, из которых перечислим лишь несколько: во-первых, происходящее в XIX в. качественное изменение православной религиозности — переход от групповой религиозности к личной, когда на передний план выходит «личная вера», разделение определенных представлений в качестве обязательных для личного сознания верующего; во-вторых, основным оппонентом русского национализма в этот период выступает национализм польский — и столкновение между ними вполне определенным образом в первую очередь акцентируется в конфессиональной плоскости.

Славянофилы активно пытаются найти *modus vivendi* с имперской программой — мысля своего рода «национальное переустройство империи», в качестве национального ядра которой должна выступить «большая русская нация» (включающая в себя великороссов, белорусов и малороссов), наделяя своим содержанием уваровскую триаду «официальной народности», в которой (в отличие от официальной интерпретации) именно «народность» становится основным членом, через который интерпретируется «самодержавие» и до некоторой степени «православие».

Концептуализация учения о «народе» и об отношении к государству приходится на 1848–1849 гг., когда под воздействием «весны народов» и последовавшим за этим весьма недоброжелательным вниманием государства к славянофильству остро возникла потребность дать ответ на существующие вопросы, причем ответ политически приемлемый⁹. Общие контуры подхода оформляются К. Аксаковым к 1849 г., а отточенные формулировки — фиксирующие завершенность концепции — приходятся на первые годы 1850-х. Говоря совсем кратко, это концепция, призванная дать одновременно ответы на три вопроса: а) отношение всемирного и народного — в контексте и всемирной истории, и христианства; б) понимание государства и государственной власти и ее отношения к народу; в) возможность дальнейших действий — в условиях отсутствия (по крайней мере — явного) политических притязаний.

Решению, найденному К. Аксаковым, нельзя отказать в элегантности. Первый вопрос получает вполне ожидаемое в рамках немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. решение, отсылающее еще к Гердеру (и в наиболее полном виде представленное у Гегеля): «всемирное» реализуется через «народное», через «народы исторические», дающие конкретно-исторические воплощения всемирного и через это и обретающие свое место в истории. Соответственно, коли всемирная история мыслится как христианская (сначала как предуготовление, а затем воплощение), то русский народ оказывается в интерпретации К. Аксакова народом христианским как таковым: православие для русского народа открывается как адекватное самой его природе (и если другие народы приносят что-то свое в христианский идеал, затемняя его, то идеал русского

⁹ См.: Цимбаев Н.И. Славянофильство. М.: Изд-во МГУ, 1986.

народа и идеал христианский тождественны).

Этот ответ готовит и решение вопроса о государстве: если идеал русского народа есть идеал исключительно христианский, то всякое земное воплощение предстает неполным, не могущим само по себе претендовать на статус идеала — т.е. таковым (идеалом) не может являться и государство. Вполне по августиновской модели (просвечивающей сквозь рассуждения К. Аксакова), государство мыслится исключительно как принадлежность «мира сего», русский же народ объявляется народом безгосударственным — его величие видится в том, что он не сделал из государства себе идеала, поняв его как необходимое зло. Противопоставление «Земли» и «Государства» осмысливается как противопоставление «правды внутренней» и «правды внешней», а само «Государство» описывается как «искуситель»:

«Государство ослабляет правду внутреннюю, и даже из людей честных делает бездушных, следовательно безнравственных, формалистов. Государство как бы говорит: я так устрою внешнюю правду моими институтами, учреждениями, что не нужно будет правды внутренней, что люди будут честны, не имея надобности быть такими на самом деле. Я так все устрою, что не будет надобности быть нравственным»¹⁰.

К концу 1850-х «безгосударственность» русского народа переосмысливается из значимого исторического выбора (как это было в текстах конца 1840-х) в метафизический — за счет безоговорочного осуждения «Государства», превращающегося в источник зла: «Торжество внешней правды

есть гибель правды внутренней, единой истинной, свободной правды»¹¹. Отсюда и радикальное осуждение «западных демократий» — как стремящихся превратить народ в «Государство» и тем самым ведущих к утрате «народа»: «Когда народ — Государь, то где же народ?»¹².

Однако тезис о «безгосударственности» русского народа имеет и не вполне очевидный смысл — с одной стороны вроде бы «деполитизируя» «народ», Константин Аксаков в то же время — и этот ход мыслей акцентирует Иван в 1860-е — резко сужает границы «политического». Более того, с середины 1850-х К. Аксаков все в большей степени проговаривает аспекты, в которых «народ» становится субъектом. Наиболее характерно для этого периода: 1) акцентирование «свободы слова», «свободы мнения» как неотъемлемо принадлежащих «Земле»; 2) внимание к «Земле» как субъекту (Земские Соборы, события Смутного времени); 3) усиление демократических обертонов (подчеркивание неаристократического, несословного характера «Земли»; «народ», в феноменальном плане отождествляемый с «простым народом»). Иными словами, «народ» как «политический субъект» — явно данный — для К. Аксакова имеет «мерцающий» характер: он выступает в кризисной ситуации, «учреждая» / «перечреждая» «Государство», дабы затем вновь отстраниться от государственного.

И. Аксаков вместе с Ю. Самариним в 1861–1862 гг. существенно модифицируют доктрину «Земли» и «Государства», акцентируя субъектность (присутствующую в текстах К. Аксакова 1850-х г., однако не получившую последовательного выражения), формулируя учение об «обществе», «народе» и «государстве», где два последних элемента интерпретируются вполне в рам-

¹⁰ Аксаков К.С. Краткий исторический очерк земских соборов. II. [1859] // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. I: Сочинения исторические / Под ред. И.С. Аксакова. М.: Университетская типография, 1889. С. 286.

¹¹ Там же. С. 287.

¹² Там же. С. 288.

ках учения К. Аксакова. Под народом «в тесном смысле и более строгом» понимается «простой народ, то народное множество, которое живет жизнью непосредственной»¹³, а государство выступает как «внешнее определение, данное себе народом; деятельность его, т.е. государства, и сфера его деятельности — чисто внешние»¹⁴.

Существенная новизна заключается во вводимом понятии *общества*, определяемом в гегелевском духе как «народ на второй ступени своего развития, народ самосознающий»¹⁵, когда «личность, поглощаемая в народе, существующая и действующая в нем не сама по себе, а как часть, атом народного организма, получает вновь свое значение в обществе, но с тем, чтобы путем личного подвига и личного сознания утвердит свою связь с народом и воссоздаст новую высшую, духовную цельность народного организма»¹⁶.

Общество, настаивает И. Аксаков, «не есть явление политическое... сила его есть сила нравственная, сила общественного мнения, и... орудие деятельности общества — есть слово... Как скоро раздастся общественное слово, как скоро оно является как власть имеющее, — мы познаем существование общества»¹⁷. Однако утвердить эту «внеполитичность» общества Аксакову получается лишь за счет крайнего сужения понятия «политического», которое практически уравнивается с «государственным», оформленным в «законах» и «распоряжениях». Если для Константина Аксакова народ обрел субъектность лишь спорадически, в кризисные моменты, то по Ива-

ну — на данной стадии развития — он обретает самосознание в лице «общества», которое оказывается стабильным субъектом, тем, что впредь должно определять содержание деятельности «государства» и одновременно полагать ему границу.

Дальнейшая судьба данной доктрины довольно любопытна: в историографии высказаны две основные позиции, а именно: 1) представленная Н.И. Цимбаевым, полагающим, что к середине 1860-х И. Аксаков разочаровывается в обществе и отказывается от данного учения¹⁸, и 2) альтернативная точка зрения, наиболее ярко выраженная Е.Б. Фурсовой, полагающей, что Иван Сергеевич сохранял верность данной доктрине до 1880-х гг.¹⁹. По нашему мнению, обе позиции верны — акцентируя разные стороны динамики позиции Аксакова.

Если в начале 1860-х «общество» в указанном выше смысле представляется Аксакову если не уже существующим, то во всяком случае имеющим возникнуть в ближайшее время, формирующимся прямо на глазах — и в расчете на него строится текущая публичная позиция (например, Аксаков идет на открытые конфликты с цензурным ведомством, надеясь взбудоражить этим общественность и дать ей шанс «подать голос», проявить себя — и дать возможность и другим, и самой себе осознать и опознать себя в субъектности), то, хотя Е.Б. Фурсова совершенно справедливо отмечает многочисленные обращения к теории «общества, народа и государства» в аксаковской публицистике 1880-х гг., с середины 1860-х Иван Сергеевич в лучшем случае полагает становление

¹³ [Аксаков И.С.] Сочинения И.С. Аксакова. Т. II: Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». 2-е изд. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. С. 33.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 39, 40.

¹⁸ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978.

¹⁹ Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2006.

«общества» в желанном смысле делом довольно отдаленного будущего.

Подобное изменение позиции прослеживается и терминологически. Если для начала 1860-х «общество» означает для Аксакова именно указанное выше, а для обозначения «образованных классов» и т.п. — т.е. тех слоев, которые обладают «самосознанием», но отнюдь не являются «органом национального самосознания» в аксаковском смысле — он целенаправленно использует другие термины (начиная от известного термина «публика», введенного К. Аксаковым в противопоставление «народу» в скандальной статье 1857 г. «Опыт синонимов»), то в 1880-х «общество» используется уже, как правило, без подобных смысловых оттенков, в рамках общего словоупотребления.

Для характеристики аксаковской оценки положения вещей характерен ретроспективный отклик 1881 г., помещенный в качестве предисловия к посмертной публикации статьи брата: «Скончавшись на шестой год царствования Государя Александра II, К.С. не мог, конечно, предвидеть все новые усложнения общественного организма и строя, но в последние годы своей жизни он смущался уже не столько действиями правительства, сколько недостаточностью разума истинных народных начал в самой общественной среде, призванной правительством к деятельности»²⁰.

* * *

Последнее оживление надежд И. Аксакова на реализацию его стремлений связано с ситуацией 1881–1882 гг., когда после гибели Александра II, в ситуации неопределенно-

сти, планы созыва «Земского Собора» и обращения к «обществу» представлялись вполне возможными (находя своего выразителя в лице Н.П. Игнатьева, занявшего пост министра внутренних дел). Однако кризис славянофильской доктрины не приходится связывать с данными конкретными обстоятельствами — проблема скорее в том, что сама ситуация успела измениться коренным образом: сформировались относительно структурированные национальные движения на окраинах, за 60–80-е гг. возникла сравнительно плотная общественная среда, в которой они могли распространяться.

Славянофильский проект 60-х предлагал, выражаясь образно, построение «национальной империи» — переформатирование империи на основе выстраивания сильной имперской нации (с этой задачей тесно связаны универсалистские мотивы славянофильства, работающие как широкий «принцип включения»). Переход от прежней имперской модели к национальной должен был облегчить конфессиональный принцип — позволяющий считать в той или иной степени входящим в национальное целое любого, исповедующего православие (тем самым обеспечивалось исключение враждебного «польского элемента» и одновременно открывались широкие возможности для политики ассимиляции).

К 80-м гг. XIX в. конфессиональный принцип конструирования нации явно уходил в прошлое — противостояние с украинофильством и с медленно формирующимся обособленным белорусским протонациональным движением не могло выстраиваться по линии конфессиональной принадлежности; одновременно конфессиональный принцип порождал неожиданно возрастающие затруднения для включения в имперское целое восточных окраин, становясь подпиткой панисламистских течений среди мусульманского населения Поволжья и Кавказа, стимулируя

²⁰ [Аксаков И.С.] Сочинения И.С. Аксакова. Т. V: Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 61 (статья за 23.V.1881).

процессы нацистроительства у данных групп.

Однако важнейшим фактором, играющим против славянофильского проекта, стало ослабление конфессиональной принадлежности как критерия самоидентификации среди групп, подлежащих потенциальному включению в «большую русскую нацию». Конфессиональный принцип одновременно оказывается к 80-м гг. и слишком сильным (на периферии), и слишком слабым (применительно к центральным группам).

Данное положение вещей фиксируется и самим И. Аксаковым, признавшим к 1883 г. возможность принадлежности к русской нации и лиц неправославного исповедания²¹. Про-

²¹ [Аксаков И.С.] Сочинения: В 7 т. Т. III: Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Типо-

графия М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1886. С. 635 и сл.; ср.: [Аксаков И.С.] Сочинения: В 7 т. Т. VI: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». Введение к «Украинским ярмаркам». 1860–1886. М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1887. С. 283–284 (первая пагинация).

графия М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1886. С. 635 и сл.; ср.: [Аксаков И.С.] Сочинения: В 7 т. Т. VI: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». Введение к «Украинским ярмаркам». 1860–1886. М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1887. С. 283–284 (первая пагинация).

**rosndp.org —
официальный сайт Национально-
Демократической партии**

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

ИВАН РУСАКОВ

СТОЛЫПИН: НЕЗАКОНЧЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Недаром современная социальная историческая наука считает буржуазные трансформации в европейском мире, начиная с XVII в., Великим цивилизационным переломом, по степени влияния и значимости на развитие мировой цивилизации стоящим в одном ряду, например, с неолитической революцией древности или принятием христианства европейскими народами.

Этот великий цивилизационный сдвиг вызревал крайне медленно, выжил во многом благодаря случайности исторических факторов, закрепился во время военных экспансий, был принят сначала на уровне интеллектуальных установок учеными и философами как откровение и благословение Бога, был запущен «новыми людьми» в форме промышленной революции, «пролился» на европейские народные массы радикальным изменением социальной жизни, преодолев вечную нищету и голод и, наконец, вывел белую европейскую христианскую цивилизацию на невиданный уровень. И мы до сих пор пребываем в мире Современности только потому, что буржуазные идеалы и установки европейского буржуазного национализма общественного христианского модерна все еще живут и действуют, несмотря на то что архаика левых идей все более и более становится доминантным общественным состоянием не только люмпенизированного населения, но и бюрократизированных правящих классов белых христианских народов, заметно погружающихся в практики государственно-азиатского социализма.

Наша страна прошла свой путь в этом великом цивилизационном рывке, во многом противоречивый и непоследовательный, чаще всего в контексте известной дихотомии несовпадения циклов общественного развития России и Запада. Но это наша история, наша жизнь, и она очень поучительна для сегодняшнего дня. Не у одного меня сегодня возникает ощущение общественного и исторического «дежавю», как будто бы мы вновь проходим один и тот же исторический и социальный цикл развития, как будто мы опять в начале очередного XX века, в котором мы, русские (опять же не только по моему мнению), растратили свою витальную мощь, не обеспечив долговременных перспектив развития нашей нации. Если мы сможем правильно оценить свой исторический опыт и правильно его интерпретировать в контексте сегодняшнего дня, то все еще впереди — ничего еще не потеряно. «Мы русские! — С нами Бог!»

* * *

Столыпинские реформы последние несколько лет оказываются на слуху русского общества, причем драйвером общественного интереса к фигуре реформатора являются почему-то не русские национально-демократические силы, а самые что ни на есть кондовые государственные казарменные «совки» в виде Н. Михалкова и внимающего его бесогонской чепухе главноуправляющего г-на Путина. Скорее всего, эти господа, по разным причинам очарованные столыпинским имиджем

«сильного правителя и агрессивного реформатора», пытаются «подпитаться» энергией его слов, мол, «не запугаете» и «нам нужна Великая Россия». Все это, видимо, необходимо для имитации формы консервативного правления в стиле Александра III, как известно, руководствовавшегося формулой «преобразований наоборот», отталкиваясь от практической деятельности своего отца. Конечно же, можно по-разному относиться к деятельности Царя-Миротворца, но безусловно Путин на фоне Александра III, а Михалков на фоне Победоносцева выглядят слишком карикатурно, чтобы эту пошлую имитацию пытаться обсуждать. Все программное модернизационное содержание реформ великого премьера, его реальная деятельность, даже со всем пакетом компромиссов, прямо и радикально противоположны последовательному путинскому погружению в совдеповскую архаику, а их внутреннюю национальную политику иначе как **национал-предательством** интересов русского народа и назвать нельзя.

Сегодня, когда думские речи Петра Аркадьевича оцифрованы, выяснилось: по частоте упоминаний различных социально-политических категорий на первом месте в них находится категория «право», упоминаемая 176 раз, на втором — «национализм» и только на третьем — «самодержавие». Столыпин утверждал, что с помощью самодержавия в стране должно быть построено правовое государство. Возможна ли такая мысль в устах Путина или Михалкова? Разве только в виде дешевого юродства советского киношного «барина» совместно с его гэбэшным визави на нашем Первом канале ТВ, достойной замене агитпропа времен брежневских и андроповских.

Реформы Столыпина являются органической и составной частью всего пятидесятилетнего пореформенного развития России, начатого по личной (!) инициативе царя Александра II с отмены рабства частновладельческих

крестьян. Под влиянием «творческой силы времени» к началу XX в. в стране выросли первые поколения русских крестьян, не знавшие крепостного права, первые поколения русских дворян, не развращенные практиками крепостничества, первые поколения русского «третьего» сословия со своим чувством собственного достоинства. (Вспомним, П. Третьяков начал формировать свою публичную художественную коллекцию после нанесенного оскорбления в ранней юности, когда его, интересовавшегося живописью, не пустили на выставку, где вход был только для благородных сословий.)

Как бы ни казалось это парадоксальным, но именно земельная реформа 1861 года запустила медленный, стихийно прорастающий снизу процесс постепенного распада общины. И как бы этот процесс ни пытались остановить сторонники традиционных дворянских консервативных экономических моделей (экономическое неравенство по сословному признаку) во главе с Победоносцевым, поиск новых путей хозяйственной жизни происходил за границами сельской русской передельной общины, не развивая ее, не трансформируя, а именно разлагая ее экономически и морально. Хотя ущерб, нанесенный примитивным охранительством Победоносцева, оценить сложно, по моему мнению, он колоссальный и напрямую отозвался погромом 1917 года и бедами Гражданской войны, ГУЛАГа и коллективизации.

Дело в том, что реформа 1861 года предусматривала для тех крестьян, кто самостоятельно справился с выкупными платежами, возможность добровольного выхода из общины со своей землей и вступление в «решительное состояние свободных крестьян-собственников», т.е. это было формальной заявкой на частную собственность. Но данное положение при участии Победоносцева было отменено Александром III. По словам тогдашнего министра финансов

Н.Х. Бунге, «этот закон навсегда потушил ясное представление русских крестьян о частной собственности».

Хотелось бы напомнить: во все времена европейской истории, в том числе и в «темные» и крепостные, «чумные» и абсолютистские, всегда были небольшие, очень узкие категории европейских крестьян, которые смогли сохранять свое право на свою землю и передавать его по наследству. Эти практики были настолько укоренены, что, когда приходило историческое время Модерна, социальные модели существования владельческих крестьян той или иной европейской страны довольно легко брались на вооружение другими крестьянами. В России таких крестьянских моделей к моменту крестьянской реформы давно не было, последние были уничтожены на территории современной Украины Екатериной II, про изничтоженных Иваном Грозным «своеземцев» Новгорода и Пскова упоминать просто несерьезно.

Столыпинские аграрные реформы были направлены на принципиальное преобразование экономической, социальной и политической жизни России через модернизацию самого уклада жизни русского крестьянина посредством индивидуализации и интенсификации крестьянского землепользования. Они стали осью внутренней политики правительства в стране, где, несмотря на «громадь» цифр прироста промышленного производства, аграрный сектор являлся определяющим и составлял почти 75% национального богатства.

Общий замысел аграрных реформ включал несколько компонентов:

— равенство гражданских прав крестьян с остальным населением России;

— выделение из общины на отруб (без переноса подворья в новое место) или хутор (с переносом подворья на новое место) на правах частной собственности;

— укрепление земли в частную соб-

ственность внутри общины (отмена чересполосицы);

— переселение крестьян на новые колониальные земли (Сибирь и Средняя Азия);

— развитие кооперативов как основы государственного кредитования крестьянства.

Самое главное, коренное и фундаментальное отличие столыпинских реформ от последующих советских индустриализации и коллективизации — это их **добровольность и неограниченность во времени**. «Как сам Столыпин отметил в секретном письме губернаторам в августе 1907 г., “сделать это решено безо всякого насилия, так как в таком деле насилие исключает успех”. Он снова повторил эту мысль, отметив, что от них (земских начальников) не требуется... никакого в этой области насилия»¹.

Для достижения поставленных целей предусматривался определенный план действий, состоящий из нескольких частей.

— Принятие пакета экономических законов, обеспечивающих юридическое сопровождение реформ; принятие пакета законов, обеспечивающих вовлечение крестьян в общий гражданский порядок; создание гражданского общества и формирование единой нации, в буржуазном понимании этого определения; принятие пакета законов, обеспечивающих социальное развитие всего общества в сфере образования, здравоохранения и социальной защиты.

— Создание государственной, земской и общественно-политической инфраструктуры для практического воплощения замысла реформ.

— Постепенный переход русских крестьян от общинных форм землепользования к интенсивным индивидуальным формам посредством изъятия чересполосных земель из общинной системы севооборота, вне зависимости от

¹ Россия сельская. XIX — начало XX века. М., 2004. С. 257.

наличия или отсутствия земельных переделов. Крестьянам было предложено три варианта: отруб, хутор, укрепление земли (сбор чересполосиц в одно поле или фиксирование полос за двором без переделов) и, при желании, выход из общины.

Хочу еще раз обратить ваше внимание: крестьянин сам решал — в общине он или нет. На первом этапе полосы фиксировались за хозяином, и по его желанию их нельзя было использовать в переделах, затем по добровольному желанию крестьянина чересполосные полосы должны были быть сведены в единое поле. Это не отменяло такого понятия, как коммунальное совместное существование крестьян в качестве социального фактора проживания на отдельной выделенной территории (в деревне), и не отменяло того, что так любят воспевать любители общинной жизни, — социального взаимопонимания и духовного единства. Это стандартный порядок существования любого западного органа местного самоуправления, там его часто называют режущим ухо любого антикоммуниста словом — коммуна.

И наконец: все можно было оставить так, как это было заведено века назад, т.е. жить общиной со всей соответственной атрибутикой переделов и чересполосиц. Никаких насильственных указов об укреплении наделов в процентах по годам, никаких смертных депортаций несогласных, никаких «головокружений от успехов», никакого голодомора. Крестьянин должен был сам решать, чего он хочет, и его воля была обеспечена законом и исполнением этого закона на местах, желание крестьянина самому распоряжаться своим единым наделом гарантировалось всей силой государственного аппарата.

Единственная модель, при которой было разрешено пренебрегать волей большинства, это когда не менее 20% крестьян хотели получить свои персональные наделы, а остальные были против, и тогда происходило общее...

межевание всех земель. Обращаю ваше внимание — всего лишь межевание, для того чтобы была возможность учесть мнение... меньшинства (!). Господа, да когда такое вообще было в русской истории — чтобы учитывали и реализовывали волю меньшинства, да еще крестьянского? К сожалению, только при Столыпине. Безусловно, после межевания большинство могло опять и объединяться, и формировать межи, заниматься переделами и всеми остальными прелестями имперского социализма — кстати, таких фактов зафиксировано не было.

Программа Столыпина никогда, ни единым своим нормативным или подзаконным актом не была направлена на стимулирование какой-либо особой или выделенной социальной страты крестьянского или иного населения страны. Это было впервые в истории России, чтобы программа была направлена на развитие всех крестьян страны, а не, как потом утверждали большевики, «на создание небольшого класса зажиточных крестьян». Столыпинский лозунг — «ставка на сильного и трезвого» — был политической пропагандистской формулой, направленной на формирование прокапиталистических тенденций в общественном сознании граждан России, не более. Юридических последствий эта формула не имела, да и не могла иметь.

* * *

Не надо ни в коем образе идеализировать столыпинскую аграрную реформу, как это нередко делается сегодня, так же, как нельзя пытаться давать ей моральную оценку с точки зрения социальной справедливости.

Это было самое настоящее капиталистическое развитие, с его неминуемым социальным расслоением и, безусловно, пауперизацией беднейших слоев. По-другому и быть не могло, так как любое сложное социальное преобразование несет массовую маргинализацию для основной части населения: вспом-

ним, что произошло после переворота 1917 года, когда массовая нищета сопутствовала жизни нескольких поколений советских граждан вплоть до начала 70-х годов XX века; все мы помним 90-е годы того же века; на наших глазах сегодня разворачиваются события «арабской весны», которые неминуемо ввергнут народы Востока в еще большую разруху и бедность. Это социальные процессы в науке имеют определенное обозначение — **мальтузианская ловушка**, когда темпы роста населения опережают темпы роста экономики в целом. В плену этих обстоятельств и находилась Россия в начале XX столетия, мирный выход был один — переселение и освоение новых земель наиболее молодыми и пассионарными представителями общества, готовыми к риску, но и к «призам» пионерского освоения.

Ведь так было всегда, «в первую голову» вырываются за некую среднюю линию и выигрывают самые сильные и агрессивные, самые энергичные и предприимчивые, не жалеющие ни себя, ни других, готовые к упорному труду и испытаниям, имеющие свою иерархию ценностей и не обращающие внимания на досужие рассуждения со стороны. И только потом, со временем, когда новые социальные практики создадут новые общественные богатства, постепенно этот выигрыш не равномерно, но будет распределяться среди остальных членов общества.

Именно таким образом вырвались из мальтузианской ловушки в середине XIX в. европейские страны, «выделив» из себя миллионы переселенцев на американский дикий Запад, в Австралию, Южную Африку.

* * *

Очень важный и мало кем замечаемый аспект — Столыпин ставил перед собой и перед Николаем II не узкоэкономическую задачу, а амбициозную политическую — создание нового интегрированного, равноправного гражданского общества для всего русского на-

селения империи на основе обладания прав частной собственности.

Напоминаем, согласно правовым нормам того времени, будь то в Западной Европе, Америке или России, равными гражданскими правами обладали исключительно мужчины, владельцы частной собственности и граждане мужского пола, получившие образование в гимназиях или университетах, т.е. — ответственные граждане. По планам Столыпина, законопроект о местном самоуправлении должен был позволить крестьянам, владельцам частной собственности, получить право на участие в выборах в местные органы самоуправления, интегрироваться с собственниками из других социальных слоев и создать новое «ядро будущей мелкой земской единицы».

Таким образом, собственность становилась социальным символом и гарантом возможности роста гражданской зрелости крестьянского населения и закладывала возможность формирования единой общегражданской нации буржуазного типа. Говоря другими словами, предполагалось постепенное движение по направлению, которым прошли все европейские нации в построении основ гражданского общества, основанного на праве, а не на традиции. Этот вектор и был задуман и обозначен всем комплексом мероприятий, продуманных лично Столыпиным и одобренных императором Николаем II.

Еще одно принципиальное замечание, видимо, самое главное, которое важно помнить и знать, рассматривая факты и череду событий аграрных реформ 1906–1917 гг.: мы имеем дело с **незавершенным процессом модернизации**, приостановленным мировой войной, а также февральским и октябрьским переворотами 1917 г.

Постепенность и неспешность в проведении реформ обуславливались страхом быстрой и массовой пауперизации и пролетаризации беднейших слоев крестьянского сословия, которые на тот момент и так составляли более 20%

от всего крестьянства, а это не менее нескольких десятков миллионов человек. По сути, Столыпин пошел ва-банк в проведении капиталистических преобразований в надежде сформировать новую социальную силу, на которую смогла бы опереться правящая верхушка взамен стремительно деградирующего дворянства. В случае неуспеха реформ или их отмены, а уж тем более вообще отсутствия любых преобразований, эти десятки миллионов сельских пролетариев просто «затопили» бы все социальное пространство империи и «обрушили» привычные устои жизни. Что, как мы теперь знаем, и произошло.

К сожалению, мы можем констатировать, что при той социальной парадигме общественного развития, которая существовала в России, не только сельские пролетарии, но и вообще все крестьянское население не было заинтересовано в сохранении существующего государственного устройства, за все прошедшие века так и не сумевшего утвердить крестьян равноправной частью русского общества.

Как могли русские крестьяне уважать права частной собственности, когда они были лишены этого права даже теоретически, только по факту своего рождения?

К сожалению, в ходе аграрной реформы русский крестьянин получил только право «личной» собственности на землю, но не право *частной* собственности на свои наделные угодья и пашни.

И таким образом «ставка на самого сильного и трезвого», т.е. на отрубника и хуторянина, иными словами, на фермера — частного собственника у Столыпина не состоялась. Настоящие русские фермеры, готовые работать в полном отрыве от общины, оказались низведены до уровня обычных землепашцев, как и их коллеги-общинники, пусть и вступившие на путь неспешного выхода из общины, путем постепенного укрепления своих наделных земель. Эти первые фермеры так и не получили

законодательных и гражданских прав частной собственности на свои земли, они так и не смогли владеть своей наделной земельной недвижимостью наравне с иными собственниками из других социальных слоев. Первые русские фермеры не могли реализовывать и защищать свои интересы в «мелкой земской единице» местного самоуправления, таким образом, социальной интеграции в политическое пространство страны земледельцев — частных собственников не произошло.

Право частной собственности не было предоставлено, земская реформа не состоялась, Столыпину не позволили ее провести. Замышляемая единая русская политическая нация так и не смогла начать процесс своего гражданского оформления. Видимо, в том числе и эта проблема «разорвала» империю в 1917 году, нации, она же «разорвала» и советскую империю в 90-х гг. XX в. Именно и поэтому у нас до сих пор общество «разорвано» и не имеет общего согласия по многим фундаментальным вопросам общественного и исторического характера.

* * *

Кто же был противником становления частной крестьянской собственности в России? Когда обращаешься к этому вопросу, поражаешься многообразию тех государственных, общественных и политических сил, для которых крестьянин — частный владелец был неприемлем.

Высшая дворянская бюрократия, представленная Государственным советом, безусловно понимала, что частная собственность в руках самого многочисленного сословия России — крестьянства — сократит пределы власти государства и его представителей на местах. Как это отразится на самом государстве и его верных представителях в их совместных особых интересах, предсказать не мог никто. Отсюда и вытекала многолетняя полемика внутри верхушки правящего класса: рас-

пространяются или нет на крестьян «всеобщие законы экономики», смогут или нет крестьяне без ущерба для правящей элиты быть представленными в общероссийских и местных представительных органах власти. Главным аргументом «против» ставилась культурная и иная отсталость русского крестьянства, и эта отсталость требовала вмешательства тех, кто отсталым не считался, т.е. дворянства и интеллигенции.

Реформа местного самоуправления, задуманная Столыпиным, основанная на принципе имущественного ценза, предусматривала совместное дворянское, мещанское и крестьянское сословное представительство. Высшие и местные дворянские круги продолжали утверждать, что необходимость передачи одного из последних символов своего престижа и власти — права управлять местными делами — от дворян к сословному представительству разрушит вечные устои России и будет смертельным ударом для монархического устройства страны.

Знаменитый Указ от 6 ноября 1906 г., по словам Столыпина, ставший последним звеном в «деле раскрепощения нашего земледельческого класса», оказался полностью «непроходим» через депутатов Думы, в которой господствовали левые настроения. Для левых община являлась естественной ячейкой будущего социалистического общества, и покушение на ее целостность они не могли позволить. Только после роспуска I Государственной думы указ от 6 ноября 1906 г., в порядке чрезвычайного-указного законодательства по 87-й ст. Основного закона, был подписан Николаем II, минуя Государственную думу. И только через долгих четыре года, пройдя многочисленные обсуждения и дискуссии последующих дум, указ стал законом 14 июня 1910 г., со всеми своими ограничениями.

Саботаж многочисленных левых депутатов сопровождал и весь пакет аграрных инициатив Столыпина, даже такой невинный проект, как закон о по-

нижении ставки кредита Крестьянского банка на 1%. Или, скажем, проект установления срока погашения государственных ссуд крестьянами в течение 50 лет, внесенный на обсуждение в том же 1906 г., смог стать законом только в июне 1912 г. Правда, механизм льготного финансирования заработал в том же 1906 г., но опять же только благодаря 87-й статье чрезвычайного законодательства. Даже III Государственная дума, считающаяся, по мнению наших историков, наиболее лояльной к столыпинским реформам, явно никуда не торопилась. Важнейшие проекты законов по переселенческой политике, внесенные правительством в октябре 1908 г., стали законами только в мае 1911-го.

Почему были так многочисленны противники даже не персонально Столыпина, а именно идеи возможности предоставления равных гражданских прав в обладании собственностью всему крестьянскому населению нашей страны или хотя бы его части?

Высшие государственные сановники и государственные идеологи типа Победоносцева не были принципиальными противниками частной собственности, им даже в голову не могло прийти ограничивать дворянство в правах этой собственности, но они были противниками именно **капитализма** как общественного института, действующего в интересах всех остальных членов общества. Эти «консервативные модернизаторы» считали, что капитализм вреден, потому что неумолимая логика капиталистических преобразований рано или поздно отразится и на политической системе, и «старому» политическому классу придется постепенно уступить место буржуа, в том числе и сельским, а также людям свободных профессий. Пример Запада, где они любили проводить так много времени на отдыхе, был налицо, поэтому допуск даже малой части крестьян (фермеров) к общим гражданским правам для них был в принципе немислим.

Наша милая русская интеллигенция

находилась не только в «плену» своих многочисленных социалистических заблуждений, она ведь была уже фактически потомственной и обладала некой «монополией» на знание и грамотность среди «темного моря» русского крестьянства. Интеллигенция и дворянский класс давно находились в одном «вестернизированном» культурном пространстве, куда крестьяне фактически не имели доступа. Это положение гарантировало, прямо скажем, не самое «теплое», но зато вполне достойное существование в имущественном смысле. Вопрос стоял только в политическом представительстве образованных слоев России в управлении страной, интеллигенция требовала «потесниться» традиционную аристократию.

Всякие марксисты-максималисты типа Ленина, с их идеями диктатуры рабочего класса, практически не пользовались успехом среди образованного сословия России. Но лозунги «Монархия, дай порулить» были общим местом всего общественного мнения образованной публики всех последних десятилетий империи. И вдруг на общественном горизонте из какого-то параллельного мира появляется иная социальная сила, самая многочисленная и самая «темная и некультурная», не знакомая ни с «золотым», ни с «серебряным» веком русской, совершенно европейской культуры.

Хотелось бы напомнить некоторые цифры. Так, дворянское население России к моменту столыпинских реформ составляло 0,7% населения страны из почти 118 млн. жителей Европейской России: «В 1912 г. на общественной земской службе находилось около 85 тыс. человек, на городской — 110 тыс. человек, в мирском самоуправлении крестьян — до 300 тыс., в коронном управлении (правительственная администрация. — *И.Р.*) — 253 тыс.»². Таким образом, аристократический и управ-

ленческий аппарат империи составлял менее 2% населения страны.

«В 1870 г. доля цензовых граждан (имеющих собственность и имеющих право голосования. — *И.Р.*) в населении страны составляла около 2%, в 1892 г., вследствие изменения избирательных законов, — около 1,5%, в 1907–1910 гг. — 3,3%. Поскольку избирательные права получили только мужчины в возрасте 25 лет и старше, то предполагаем, что доля общественности в населении страны в 1870–1892 гг. составила около 10%, в 1893–1905 гг. — 7% и в 1906–1913 гг. — 16%»³.

Как вам, наверное, понятно, под словом «общественность» понимались такие социальные группы как дворянство, духовенство, чиновники, офицерский состав, мещане, интеллигенция, торгово-промышленное сословие с женами и детьми от 18 до 25 лет, и было их всего — 18,8 млн. человек, правом голоса обладало около 4 млн. человек. Сельское население страны составляло около 108 млн. чел. в почти 12,5 млн. домохозяйств Европейской России (на 1906 г.). В случае предоставления каждому домохозяину права частной собственности (и следовательно, права голоса) получаем расклад: 4 млн. голосов к 12,5 млн. голосов.

Что это, как это можно назвать? Я думаю, это можно назвать — социальная революция, со всеми вытекающими последствиями, и как минимум изменение привычного хода жизни, без всяких гарантий предыдущего социального статуса для тех, кого мы называли общественностью. Вы думаете, та общественность этого не понимала? Очень хорошо понимала, поэтому, как минимум, по-тихому саботировала реформу.

Теперь давайте сделаем другой расчет. Мы теперь знаем: в хутора и отруба ушло не менее 2 млн. домохозяйств самых «сильных и трезвых». Это значит, расклад по общероссийскому электоральному полю составил бы 4 млн.

к 2 млн. человек, и совершенно точно в случае реализации волостной реформы «сильные и трезвые» вытеснили бы практически всю земскую интеллигенцию и дворянство из местных представительных органов власти. И вы думаете, они этого не понимали?

По сути, Столыпин предложил, мирную буржуазную революцию.

Не могла та общественность и высшие дворянские круги, просто не были готовы психологически, в предчувствии «дней зари преобразований светлого будущего», допустить капиталистических отношений, хотя самые умные из «левых», как, например, Плеханов, предупреждали: нужна фаза капитализма, иначе наступит диктатура. Но куда там! Страх и ненависть перед динамичным капиталистическим миром расширенного воспроизводства, перед его «невидимой рукой» с его универсальными формализованными правилами и требованиями, с отсутствием «азиатской» соплеивой душевности и болтовни.

Страх и ненависть перед конкуренцией, боязнь циклических экономических кризисов, потери пожизненных гарантий «теплой» душевной «норки», отсутствие рациональности как нормы жизни — все это вызывало страх и ненависть ко всему, что связано с капиталистическим производством и обменом и его агентами, независимыми частными земельными собственниками. Отсюда, именно отсюда корни популярности социалистических идей в среде интеллигенции и пролетаризированных мелкопоместных дворян. Они ненавидели империю как систему, в которой «социальные лифты» не были заполнены полностью их представителями, они ненавидели крестьян и их боялись за то, что они были «темной» и непонятной массой, — а если крестьяне еще освоят капиталистические технологии, то рано или поздно уйдет такая удобная и достаточно стабильная ниша «опеки» народа. И придется нашей интеллигенции стать просто агрономами, землемерами и финансовыми агентами, т.е. про-

сто наемными служащими у частных владельцев земли, и их придется обслуживать так же, как давать частные уроки нерадивым гимназистам — по часам и за небольшие деньги.

Им так хотелось большого, высокого и чистого, а капитализм мог предложить лишь прозу упорного труда.

* * *

Свойственная русскому народу бесконечная надежда на верховную власть отражалась порой в крестьянском сознании парадоксальным образом, каким-то мистическим образом там закрепилось поверье: русский царь своим верным подданным дарует сперва волю (отмена крепостного права), а затем землю (бесплатно наделит их помещичьей землей). Поэтому начало столыпинских реформ в крестьянской среде вызвало разочарование и недоверие, ведь не произошло даровой прирезки земли за счет помещичьих земельных угодий, более того, возникли старые фобии: мол, возвращается крепостное право. Никакие последующие события так и не смогли отвратить основную массу русских крестьян от их мистической уверенности в ожидающейся по указу царя прибавке земли, никак 11 лет, прошедшие с начала реформ, не смогли освободить русских крестьян ни от уравнилельных иллюзий, ни от правового нигилизма — они по-прежнему стремились к захвату чужой собственности, и не только помещичьей — любой. Современная социология знает: для изменения базовых моделей поведения необходимо не менее двух поколений новых социальных практик. Библейский сюжет о Моисее, сорок лет водившем евреев по пустыне для того, чтобы умерли последние, кто помнил рабство, — это как раз об этом.

«Самое многочисленное сословие империи не переставало ждать от институтов власти бесплатной земельной прибавки, и правительственный вариант решения аграрного вопроса часто оценивался общинниками негативно.

Массовые уравнильные настроения стали преградой для столыпинского плана реформирования аграрных отношений. В итоге недовольство властными институтами, не готовыми быстро и радикально удовлетворять “жажду земли”, исподволь копившееся в крестьянской среде, проявилось в послефевральской России»⁴.

Русские крестьяне с большим трудом отказывались от старых методов хозяйствования, современники замечали, что даже переселенцы в Сибирь, являясь по сути активной частью крестьянства, по прибытии на новые места часто старались возродить старые общинные порядки на новых землях.

«Решающего надлома общественной психологии к моменту революции так и не произошло, не говоря уже о глобальном процессе разрушения традиционного мировоззрения. Ведь слухи о грядущем всеобщем перераспределении земли, в основе которого лежала мысль “черного передела” по “Золотой грамоте”, постоянно побуждали выделяющихся крестьян отказываться от укрепления земли, поддаваясь тем самым психологическому давлению со стороны односельчан»⁵.

К сожалению, после февральского переворота баланс сил между модернизированными и патриархальными силами в деревне сместился в пользу вторых, ведь самые активные и молодые крестьяне были на фронте. Упорные слухи, умело подогреваемые «левой пропагандой», о переходе помещичьих земель только к крестьянским поземельным общинам заставляли отказываться многих жителей деревень от ранее поданных заявлений на выделение земель.

Самый главный удар по капиталистическим преобразованиям в русской деревне был нанесен к тому времени вполне левым Временным правительством, конкретно — министром земледелия

эсером В.М. Черновым, после опубликования постановления за № 120 от 28 июня 1917 г. «О приостановлении действий некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании и положения о землеустройстве, а также об упразднении землеустроительных комиссий». Это постановление отменяло все законодательные акты и фактически размежеванные земли со свидетельствами о личной собственности. Так «черному переделу» было положено начало... Эпоха социального, культурного и общественного модерна в России закрылась более чем на семьдесят лет, наступили кровавые десятилетия господства левой архаики, преодолеть которую Россия до сих пор не в состоянии.

Мы помним день и год Высочайшего указа, начавшего вторую Великую земельную реформу в России, — 6 ноября 1906 г., как помним и день и год Великого освобождения и первой Великой земельной реформы — 19 февраля 1861 г. Должны помнить и день и год начала Великой русской катастрофы, отсчет которой многие ошибочно ведут с октября 1917 г. К сожалению, господа, все произошло немного раньше — 28 июня 1917 г., именно с этой даты, с этого постановления началась «русская Вандея», стихийный общинный бунт русских крестьян. И «великий Октябрь» был только точкой бифуркации этой Великой катастрофы.

Приснопамятное постановление вроде бы не аннулировало актов на владение землей, но левые партийные товарищи на местах приняли его к сведению именно в форме права на немедленную социализацию частных собственников земель. И, согласно их партийным программам, — в пользу общины как первичной ячейки будущего социалистического общества. Если даже сейчас образованный человек в состоянии не увидеть разницу между личной и частной собственностью, то в то время строитель «новой жизни», эсер или народный социалист,

⁴ П.А. Столыпин и аграрные преобразования в России. М., 2012. С. 249.

⁵ Там же. С. 228.

не увидел разницы между приостановлением и отменой.

«Стихийные» погромы хуторян и отрубников, вызванные указанным постановлением, приняли размах, как принято сегодня фиксировать в договорах, «обстоятельств непреодолимой силы»: «Хозяев, решившись презреть общинные узы, избивали, отнимали имущество, деньги, скот, вынуждали уезжать из обжитых мест или вернуться (вместе с землей) в общину... Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, но с особой силой стремление выкорчевать столыпинские “саженцы” проявилось в Самарской, Уфимской, Саранской, Казанской и Симбирской губерниях, то есть в регионах, где община была традиционно сильна и столыпинские преобразования ощутимо задевали ее интересы»⁶.

Когда большинство хуторов было разгромлено, крестьяне-общинники обратили свой взор на поместья, экономии и другие частновладельческие земли окрест своих сел. Безусловно, не было единого календарного плана по разгрому крестьянами частного земельного владения в России, по крайней мере историки такого плана не обнаружили. Где-то, в каких-то губерниях погромы начинались раньше, где-то позже, но алгоритм был один: погром деревенских чужаков — власть бездействует, погром хуторян и отрубников — власть бездействует... Хотя уже 13 апреля Временное правительство отправило циркуляр о запрещении решения земельного вопроса непосредственно самим населением. Но население по всей России настаивало на своем, и губернская власть не смогла «отказать» в этой просьбе...

«В Тамбовской губернии за лето 1917 г. было зафиксировано 358 кре-

стьянских выступлений, из них 144 приходилось на июнь... В августе усилились захватные настроения, начались разгромы помещичьих хозяйств. 5 августа было разгромлено имение Мичурино в Елатомском уезде. 23 августа начался разгром в имении Лотарево, усманского предводителя дворянства князя Б.А. Вяземского (кстати, одном из наиболее “образцовых” в России), закончившийся жестоким самосудом толпы крестьян и солдат над землевладельцем на станции Грязи... В Тамбовской губернии наибольшее число разгромов имений приходилось на сентябрь — 89, в октябре их было 36, в ноябре — 75»⁷.

Помещичьи земли передавались в ведение местных земельных комитетов, имущество, скот и инвентарь в большинстве случаев просто разворовывались. Земельные комитеты, войдя во вкус, стали устанавливать цены на арендные участки, нормы вырубki леса и даже определять нормы продовольственных пайков. Центральная власть вновь бездействовала, т.е. она посылала вооруженные команды в связи с уж совсем вопиющими случаями массовых грабежей и убийств, но не более. Команды стрелять и арестовывать не давалось — как же, впереди выборы в Учредительное собрание!

Так были прерваны столыпинские реформы, так была окончена мирная капиталистическая модернизация России. Советские историки и современные левые говорят: это объективно, практика — критерий истины, русский крестьянин не принял ни хуторов, ни «отрубов», и будущие колхозы — единственная приемлемая и органичная форма существования русского человека. Пусть и внедренная неправильно, но «исторический момент, враг у ворот» и прочее бла... бла... бла...

Что ж, я согласен: практика — единственный критерий истины. Поэтому

⁶ Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 г. в судьбах России и мира: Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 135.

⁷ Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1917–1918 гг. М., 2003. С. 11–12.

му давайте рассмотрим реальный ход аграрной реформы.

* * *

Первыми на указ от 6 ноября 1906 г. отреагировали бедняки, в течение нескольких лет более 900 тыс. бедняцких домохозяйств продали свои наделы своим сельчанам или Крестьянскому банку, ушли в города или стали батраками. Да, самыми настоящими рабочими на фабриках и заводах или сельскими пролетариями, но они хоть получили живые деньги за свою землю, и получили их впервые. Глупо утверждать, что это бесперспективные люди и их бросили в «рыночную стихию», таковыми они были именно в общинной деревне, а сейчас они освободили земельные участки для людей, которые и в общине не были бесперспективными. Например, в Симбирской губернии к 1912 г. из 632 520 тыс. наделов было укреплено в отдельные хозяйства 90 521 (14,3%), и из них к тому времени уже проданы 8396 (9,3%) наделов.

Уже к 1914 г.: «При общем числе 14,6 млн. наделных дворов по 47 губерниям Европейской России на 5,8 млн. домохозяйств, подавших заявления о землеустройстве, подготовка к выполнению их просьб заканчивалась в 1915 г. для 3,5 млн., были завершены и юридически утверждены землеустроительные операции для 2,3 млн. домохозяйств; фактически же к 1 января 1915 г. было завершено в натуре, включая установку межевых знаков, но частично еще не утверждено землеустройство 2485 тысяч наделных дворов на площади в 21 311 221 десятину... Следовательно, в 1915 г. из 14,6 млн. домохозяйств 23% (3,4 миллиона) было уже вовлечено в укрепительный процесс, а 40% (5,8 миллиона) в различный от него землеустроительный процесс, как участковый (хутора и отруба), так и «групповой» (реорганизация общин)...»⁸

Таким образом, с ноября 1906 г. по январь 1915 г., т.е. фактически за «чистых» 8 лет, без всякого насилия и принуждения более 60% крестьян постепенно двинулись к оформлению, персонификации и укреплению своих наделных участков в свою пока личную и лично-семейную собственность. Почему эту объективную статистику никто не записывает в разряд успеха реформ — да, постепенно, да, неспешно, а почему должно быть обязательно как-то по-другому?

По убеждению Столыпина, трансформация крестьянского землепользования была возможна только при развитии сельскохозяйственного кредита: земельного, мелиоративного, переселенческого. Благодаря реформе и созданным специальным механизмам финансирования Крестьянский банк увеличил финансирование крестьянских хозяйств с 4,0 млн рублей в 1907 г. до 31,9 млн рублей в 1914 г. Земства смогли увеличить финансирование сельского хозяйства за 1907–1913 гг. с 4,5 млн руб. до 16 млн руб. — именно на эти деньги содержались тысячи новых агрономов, агрономические участки, сотни агрономических курсов на местах. Может ли сегодняшний путинский режим предъявить такую динамику финансирования русского сельского хозяйства, если не считать государственного финансирования кавказских оффшоров, — я думаю, вопрос риторический. Тогда почему это «стольпинское финансирование» нельзя считать успехом реформы?

В современной научной и публицистической литературе, посвященной стольпинским преобразованиям, почему-то довольно мало внимания уделяется кооперативному движению, в начале XX в. охватившему буквально всю Россию. Приведем такие цифры: к 1914 г. в стране действовало не менее 17 000 кооперативов, членами которого состояло не менее 8,5 млн. домохозяйств. В среднем на один кооператив приходится не менее 500 членов (дворов), т.е. при среднем со-

ставе крестьянской семьи в 6,1 чел. получаем не менее 3000 чел. на кооператив, а по стране — не менее 51 млн. человек (!). Это почти половина крестьянского населения России.

Кооперативы оказались единственным прямым каналом государственного финансирования непосредственно крестьян, раньше просто не существовало реального механизма доведения денег и гарантий возврата этих средств между крестьянином и любым финансовым институтом. По существующим законам, «охраняющим» общину, крестьяне не могли оформлять в залог свои наделные земли — все остальные агенты земельного рынка могли, а наделные крестьяне — нет. Следовательно, те, кого мы назвали обществом, имели доступ ко всем развитым на то время институтам рынка, в том числе и цивилизованного кредитования через залог, а крестьяне, просто по факту своего рождения, его не имели.

Таким образом, в стране в дореформенное время сложилось два параллельных института кредитования: один — для общества, через цивилизованный кредит с рыночными ставками от 5 до 10–12% годовых в зависимости от банковского продукта, а другой — для наделного крестьянства, запертого в общины. И место банка заняли деревенские ростовщики со ставками уже от трети или половины годовых, чаще всего в натуральном виде. Эти параллельные системы капиталистического и социалистического уклада существовали совместно десятилетиями, нет нужды объяснять и доказывать, какая из этих систем была более эффективной или даже просто справедливой, какая развивала хозяйство и человека, а какая угнетала и способствовала деградации. Границей перехода из одной системы в другую был просто факт твоего рождения: ты где — в обществе или в наделном крестьянстве? — и реальная социальная практика предлагала разные сценарии твоей личной жизни и жизни твоей семьи.

Первым и самым наглядным результатом этих финансовых мер стало полное «истребление» на селе ростовщичества как вида деятельности. Именно со времен столыпинской реформы понятие «кулак» приобрело современное для нас звучание, т.е. человек, живущий крестьянским трудом, обладающий большим хозяйством и использующий сторонний наемный труд. Ростовщичество, столетиями терзавшее русское крестьянство, было уничтожено всего лишь за десятилетие. Скажите, разве это не результат, разве это не успех реформ?

Безусловно, самая интересная страница столыпинских реформ — становление независимых крестьянских хозяйств, т.н. хуторов и отрубов. Указ от ноября 1906 г. давал право желающему выйти из общины и оформить свой надел в личную собственность, не семейную, а в чистом виде — в личную собственность. На первых этапах правительство никоим образом не пыталось форсировать события, особенно в таком лично для Столыпина важном вопросе, как создание независимого крестьянского собственника. Сосредоточившись на пропаганде новых идей (на информационное сопровождение было выделено 100 тыс. рублей) и тщательности оформления первых хуторов и отрубов как «маяков» для будущих массовых независимых собственников, реформаторы аккумулировали первый мирный опыт наделения крестьян их землей в России. Ставки были слишком высоки, и никто не хотел рисковать.

Надо сказать, и крестьяне никуда не торопились, присматриваясь к новым порядкам, демонстрируя свою природную рациональность. Правительство откликнулось на такую позицию целым рядом уточняющих положений, на Указ от 1906 г. — «Временными правилами» от 19 октября 1908 г. и марта 1909 г. На это был получен рациональный крестьянский «ответ» резким ростом заявлений на полный разрыв с общиной, через выделение земли на отруб или ху-

тора. Затем, после принятия закона от мая 1911 г., земли в тех селениях, где переделы не проводились более 24 лет, оформлялись в личную собственность автоматически. Там, где переделы происходили за этот период, но более двух третей крестьян высказались за землеустройство, раздел был для всех. Иначе у несогласных после раздела остались бы земли заведомо худшего качества.

За весь период времени действия реформ до 1 января 1916 г. статистика смогла зафиксировать (табл. 1)⁹:

Табл. 1

Число хуторов и отрубов (в тыс.)	Площадь (тыс. дес.)
На надельной земле	265,5
На банковской земле	280
На казенной земле	13,5
Итого:	1559,0

Это только те, кто надлежащим образом успел оформить документы, по данным Большой советской энциклопедии в статье «Столыпинская аграрная реформа» указана цифра на 1 января 1916 г. — 1670 тыс. хозяйств с 17 138 тыс. дес. земли. Разница — это количество земли неоформленной, но заявленной. Много это или мало? Достаточно сказать, что это не менее 10–12% всех крестьянских хозяйств Европейской России и столько же земли. Причем 57% «выходов» легло на 14 губерний Юга, Запада и Юго-Востока империи, только 43% выходов легло на Центральные губернии России. По-другому быть и не могло, базовые русские губернии находились под гнетом передельной общины более 120 лет, традиция и социальный опыт общины «закаменели». В тех районах, где ее не знали, или в новых русских районах Юга России, где община не «устоялась», количество тех, кто был готов рискнуть, было большим.

Эта печальная особенность центральных русских губерний еще сыграет свою зловещую роль в судьбе русского имперского правящего класса, имен-

но в Центральной России поместья со своей неповторимой дворянской культурой были уничтожены повсеместно.

Итак, много это или мало — 15,4 млн. десятин за 9 лет? Ну, наверное, смотря как сравнивать... Например, с 1991 по 2010 г., т.е. за 19 лет, под фермерскими хозяйствами, в том числе и на праве аренды, находится 29,4 млн. га земли (1 дес. = 1,092 га). Как видим, цифры совершенно сопоставимые, только динамика у «стольпинских фермеров» выше, и это объяснимо — еще не было коллективизации, еще не было мерзо-

сти советских лет. Разве эта динамика — не победа и не успех?

Земельный рынок. Безусловно, земля, которая долго была под запретом продаж, при появлении хоть какой-то легальной возможности тут же становилась предметом спекуляции (этот термин употребляется в профессиональном смысле, без каких-то моральных коннотаций). Земля, находившаяся вблизи городов и железнодорожных узлов, в живописных местах и т.д., всегда выходит из сельскохозяйственного оборота. Достаточно сказать, что владения землей городских мещан на праве собственности с 1905 по 1915 г. увеличились в 10 раз, с 377 тыс. дес. до 3813 тыс. дес., за это же время юридические лица приобрели не менее 3,5 млн. дес. земли на рынке, включая и надельный. Земельный рынок заработал, пусть не в полную силу, но профессиональная спекуляция при достаточно ограниченном количестве земли на рынке (абсолютное большинство удельной земли недоступно легальному рынку) подняла цену крестьянской удельной земли. И эта стоимость была в руках первоначальных собственников, крестьян. За время проведения реформ та «тем-

⁹ Там же. С. 101.

ная» крестьянская масса, на которую, по мнению некоторых членов правящего класса, не распространялись «всеобщие законы» экономики, взяла и прикупила 3 млн. дес. земли (!) на свободном рынке, и теперь новый закон позволял объединить земли — наделные и ненаделные — в единый реестр уже на полном частном праве.

Левые пустозвоны всегда пугают: скупят спекулянты землю — и сеять будет негде, и гулять будет негде, и продадут нашу «Мать-Сыру Землю» проклятым иностранцам, а они нас возьмут и «захватят»... далее варианты, что диагнозы у «Кашенко». По той же статистике в 1905 г. иностранные поданные владели 320 тыс. дес. на территории Европейской России, к 1915 г. их владения... уменьшились до 267 тыс. дес.

За 300 лет нашего владения Сибирью там прижилось всего 4,5 млн. русского населения, за 15 лет (1896–1910) с начала того на основе предложений С.Ю. Витте организованного заселения Сибири в нее прибыло и обосновалось около 3 млн. человек. Из них около 1,5 млн. за трехлетие 1908–1910 и около миллиона между 1911 и 1916 годами. Первоначальным замыслом Столыпина было освоение Сибири как возможное и необходимое мероприятие по ослаблению проблемы малоземелья в европейской части страны. Постепенно проблема решения ослабления малоземелья отступила на второй план, особенно после посещения Западной Сибири в 1910 г. им лично. Такой знакомый лозунг — «Комплексное освоение Сибири» — прозвучал именно от Столыпина.

Освоение необъятных пространств, было решено начать с транспортной инфраструктуры: «...19 июня 1914 г. тот же второй департамент разрешил постройку дороги Орск–Троицк и дороги, идущей от этой линии на Магнитную гору». Как известно, приостановленная войной, эта ветвь к основанному в 1929 г. городу Магнитогорску была сооружена в 1930 г. А за 15 лет до этого решение Государственного совета по-

ложило начало образованию крупного промышленного района Азиатской России.

Линии Троицк–Кустанай и Ново-николаевск–Барнаул–Семипалатинск, проходящие по черноземной степи, одобренные к постройке «при ближайшем участии Переселенческого управления», были закончены, первая — 1 декабря 1913 г., вторая — в 1916 г.

В мае 1913 г. было разрешено производить изыскания на предмет постройки линии от Кольчугина до Барнаула с ветвью на Кемерово для обслуживания угольного бассейна и хлебных районов.

К 1917 г. Кольчугино (будущий Ленинск-Кузнецкий) и Кемерово были уже соединены рельсовым путем с Великим сибирским путем¹⁰.

Схема будущей «красной индустриализации», по крайней мере Урала и Сибири, а также Транссиба, была взята большевиками от Столыпина. И, будьте уверены, если бы свою схему освоения Сибири пришлось осваивать самим реформаторам, то они обошлись бы без массовых репрессий и развертывания ГУЛАГа. И пресловутый Второй базовый индустриальный район на случай войны придумали не большевики, это очередное «красное» пропагандистское вранье для оправдания массовых репрессий 20–30-х гг., его обосновала команда столыпинских реформаторов, но не было там и слова об угрозе с Запада. Речь шла только о массовом заселении, индустриализации (по настоянию Столыпина, желательно на деньги национального капитала) и повышении культурного и образовательного уровня Сибири для ее самодостаточного существования в рамках единой страны.

Столыпин считал, что Сибирь может стать для России тем, чем Америка и Австралия стали для Западной Европы, территорией, куда устремятся самые энергичные и деятельные, и этот край приумножит могущество России. В те времена еще не существовало понятие

¹⁰ Там же. С. 133.

«мальтузианская ловушка», но это как раз об этом. Переселенцам были положены также ссуды на обустройство хозяйства — от 200 до 400 рублей. До сих пор в сибирских селах стоят «столыпинские» пятистенки, их размер и качество заметны даже сегодня, особенно на фоне символа большевистского жилищного стандарта в Сибири — деревянного засыпного барака.

Нельзя и не упомянуть добрым словом и еще одного подвижника реформ, главу Переселенческого управления Г.В. Глинку. Именно благодаря его деятельной энергии переселение приняло форму организованной программы. Даже большевики были вынуждены признать, что доля возвращений на родину переселенцев не превысила 18%, правда, забыв упомянуть, что 70% этих возвращенцев были приехавшими в Сибирь самовольно, вне рамок официальной программы. Мы хорошо помним, как заселяли затем Сибирь большевики через лагерные ворота ГУЛАГа, и процент «возвратов», но только на тот свет, составлял не менее 25–30% в год. А во время Великой Отечественной войны достигал и 45–50%.

Вот немного цифр последствий «стольпинского освоения»: «Не входя в подробности, достаточно указать на вывоз масла (с 400 пудов в 1894 г. до 4,5 млн.), почти целиком экспортируемого в Англию, на увеличение в Алтайском округе посевных площадей на 70% между 1905 г. и 1915 г., сопровождаемое пятикратным увеличением товарности хлеба (с 10,5 миллиона пудов в год до 50 миллионов), на то, что только в 1907–1910 гг. возрастание одних азиатских посевов составило 40% всего общеимперского прироста, на развитие скотоводства, по количеству голов на 100 жителей не только опередившего Европейскую Россию, но и большинство стран Западной Европы; по чьему-то меткому определению, “свинья лишила первенства соболя”. Рост скота и посевов почти вдвое превышал бурный рост населения — признак необычного

развития производительных сил, никогда не наблюдавшегося в коренной России...»¹¹

Для этого не потребовалось убивать людей и ссылать их в лагеря, просто капитализм своей «невидимой рукой», катализированной государственными инвестициями, делал свое дело, как он это и делал во всем западном мире.

Господа, разве это не успех? Тогда что такое успех?!

* * *

Итак, пора делать выводы. Сегодня общественное мнение в нашей стране настроено отрицательно к результатам приватизации 90-х годов, хотя для рядового человека и в советское время все эти заводы и фабрики тоже были полной абстракцией, а директор предприятия, по сути, был как космонавт, настолько это были разные миры: рядового советского человека и представителя номенклатуры, пусть и хозяйственной.

Имперский социалистический уклад более чем за полутора столетнюю историю сформировал определенный тип русской крестьянской жизни. В котором, безусловно, присутствовали деньги и эксплуатация, но они не играли определяющей роли для крестьянина, пока в его жизнь не вторгся капитализм. Вечный конфликт, через который проходят все патриархальные общества по пути к модернизации, — прибыль или уклад жизни. Никто и никогда в русской деревне имперского периода или стольпинских реформ, а особенно сталинских, не проводил социологических опросов и тем более глубинных интервью на эту тему. И, соответственно, ни у кого нет права категорично ответить на вопрос, что для русского крестьянина важнее — быть частным индивидуалистом или сторонником солидарного трудового коллектива.

За всю свою многовековую историю в пределах Российского государства русским крестьянам было дано

¹¹ Там же. С. 135.

всего 10 лет, включая и время войны, чтобы попытаться ответить на этот вопрос практически. И они как могли, так и ответили: из 167,5 млн. дес. бывшей наделной земли к 1 января 1915 г. 100 млн. дес. остались за общинами, но практически без переделов (60%); за бывшими подворными общинами (в которых не было переделов более 24 лет), где земля стала личной собственностью, — 20 млн. дес. (12%); укреплено в личную собственность (хутора и отруба) — 13,7 млн. дес. (8,2%); оформлены в землепользование с документами, при нахождении в общине, — 16,8 дес. (10%); кооперативы, земля выведена из общины — 17,1 млн. дес. (10,2%)¹².

По этим данным видно, что процесс еще не был закончен, **еще только все начиналось**, и дорогого стоит признание такого махрового коммунистического талмудиста, как Арон Аврех: «Творцы и сторонники нового аграрного курса могли бы возразить (и такие возражения делались), что дело было не в его ошибочности, он был правильным, а дело в том, что не хватило времени для его реализации. Нужно было не восемьдесят лет, какие отпустила реформе история, а скажем 20, которые просил Столыпин, и она бы увенчалась полным успехом. Война и революция этому помешали. Доля истины здесь есть — с десятилетиями *процесс сделался бы действительно необратимым* (выделено мною. — И.Р.)»¹³.

Если главный советский специалист по Столыпину в работе, опубликованной в годы «застоя», утверждает, что процесс был бы необратим, видимо, так оно и было.

Похоже, что только к середине или к концу 1920-х годов можно было попытаться ответить на вопрос приори-

тета частного или общественного. И то я сомневаюсь, скорее всего, мы имели бы сложную мозаику различных форм собственности, тесно переплетенную между собой различными экономическими и социальными коммуникациями, и, конечно, с долей государственного финансирования. Только тогда бы и могла быть разрешена коллизия прибыли и образа жизни. Кто-то боролся бы за прибыль и ее получал, кто-то считал бы, что количество денег не самоцель и есть еще жизнь во всех ее красках, и получал бы, наверное, меньше прибыли, но точно не выпал бы из общего экономического контекста.

Нравится это кому-то или нет, но только практический капитализм дает возможность самому лично для себя определять меру этой коллизии, практический социализм таких раздвоений не знает, все концентрируется в одной усредненной плоскости.

Сделаю свое предположение, почему крестьяне выжидали в первые годы столыпинских реформ: **у них отсутствовал социальный опыт обладания частной собственностью**, и это, по моему мнению, главная причина. Второе — это **отсутствие устоявшихся правовых норм и, опять же, отсутствие социальной практики реализации этих норм**. И, наконец, третье: недостаточное количество примеров **положительного опыта использования частной собственности «пионерами»** этого использования для сторонних наблюдателей. Вот здесь и сказались все крестьянские ограничения, вводимые Победоносцевым и прочими охранителями, не было примера, не было **крестьянского успешного образца**. Эти процессы просто не успели развернуться во всей своей наглядности, они не устоялись, и собственность не успела стать естественным владением конкретного человека, **социальный опыт переделных практик не был преодолен, десять лет для этого недостаточно...**

¹² Земельная собственность. URL: <http://www.rusinst.ru>

¹³ Аврех А. Аграрная реформа. URL: www.scepsis.ru

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

ЕЩЁ РАЗ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ

Олег Кильдюшов в своей блестящей статье «Нелегитимная власть и интеллектуалы-коллаборационисты» (ВН. 2013. № 15), кажется, впервые в нашей публицистике столь принципиально и остро поставил один из важнейших вопросов, давно волнующий современное русское интеллектуальное сообщество: как возможно, чтобы некоторые видные представители последнего — принадлежащие практически ко всем направлениям идейно-политического спектра, — откровенно обслуживая интересы правящего антинационального режима, находясь иногда прямо на «кремлёвской» зарплате, продолжали претендовать (и довольно успешно) на роль авторитетных лидеров общественного мнения?

Касаясь исторических корней этого удивительного феномена, Кильдюшов (ссылаясь в том числе и на моё мнение) совершенно справедливо констатирует, что в дореволюционной России подобное было бы невозможно. Думаю, нелишне привести некоторый фактический материал для подтверждения данного тезиса.

Начиная с 1860-х гг., когда русская интеллигенция сформировалась как своеобразная, относительно автономная от государства социальная группа, её определяющим идеологическим и нравственно-психологическим трендом стала — в разных вариациях — резкая оппозиционность по отношению к правящему режиму. Поэтому в интеллигентской среде подвергались остракизму не только интеллектуалы, недвусмысленно поставившие свои

знания и способности на службу самодержавию (как, скажем, М.Н. Катков), но и всякий, кто в указанном тренде хотя бы усомнился или попытался критически отнестись к тем или иным догматам освободительного движения. «Если ты не с нами, так ты подлец!» — такую, довольно точную формулу «либерального деспотизма» вывели его оппоненты. Поскольку интеллигенция в то время концентрировалась прежде всего в «литераторской» (т.е. не только собственно писательской, но и журналистской) среде, то в качестве главного средства наказания еретиков применялся *литературный бойкот*.

Большинство периодики находилось в частных руках, идеологически она была на две трети либо либеральной, либо социалистической, поэтому проштрафившийся интеллигент, говоря языком той эпохи, «исключался из литературы», становился «литературным изгнанником» (В.В. Розанов). Единственным прибежищем для таких аутсайдеров оставались консервативные издания — немногочисленные, непрестижные, платившие мизерные гонорары, а то и вовсе не платившие (за редким исключением, вроде катковских «Московских ведомостей» и «Русского вестника», а позднее ещё суворинского «Нового времени»). То есть отступники были обречены не только на общественное порицание, но и на крайне скудное существование.

Среди пострадавших от «литературного террора» мы видим множество известных литераторов, в том числе и таких ныне признанных классиков

как Н.С. Лесков и А.Ф. Писемский. Пожалуй, только Ф.М. Достоевскому, благодаря огромной читательской популярности, славе певца «униженных и оскорблённых», антибуржуазному пафосу и каторжному прошлому, простили «измену убеждениям юности», сотрудничество в «Русском вестнике» и дружбу с К.П. Победоносцевым. Но и автор «Преступления и наказания» побаивался «либеральной жандармерии». А.С. Суворин в своём дневнике приводит такой характерный разговор с писателем незадолго до его смерти.

«— Представьте себе, — говорил он, — что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждёт и всё оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завёл машину”<...> Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?»

— Нет, не пошёл бы.

— И я бы не пошёл. Почему? Ведь это ужас. Это преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить... Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумывал причины, которые мне не позволили бы это сделать. Эти причины прямо ничтожные. Просто боязнь прослыть доносчиком. <...> Напечатывают: Достоевский указал на преступников. <...> Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? <...> Я бы написал об этом. Я бы мог сказать много хорошего и полезного и для общества, и для правительства, а этого нельзя»¹.

Кстати, и сам Суворин, материаль-

но совершенно независимый человек, один из самых успешных русских издателей, явно занервничал, когда в 1899 г. Суд чести при Союзе взаимопомощи русских писателей (где первую скрипку играли литераторы-прогрессисты), рассматривавший случаи нарушения некоей неписаной писательской этики, вынес осуждение его «литературным приёмам», в связи с суворинскими статьями, направленными против организаторов студенческих волнений². Естественно, никаких юридических последствий такое осуждение не имело, но репутационные издержки от него были весьма неприятны.

И уж, конечно, совершенно невозможно представить себе, чтобы оппозиционер или революционер, перебежавший в «лагерь реакции», продолжал бы считаться хоть сколько-нибудь «своим» среди прежних соратников (кстати, и на новом поприще они, как правило, большой карьеры не делали). В лучшем случае про них с грустью говорили, что они «заболели психически», в худшем — осливляли как гнусных ренегатов. Мы знаем несколько примеров такой — причём несомненно искренней — «перемены убеждений»: сотрудник А.И. Герцена В.И. Кельсиев, революционный пропагандист А.А. Дьяков (литературный псевдоним — А. Незлобин), участник процесса 193-х, узник Петропавловки Ю.Н. Говоруха-Отрок, наконец, самый скандальный пример — один из вождей «Народной воли» Л.А. Тихомиров. Перейдя работать в проправительственную прессу, никто из них не сохранил свои прежние позиции в «демократическом» поле, так или иначе подвергшись общественной обструкции.

Особенно колоритно выглядит следующий эпизод с Говорухой-Отроком. В 1882 г., находясь после выхода из тюрьмы под надзором полиции в Харькове, он опубликовал в местной газете

¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 453 — 454.

² См.: Там же. С. 323—337.

«Южный край» памфлет против народничества «Повесть о том, как Сеничка и Веничка в “народ” ходили», а затем совершил ещё более тяжкое преступление — выступил на защите магистерской диссертации «реакционного» приват-доцента правоведа К.Н. Яроша. Спустя два месяца после этого к Говорухе, сидевшему в ресторане в компании друзей, подошли трое радикальных студентов, и между ними состоялся следующий диалог:

«Это вы участвовали в процессе 193-х? — «Я». — «Вот видите, вы когда-то были честным человеком, а теперь, а теперь на диспуте Яроша сделали первую *подлость!*»

В ответ Говоруха ударил обличителем стаканом по голове и ушёл из ресторана. Инцидент сделался предметом бурного обсуждения, в том числе и в печати — как цензурной, так и бесцензурной (ему была посвящена специальная революционная листовка), двух студентов — участников скандала — исключили из университета, разразились студенческие волнения, из-за которых Харьковский университет временно закрылся, а Говоруха-Отрок был вынужден уехать, а если называть вещи своими именами — *бежать* из Харькова на полгода, ибо для большинства местной интеллигенции он стал персоной нон грата³.

Позднее, после революции 1905 г., когда политическая система Российской империи начала — пусть и со скрипом — демократизироваться, накал «литературного террора» несколько снизился (вспомним хотя бы реакцию на знаменитый антиинтеллигентский сборник «Веи» — его авторов ругали изрядно, но всё же не «исключали из литературы»), однако как оппозиционная практика он продолжал сохранять своё значение, ибо антаго-

низм общества и власти так и не был преодолен.

Истоки нынешней странной ситуации, когда некоторые ловкие интеллектуалы получают прибыль — и материальную, и символическую — сразу и от власти, и от находящегося с ней во всё более непримиримом конфликте общества, там же, где и истоки государства под названием Российская Федерация, — в позднем СССР. Советская гуманитарная интеллигенция принципиально отличалась от интеллигенции русской тем, что не представляла собой относительно автономного социального слоя, это была просто одна из групп государственных служащих. Реализовываться в такой среде в качестве последовательного оппозиционера и в то же время сохранять блага, получаемые от государства, было невозможно. Но просто работать обслугой непопулярного режима стало уже непрестижно. Поэтому советские интеллигенты, желавшие и невинность соблюсти и капитал приобрести, в меру своих творческих способностей и моральных свойств пытались балансировать между диссидентством и официозом, превратив это увлекательное занятие в настоящее искусство. Некоторые его виртуозы достигали уровня т.н. «придворных диссидентов», совмещавших репутацию крамольных вольнодумцев и личные контакты с руководством советской политической полиции. Титанические фигуры Е.А. Евтушенко, Ю.П. Любимова, И.С. Глазунова — ярчайшее олицетворение этого паразитического явления.

В РФ вроде бы государство — не единственный работодатель для интеллектуалов, но безусловно — самый главный. И это такой работодатель, который медленно, но верно уничтожает интеллигенцию «как класс». Её подавляющее большинство — вузовские преподаватели — превращены в маргинальную, сокращающуюся на глазах, как шагреновая кожа, лишённую всякого общественного влияния,

³ См. об этом эпизоде подробнее: *Иванова Е.В.* Ю.Н. Говоруха-Отрок: судьба и идеи // *Говоруха-Отрок Ю.Н.* Во что веровали русские писатели. Т. 1. СПб., 2012. С. 42–50.

вынужденную за гарантированную нищету заниматься потогонным трудом (иные доценты в день дают по шесть пар) группу. Сотрудники академических институтов, как правило, трудятся из чистого научного энтузиазма, подрабатывая «на стороне». Немногим избранным счастливым выделены доходные должности кремлёвских трубадуров. Имеются ещё специальные оазисы «официальных либералов» типа «Эха Москвы» и «Новой газеты». Ну и, наконец, есть небольшие островки несистемных интеллектуалов, выживающих кто как может (собственно, там и продолжает развиваться русская мысль). Так что выбор для тех, кто хотел бы заниматься интеллектуальной деятельностью и этим зарабатывать на жизнь, невелик, да и количество свободных мест явно недостаточно.

По простой «классовой» логике, именно интеллигенция в первую очередь заинтересована в уничтожении нынешнего социально-политического строя, по сравнению с которым не только самодержавие, но и поздний советизм кажутся потерянными раем и в смысле материальной обеспеченности, и в смысле социального статуса. Но замордованным вузовским работникам не до борьбы — им бы «только ночь простоять да день продержаться», не потеряв и те крохи, что им перепали. Либералы сражаются только за свои отдельно взятые права (вспоминается классическое: «*Ты для себя лишь хочешь воли*»). Ну а про трубадуров что говорить... если бы в их числе всё чаще и чаще не стали появляться люди, ранее претендовавшие на идеологическую независимость, а то и на оппозиционность.

Трудно поверить, что этот «коллаборационизм» обусловлен идеалистическими соображениями. Искренне не видеть антинациональной сущности правящего режима РФ — значит расписаться в отсутствии простейших аналитических навыков. Последнее прибежище охранителей — басни об

изнемогающем в борьбе с коварными кремлёвскими либералами Путине — могут удовлетворить только придурковатых попиков (батюшками их язык не поворачивается назвать!) с «Русской народной линии». Карьера и материальный достаток — вещи действительно важные, но если на них обмениваешь интеллектуальную честность, нужно быть готовым к профессиональной дисквалификации.

Ибо всё же интеллектуал — это не просто обладатель определённого набора умственных способностей и гуманитарных знаний, которые можно более-менее выгодно продавать, это прежде всего человек, который стремится — как бы это выпренне ни звучало — *говорить правду, называть вещи своими именами*, а не путать чёрное с белым.

В общем-то «коллаборанты» сами себя успешно дисквалифицируют, ибо в их верноподданнических тостах, выдаваемых за аналитику, принесение в жертву интеллекта явлено с пугающей откровенностью. Защищая очевидную ложь, невозможно сказать что-либо умное.

Но это, к сожалению, не только их личная проблема, они тем самым дискредитируют интеллектуальное общество как таковое, девальвируют его статус. Действительно, как можно оценивать такую корпорацию, ведущие представители которой пробавляются несомненной профанацией? Я уже не говорю о катастрофических моральных издержках рассматриваемого явления — это ведь подлинный соблазн для всех нас, особенно для молодых и начинающих: оказывается, можно лгать, но при этом не только преуспевать, но и продолжать пользоваться уважением. Мы не властны лишить «коллаборантов» источников их благополучия, но мы можем лишить их нашего уважения.

И ещё: нам нужна длинная память, ибо как только олигархо-чекизм рухнет, мы непременно увидим былых его

апологетов в первых рядах освободителей России, готовых немедленно перебраться из одних мягких кресел в другие, чтобы теперь вещать нам уже не о прелестях просвещённого авторитаризма, а о величии свободы и демократии. Необходимо будет тогда напомнить им знаменитый афоризм: *в политике нет мести, но бывают последствия.*

Я вовсе не призываю вернуться к тоталитарным методам борьбы с ренегатами, присущим дореволюционной русской интеллигенции, — очевидно, что они нанесли слишком большой урон отечественной культуре. Но благодушная снисходительность к греху интеллектуальной нечестности (дескать, «все мы люди») — путь к разложению самих основ нашего со-

общества. Должна же в нём практиковаться элементарная нравственная гигиена!

Если долг интеллектуалов — называть вещи своими именами, то и его нарушение надобно именовать именно так, а не иначе, и людям, поправшим профессиональную этику, следует ожидать, что их дурные поступки будут оценены именно как дурные поступки, а не как невинные шалости или жертвенные компромиссы во имя спасения Родины.

Интеллектуальное сообщество не может превратиться в полицейский участок, кто бы в последнем ни верховодил — либералы, левые, консерваторы, националисты; но ещё менее оно может быть домом терпимости.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

НЕ ТЕ РУСЫ

Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Проблема этногенеза русского народа — одна из наиболее важных и, как ни странно, до сих пор спорных. Спорным является даже происхождение самого этнонима «русские». Не счесть разнокачественных размышлений на данную тему, включая те, что созданы в жанре «фолк хистори». Отсутствие капитального академического курса «История русского народа» плачевным образом сказывается на состоянии умов в целом и исторической науки в частности.

Однако некоторые белые пятна на карте русской истории постепенно заштриховываются. В последние годы выходят интересные сочинения, проливающие свет на наиболее темные фрагменты русского этногенеза. К их числу можно отнести книгу Елены Сергеевны Галкиной¹ «Русский каганат. Без хазар и норманнов».

Это исправленный и дополненный вариант книги того же автора «Тайны Русского каганата» (М.: Вече, 2002), сделанной на основе кандидатской диссертации «Русский каганат и салтово-маяцкая археологическая культура» (Московский педагогиче-

ский государственный университет, 2001, научный руководитель д.и.н., проф. А.Г. Кузьмин). В дальнейшем Галкина продолжила работу над исследованием исторического этноландшафта Южной Руси и в 2006 г. защитила докторскую диссертацию «Кочевая периферия восточных славян: Этносоциальные процессы и политогенез», став профессором кафедры истории МПГУ. Рецензируемая книга сделана с учетом собранных в новой работе данных.

* * *

Основной пафос книги состоит в доказательстве иранского происхождения² южных русов (будем так называть

² Выражение неточное. Я принципиально против устоявшегося в современной науке обращения с терминами «Иран», «иранское», «иранцы». Не говоря уж о том, что русским следовало бы говорить о Персии, персидском и персах, но: 1) иранцами иранцы стали не прежде, чем отправились за тридевять земель и создали Иран там, где создали; при этом несметное количество их единокровных и единойзычных отправилось в Индию и стали индоариями (их никто почему-то в иранцы не записывает), а другие не отправились никуда и стали скифами, сарматами, аланами. А до всех этих переселений и метаморфоз предки всех названных этносов относились к т.н. андроновской общности. Как же можно теперь называть иранцами народы, ни одной ногой не бывшие никогда в Иране? Говорить об их «иранском» происхождении? И почему к индоариям мы применяем тут одни критерии, а, скажем, к скифам — другие? 2) использование лингвистических критериев в этнологии вообще есть нонсенс и злостный идиотизм. Мы пока вынуждены так поступать, но надо

¹ Автор ряда научных и научно-популярных работ, в том числе книг: Тайны Русского каганата. М., 2002; Кочевая периферия восточных славян и Руси: этнополитические процессы. М., 2003 (в соавторстве с А.М. Родригесом); Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006; Русский каганат. Без хазар и норманнов. М., 2012.

их, в отличие от северных — варягов-руси), населявших Днепровское Надпорожье, Подонье и Северное Причерноморье с Боспором Киммерийским («Причерноморскую Русь»). А также в их идентификации как представителей салтово-маяцкой культуры, а последних — как аланов и сармато-аланов, переселившихся преимущественно с Кавказа в VIII в.

Государство этих русов с центром на Северском Донце, по мнению Галкиной, и было тем самым Русским каганатом, упоминающимся в источниках. В формировании его этнического ядра, как она считает, приняли также участие северо-иранские племена Предкавказья, «возвратившиеся из походов времен Великого переселения» (с. 285), которых Галкина связывает с кочевыми аланами-ясами, и праболгарами.

Важному вопросу о собственно этническом (биологическом) наполнении этнонима «русы», к сожалению, уделено не так много внимания, как хотелось бы. В могильниках, прилегающих к центру салтовской земли — Верхне-салтовскому городищу — покоятся свыше ста тысяч (!) человек. Казалось бы — это более чем достаточный материал для детального антропологического обследования. Но Галкина предпочитает рассказывать нам о кладах, монетах, лощеной керамике, раскопках крепостей и поселений, о топо- и гидронимике, об иранских диалектах и проч. А биометрическим параметрам салтовцев уделено относительно мало места, разговор о них даже не выделен в отдельную главу. В то время как, на мой взгляд, в этом состоит самое интересное: кто были салтовцы биологически? И, соответственно, какое наследство оставили они в русском генофонде?

Тем не менее мы узнаем об этом немало. В частности, о наличии в сал-

товских захоронениях: 1) черепов, аналогичных сармато-аланским из захоронений в Северном Причерноморье I–III вв.; 2) в самом большом Нейталовском могильнике и в захоронениях Правобережного Цимлянского городища обнаруживается «экваториальная примесь», что свидетельствует о наличии среднеазиатского субстрата, а во втором случае и поздняя (но до-татарская) монголоидная примесь, в то время как европеоидные типы близки поздним сарматам Подонья и Волгоградского Поволжья; 3) в Зливкинском могильнике монголоидная примесь «растворена в европеоидной расе и отражает более раннее смешение, произошедшее за пределами Восточной Европы»; 4) там же брахикранные (с монголоидной примесью) погребения в грунтовых ямах связываются с праболгарами, т.е. «подмонголенными» тюрками.

Все это, по правде говоря, дает повод думать в первую очередь о сарматском субстрате (по краниологическим данным сарматы в целом на 60% состояли из европеоидов, на 20% из монголоидов и на 20% из метисов). Возможно, также о праболгарах как участниках русского этногенеза. Но: такой состав погребений не дает еще перевеса в пользу версии об аланском происхождении русов.

Галкина, настаивая на аланском компоненте этноса «русы», сама поставила себе задачу доказать это — и при этом пренебрегла важнейшим из доказательств: антропометрическим. Исследовательница настойчиво пишет о «сармато-аланах Подонья», но не подтверждает этого данными антропологии. Ссылка на М.И. Артамонова, считавшего аланами всех долихокранов салтовских захоронений, не убеждает. Хотя аргументы от культурологии в пользу аланского присутствия на древней Киевщине кажутся резонными. В итоге остается не вполне ясным, следует ли вести речь о русах как сармато-аланах — или же просто о

сарматах, которые входили частями не только в состав русов, но и в гуннский союз племен, и в хазарский этнический конгломерат...

Правда, по большому счету для нас, нынешних русских, тут разница невелика, поскольку и сарматы, и аланы суть не что иное как обломки большой ираноязычной общности т.н. андроновцев, образовавшиеся в разное время после ухода большей части оных в Индию и Иран за полторы тысячи лет до нашей эры. Так что тезис о наличии иранского субстрата в русском генофонде на территории современной Украины приходится признать в любом случае. Но данный тезис для нас не нов, поскольку уже и в этногенезе антов, чьи обломки составили основу населения Южной Руси, присутствовал иранский субстрат, что связано с проживанием на данной территории многочисленных популяций т.н. пахотных скифов. Каковые, в свою очередь, суть обломок все тех же андроновцев.

На данном примере заметен общий для нашей исторической науки недостаток: недооценка биологического фактора. Что в условиях современной «революции этничности» выглядит досадным анахронизмом.

Монография Галкиной проливает свет на многие страницы истории средневекового Востока: на этно- и географические представления арабов и персов того времени, на специфику этногенеза мадьяр, волжских булгар, на весьма темные обстоятельства жизни Хазарского каганата и т.д.

Но самым интересным в книге мне показались два момента: авторская версия Русского каганата и проблема участия салтовских русов в этногенезе русских. Вот, тезисно, как выглядит этот краткий исторический эпизод — Русский каганат, оставивший, однако оригинальный след в нашем существовании (ссылки на страницы книги даны в скобках).

* * *

Вначале — о самом Русском каганате и его судьбе.

Все началось с того, что «к концу VIII в. на территории от левобережья Днепра до Среднего и Нижнего Дона образовалось единое социополитическое объединение с центром, очерченным лесостепным вариантом салтовской культуры, куда входили оседлые племена североиранского (русы и аланы) и славянского происхождения, а также кочевники — сармато-аланы (асы) и праболгары» (301). «В начале IX века Русский каганат уже определил свои внешнеполитические цели: контроль над Волго-Балтийским торговым путем, Закавказье, Северное Причерноморье» (305).

Серьезный замах, такой был под силу только очень могущественному государству. К сожалению, наиболее интересный для нас сюжет — попытка салтовских русов установить контроль над пространством от Подонья до Балтики, где, собственно, и жила основная масса восточных славян, будущих русских, разработан мало. Автор сосредоточилась на истории южных регионов, значительная часть которых сегодня вообще относится к Украине, и затрагивает вопросы этногенеза украинцев, а не русских. Это объясняется, как можно понять, тем, что именно в этом направлении простирались основные интересы самих салтовцев, предпочитавших двигаться на нижний Дон и Волгу, строить там крепости, тесня хазар и интригуя с Византией, и т.д. А что касается Волго-Балтийского пути, Галкина лишь фиксирует с конца VIII века «интенсивное движение» салтовских купцов, провозивших на Запад деньги, лощеную керамику, изделия из металла, в т.ч. ювелирные, и пр. Назвать подобную модель поведения «контролем» над торговым путем не поворачивается перо.

Попытка же взять под контроль Подонье и Причерноморье кончилась для салтовцев плохо. Галкиной интерес-

но и драматично описаны взаимоотношения двух каганатов: Русского и Хазарского. Собственно, в этом едва ли не главная революционная новизна книги, поскольку салтовская культура традиционно считалась у археологов фрагментом Хазарии. По Галкиной же получается, что имело место ожесточенное военное противостояние двух каганатов, чьи претензии были взаимоисключающими. В результате южные русы примерно за полвека до явления Рюрика пытались овладеть частью Русской равнины и Причерноморьем, но... пали жертвой мадьяр и хазар в союзе с оногурами (за спиной союза стояла Византия). После чего древний доолегов Киев попал под власть хазар и стал их данником на несколько десятилетий вплоть до прихода Аскольда и Дира³.

Все, что удалось русам в плане своего закрепления в зоне расселения славян, это постепенный переход от грабительских походов и захвата рабов (конец VIII — начало IX в.) к налаживанию со славянами мирных, добрососедских отношений, взаимовыгодного союза, а затем, возможно через частые смешанные браки — что несколько странно для кровнородственной общины русов, хотя вполне естественно для территориальных общин славян — полная ассимиляция в славянской среде. Процесс был по историческим меркам очень кратким, всего менее ста лет.

³ «Русский каганат после удара мадыро-оногуро-хазарского союза распался на отдельные племена, одни из которых мигрировали, другие остались на месте, но подчинились хазарам»; «ядро Русского каганата было опустошено. Основной своей цели Хазария ненадолго, но достигла... Тогда-то и “наидоша Козаре” на русские и славянские земли и наложили дань, переподчинив себе те славянские племена, которые находились под влиянием салтовских русов. На этом и завершается собственно история Русского каганата на Северском Донце, ибо каганатом он уже не являлся» (308–309).

Он в целом завершился к середине IX в. и непосредственно затронул лишь Киевщину, Днепровское Надпорожье и Левобережье в пределах распространения т.н. пеньковской и волынцевской культур, не более того (298–300). То есть ассимиляция затронула из летописных племен — древлян, северян и, возможно, полян (Галкина предпочитает говорить об «остатках антов», не распределяя процесс по племенам).

Важно отметить, что наиболее богатая часть могильников русов «прекращает существование в 1-й пол. IX в.» (289), что ясно говорит о том, что русы перестали быть доминирующим этноклассом на указанной территории как раз накануне появления в Киеве варягов-руси. Влившись в макропопуляцию славянских племен, русы не удержали функцию господства, упростились пришельцам во главе с Олегом задачу подчинения всего региона.

Подытожим.

Салтовские русы явно не захотели или не смогли сотворить то, что сделали спустя несколько десятилетий Рюрик и его сподвижники: объединить под своей властью все восточнославянские племена на пути из варяг в греки. Оснований для передатировки начала русской государственности в пользу более раннего варианта, с появлением на исторической карте Русского каганата, у нас не появилось.

* * *

Для нас, для современных русских, однако более значителен и интересен второй аспект книги. Какой след оставили салтовские русы в генофонде и культурном наследии Южной Руси, Киевщины; в русском народе как таковом? Отразились ли именно они по крайней мере в нашем этнониме, или тут в дело вмешались иные этносы? Вот что пишет об этом важнейшем моменте Галкина:

«Ни один специалист уже не отрицает, что в процессе образования Киевской Руси и древнерусской народ-

ности участвовало несколько различных этносов... и что название “Русь” имеет изначально неславянское происхождение» (15). Это верно, как верно и следующее:

«Важно, что в Западной Европе IX столетия были известны разные русы, одни из которых жили в Прибалтике, другие — в степях Восточной Европы, а третьи, видимо, немногочисленные, — на Среднем Дунае» (32).

Отсюда вытекает важнейшая для исследователя задача: четко разграничить в нашем историческом сознании различных русов как разных субъектов истории, имеющих самостоятельное биологическое и цивилизационное содержание. Галкина взяла на себя эту общую задачу в части, касающейся именно степных русов (слегка затронув также дунайских русов-ругов). Здесь, видимо, уместно вспомнить, что исследовательница — ученица А.Г. Кузьмина, который, собственно, и поставил данную задачу со всей остротой, но сам более занимался проблемой варягов-руси⁴, оставив прочих русов своим ученикам, в том числе Галкиной, которой он руководил как аспирантом.

Как уже говорилось выше, отечественной школе историков свойственно недооценивать значение антропологического фактора, который лично мне кажется ведущим. В связи с чем Галкина не взялась отслеживать биологический след салтовцев (аланов-русов, как она их именует) в русском генофонде, ограничившись сферой таких этнических эпифеноменов, как язык, вера, культура. Спору нет, все это хоть и вторичные, но важные эт-

норазграничительные маркеры, позволяющие порой отслеживать процессы миграции и метисации этносов. Пойдя по этому пути, Галкина сделала такие выводы о Киевской Руси:

«Социальная верхушка конца X в., во главе которой уже стояли выходцы, очевидно, с Балтики⁵ (отсюда первый бог — Перун), состояла во многом из потомков салтовских русов, ославяненных, но еще сохранивших память о своей культуре. Отсюда же и иранские сюжеты в дружинном былинном цикле...

У восточных славян видны заимствования из североиранских наречий, а, к примеру, в осетинском древнерусских слов нет. Это значит, что иранский этнос, с которым славяне Поднепровья контактировали, исчез с лица земли... Жители Киевщины должны были ассимилировать какие-то североиранские племена, которыми и были салтовские русы...

Славянская Древняя Русь, выросшая на пути из варяг в греки, не имела почти ничего общего с русами, упомянутыми в Бертинских анналах под 839 г. (т.е. с салтовцами. — А.С.). Почти ничего. Кроме имени» (332–333).

Данный вывод, собственно, и позволил мне озаглавить настоящую рецензию «Не те русы». Поскольку книга Галкиной позволяет однозначно утверждать: совпадение этнонимов, наличие того самого «общего имени» — есть не что иное как игра случая. Русскими мы стали не благодаря салтовским аланам-русам.

Признание факта полной ассимиляции славянами аланов-русов к XIII в. (древнерусские переписчики этого времени уже перестали понимать значение иранских богов в сла-

⁴ Истоки русского национального характера // Русский народ. Историческая судьба в XX веке. М., 1993; «Откуда есть пошла Русская земля». М., 1986. Т. 1–2; Падение Перуна. М., 1988; Кто в Прибалтике коренной? М., 1994 и др. Принципиальное значение имеет также статья «Об этнической природе варягов» (Вопросы истории. 1974. № 11).

⁵ Важно отметить, что в рецензируемой книге Галкина не стала развивать ранее свойственную ей идею о перемещении алан в Прибалтику с переносом своего этнонима на варягов. Видимо, убедительных аргументов в пользу данной гипотезы все же нет.

вянском пантеоне) позволяет, кстати, говорить о вполне определенном этно-демографическом балансе в Киевской Руси. А именно: перевес славян над иранцами был подавляющим, абсолютным. Такой же, как в Северо-Восточных областях над финнами. А все это вместе взятое свидетельствует о единстве Киевской Руси со всеми ее этническими субстратами на основе славянского суперстрата — важный вывод, ради которого стоило писать книгу. Галкина, впрочем, этого вывода не делает, но он напрашивается в итоге сам, за что ей спасибо.

Вместе с тем наличие иранского субстрата в жителях именно Киевщины проливает дополнительный свет на антропологические отличия их потомков⁶. Что также важно во многих отношениях, включая русско-украинские.

Самый главный отрицательный результат книги в том, что она не оставляет сомнений: огромное количество средневековых упоминаний о росах-русах в византийских, арабских, персидских и вообще восточных памятниках до последней трети IX в. (а равно и Бертинские анналы Франкской империи) ровным счетом никакого отношения не имеют к нам, русским, к русскому народу каков он есть и каким сознает себя сегодня. В историографии русского народа этим материалам нет места, разве что в курьезных примечаниях.

Русский каганат был нерусским. Это теперь уже непреложный факт.

Этот нерусский Русский каганат ничего не оставил нам, русским, в наследство, кроме незначительной доли иранского и, отчасти, монголоидного и тюркского субстрата в этногенезе и, соответственно, генофонде южнорусской популяции да отдельных специфических следов в фольклоре и стародавнем быту, которые, впрочем,

не воспринимаются никем как нерусские, аланские.

А летописных славян (а значит, и нас) сделали русскими и создали русское государство совсем другие люди — варяги-русь: Рюрик, Олег и иже с ними. Тоже, кстати, без норманнов и хазар.

Таково вкратце, на мой взгляд, значение рецензируемой книги. Оно интересно и очень важно.

* * *

Концепция Галкиной не оставила равнодушным мир ученых историков. В 2003 г. востоковед И.Г. Коновалова отреагировала на «Тайны Русского каганата» иронической газетной рецензией. А в 2010 г. вышла обширная разгромная рецензия на первую книгу и автореферат докторской диссертации Галкиной⁷. Ее автор Алексей Комар — археолог, признанный специалист именно по салтово-маяцкой культуре и истории Хазарского каганата — обвинил Галкину в дилетантизме и некомпетентности, отнеся ее к разряду т.н. «синтезаторов» в науке, — и в «очередной попытке реанимировать “сармато-аланскую” версию “южного” происхождения Руси». Комар подверг тотальному и резкому сомнению гипотезу Галкиной о салтово-маяцкой культурно-исторической общности (КИО) как о Русском каганате аланского (а не хазарского) происхождения.

Несколько свысока и не утруждая себя многими примерами, Комар, сам будучи приверженцем хазарской версии салтово-маяцкой культуры, поставил Галкиной в вину прежде всего отбор литературы, который, по его мнению, «совершенно хаотичен: авто-

⁷ Комар А. «Тайны русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // *Ruthenica*. Том IX. Киев, 2010. Интернет-версия: <http://narod.ru/disk/1366460001/galkina.pdf.html>

⁶ Подробнее о них см.: *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. М.: ООО «Луч», 2007.

ру не известен или она намеренно не использует целый ряд ключевых обобщающих работ, зато постоянно мелькают ссылки на тезисы и на статьи, разбирающие частные вопросы; очень фрагментарно представлены новейшие исследования; зарубежные издания практически проигнорированы... Отсутствие системных знаний приводит к невозможности правильно выделить главные историографические линии и, как одно из следствий, к характерному для дилетантов отбору наиболее неординарных, резких и рискованных мнений, из которых автор и строит «собственное видение»... Неспособность Е.С. Галкиной к внимательному чтению иллюстрируется и просто невероятным количеством фактических ошибок».

«Вакуум подлинных знаний», образовавшийся в результате недопубликации по салтовской и хазароведческой проблематике «огромного массива археологического материала, полученного раскопками второй половины XX в.», приводит, по мнению Комара, к тому, что перманентно появляются скороспелые «обобщающие модели». Комар приводит выразительный пример:

«На попроще синтеза археологии и истории в отношении лесостепного варианта салтовской КИО Е.С. Галкина далеко не одинока, хотя работы своих «главных конкурентов» — О.Б. Бубенка и А.А. Тортики использует минимально или вообще не знает, впрочем, как и последние не замечают существования Е.С. Галкиной. Все трое практически синхронно в 2006–2007 гг. выпустили монографии и защитили докторские диссертации. Результат, правда, обескураживающий неискушенного читателя: в видении О.Б. Бубенка лесостепное Подонье — это «аланы-буртасы» в составе Хазарского каганата, у Е.С. Галкиной — это независимый аланский «Русский каганат», а у А.А. Тортики — полиэтничная «северо-западная Хазария» с преобла-

данием «праболгарского» этнического элемента».

Ситуация комическая и прискорбная одновременно, это верно. К сожалению, сам Комар не берет на себя в данном случае роль арбитра и вообще не затрудняет себя аргументами, с высокомерием специалиста уклоняясь от полемики по существу, так что на чьей стороне правда, мы так и не в силах пока решить.

Что я скажу по поводу этой критики?

С одной стороны, недоначитанность не входит, на мой взгляд, в число недостатков автора. В книге наличествует такое изобилие цитируемой литературы, что порой возникает впечатление сплошного пересказа. На мой взгляд, это серьезный недостаток метода изложения, структурирования текста. В какой-то момент мне даже показалось, что передо мною труд, близкий к источниковедению, а не к истории этносов. При подобной подаче материала трудно извлекать смысл по ходу чтения, остается тупо ждать авторского резюме, забывая к тому времени уже и аргументацию, и постановку вопроса, погребенную под грудой отрывочных фактов и множества цитат. А надо бы все же четко и традиционно: дано, требуется доказать, доказательство. И вывод: на основании таких-то показаний то-то и то-то устанавливается, а то-то и то-то не устанавливается или опровергается.

Кстати, в книге отсутствует отдельный список литературы, а жаль, т.к. он мог бы иметь самостоятельное значение с учетом источниковедческого уклона книги.

С другой стороны, отчасти я мог бы согласиться с Комаром, мне самому бросилось в глаза отсутствие ссылок на некоторые необходимые, на мой взгляд, источники.

В частности не хватает ниточек, ведущих в первом приближении — к антам, во втором — к скифам (в т.ч. «пахотным») и сарматам, в третьем —

к андроновцам, это главное. Словом, в рассказе Галкиной явно не хватает истории антов (здесь не обойтись без трудов В.В. Мавродина и В.В. Седова). А еще более того — андроновцев; но блистательная докторская диссертация Е.Е. Кузьминой⁸ даже не упомянута ни разу, хотя вести разговор об этногенезе аланов (а значит, по Галкиной, и русов) в обход ее, по-моему, невозможно. Слишком значительна роль, сыгранная в истории андроновцами, слишком грандиозно и разнообразно оставленное ими наследие, связанное с т.н. «иранцами».

Между тем выражение «иранское происхождение русов» (с. 317 и др.) и подобные ему, к которым прибегают сегодня многие (и Галкина), крайне неточны и могут ввести в заблуждение⁹: следует, конечно же, говорить именно о потомках андроновцев (протоиранцев, они же индоарии, индоиранцы, протоскифы, протосарматы и протоаланы).

Происхождение аланов (русов) и сарматов тоже безразлично нам. Одновременно с Галкиной защитил кандидатскую диссертацию Н.Н. Лысенко: «Асы-Аланы в Центральной Азии: Центральноазиатский аспект раннего этногенеза алан» (Владикавказ, 2001). Казалось бы, работа имеет прямое отношение к сармато-аланской теме. Но на его публикации, которые состоялись в годы работы Галкиной над своими диссертациями, ссылок также нет.

И т.д. Однако это все — детали; если для доказательства своей теории Галкина смогла обойтись без названных работ, это дело ее выбора, ведь необъятного не объять.

Гораздо большим недостатком мне показалось отсутствие карт, раскрывающих не только расселение народов

в тот или иной момент, но и позволяющих увидеть народы в движении, понять динамику переселений, границы описываемых политий в разные периоды. Эта нехватка остро чувствовалась все время чтения.

* * *

Что касается главной идеи книги, то я, не будучи специалистом в археологии, не могу себе позволить разбирать данную коллизию: насколько «укус Комара» заслужен Галкиной — не мне судить. Возможно, перед нами лишь эпизод извечной войны «мелочеведов» и «синтетиков», как называл их известный историк-медиевист М.А. Гукковский¹⁰. Я лишь не имел права обойти сам факт критики.

Впрочем, одно замечание я себе позволю. Есть ли чисто антропологические исследования, подтверждающие тождество алан и русов? Если нет, то одной археологией тут ничего не доказать.

Похоже, однако, что Галкина не ставила так вопрос, всецело доверяя, по ветхой, изработанной традиции, археологам (которые, напротив, не доверяют ей). А все потому, что у Галкиной, как и у большинства тех, кто занимается бытованием этносов в пространстве и времени, нет полной ясности с биологической природой этничности, хотя сама проблема соотношения биологического и социального ею сознается. Но на страницах, посвященных данному вопросу, я не увидел пони-

⁸ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: РИК МКРФ и РАН, 1994.

⁹ См. выше, прим. 2.

¹⁰ Образно выражаясь, кропотуны-мелочеведы различных специальностей создают «кирпичики», из которых потом синтетики возводят свои концептуальные «здания». Естественно, различные подходы и стиль мышления порождают конфликты между теми и другими: синтетики считают, что мелочеведы часто за деревьями не видят леса, а мелочеведы склонны упрекать синтетиков в поверхностности, незнании фактуры и частных ошибках. Движение науки вперед требует, однако, усилий тех и других.

мания того, что этнос есть биологический, прежде всего, феномен, в своем развитии порождающий социальные и культурные эпифеномены, которые только затем выступают в виде наглядных этноразграничительных маркеров. Будучи при этом на деле лишь критериями второго порядка, производными от биологии.

Галкина пишет, например, удивительную вещь: «Совпадение расового и социального — свидетельство отсталости данного этноса» (8–15). Здесь можно бы добавить только одно: «А несовпадение — свидетельство его обреченности». Дело в том, что потестарная организованность общества есть чисто биологическое наследие *homo*, полученное от его предковых форм. И диалектика вопроса (а Галкина манифестирует свою приверженность диалектическому материализму, как и автор сих строк) состоит в нераздельности биологического и социального, но — при примате биологического. Нельзя выразиться по данному поводу лучше, чем это сделал Б.Ф. Поршнев: «Социальное не сводится к биологическому. Социальное не из чего вывести, кроме как из биологического».

В этом смысле историку важно освоить прорывной метод д.б.н. антрополога Е.В. Балановской, однозначно устанавливающий, в частности, корреляцию между культурой, отразившейся в добытых археологами артефактах эпохи палеолита, и биологическим происхождением ее создателей на всем пространстве бывшего СССР. Факт показательный и поучительный.

Но, как было сказано, все это не имеет прямого отношения к высокоученому спору археологов с историками об этнической и политической принадлежности салтово-маяцкой КИО, а равно Русского каганата, если таковой был.

Роли третьей судьбы в этом споре я предпочитаю роль простака, которому хочется прояснить некоторые важные вопросы, оставшиеся в кни-

ге Галкиной, на мой взгляд, не проясненными. Вопросы следуют ниже. Возможно, Елена Сергеевна уделит им внимание, готовя новую редакцию своего бестселлера.

* * *

1. Посольство росов (народа Rhos) в 839 г. в Ингельгейм к Людовику Благочестивому, хотевшее вернуться на родину через леса Русской равнины, а не через опасные для них степи Подонья и Поволжья, представляло собой, как полагает Галкина, аланов из Русского каганата. Но тогда почему Людовик заподозрил в них скандинавов? Разве они так антропологически схожи (не говоря уж об идентичности)?

2. Для Южной Руси, пишет Галкина, «внешним фактором», подчинившим себе земские власти племен, территориальных славянских общин, стало племя «русь»: «В IX–X вв. именно “род русский” соединил обширные восточнославянские земли, выполняющая функции организации обороны и поддержания внутреннего мира» (15). Однако ниже она вновь ведет речь о проблемах истории именно и только Юго-Восточной Европы.

Возникает недоумение: почему нужно, говоря о Киевской Руси, вообще проходить молчаливым Северо-Восточную Европу, Северную Русь, как это сделала Галкина? Разве не оттуда пришел тот самый «род русский», что соединил славянские общины на всем пути от варяг в греки? Разве не благодаря именно тем, прибалтийским русам судьба всей Руси от Новгорода до Киева стала общей?

Автору необходимо было четко объяснить, в чем смысл подобного выделения именно Южной Руси при игнорировании Северной. Ведь мы не можем в итоге утверждать, что славянская и финская Северная Русь была консолидирована одними русами (росами), а славянская и иранская Южная Русь — другими русами (росами), с последующим поглощением ее северными вла-

дыками. Тем более что сама Галкина пишет вполне однозначно, что к концу IX в. «русы, оставшиеся в Киеве... уже ассимилировались славянами, о чем ясно говорят археологические данные» (318); иными словами, к приходу в Киев Олега с дружиной русы-аланы уже не существовали ни как полития, ни даже как этнос, а в лучшем случае лишь как реликт.

Галкина совершенно правильно понимает главную суть дела: «Вопрос о связи салтовской руси (этноса. — А.С.) с правящим слоем Древнерусского государства, так же, как и с названием “Русская земля”, является отдельной и весьма запутанной проблемой. Можно ли утверждать, что именно благодаря салтовцам славянское Поднепровье стало называться “Русью”?» (314).

Действительно, для нас это самое важное — добраться наконец до окончательного решения о происхождении этнонима «русские». В данной связи хотелось бы уточнить:

— Какими путями аланский этноним «русы» превратился в славянский этноним «русские»? И аланский ли — или все же варягов-руси?

— Можем ли мы говорить о хотя бы частичном владычестве алан-русов над славянами с той же уверенностью, с какой говорим о владычестве над славянами — варягов-руси?

— Кем был Аскольд, убитый Олегом? Скандинавом (Хаскульдр) или иранцем, аланом-русом (Ас-сколот, Яс-сколот)? Б.А. Рыбаков считал, как известно, что имя Осколд может происходить именно от древнего самоназвания скифов — «сколоты». Не было ли убийство Олегом Аскольда — сведением счетов руси и русов в борьбе за власть над восточными славянами?

Без четкого ответа на эти вопросы поставленная Галкиной проблема остается решенной лишь приблизительно.

3. Странной выглядит попытка ограничить объем Древней Руси («Русской земли») территориями Киева, Черни-

гова, Переяславля, т.е. городами Среднего Приднепровья. Якобы «и в XII в. хорошо помнили, что в “узкий смысл” понятия “Русь” не входят Новгород и его земли, Ростово-Суздальская земля, Рязанская, Смоленская, Полоцкая Владимиро-Волынская и Галичская территории, древляне, тиверцы, а также северные области радимичей и вятичей»¹¹ (326).

Как будто не с Новгорода началось строительство единой Киевской Руси от явления Рюрика до захвата Киева Олегом; как будто древляне не были подвластны Киеву еще в X в.; как будто Ольга не устанавливала на Новгородчине и Псковщине дани и пошлины, не межевала там земли; как будто не новгородцы требовали у Святослава себе княжича в наместники, как будто не именно они силой посадили на киевский престол вначале Владимира, а затем и Ярослава, ярко продемонстрировав свою общерусскую идентичность, сознание общности судьбы всей страны от Севера до Юга (им было не все равно, кто правит *общей страной*, и они сознавали себя вправе вмешиваться в решение этого вопроса)... и т.д. Пусть Новгород не состоялся как столица Киевской Руси, на что поначалу мог бы претендовать, но зато сами новгородцы в X–XII вв. вполне состоялись как ее полноправные граждане.

Понятно, что Галкиной хотелось подчеркнуть значение аланского Русского каганата в создании феномена Русской земли, но однозначной версии ей сложить не удалось. Хотя данные о сближениях в фольклоре, ономастике, топо- и гидронимии, именах божеств в славянском язычестве, бытовых приметах и т.д., приведенные Галкиной, убедительно подтверждают ее вывод: «Для того чтобы получить такое иран-

¹¹ Галкина считает, что В.В. Седов, ограничив и «отождествив изначальную Русскую землю летописей с волынцевской культурой, носители которой входили в Русский каганат», был «совершенно прав» (326).

ское наследство, нужно было очень тесно, вплоть до ассимиляции, контактировать с носителями культуры, причем не со скифами и сарматами, а позже, уже в раннем Средневековье» (330).

Однако от такого вывода до идеи тождества Русской земли и Русского каганата — дистанция огромного размера. Не лучше ли было бы внимательно исследовать ее, вместо того чтобы пытаться дезавуировать?

4. Кстати, анализ этнической основы пантеона Киевской Руси эпохи Владимира Святого привел Галкину к представлениям о том, что кроме Макоши (Мокоши) у восточных славян не было своих богов, а были лишь боги иранского и кельтского происхождения (330). Если учесть, что по мнению многих филологов и этнографов Мокошь имеет финское происхождение, получается, что у славян того времени вовсе не было своих богов. Так ли это было на самом деле? Важный вопрос, помогающий лучше осмыслить переход славян в христианство.

5. Русы, известные византийцам в IX веке, по своему поведению — точная копия склавинов и антов VI в., описанных византийцами же. Фотий как будто списал у Прокопия, но в то же время — как будто заново открыл.

То же можно сказать о поведении русских эпохи Игоря и Святослава, «резвившихся» в византийских и болгарских владениях. Та же модель поведения, схоже она и описана Львом Диаконом (поведение во всех случаях далеко не христианское).

Преемственность «анты — русы — русские» выглядит в свете сказанного вполне очевидной, и это льет воду на мельницу исследовательницы. Хотелось бы в данной связи еще раз уточ-

нить у нее: как салтово-маяцкая культура соотносится с антами?

6. Русами на Востоке называли и скифов, и аланов, а через них после — и киевских русов. Хочется уточнения: насколько скифы тождественны аланам (те и другие ираноязычные потомки андроновцев)?

7. Вопрос биологического свойства. От пребывания варягов, рюриковой дружины на Руси, осталось живое свидетельство: небольшая локальная популяция пенегов на северной реке Пинеге, у Белого моря. Об этом говорят данные антропологии и генетики. Есть и другие локальные популяции русских, генетически близкие пенегам (все на Севере). Имеется ли такое же реликтовое, но живое свидетельство пребывания на Руси аланов?

8. Почему русы-аланы не предвосхищали подвиг варягов-руси, не создали со славянами если не единое государство, то хотя бы химеру (уж каганат — так каганат)? Если русы веками жили обочь славян, то могли ли они «прийти и володеть»? Если могли, то почему не пришли и не володели? Если не могли — то тоже: почему?

9. Галкина останавливает наше внимание на том известном факте, что в середине IX в. в Крыму (конкретно: в Херсонесе) у древних русов уже была своя письменность, с которой ознакомился великий просветитель св. Кирилл, согласно его Житию; но это не была славянская письменность, и «русы Жития этнически не славяне» (324). Она справедливо сетует: «Вообще проблема Причерноморской Руси, к сожалению, мало исследована». Хочется надеяться, что амбиции исследовательницы позволят рано или поздно закрыть данный пробел в наших знаниях.

АВТОРЫ НОМЕРА

Близнеков Владимир Леонидович
(р. 1971), философ (Ph.D.), публицист, юрист-международник, в настоящее время проживает в Швейцарии (Берн). Печатался в журналах «Политический класс», «Сократ», в «Русском Журнале».

Волошина Светлана Михайловна
филолог, публицист, переводчик, аспирант кафедры литературной критики РГГУ.

Жих Максим Иванович
(р. 1987), историк, аспирант СПбГУ.

Иванова Настасья Владимировна
журналист, сотрудник Правозащитного центра «РОД», публиковалась на сайтах «Свободная пресса», АПН, «Русский обозреватель».

Крылов Константин Анатольевич
(р. 1967), философ, публицист, общественный и политический деятель, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», президент Русского общественного движения, председатель Совета Национально-демократической партии, автор книг «Нет времени» (2006), «Прогнать чертей» (2010), «Русские вопреки Путину» (2011).

Кузнечевский Владимир Дмитриевич
(р. 1939), историк, журналист, дипломат, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, автор книги «Сталин. “Посредственность”, изменившая мир» (2010).

Лескинен Мария Войттовна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. Область интересов: процессы формирования национальной идеологии в польской и русской культурах, этнокультурные стереотипы народов Империи, история этнографии и антропологии в Российской империи, язык научного описания в период нациостроительства в Европе XIX в.

Макдональд Кевин Б.
(р. 1944), профессор психологии Калифорнийского университета, автор книги «Культура критики» (1998) и ряда работ по эволюционной психологии.

Неменский Олег Борисович
(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Петров Сергей Анатольевич
(р. 1972), кандидат филологических наук.

Святенков Павел Вячеславович
(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич
(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995),

«Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Смагин Станислав Анатольевич

(р. 1984), журналист, публицист, политолог. Автор материалов в «Литературной газете», на сайтах АПН, Переформатирования, Правая.ру, Русская линия.

Тесля Андрей Александрович

(р. 1981), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), г. Хабаровск. Автор книги «Первый русский национализм... и другие» (2014).

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет книгу:

Хайнрих МАЙЕР.

**Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».
О диалоге отсутствующих**

Книга известного немецкого политического философа и директора Фонда Сименса Хайнриха Майера (р. 1953) посвящена реконструкции заочного диалога двух выдающихся политических умов XX в. — Карла Шмитта и Лео Штрауса — об основах политического. Непосредственным поводом для нее послужила публикация в 1927 г. первой редакции «Понятия политического» Карла Шмитта. Внимательно сравнивая три редакции этого основополагающего текста политической мысли XX в., Майер приходит к выводу, что более поздние редакции этого трактата (1932 и 1933 гг.) представляют собой ответ на рецензию Штрауса, опубликованную в 1932 г. Автор также ставит в центр своего исследования вопрос о политической теологии и об отношении к ней Карла Шмитта и Лео Штрауса. Книга предназначена для философов, юристов, политологов, социологов, для всех, кто интересуется политической теорией XX в.

SUMMARY

The 16th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with a selection of expert opinion on the social and political aspects of migration. Historians Sergey Sergeev and Vladimir Kuznechevskiy discuss the situation in Russia; political scientist Pavel Svyatenkov analyzes the situation in Western Europe.

Cover story is National identity. Konstantin Krylov, a philosopher, refutes popular myths by which Russian identity is contrasted with Russian ethnicity. Historian Oleg Nemenskiy explores national identity as a discursive strategy and argues that Russian identity was formed in the 14th century. Historian Maria Leskinen examines such an important element of the concept of Russian identity as Mother Volga (Volga as a Russian national river) on the material of non-fiction and journalism of 19th — early 20th century. Historian Maxim Zhikh critically examines the phenomenon of “the resurrection of forgotten ethnic groups”, basing on the medieval written sources and archaeological data. Publicist Semyon Reznichenko tries to determine the distinctive features of Russian mentality.

In the rubric “Translations” we post a paper “What Makes Western Culture Unique?” written by Kevin B. MacDonald, a professor of psychology at California State University, Long Beach (CSULB).

Philosopher Vladimir Bliznekov examines the history and causes of the political success of the Swiss People's Party (*Schweizerische Volkspartei — SVP*).

Political analyst Alexander Sevastyanov continues his series on the Constitution of the Russian National State.

Journalist Nastassja Ivanova examines ethnic conflicts in Russia in 2007 – 2010.

Political analyst Stanislav Smagin conducted a comparative analysis of formation and functioning of the concept of “national guilt” in the USSR and post-Nazi Germany.

Philologist Sergey Petrov continues a series of works devoted to criticism of the Eurasian concept of Russian history, and addresses the topic of legal status of Serving Tatars in Muscovy.

Philologist Svetlana Voloshina defends Vladimir Pecherin, a controversial Russian political figure of 19th century, from traditional, but groundless accusations of russophobia.

Philosopher Andrey Teslya explores the role of Ivan Aksakov, a Russian intellectual and notable Slavophile, in the history of Russian nationalism.

Writer Ivan Rusakov explains relevance of Stolypin's reforms for contemporary Russia.

Sergey Sergeev continues the discussion about the “collaborationism” of intellectuals in Russia started by philosopher Oleg Kildyushov in the 15th volume of VOPROSY NATIONALISMA.

The volume ends with the rubric “Reflections over a book” by Alexander Sevastyanov, where the author criticizes the monograph “*Rus' Kbaganate. Without the Khazars and the Normans*” by historian Elena Galkina.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 25.11.2013.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.